

*Татяна Лушвина
Цветок на ветру*

Annotation

О сильной женщине. Не складывается личная жизнь, не хватает денег, рушатся браки, предает любимый человек и наваливается самая страшная потеря, но Зоя находит в себе силы, чтобы не просто как-то существовать, а продолжать идти к своей мечте.

Вступление

Первое сентября выдалось солнечным и тёплым. Невыспавшаяся Марьяна в коричневом форменном платье и белом фартуке, нажала кнопку звонка квартиры, где жила её подруга.

— Наконец-то! Может, ты её поторопишь?! Уже час перед зеркалом крутится, — Диана Дмитриевна в длинном шелковом халате с аккуратно подобранными волосами выглядела возмущенной.

— Первого сентября в школу можно не торопиться, — спокойно заметила Марьяна, пытаясь предугадать, как её подруга собралась поразить публику на этот раз.

Бросив прощальный взгляд в зеркало, Зоя, подобно манекенщице выплыла в коридор.

— Ну, как я вам?

Коротенькое коричневое платье, босоножки на высоченных каблуках и светло-русые локоны, спускающиеся ниже подола.

— В новой школе все будут в восторге от тебя, — заметила Марьяна.

— Платье слишком короткое, зря ты не дала мне купить тебе новую форму, — проворчала Диана Дмитриевна. — И причёска у тебя совсем не школьная, а уж об этих неприличных босоножках и говорить нечего. Могла бы и по-другому одеться. Что о тебе преподаватели подумают?!

— Должна я как-то поднять себе настроение в самый плохой день года, — Зоя подмигнула Марьяне.

— Ты бы лучше об учёбе подумала. Мы перевели вас в другую школу, чтобы вы, наконец, взялись за ум.

Зоя переглянулась с Марьяной, у них-то были совершенно другие планы: создать новую компанию, свести с ума всех симпатичных парней и многое другое, далёкое от учёбы. Вот поэтому и договорились ещё вчера предстать в первый день во всём блеске своей красоты. Марьяне, правда, не удалось уговорить маму укоротить юбку, но зато ей купили новые туфли на высоких каблуках, и два дня назад она сделала крупную «химию» в салоне. Кудряшки до плеч придавали девушке особый шарм, хотя, конечно, Зоя выглядела эффектнее, но Марьяна уже смирилась с этим. Да и не чувствовала бы она себя так уверенно в такой короткой юбке. Это Зойке всё нипочём, она лишь наслаждалась всеобщим вниманием.

— Губы будем красить? — спросила Зоя, когда они отошли от дома. — У меня есть сногшибательная перламутровая помада.

— Давай, конечно, спешить нам некуда. Школа никуда не денется, — согласилась Марьяна. — Как жаль, что лето кончилось.

Зоя скорчила гримаску. Подруги терпеть не могли школу. Новая школа или старая, им это было безразлично. Учиться они вовсе не собирались. Ну, если только чуть-чуть, чтобы родители не сильно приставали по поводу двоек и троек, украшающие их дневники в предыдущий год. Именно поэтому их матери, договорившись между собой, решили вырвать их из опасного окружения, которое, как им казалось, сильно влияло на способности дочерей к учёбе и отправить в новую, только что отстроенную школу на другой улице.

Обмениваясь последними новостями, девочки не спеша подошли к школе. Издалека был

слышен искажённый женский голос, говорящий правильные слова о наступающем учебном годе.

— Ой, Марьяна, ты только посмотри, сколько народу, — сморщила носик Зоя. — Где же этот девятый «А»?

— Девятки вон там, дальше, — ответил высоченный парень, смерив её взглядом, с ног до головы. — А вы классом не ошиблись? Может, вам в десятый?

Зоя улыбнулась, отметив про себя, что он вроде бы ничего, можно даже познакомиться. Для коллекции.

Когда девушки нашли свой класс, торжественная линейка уже закончилась. Смешавшись с толпой, они прошли в ещё пахнущее краской здание школы. Высокая женщина в трикотажном зеленом платье — по всей видимости, классный руководитель — долго не могла отпереть дверь. Зоя и Марьяна, бросив маленькие, в которые могли поместиться лишь несколько тоненьких тетрадок, но никак не учебники, сумочки на подоконник продолжили наблюдение.

Внимание Зои привлёк худенький темноволосый парень, прохаживающийся с сутулым очкариком по коридору. До девочек донеслись обрывки разговора с математическими терминами.

— Только последний ботан будет обсуждать математику первого сентября, — презрительно заметила Зоя.

Темноволосый паренёк, поймав Зоин взгляд, направился к ним.

— Давайте, знакомиться, я — Юра, — он смотрел на Зою.

Она снисходительно улыбнулась ему, отметив про себя, что глаза у него красивые, светло-карие, с длинными загнутыми ресницами.

Девушки представились, Юра судорожно думал о том, что ещё можно сказать, чтобы продолжить разговор, когда Марьяна, сузив глаза, заметила:

— Юра, ты, наверно, отличник?

— Вовсе нет, — смутился он, поняв, что они слышали их разговор с очкариком.

Беседа их прервалась, когда классная, наконец, справилась с замком. Зоя и Марьяна, как и в старой школе, заняли последнюю парту, полагая, что это позволит привлекать меньше внимания учителей.

— А ты понравилась этому Юре, — шепнула Марьяна подруге, когда начался урок. — Он уже несколько раз оглядывался.

— Ну и что, — равнодушно пожала плечами Зоя. — Он же мой ровесник, а ты знаешь, что я предпочитаю парней постарше.

— Знаю, знаю, но он опять оглянулся на тебя.

— Ну что с ним делать?! — Зоя кокетливо поправила локоны. — Если только взять его в друзья. Судя по разговору, он хорошо учится. Будет давать списывать.

— Какая же ты... — понизила голос Марьяна, поймавшая рассерженный взгляд учительницы.

Зоины родители развелись, когда ей было двенадцать. Сказать, что она переживала из-за развода, было неправдой, больше доставали бестактные вопросы соседей: «Почему такая безупречная семья развелась?» Безупречной Зоя их семью никогда не считала, слишком хорошо помнила родительские ссоры и ставшие уже привычными разговоры о разводе.

Первые два года своей жизни Зоя прожила на Малой Бронной, в трёхкомнатной квартире вместе с бабушкой и дедушкой — родителями Дианы Дмитриевны. Потом Зоины родители купили кооперативную квартиру в Кузьминках, куда переехали вдвоём, оставив Зою с бабушкой и дедушкой, лишь иногда забирая её на выходные. Воспитывала Зою Евгения Леонтьевна, которая не уставала внушать девочке, что её мама самая лучшая, самая красивая и достойна гораздо большего, чем она имеет. Под этим подразумевалось абсолютно всё: и лучшая квартира, и лучшая одежда и, самое главное, более достойный муж, чем её отец, Тихомиров Алексей Иванович, которого за глаза называли только по фамилии, словно имени он был не достоин.

— Ты посмотри, что этот Тихомиров опять сделал?! — начинала Евгения Леонтьевна очередной разговор с Дмитрием Александровичем, дедушкой Зои.

— Ну, ладно, Женечка, — успокаивал он свою жену, даже не пытаясь выяснить, в чём дело. — Всё образуется, они сами разберутся.

— Всё-таки мы зря согласились на этот брак. Позволили нашей единственной дочери выйти замуж за этого деревенского мальчишку. Думали, он нам будет благодарен, а он так и не понял, как ему повезло. А этот ужасный район Кузьминки, в котором они купили квартиру. Это так далеко от Москвы.

— Это теперь Москва, Женечка, — в который раз объяснял дедушка.

— Какая же это Москва, если там коровы пасутся!

Можно сказать, что Зоя выросла на этих разговорах, и самым страшным для неё было услышать из уст бабушки грозное обвинение:

— Ты, Зоя, у нас настоящая Тихомирова, вся в отца.

Тогда девочка уходила к своим игрушкам и придумывала игру, в которой её кукла, которую обязательно звали Дианой, будет похожа на её красивую маму. Зоя очень любила маму, только вот видела её не очень часто, мама всё время была занята. Даже летом, когда у неё, как у всех учителей, были каникулы.

— А почему мама никогда не возьмёт меня с собой к морю? — спросила как-то Зоя у Евгении Леонтьевны, когда они пропалывали огурцы.

— Маме надо отдохнуть. Она много работает, а от тебя одни капризы. Вот научишься себя вести как следует, тогда и посмотрим.

Зоя всхлипнула:

— А почему тогда все мои подружки ездят отдыхать с родителями?

Бабушка разогнула спину и внимательно посмотрела на внучку, которая готова была заплакать от обиды.

— Наверно, они более послушные. Неужели тебе плохо на даче? Смотри лучше, сколько ты сорняков пропустила.

«Но я хочу к маме», — думала маленькая Зоя. У неё даже была своя доска, где она

мелом писала, сколько дней осталось до возвращения мамы из отпуска. Один день прошёл, значит можно стереть и написать новую цифру. Осталось всего пять дней. Мама уже скоро приедет!

После мамы Зоя больше всех любила дедушку, когда он был дома, он всегда играл с ней в разные игры, и даже почему-то так получалось, что она редко проигрывала, а проигрывать девочка не любила. Только её дедушка делал двухтрубные пароходики из бумаги, и только у дедушки были такие замечательные маленькие шахматы, в которые он позволял ей играть. Он никогда не ругался, и когда Зоя была с ним, она была счастлива.

Чудо произошло, когда Зое исполнилось семь лет. Мама забрала её в Кузьминки. Для Зои, наконец, настали счастливые дни, она и мама были вместе, за исключением двух дней, которые мама проводила в музыкальной школе.

Так продолжалось до шестого класса, в это время у родителей совсем испортились отношения, и бабушка настояла на том, чтобы отдать Зою в интернат и забирать только по выходным. Однажды, оглядывая внуку после года занятий плаванием, заметила:

— Ты хорошо выглядишь.

В её устах это было редким комплиментом, и Зоя, вдруг превратившись в маленькую девочку, спросила:

— Я похожа на маму?

— Конечно, нет, — рассмеялась бабушка. — Такой фигурки, как у мамы твоей нет ни у кого. У неё плечи покатые, а у тебя квадратные, другая форма рук и ног. Ты всё-таки пошла не в нашу родню, а в Тихомировых.

Зоя улыбнулась. Бабушкины слова перестали обладать магической силой. Она знала, что хорошенькая, и мальчишки за ней всё время бегают. Она подошла к зеркалу и улыбнулась себе. Ну и плевать, что плечи квадратные, зато одежда хорошо сидит.

Родители развелись, и теперь жили в разных комнатах, папа жил в Зоинной комнате, а они с мамой в гостиной. Конечно, Зое было жаль своей берложки, но мама сказала, что папа скоро уедет, и они останутся вдвоём. В этом была какая-то новизна, они будут жить вдвоём с мамой. А мама не так часто ругается, как бабушка, и ей, в общем-то, безразлично, что дочь плохо учится. А училась Зоя плохо, потому что ей казалось, что жаль тратить время на уроки. Можно почитать книжку про любовь, сходить на свидание или написать новые стихи. А если сделать все скучные домашние задания, времени ни на что не останется.

— Да за что же твоей маме такое наказание?! — грозно начинала Евгения Леонтьевна, просматривая дневник во время своих приездов. — Ты вся в Тихомировых! Такая же бестолковая! Тебе бы только гонять во дворе с такими же глупыми мальчишками, как ты. Так ты не только в институт не поступишь, а окажешься в ПТУ.

Это было самое страшное, что можно было представить! В профессионально-технические училища после восьмого класса отправлялись все двоечники для получения рабочей специальности маляра, водопроводчика, пекаря и тому подобного. Но это абсолютно не волновало Зою, она знала, что могла бы хорошо учиться, но её не интересовали школьные предметы, кроме алгебры, которую она любила за точность и красоту.

Самым интересным, что её отец, как положено отставному родителю, навещавшему дочь по выходным, и тоже решившим проверить её дневник, вдруг воскликнул:

— Зоя, да что же у тебя почти одни тройки, только по алгебре пять, да по русскому четыре. В кого же ты так плохо учишься?

— Бабушка, говорит, что в тебя, — ответила, не моргнув глазом, Зоя.

Алексей Иванович возмущённо бросил дневник на стол.

— Это неправда. Все Тихомировы отлично учились в школе, а потом приезжали в Москву и без всякого блага и репетиторов, поступали в те институты, в которые хотели. А что ещё интересного говорила тебе бабушка про меня? — спросил он нервно.

Зоя молчала.

— А хочешь, я сам скажу?

Зоя кивнула.

— В основном она говорила, что я в подмётки не гожусь твоей прекрасной матери, потому что из деревни, потому что невоспитанный, мало зарабатываю и тому подобное. А вот я тебе скажу, что с твоей матерью жить невозможно, потому что она думает только о себе. Евгения Леонтьевна воспитала из неё страшную эгоистку и белоручку. Ни приготовить, ни постирать.

— Не надо, пап, — быстро сказала Зоя. — Я не хочу этого слышать.

— Ну, конечно, не хочешь. Тебя так воспитали: в ненависти ко мне и в преклонении перед матерью. Пройдёт много лет, прежде чем ты разберёшься, как всё обстоит на самом деле. К счастью, ты не похожа на маму. Это же ты убираешься в доме?

— Иногда, — нехотя призналась Зоя, хотя уборка квартиры уже давно входила в круг её обязанностей вместе со многими другими домашними делами, которые не выносила Диана Дмитриевна.

Зое не нравился этот разговор, она патологически не выносила, когда кто-то критиковал её мать, особенно если это делал отец. Ей так часто говорили, что он негодяй, потому что бросил маму. Сама Зоя так не думала, понимала, что тяжело жить в тисках их семейки, где всё решала бабушка. Но в то же время Зоя давно и безоговорочно приняла сторону матери.

Теперь, у Евгении Леонтьевны появилась новая тема для обсуждения, она обвиняла Зою в том, что из-за неё мама не выходит замуж, а Зоя такая неблагодарная девочка, которая не может стать лучшей в своём классе, чтобы порадовать маму отличными отметками и примерным поведением. Но разговоры действовали на Зою с точностью наоборот, она яростно отскребала полы, пекла пироги и мечтала поскорее покончить с ненавистной школой. А однажды, разбираясь в шкафу, она нашла мамин школьный аттестат. Каково же было её удивление, когда она обнаружила в нём много троек, даже по Зоиной любимой алгебре.

— Ты уже знаешь, куда будешь поступать после школы? — спросила Зоя у Юры, наблюдая за утками на озере. Так получилось, что Кузьминский парк стал излюбленным местом прогулок Зои с её кавалерами, хотя в их районе и пойти было особенно некуда.

— Я буду поступать в МИЭМ, — объявил Юра, делавший вид, что наблюдает за утками, а на самом деле, любовавшийся Зоиным профилем. Как бы ему хотелось поцеловать её, но так уж сложилось, что, записавшись в друзья, он даже и помыслить не мог об этом, поэтому тихо вздыхал издалека и... встречался с Леной. Лучшей подругой Зои. Зачем он это делал? Ради безопасности. Если у него есть девушка, значит, можно позволить себе некоторую вольность по отношению к Зое. Например, взять её за руку в парке или обнять, когда ей холодно. Какая же она, красивая и какая милая у неё улыбка. Вовсе неудивительно, что Зоя встречается со студентами, выглядит она совсем взрослой, а он, кажется, не вырос за последний год, и мускулатуры у него нет, не то, что у того парня, с которым он встретил Зою пару дней назад.

— Что такое МИЭМ? — спросила Зоя, не повернув головы.

— Московский институт электронного машиностроения.

— Какое ужасное название. Почему ты хочешь туда поступать?

— Я увлекаюсь радиоаппаратурой, а там есть специальный факультет.

— Ах да, — Зоя вспомнила, что как-то раз была у него в гостях. В комнате царил страшный беспорядок: провода, конденсаторы, разобранные приёмники и магнитофоны валялись на столе, подоконнике и даже на диване. — Тебе повезло: у тебя есть призвание. А я ещё даже не знаю, чем хотела бы заниматься, — вздохнула Зоя. — Но мои родные убьют меня, если я куда-нибудь не поступлю. Математика, это единственное, что мне нравится. Хотя нет. Я люблю шить. Но надо быть совсем сумасшедшей, чтобы заявить бабушке, что я хочу стать портнихой.

— В нашем институте есть факультет прикладной математики, — затаив дыхание, сообщил Юра.

Мысль, что их пути после школы разойдутся, сводила его с ума. Пусть лучше у них будут дружеские отношения, чем он вообще не будет видеть Зою. Когда-нибудь, она обратит на него внимание, и он, наконец, наберётся смелости и скажет, что полюбил её с того самого первого сентября. У неё ещё была такая короткая юбка, и он старался не смотреть слишком часто на её ноги.

— Здорово, значит, я могу пойти в этот твой, как его там, а впрочем, какая разница, институт. Напиши мне на бумажке название, я бабушке сообщу, она будет в восторге. Столько умных слов она от меня давно не слышала.

— Тебе всё равно куда поступать? — поинтересовался Юра, боясь поверить своему счастью.

— Абсолютно. Если там будет математика, это скрасит мою участь, — Зоя посмотрела на него: — Я не нашла ещё себя, Юрка. Я ничего не знаю о той жизни, которая ждёт меня. Если бы у меня была возможность, я бы пошла работать. Месяц там, месяц в другом месте, так я бы поняла, что мне нужно. А выбирать в шестнадцать лет, когда твой мир ограничен

семьей, школой и Кузьминским парком, всё равно, что ткнуть пальцем в небо. Так что я ткнула.

— Может, тебя хотя бы интересует какие экзамены надо сдавать? — не унимался Юра. Как всякий человек, имеющий увлечение и твёрдо знающий, что хочет от жизни, он никак не мог понять Зоино пофигизма.

— Не имеет значения. Знаю я только математику. А всё остальное придётся учить заново, — спокойно ответила Зоя.

— Сдавать нужно: математику устно и письменно, сочинение и физику.

— Вот и славно. Математику я знаю, физику выучу за месяц, ну а написать сочинение как-нибудь можно. Не попала бы только эта «Малая целина» Брежнева.

— Зочка, это у Шолохова была «Поднятая целина», а у Брежнева «Малая земля».

— Вот я и говорю, что могу провалиться, — ничуть не обиделась Зоя и взяла его под руку. — У женщин всё по-другому, Юрик, — задумчиво сказала она. — Я выйду замуж, буду воспитывать детей, и какая тогда будет разница, кто что написал.

«Если она выйдет замуж не за меня, я сойду с ума», — подумал он.

— Ой, Юра, — вдруг спохватилась Зоя. — Этот институт не на другом конце Москвы находится, а то не хотелось бы полдня в метро проводить?

— Нет, он нашей линии, всего пять остановок от Кузьминок, площадь Ногина, станция называется.

— Ну, тогда решено, — вздохнула Зоя и поёжилась. — Надо было кофточку прихватить.

Юра поспешно сбросил пиджак.

— Вот. Накинь.

Зоя поморщилась.

— Не люблю носить мужские вещи, — она призывно взмахнула ресницами. — Как моему лучшему другу тебе позволяется обнять меня. Главное, чтобы нас никто из знакомых не увидел. А то кто поверит, что мы просто друзья?

Юра положил руку Зое на плечо, думая, что сегодня определённо счастливый вечер. Но мысль пришла преждевременно. После непродолжительного молчания Зоя спросила:

— Как ты считаешь, пойти ли мне завтра на свидание с Костиком Ермаковым или помучить его до конца недели?

— Я решила поступать в МИЭМ, — сообщила Зоя Марьяне, когда они возвращались из школы на следующий день.

— А почему именно туда? И как это расшифровывается?

— Ты же знаешь, мне всё равно надо поступать куда-нибудь. Как только я завожу разговор о том, что хотела бы поработать и понять, чем бы хотела заниматься, бабушка устраивает скандал. Видите ли, они мечтают видеть меня с высшим образованием, и считают, что я сведу всех в могилу своими ужасными отметками, что у меня совсем нет совести, и я должна пожалеть свою мать, которая не выходит из-за меня замуж, — Зоя остановилась, чтобы перевести дух, а Марьяна сочувственно закончила за неё:

— И у тебя остаётся единственное желание сделать так, как они хотят, чтобы от тебя отстали?

— Это точно, — согласилась Зоя. — Больше всего на свете ненавижу скандалы.

— Да уж, этим добром наши родственники награждают нас с избытком. У меня дела не

лучше. После того, как мать вчера сходила на родительское собрание, она орала так, что тряслись стены. А твоя ходила на собрание?

— Нет, — улыбнулась Зоя, — я ей сказала об этом в тот момент, когда она собиралась на свидание со своим новым знакомым и раздумывала какую шляпку надеть.

— Ого, у неё кто-то есть?

— Да, познакомились на улице.

— Вот не думала, что твоя мамуля может познакомиться на улице.

— Её соблазнили три большие звезды на его погонах. Он настоящий полковник и к тому же галантно подал ей руку, когда они выходили из автобуса, что никогда не делал мой отец. Так вот, вчера, он предложил ей встретиться. Представляешь, какая удача?! Конечно, мамочка только махнула рукой, когда я ей сказала про собрание. Под это дело мне даже удалось рассказать ей про двойку по физике, которую выставили в дневник.

— И что?

— Она сказала, что мы обсудим все позже, но вечером ей точно будет не до этого, она будет под впечатлением от встречи.

— Вот повезло, моя бы хоть с кем-нибудь познакомилась! Так никто не смотрит в её сторону. Это твоя мама красивая до сих пор, потому что следит за собой. Знаешь, с тех пор, как мать посетила идея развестись с моим отчимом, она пилит меня, не переставая. Наверно, климакс приближается или не хватает секса. Зачем она с ним только развелась, раньше нам хотя бы поровну доставалось, а так мне одной.

Зоя знала, что подруге приходится нелегко. И если Зою теперь ругала только бабушка, которая не так часто и приезжала, то у Марьяны всё было гораздо хуже, обстановка в её семье была спокойной только, когда мать была на работе.

— Тяжела наша жизнь, надеюсь, что мы не будем такими, когда у нас будут свои дети, — глубокомысленно заметила Марьяна.

— Ни за что! Я скорее умру! — согласилась Зоя. — Так хочется поскорее стать взрослой и самостоятельной. Хорошо, что это последний год в школе.

— Да, институт, — вспомнила Марьяна. — Так почему МИЭМ?

— Там есть факультет прикладной математики, а математика, это единственное, о чём я могу подумать без тошноты. — Она помолчала, но Марьяна ничего не говорила, и она продолжила: — И потом туда поступает Юрка.

— Ах, вот оно что, — оживилась Марьяна, и её раскосые глаза хитро блеснули. — Я думаю, что всё-таки он тебе не просто друг.

— Ну, ты же знаешь, я уже три недели встречаюсь с Игорем.

— Большой срок, — хихикнула Марьяна. — А с этим нашим одноклассником ты уже второй год летом в лесу соловьёв слушаешь, а зимой на лыжах катаешься.

— Мы просто дружим.

— Конечно, дружите. Он даже пересел к нам поближе. И его голова всё время в пол-оборота к нашей парте, он даже в тетрадках ничего не пишет, чтобы не отвлекаться от любования твоим профилем.

— Он говорит, что запоминает всё без записей, — смутилась Зоя. — И, вообще, всё это твои фантазии. Лучше скажи, что ты думаешь на счёт МИЭМа? Там конкурс маленький, есть шанс поступить даже с нашими оценками.

— Думаю, что отправлюсь туда вместе с вами. Вчера мать сказала, что не позволит мне

подавать документы в ветеринарную академию, потому что там двадцать человек на место, а у меня в аттестате будет половина троек. И она права. Куда мне с такими знаниями? Там народ со всего Союза поедет.

— Как плохо, ведь это единственное, что тебе нравилось.

Марьяна очень любила животных, и она добровольно каждые выходные ходила чистить клетки в ветеринарную академию, которая была недалеко от их дома на Волгоградском проспекте. За это ей давали возможность покататься на лошадях верхом в парке, и она была счастлива. В мечтах она связывала свою жизнь с лечением зверюшек, но слишком мало занималась, чтобы иметь шанс на поступление в академию.

— Ну и ладно, — Марьяна тряхнула кудрявыми волосами, видимо отгоняя свою мечту. — Пойду с тобой в МИЭМ. Надеюсь, ты идёшь с Юрой не на один факультет? — подозрительно спросила она.

— Ура! — закричала Зоя, обнимая подругу. — Я так рада, что мы с тобой и дальше будем вместе учиться. Юрка поступает на радиотехнический, ты же знаешь, он фанат всякой техники.

— Напишешь мне экзаменационную математику? — спросила Марьяна, которая не разделяла Зоину любовь к этой точной науке и всегда всё списывала у неё.

— Как всегда, — легко согласилась Зоя, которая успевала за урок решить не только свой вариант, но и помочь подруге. — А ты мне сочинение? — сразу спросила она, потому что Марьяна всегда хорошо писала, её сочинения часто читали вслух перед всем классом.

— Конечно. А что ещё там сдают?

— Физику устно и задачу надо решить. — Зоя сделала страшные глаза.

— Физику? — повторила Марьяна. В этом предмете, они обе ничего не понимали, хотя скорее больше не хотели понимать, потому что пока учитель объяснял новую тему, они обычно играли в какую-нибудь игру или писали записки мальчишкам.

— Да ладно тебе, у нас будет целый месяц, чтобы всё выучить.

— Это кто учить будет, а кто шпаргалки писать, — не согласилась с ней подруга.

На восьмое марта Зоя с мамой поехала к бабушке с дедушкой. «Праздники нужно обязательно проводить в кругу семьи, а не в компании оболтусов», — повторяла Евгения Леонтьевна каждый раз, когда Зоя робко намекала на то, что ей хотелось пойти к друзьям. К тому же дело осложнялось тем, что Диана Дмитриевна по-прежнему переживала, что осталась одна. Полковник, с которым у неё был роман, оказался прочно женатым и приходил в гости только по будням. А праздники и выходные Диана Дмитриевна приходилось проводить дома.

— Не могу видеть, как другие женщины гуляют под руку с мужьями, а я одна, — жаловалась она дочери.

— Мамуль, ну ты можешь сходить в театр, например, с тётёй Верой или ещё с кем-нибудь.

— Шерочка с машерочкой, — презрительно отвечала она. — Нет более грустного зрелища, чем две одиноко прогуливающиеся женщины в фойе театра. Всем понятно, что их бросили мужья.

В такие минуты Зоя не понимала маму, которая придавала слишком большое значение мнению окружающих. Ей казалось, что вполне можно прекрасно провести время с подругой, наслаждаясь спектаклем, и мужчина рядом вовсе не обязателен.

— Ну, хорошо, тогда ты можешь пойти в лес с мамой Марьяны, я уверена, что она тоже сидит дома и скучает, — не унималась Зоя, которая уже тоже начинала не любить выходные из-за солидарности с матерью.

— Да что, ты, Зоя?! По выходным в лес ходят семьями, и я могу встретить там много знакомых, которые будут жалеть меня, что я разведена. А я не выношу жалости и до сих пор страдаю, что твой отец оставил меня. Будет лучше, если я останусь дома. Вот если бы ты со мной пошла... Это совсем другое.

— Мама, — Зоя подошла к ней и обняла её. — Давай в следующий раз, я уже договорилась пойти с Марьяной.

— С Марьяной ты видишься каждый день, — она укоризненно посмотрела на дочь.

— Но мы уже договорились, — Зоя чувствовала себя виноватой, ей было жаль мать, но и хотелось пойти гулять с ребятами, а не прогуливаться чинно с мамой в лесу.

— Иди, — Диана Дмитриевна, смахнула слезу. — Для тебя твои друзья дороже матери.

Зоя уходила, но чувство вины не покидало её всю прогулку. Она не была причастна к разводу и всей душой хотела, чтобы мать снова вышла замуж и оставила её в покое. Теперь они словно поменялись ролями — когда Зоя была ребёнком, у мамы были более интересные занятия, чем сидеть с Зоей, а теперь получалось, наоборот: Диана Дмитриевна требовала от Зои внимания и ревновала её к друзьям.

«Лет в пять, — думала Зоя, — я бы отдала за такую прогулку всё на свете, но, к сожалению, это время безвозвратно ушло».

Евгения Леонтьевна прекрасно готовила, поэтому праздничный стол был, как всегда,

великолепен. Вот и сейчас Зоя оглядела выставленные на нём яства и облизнулась. Дмитрий Александрович по случаю праздника всегда надевал белую рубашку с галстуком, а его брюки, сшитые из дорогого материала, были тщательно отглажены. Евгения Дмитриевна с тёмными волосами, собранными в высокую причёску, в длинном платье с обязательной брошью с бриллиантами, была до сих пор красива, и Зоя только собиралась сделать ей комплимент, как услышала слова бабушки.

— Как же мне не нравится твоя причёска, Зоя. У тебя итак личико с кулачок, а ты его ещё и чёлкой закрыла. И бледная какая.

Зоя вздохнула. Это была ещё одна старая песня, бабушке никогда не нравилось, как она выглядела. Ну что она могла поделать со своей бледностью? Если только румяна наложить.

— Ну, перестань, Женя, Зоя прекрасно выглядит, а причёски сейчас такие носят, — вступился Дмитрий Александрович, заметя огорчение на лице любимой внучки.

За столом Дмитрий Александрович обычно молчал, предоставляя говорливой супруге вести беседу. Зоя заметила, что с уходом из семьи отца, повышенное внимание и недовольство Евгении Леонтьевны стало часто обрушиваться на неё. Вот и сейчас, Зоя только собиралась полакомиться кусочком цыплёнка табака, как бабушка обратила на неё строгий взгляд.

— Зоя, — начала она голосом, не предвещавшим ничего хорошего, — что ты думаешь по поводу своего будущего?

— Я, — она запнулась, — мы, — Зоя старалась быстрее прожевать, чтобы сообщить радостную новость, — я решила поступать в МИЭМ.

— Ты сказала мы? Кто эти мы?

— Ну, — Зоя замялась, — Марьяна, Юра и я.

— Прекрасная компания. Всё те же троичники, которые сбивают тебя с пути. Неужели надо обязательно идти с ними в один институт?

— Меня никто не сбивает, а туда не так сложно поступить, как в другие институты. А потом втроём веселее.

— Вот о чём она всё время думает! — возмутилась бабушка. — О веселье вместо учёбы. Дианочка, у твоей дочери патологическое желание развлекаться.

— Я не собираюсь развлекаться, — Зоя проклинала себя за то, что проговорила. Как она могла забыть, что бабушка не любила Марьяну, считая её легкомысленной.

— А ведь эта твоя подруга, всё время забываю это дурацкое имя...

— Марьяна.

— Она же собиралась в ветеринарную академию. Как же она будет без этих своих свиней, за которыми навоз вывозит...

— Лошадей, — поправила её Зоя, думая как же ей надоели эти нотации. Казалось, она никогда не бывает правой, бабушка в любой ситуации всегда выставляла её дурой. «Когда у меня будет своя семья и дети, я никогда не буду так обращаться со своим ребёнком, я буду внушать ему, что он самый умный и самый хороший, а в праздники мы будем пить шампанское и веселиться», — думала Зоя.

— Ты слушаешь меня? — сказала бабушка.

— Да, конечно, — Зоя подняла на неё глаза и отвлеклась от своих мыслей.

— Тебе нужны репетиторы по какому-нибудь предмету?

— Нет, спасибо, я подготовлюсь сама.

— Но у нас есть возможность нанять тебе хороших учителей. Ты же понимаешь, что в

институт надо обязательно поступить!

— Да, понимаю, — Зоя посмотрела с надеждой на дедушку, который грустно наблюдал за их спором. — Я сама всё выучу. У меня будет целый месяц подготовиться.

Дедушка посмотрел на внучку своими добрыми глазами и похлопал по руке:

— По-моему, надо дать Зое шанс подготовиться самой.

— Ладно, пусть будет по-вашему, — недовольно сказала Евгения Дмитриевна, — но если ты не поступишь...

— Я поступлю, — быстро сказала Зоя, всей душой желая прекратить этот бесполезный разговор. Ну почему же они её не могут оставить в покое! Уже даже есть расхотелось.

— Зоя, ты ничего ешь, от этого и бледная.

— Я ем! — Зоя вгрызлась в ножку остывшего цыпленка.

— Ты словно из леса, — заметила бабушка. — Возьми салфетку. Евгения Леонтьевна промокнула губы и посмотрела на дочь. — Диана, выбор института нельзя пускать на самотёк. Мы обсудим с тобой это позже.

Зоя выплюнула кость на белоснежную тарелку с золотой каёмочкой и уставилась на бабушку.

— Если вы хотите, чтобы я получила вышку, вам придётся смириться с моим выбором.

Глаза бабушки и внучки встретились. Холодные с поблёкшей голубизной старшей и серо-зелёные младшей. Над столом полетели искры. Зоя уступать не собиралась. Она уже взрослая. И это её бой за своих друзей. И на этот раз она не даст их в обиду.

— Может, Диана нам что-нибудь поиграет, — предложил ничью дедушка.

— Эль-Квезо, — не отрывая взгляда от внучки, отчётливо произнесла Евгения Дмитриевна. — Но мы ещё вернемся к этому вопросу.

И они перешли из столовой в гостиную, где в середине комнаты гордо сверкал черно-белыми зубами коричневый рояль. За ним Диана Дмитриевна занималась в молодости, позже, когда они переехали в Кузьминки, Евгения Леонтьевна не разрешила взять старинный инструмент в район бедняков.

Диана Дмитриевна опустила руки на клавиши и заиграла танго. Евгения Леонтьевна с любовью наблюдала за дочерью, а Зоя, устроившись подальше от бабушки, вовсе не слушала игру матери. Она не была в восторге от классической музыки, да и собственные горькие мысли одолевали её в этот раз сильнее обычного. Мало того, что она вынуждена поступать в институт без всякого на то желания, так ещё бабушка хочет разлучить её с друзьями. А ведь это была её жизнь, в которой из-за своей семьи, она никак не могла стать хозяйкой. Зоя очень любила их всех троих, но постоянная опека не давала возможности поступать так, как она считала нужным.

К вступительным экзаменам в институте Зоя выучила и устную математику, и физику, и даже просмотрела темы сочинений. Она твёрдо решила поступить и доказать своим родным, что она не такая уж и бестолковая, как о ней думали. Бабушка несколько раз предлагала услуги репетиторов, но Зоя каждый раз отказывалась. Она не потратит ни рубля из их денег и сделает всё сама. Она вставала рано утром и занималась до шести вечера, с небольшими перерывами на еду. Июль выдался жарким, лучи солнца манили на улицу, но бабушка строго приказала Диане Дмитриевне, не выпускать Зою из дома до вечера и не подзывать к

телефону, чтобы её никто не отвлекал, и она, как следует, подготовилась. Зоя оказалась пленницей в собственной комнате. Парясь от жары и разбираясь с ненавистной динамикой и статикой, Зоя проклинала своё послушание, и только мысль, что этажом выше также мучается Марьяна, поддерживала её. Вечерами она ходила в лес, иногда с Марьяной, иногда с Юрой, который подшучивал над её героическими усилиями объять необъятное, но был страшно рад, что теперь они ездили вместе на консультации. На факультет прикладной математики был большой конкурс, и в последний момент Зоя испугалась и подала вместе с Марьяной документы на другой факультет, где конкурс был ниже.

Они все поступили, и Зоя, получившая высокий проходной балл, пожалела, что ей не хватило уверенности в себе, чтобы остаться верной математике. Этот факультет полупроводникового и электровакуумного машиностроения совершенно ничего не говорил ей о будущей специальности. Зато дома все были счастливы, даже бабушка. Зоя была довольна, что её ненадолго оставили в покое, позволив делать то, что она хочет. К тому же в институте не было ненавистной школьной формы и дневников, что украшало жизнь.

Группа их оказалась смешанная — половина мальчиков, половина девочек. Марьяна сразу обратила Зоино внимание на самого старшего из них.

— Посмотри, а этот ничего, глаза красивые.

— Не понимаю, что ты в нём нашла, — удивилась Зоя, рассматривая парня.

Ему было около двадцати. Высокого роста, смуглый, с большими карими глазами навывкате и чёрными прилизанными волосами.

— Между прочим, он смотрит в нашу сторону, — прошептала Марьяна.

— Тебе не кажется смешным, что он в военных брюках и какой-то дурацкой рубашке в клеточку, которая сливается с его смуглой кожей?

— Ты ничего не понимаешь, — сказала Марьяна, не сводя с него взгляда. — Лично я бы не отказалась с ним встретиться.

— Перестань на него смотреть, — сказала Зоя, обратив внимание на преподавателя, который предложил кому-нибудь выйти к доске и решить задачку по физике.

К их удивлению обсуждаемый молодой человек поднялся и развязной походкой, странно выламывая ноги, вышел к доске.

— Красавчик! Посмотри, какие плечи! — вздохнула Марьяна.

— Выскочка и походка в развалку, — раздражённо ответила Зоя.

«Красавчик» догнал девушек, когда они шли к метро Павелецкая, перепрыгивая через лужи осеннего дождя.

— А вот и девушки из нашей группы, — сказал он. — Давайте знакомиться. Меня зовут Руслан.

Дальше они пошли вместе. При этом Руслан как-то неловко придерживал Зою за локоть, и она не могла решиться убрать его руку и ругала себя за это. Руслан предложил их проводить, но Зоя категорически отказалась.

— Ну, как всегда, — огорчённо вздохнула Марьяна, когда Руслан исчез из виду. — Как только глаз положу на парня, он обязательно западёт на тебя.

— Мне он не нужен, забирай его, если он тебе так нравится, — Зоя до сих пор чувствовала себя неловко.

— Нет уж, подружка, боюсь, мне здесь ничего не светит. Лучше выкинуть его из головы, пока я не влюбилась. Он в твоём распоряжении. Советую не упускать. Гулять пойдём вечером?

— Сегодня не смогу. Бабушку ночью забрали в больницу с сильной болью внизу живота, мама вся на нервах, я лучше дома останусь.

— Вот доругалась, я и своей говорю надо жить в мире с самим собой и с другими, а они сами себя заводят, и нам жить не дают. У мамы вон тётка недавно от рака умерла, говорят, она так страшно ругалась на всех, что стала гнить изнутри от собственной желчи.

— Ну что ты, Марьяна, — Зоя даже остановилась. — Как ты можешь так говорить! Они же нам добра хотят, кто же виноват, что получается наоборот.

— Они же и виноваты. У них то личная жизнь не ладится, то на работе начальник злой, а приходят домой и всё на детях срываю. Отсюда и все болезни. Я своей сказала после поступления в институт, если она попробует ещё вмешиваться в мою жизнь, я уйду жить к отчиму. Пусть весь дом над ней смеётся. Она так перепугалась, что притихла. Боюсь только ненадолго. Ну, ты сама подумай, Зойка, мы что, самые плохие дети на свете?

— Да нет, даже в институт поступили.

— Вот именно. Для них, между прочим, заметь. Мне этот институт не нужен, мне лучше навоз убирать за любимыми лошадками, чем в начертательной геометрии разбираться. Так какого же чёрта они не могут принимать нас такими, какие мы есть?

— Не знаю, но мне почему-то их жалко. И бабушку, и маму.

— А дедушку тебе не жалко? Как он живёт с такой как женщиной, как Евгения Леонтьевна?! У него и на работе нервотрёпка, и дома.

— Ну, ты знаешь, он очень любит бабушку, переживает, что её в больницу положили, чуть не плачет в трубку. А мама боится, что у него инфаркт будет.

— Ладно, позвони мне, когда узнаешь, что там с бабушкой, — сказала Марьяна. — Я знаю, ты у нас добрая, всех жалеешь, всех любишь.

Зоя позвонила Марьяне через час:

— У неё рак, Марьяна, — она всхлипнула.

— Да не может этого быть?! — воскликнула Марьяна.

— Это точно, — она снова всхлипнула, пытаясь не расплакаться. — Ей жить осталось несколько месяцев, и она вряд ли выйдет из больницы. Я не могу поверить, она всегда была такой энергичной, а теперь не может встать с постели.

— Успокойся, пожалуйста. Ты одна дома или с мамой?

— Нет, они уехали в больницу, а меня не взяли, говорят, что к раковым больным нельзя.

— Я иду к тебе.

Евгения Леонтьевна умерла через два месяца, у неё оказалась саркома. Зоя всё это время жила одна, мама переехала к дедушке, оттуда ближе к больнице, да и за дедушкой, который был убит горем, требовался уход. Он покинул пост управляющего трестом, потому что не мог больше сосредоточиться на работе и взял отпуск. Всё свободное время проводил в больнице. Он был очень привязан к жене, несмотря на её сложный характер. Она была его первой и единственной любовью на протяжении почти полувека, и он совершенно не представлял, как будет жить без неё. Зоя ходила сама не своя, и всё время думала о бабушке. И как часто бывает, теперь уже вспоминала только хорошее. Но всё это время с ней были её друзья — Марьяна, которая переехала к ней и верный Юра, которому иногда удавалось её

развеселить. Они очень подружились за это время, и Юра уже даже подумывал, что, наконец, признается, что любит её. Но Зоя начала встречаться с Русланом.

Предметы в техническом институте были сложными, но Зоя и Марьяна справлялись. Теперь у них появился стимул учиться — тем, кто сдавал на четыре и пять платили стипендию. Но на втором курсе началось черчение, и девушки всерьёз засомневались, что этот предмет им удастся одолеть. Проекции точек и сложные фигуры вызывали у них полное непонимание. К сожалению, у них, как и у многих особ женского пола, начисто отсутствовало пространственное воображение, а без него не выполнить ни одного чертежа. Ребята из группы их жалели и по очереди выполняли за них задания. Как-то раз Зоя рискнула обратиться к Руслану. Он больше не предпринимал никаких попыток ухаживать за ней, и только иногда она ловила на себе грустный взгляд его карих больших глаз.

— Руслан, — обратилась она к нему после черчения, — не мог бы ты мне помочь с этим. — Она положила на его доску задание. — Я бы не просила тебя, если бы могла с этим разобраться, но я не представляю, как это может выглядеть в разрезе, и не знаю, как начертить вид сбоку и сверху, — она опустила глаза. — Зря я выбрала этот институт.

— Да ладно тебе, — он посмотрел на Зою. — Я помогу.

— Спасибо, я тебе так благодарна.

— Да, — хмыкнул он, — когда сделаю, у тебя будет возможность это доказать мне.

Зоя поторопилась отойти. Пусть даже не надеется. Через несколько дней он принёс ей чертёж и, помахивая свёрнутым в трубочку ватманом, сказал:

— Теперь ты мне должна. Никуда не убегай после занятий.

Все лекции Зоя думала, какую плату он от неё потребует за чертёж. И зачем только она его попросила? Другие ребята просто так помогали, а этот в должники записал.

После лекции Руслан крепко ухватил Зою за локоть.

— Ну что, пошли?

— Куда?

— Потом узнаешь, — загадочно сказал он, и Зоя обратила внимание, что он приделся. Синяя рубашка и чёрные брюки ему шли больше.

Болтая об институте, они подошли к кинотеатру «Россия».

— Ты видела «Вокзал для двоих»? — спросил Руслан, когда они подошли к кассе.

— Нет.

— Тогда жди, я куплю билеты.

Зое стало смешно, она вовсе не против сходить с ним в кино. Словно подслушав её мысли, Руслан заметил:

— Не думай, что ты так легко отделаешься, я работал над твоим чертежом весь вечер.

Но Зоя только улыбнулась, сегодня ей было с ним хорошо, и она уже была уверена, что ничего плохого он не предложит. Он ничего и не предложил, кроме кофе и бутербродов с икрой в буфете.

После просмотра фильма, который им обоим понравился, они вышли на улицу. Ещё было светло, и Руслан опять взял её за руку и повёл, а она пыталась угадать. По пути он рассказал о себе, и Зоя узнала, что он вырос в маленьком городке, недалеко от Хабаровска.

Отец был военным лётчиком, они жили в гарнизоне. Есть сестра, младше его на два года, очень красивая. После школы Руслан приехал в Москву поступать в авиационный институт, но не поступил и его забрали в армию. Пока служил, отец вышел на пенсию и получил трёхкомнатную квартиру в Строгино.

— Никогда не была в Строгино, — призналась Зоя.

— Я приглашу тебя туда, когда будет весна, а лучше лето. Это такое замечательное место, вокруг вода и если не смотреть на высокие дома, можно подумать, что ты на отдыхе. У нас хороший пляж, и вода чистая, можно купаться.

— Хорошо, я приеду, — серьёзно сказала Зоя, удивляясь лёгкости их общения. Может, она ошибалась в нём?

Руслан остановился перед «Московским кафе». Раньше Зоя здесь никогда не была, да у неё и денег не было ходить в кафе. Всю стипендию отдавала маме.

— Настал час расплаты, — усмехнулся Руслан. — Я приглашаю тебя в это заведение.

— Мне кажется, здесь очень мило, сказала Зоя, когда они устроились у окна. — В кафе играла музыка, Руслан подозвал официантку и заказал их фирменное мороженое с печеньем посередине, которое так и называлось «Московское» и токайское вино.

— За тебя, Зоя. Как хорошо, что ты не разбираешься в черчении, благодаря которому мне удалось заманить тебя на прогулку.

Зоя сделала маленький глоточек и улыбнулась.

— На самом деле очень плохо, что я не разбираюсь в черчении, а пригласить меня ты мог и просто так.

— Я хотел, но ты воздвигла какую-то стену между нами, как будто боялась меня. Я подумал, что не нравлюсь тебе или у тебя кто-то есть. Вот этот, например, с другого факультета, который бегает к тебе каждый день.

— Так это Юрка. Мы учились в одном классе, между нами только дружеские отношения.

— Не очень-то я верю в эту дружбу между девушкой и парнем, — подозрительно сказал он.

— А ты поверь, — просто сказала Зоя, и Руслан действительно поверил. У неё были такие глаза правдивые, что даже не приходило в голову, что она может обмануть.

— А давай будем встречаться, — смущённо предложил он. — Тебе же понравилось, как мы провели сегодняшней день? Мы будем гулять, ходить в театры, кино и выставки. Ты покажешь мне Москву, ведь это же твой родной город, а я здесь только год живу.

— Хорошо, — согласилась Зоя. — Только я плохо знаю Москву, я выросла в Кузьминках, у нас была хорошая компания, и мы гуляли там. Я только район Малой Бронной знаю, где мой дедушка живёт и всё.

— А это и не важно. Главное, чтобы ты была рядом, — он поднял бокал: — За нас.

— За нас, — тихо повторила Зоя, прикасаясь к его бокалу.

После этого дня в Зоину жизнь вошёл Руслан. Они постоянно были вместе, поскольку учились в одной группе, а после занятий он обязательно провожал её домой. Зоя понимала, что Руслан влюблён в неё, но не могла разобраться в своих чувствах. Он был внимателен и предупредителен, носил её тяжёлую сумку, приходил пораньше и занимал лучшее место в аудитории, дарил цветы и подарки. Девчонки в группе завидовали, а Зою раздирали сомнения, нужно ли ей это внимание. По этому поводу у них состоялся разговор с Марьяной,

неожиданно влюбившейся в парня из их двора, старше её на четыре года. Когда они встречались, а это бывало редко, Сергей не баловал Марьяну своим вниманием, да и, вообще, с Зоиной точки зрения относился к ней кое-как, но она вся светилась от счастья, страдала, когда он не звонил, и ревновала его даже к сестре и маме.

Марьяна только что вернулась со свидания и, зайдя к Зое в гости, с упоением пересказывала подруге подробности, когда Зоя вдруг перебила её:

— Ты любишь его?

— Ещё как. На всё готова для него.

— А я, несмотря на то, что мы уже полгода встречаемся с Русланом, не могу ответить на этот вопрос. Понимаю, это нечестно по отношению к нему. Мне даже иногда кажется, что мы давно женаты. Всё так тихо и мирно. Мы даже не ссоримся.

— Так это же хорошо: он тебя любит, а ты ему позволяешь себя любить, а у нас всё наоборот. Я с ума схожу от, а он вовсе нет, и всегда предпочтёт компанию парней моему обществу.

— Это тоже нехорошо, — согласилась Зоя. — Но мне кажется, что двое должны с ума сходить друг от друга, страдать в разлуке, делать разные глупости, ревновать, наконец. Мне хорошо с Русланом, а когда он уходит, мне тоже хорошо, я чем-нибудь занимаюсь и забываю о его существовании.

— Просто вы всё время вместе. А если бы вы расстались, ты бы сразу поняла: нужен ли он тебе.

— Ну и что мне теперь уехать? Мне хочется путешествий, разнообразия, новых интересных встреч. Я скучаю и иногда задаю себе вопрос «зачем я живу». У меня не жизнь, а тишь да гладь. Я хожу в институт, чтобы после получения диплома тихо осесть в каком-нибудь проектом институте с окладом в сто сорок рублей, встречаюсь с парнем, потому что он хорошо ко мне относится, и уже положено с кем-нибудь встречаться. Думаю, что Руслан специально меня провожает, чтобы я никого не встретила по дороге. В общем, я всем недовольна, а больше всего самой собой.

— Наша маленькая девочка страдает от того, что у неё всё слишком хорошо, — засмеялась Марьяна.

В этот момент раздался телефонный звонок, это был Юра, они немного поболтали и договорились покататься на лыжах в выходные.

— Ну что, полегчало тебе? — иронически поинтересовалась Марьяна, когда увидела Зоино просветлевшее лицо.

— Завтра поедем с Юркой на лыжах с утра, может это поднимет мне настроение.

— Тебе нравится кататься на лыжах или на лыжах вместе с Юрой?

— Мне нравится... — Зоя задумалась. — Не знаю. — Кроме него, никто из моих знакомых не катается на лыжах.

— А Руслан, что на это скажет?

— Ничего, я встречаюсь с ним вечером, мы идём в Кремлёвский Дворец на балет. Он знает, что мы с Юрой друзья. Руслан тоже не катается на лыжах.

— Что-то я ничего не понимаю, — вздохнула Марьяна. — Два дурачка влюблены в девочку, а она так несчастна. А в меня никто не влюблён, а я бываю так счастлива. Вот Серёжка берёт меня за руку, а у меня сердце сжимается внутри, а уж если он меня целует, я просто умираю. Знаешь, я решила — он будет моим первым мужчиной.

— Да ты что?! — Зоя уронила ручку, которую рассеянно крутила в руке. — Ты решила?

— Да, скоро мать уезжает в командировку, и квартира будет полностью в моём распоряжении.

— Но он же...

— Ты хочешь сказать — меня не любит, да? Не дарит мне цветов, как твой Руслан и не глядит на меня печальным взглядом, как твой Юра? — Зоя замаялась, она не хотела обидеть подругу, но боялась, что та может сделать ошибку, о которой после пожалеет. — Не важно, — Марьяна подошла к окну, посмотрела на играющих детишек во дворе, а потом снова повернулась, на её лице горел румянец, а глаза полыхали огнём, от чего Зое стало беспокойно. — Зато я люблю, и я буду счастлива, пусть даже недолго, а дальше будь, как будет.

После её ухода Зоя загрустила. Чувство подруги и в сравнении не идёт с тем, что она испытывает к Руслану. Они давно встречаются, но близости у них ещё не было, Зоя всё сомневалась, а он её не торопил. Он, вообще, её не торопил, не принуждал. «А может быть, Марьяна права, я действительно «бешусь с жиру»? У меня всё хорошо, а я? Ну почему же мне тогда так часто бывает грустно?» — спрашивала себя Зоя и не находила ответа. Она вообще не знала ответов на многие вопросы. Например, почему её мама до сих пор продолжает встречаться с этим женатым полковником? Ведь понятно, что эти отношения ни к чему не приведут. Возможно, она боится остаться одна. Зоя по-прежнему была очень привязана к матери, и в основном ей почти всё рассказывала. Рассказала и про Руслана, даже познакомила маму с ним. На маму он не произвёл особого впечатления, она считала, что Зоя могла бы найти кого-нибудь получше, но ведь и бабушка так думала о Зоином отце в своё время. А к чему это привело? К тому, что отец женился во второй раз, и кажется вполне счастливым, несмотря на то, что его новая жена толще мамы в два раза, а мама-то до сих пор одна.

Впрочем, мама не настаивала на своём мнении, только обратила Зоино внимание на некоторые недостатки Руслана, и сказала:

— Я не буду тебе ничего советовать, дочка, думай сама и прислушивайся к своему сердцу. Я не хочу, чтобы ты потом обвиняла меня, что я стала помехой твоему счастью. Когда я была молодой, твоя бабушка во всё вмешивалась, говорила мне встречаться с тем и бросить этого, а когда я первый раз вышла замуж и была счастлива, твердила, что я «вышла за дурака». В итоге я с ним развелась, вышла за твоего отца и опять не угодила. Я не хочу повторять чужих ошибок.

Зоя вздохнула и села за стол — делать курсовую работу, но её мысли были далеко от сопромата, и ответ не желал сходить. И вдруг, отбросив тетрадь, она расплакалась. Ей вдруг стало всех жалко: и маму, и Марьяну, и даже Руслана. И себя, конечно. Даже не себя, а своей бесполезно проходящей молодости.

Через неделю Зоя неожиданно объявила Руслану, что больше не будет с ним встречаться. На его просьбу объяснить, почему она приняла такое решение, твердила, что «мы разные» и всё. Руслан, конечно, обиделся, Зоя чувствовала себя виноватой, конечно, она не должна была так поступать. За всё время пока они были вместе, он ни разу не обидел её, но не могла же она ему сказать, что не любит его. А все девчонки в группе завидовали их отношениям. Но они-то ведь не могли знать, что творилось у Зои в душе, она всё ещё не

оставляла надежды встретить ту самую любовь, о которой пишут в книгах. Марьяна восприняла новость спокойно и сказала:

— Ну и ладно. Если вам суждено быть вместе, всё равно будете.

После их разрыва Руслан стал вести себя по отношению к Зое по-другому. Он начал её игнорировать. Если раньше не отходил ни на шаг, то теперь стал всячески избегать встречи с ней. Зоя была возмущена его поведением: можно было сохранить хотя бы видимость дружеских отношений. Вместо этого он напропалую кокетничал с девчонками. Однажды, когда Зоя стояла со своей группой у окна и ждала начала лекции, он подошёл к ней и молча протянул конверт. Зоя открыла его и достала пачку фотографий, на которых они сняты вместе. Зоя хорошо помнила этот день — это был её день рождения, они гуляли по Москве, катались на теплоходе, и Марьяна везде фотографировала их. Это был один из самых замечательных дней, когда они много смеялись. Там даже была фотография, где он держал Зою на руках.

— Мне они не нужны, — наконец выдавил Руслан, наблюдая, как Зоя перебирает фотографии, а любопытные однокурсницы с интересом смотрят на них.

— А мне тем более, — с вызовом сказала Зоя и начала рвать фотографии на мелкие кусочки и бросать прямо на пол. — Надеюсь, уборщица выкинет этот мусор, — добавила она презрительно.

Повисла пауза, Зоя посмотрела на Руслана и заметила, что он потрясён её расправой над фотографиями. Обстановка была скованная, ещё минута, и Зоя, может быть, и расплакалась, к всеобщему удовольствию завистливых девчонок, но в этот момент, она увидела Юру. Она совсем забыла, что они договорились, что он зайдёт отдать ей кассеты. Воспользовавшись ситуацией, она прошла прямо по клочкам фотографий к нему мимо ошарашенного Руслана и удивлённых однокурсников. На этот раз она не просто подошла к Юре, а поцеловала в щёчку, поправила шарфик, всем своим видом показывая, что он ей вовсе не друг.

— Обнимаю меня скорее и уводи, — прошептала она.

Юра взял Зоину сумку и, обняв за плечи, повёл к выходу. По пути им попался профессор, который узнал Зою и удивлённо на неё посмотрел, но ей было наплевать.

— Ты мой спаситель, — сказала она Юре, когда они отошли на безопасное расстояние.

— Я готов проделывать это ежедневно, — улыбнулся он. — Куда мы идём? И что произошло?

— Давай я расскажу тебе позже, — отмахнулась она, не желая вспоминать о сцене, которую устроил Руслан. «Вот ведь выбрал время, чтобы вернуть мне фотографии, — думала она, злясь на Руслана. Нет, чтобы спокойно отдать наедине или разорвать, в конце концов. Хорошо ещё, что Юра вовремя появился». Зоя посмотрела на него с нежностью.

— У меня такое плохое настроение, что я не пойду на лекции. Поехали домой, а по пути погуляем в парке, если ты не занят.

— Для тебя я всегда свободен.

Они вышли из метро Кузьминки и пешком пошли в лес. По пути Юра купил вина и орехи.

— По какому поводу? — спросила Зоя.

— Есть повод, — он грустно улыбнулся, отметив про себя, какая она сегодня

хорошенькая в бежевом пальто с капюшоном и распущенными волосами.

Они нашли свободную скамейку у озера и сели. Юра разлил вино по пластиковым стаканчикам. Только тут Зоя обратила внимание, что он сегодня какой-то грустный, не шутит, как обычно.

— Давай выпьем за тебя, — он поднял стаканчик. — Я хочу, чтобы ты знала, ты лучшая девушка на свете.

— Ой, что это с тобой, ты не заболел, случайно? — Зоя дотронулась ладошкой до его лба. — Ты никогда не говорил мне комплиментов. — Он поймал её руку и поцеловал. Зоя смутилась.

— Сегодня особенный день, — сказал он, — я уйду в армию.

Зоя чуть не разлила вино от неожиданности.

— Ты в армию? Но, у нас же в институте бронь.

— Сняли. Все ребята уходят, те которые не отслужили. Так что, останутся одни девчонки. Просто ещё никто не знает, мой отец узнал по своим каналам. Ты же знаешь, он у меня в КГБ работает.

— Этого не может быть! Да как же это так? Ребята специально поступали, чтобы в армии не служить.

— Ну, ничего, армия ещё никому не повредила.

— Может, твой отец как-нибудь похлопочет, чтобы ты остался, а?

— Нет, я хочу служить. — Он сделал паузу. — В Афгане.

— Да ты с ума сошёл?! Зачем? Не надо этого делать, это очень опасно. Сколько наших парней там погибло.

— Я всё решил, — сказал он твёрдо.

Зоя посмотрела в его родное такое милое лицо и внезапно поняла, что тот мальчик, которым она всегда его считала, исчез. Вместо него перед ней стоял молодой, уверенный в себе мужчина, который твёрдо знал, что он хочет.

Она отвернулась, чтобы скрыть волнение. Желтые листья медленно кружились на ветру и ложились на землю разноцветным ковром. Ей вдруг захотелось плакать. Она знала Юрку много лет: если он на что-то решался, отговорить его никогда получалось. Значит, возможно, это последняя их встреча.

Юрка обнял Зою за плечи и удивился слезам, которые заметил в её глазах. Неужели он всё-таки ей не безразличен? Какой же он был дурак, что так и не рискнул признаться ей в своих чувствах. Боялся отказа, ведь после этого они уже не смогли бы стать друзьями. А теперь слишком поздно. Когда он вернётся, если вернётся, конечно, он обязательно ей скажет. Только вот, наверно, она уже к тому времени будет замужем.

— Ну зачем тебе чужая война, Юрка?

— Я не могу объяснить. Я должен быть там. Хочу сражаться вместе с нашими парнями. Я похоронил многих своих друзей, которые вернулись оттуда в цинковых гробах. А ещё я хочу, чтобы ты гордилась мной.

— Не говори так, это безумие, — Зоя закрыла лицо руками и заплакала.

— Всё будет хорошо, — он протянул ей свой чистый платок. — Не надо плакать, я вернусь, и мы ещё посидим с тобой на этом озере.

Зоя вытерла слёзы.

— Ты будешь мне писать? — спросил он.

— Конечно, каждый день.

— А ждать?

— Ну, а как же? Ты же мой самый лучший, самый преданный друг. Я не знаю, как буду без тебя.

«Друг, всегда только друг, — грустно подумал Юра. — Ну ничего, когда-нибудь я открою ей правду».

Они допили вино и скормили белкам орехи, которые не съели сами. И вроде бы всё было, как раньше, но оба уже чувствовали разлуку впереди и грустили.

После отъезда Юры в Афганистан Зоя ещё больше начала чувствовать себя одинокой. У всех вокруг, казалось, что-то происходило: её знакомые девчонки ходили на свидания, ссорились и мирились, а в её жизни была тишь да гладь, которую она люто ненавидела. Зоя даже завидовала Марьяне, что та испытывала такое всепоглощающее чувство к Сергею, которое хотя и не было взаимно, но было так волнующе и прекрасно. Все вечера Марьяна просиживала дома в надежде на то, что он придёт, но, несмотря на их близкие отношения, Сергей встречался со всеми девушками в округе и мало проводил с ней времени. Так что теперь Зоя часто приходила к ней, и они вместе ждали звонков от Сергея и страдали, одна от невнимания того, кто уже есть, другая от того, что никого нет. А в девятнадцать лет так хочется любить и быть любимой!

После случая с фотографиями Руслан перестал игнорировать Зою и вновь начал с ней здороваться. Всех ребят, кроме него, уже забрали в армию, и он теперь просто был вынужден общаться только с девчонками, которые буквально носили его на руках, как единственного мужчину в группе. Руслан купил несколько костюмов и теперь выглядел, как тот молодой человек, с которым можно познакомить маму.

Один раз, сдавая зачёт по теории машин и механизмов, Зоя и Руслан задержались и вышли из аудитории вместе. Поговорили о зачёте, о предстоящей сессии, вместе дошли до метро. Сегодня после занятий Зоя собиралась поехать в квартиру дедушки на Малой Бронной, чтобы навести порядок к его приезду из санатория. Они вместе доехали до Маяковской, и Руслан, выдумав предлог, вышел вместе с ней.

— Если хочешь, можешь проводить меня, — сказала Зоя и поспешно добавила: — погода очень хорошая, прогуляемся.

Руслан молча шёл рядом, и Зоя догадалась, что он по-прежнему злиться.

— Давай забудем прошлое, — предложила она.

— Как можно забыть такое? Ты выставила меня на посмешище перед всей группой, — раздражённо ответил он.

— А зачем ты вернул мне при всех наши фотографии?

— А как ты могла их разорвать?

Так, препираясь, они дошли до скверика на Пионерских прудах, и Зоя показала ему дом, где она жила до школы.

— Здесь очень красиво, — молодой человек посмотрел вокруг. — А почему ты не живёшь здесь сейчас?

— Мама настаивает, чтобы я переехала к дедушке, чтобы присматривать за ним, но я пока не соглашаюсь. Мне нравится жить в Кузьминках, у меня там друзья.

— Давай ещё пройдемся вокруг пруда?

— Я ждала, что ты это мне предложишь.

— Эх, Зоя, Зоя! — он взял её за руку. — Зачем же ты так поступила?

— Я была не уверена в наших отношениях, но я не хотела тебя обидеть.

— А сейчас? — он посмотрел ей в глаза.

— Я не знаю, — ответила она жалобно и совершенно неожиданно для себя сказала: —

Я скучала без тебя.

— Я тоже, — он обнял её. — Знаешь, что я понял за время нашей ссоры?

— Что? — спросила Зоя, уже зная ответ.

Они стояли на берегу пруда, по которому плавали утки. Наступала весна и первые молодые листочки распускались на деревьях, образуя нежное зелёное кружево. Весеннее солнце заставляло встряхнуться после зимней спячки и вместе с пробуждающейся природой начать жизнь заново. Вот и Зоя внезапно почувствовала, что готова к серьёзным отношениям.

— Я люблю тебя, — сказал Руслан.

Зоя почувствовала, что щёки у неё загорелись. Никто до этого не признавался ей в любви, если не считать всякие школьные романы.

— Ты прости меня за то, что я тогда тебя оттолкнула.

— Уже простил. Ты ещё маленькая капризная девочка, которая не знает, что хочет.

— Я знаю, — серьёзно сказала Зоя и взяла его за руку. — Пойдем, я покажу тебе, где жила раньше.

Под неодобрительным взглядом консьержа, который знал Зою с детства, они поднялись по широкой лестнице к лифту.

— Зоя, да ты жила во дворце! — воскликнул Руслан, когда они прошли по всем комнатам с высокими четырёхметровыми потолками. — Я чувствую себя маленьким и ничтожным в таком доме.

— Ну, перестань. Дедушке дали эту квартиру от министерства. Он у меня очень способный, даже написал несколько книг по электротехнике. Я жила здесь до школы и вовсе не была счастлива. Не люблю вспоминать своё детство. Бабушка всё время ругала меня, мама приезжала редко, а наши семейные праздники были сплошным кошмаром, в котором главными действующими лицами были мы с отцом. Потом, когда он ушёл, всё внимание досталось мне. Только дедуля поддерживал меня во всём.

— Наверно, у тебя хороший дедушка.

— Да, очень. Он никогда не ругается. Иногда, я думаю, что он единственный, кто меня любит.

— А мама?

— Мама? — Зоя задумалась. — Мама у нас, как большой ребёнок, о котором надо заботиться.

— Странно это как-то, — сказал Руслан. — Я буду любить тебя и заботиться о тебе.

— Ловлю тебя на слове, — игриво ответила Зоя, ставя на плиту чайник.

— Ой, а я ничего купил к чаю, — расстроился Руслан.

— Тогда беги в магазин, он за углом, а я пока приберусь.

Зоя успела быстро смахнуть пыль с наиболее видных мест и протереть пол, когда Руслан появился с пирожными и конфетами. До чая дело дошло только к вечеру. Сначала они слишком долго целовались, а потом и произошло то, что так долго откладывалось, но на этот раз Зоя не имела ничего против его решительности. И вовсе не потому, что ей так этого хотелось, а из чистого любопытства испытать, о чём она так много слышала от подруг. Но не произошло ничего необычного, может быть, потому что они оба были слишком неопытны, а,

может быть, слишком волновались. Превращение из девушки в женщину Зое представлялось несколько иначе, не так быстро и обыкновенно. Руслан чувствовал, что она немного расстроена и весь вечер был с ней очень ласков, говорил много хороших слов, и, в конце концов, она почувствовала себя счастливой.

Дальше всё продолжалось также тихо и спокойно, только теперь между ними ещё существовали и другие отношения, а не только поцелуи. Руслан познакомил Зою со своей мамой и сестрой, и они, как он ей позже признался, одобрили его выбор. Как-то незаметно для них самих дело двигалось к свадьбе.

Единственное, что беспокоило Зою, редко проявляющиеся, но слишком сильные вспышки гнева у Руслана. Один раз это было, когда Зоя сказала, что ей не нравится пляж, на который он её привёл. Руслан в ярости сорвал часы с руки, бросил на песок и отошёл в сторону. В другой раз разорвал книгу, из-за того, что разошлись во мнениях по поводу прочитанного. Потом Руслан просил прощения, они мирились, но неприятный осадок оставался, и Зоя опять начинала сомневаться. А тем временем все знакомые девчонки начали выходить замуж, у некоторых появились дети, а кто-то гордо хвастался выросшим животиком. Зою тоже частенько спрашивали, когда же они поженятся, но она, не уверенная в том, что готова к замужеству, отшучивалась тем, что ей пока предложения не сделали.

Как-то они, прошагав по бульварам из института, случайно оказались на Пионерских прудах. Начали вспоминать, как были здесь однажды.

— Ты ни о чём не жалеешь? — спросил Руслан.

— Нет, — покачала головой Зоя. — Мне хорошо с тобой.

— Ты редко говоришь, что любишь меня. По-прежнему не уверена в своих чувствах?

— Конечно, я тебя люблю, — сказала она.

— Правда?

— Правда.

— А ты выйдешь за меня замуж?

Зоя растерялась. Кажется, ей сделали предложение, и вот сейчас она должна ответить «да» или «нет». Если ответит «нет», то потеряет его, если «да», то её жизнь будет связана с этим человеком, они будут вместе воспитывать детей, спать в одной постели и многое другое. Все эти мысли с быстротой молнии пронеслись в её голове.

— Ты серьёзно? — спросила она, чтобы потянуть время.

— Хочешь, чтобы я встал на колени?

— Нет, — быстро сказала Зоя, подумав, что ей бы это понравилось. И ещё большой букет роз и...

— Ты не ответила, — настаивал он.

— Я думаю, — улыбнулась Зоя. — Не будь таким нетерпеливым. Лучше скажи, что ты меня любишь и жить без меня не сможешь.

— Утоплюсь в этом пруду, если не скажешь «да».

— Вряд ли тебе удастся утонуть, ты слишком хорошо плаваешь, — дразнила его Зоя.

— Не отвлекайся от темы.

— Ты ещё не сказал, что я просила.

— Люблю и жить не смогу. Ну, а если честно, то смогу, но плохо.

— Вот и живи плохо, — Зоя улыбнулась и сделала вид, что хочет уйти. Он схватил её за руку и прижал к себе.

— Да или нет?

— Поцелуй меня.

— Пожалуй, да, — прошептала она после поцелуя.

— Ура! — он схватил её на руки и поднял. — Это надо отметить, сейчас идём в кафе и заказываем шампанского.

— Тогда носи меня туда на руках.

— Ладно, твои желания для меня закон, — Руслан легко подхватил её на руки и пошёл по дорожке, а Зоя смеялась, замечая удивлённые и неодобрительные взгляды прохожих. Сейчас, когда решение было принято, она была уверена, что поступила правильно. Руслан будет хорошим мужем и отцом для их детей. И прочь всякие мечты о великой любви. Это всё сказочки для романтических дурочек. У них будет хорошая семья, не такая, как у её родителей.

— Мамуль, Руслан сделал мне предложение, — сказала за ужином Зоя.

— Замуж? — Диана Дмитриевна поставила чашку с чаем на стол и посмотрела внимательно на дочь.

— И я согласилась, — поспешно ответила Зоя, испугавшись, что мама начнёт уговаривать её подождать до окончания института.

— Ну что ж, раз вы решили, — Диана Дмитриевна осторожно подбирала слова, чтобы не показать, что она довольна выбором дочери. — Ты уверена, что поступаешь правильно?

— Конечно, мама, мы встречаемся почти год, а знаю я его гораздо дольше.

— Я обещала тебе не мешать, помнишь? Дала себе слово не вмешиваться в твою личную жизнь, как твоя бабушка вмешивалась в мою.

— Помню.

— Так вот, — Диана Дмитриевна, — грустно посмотрела на дочь. — Я вмешиваться не буду, но на твоём месте я бы ещё подумала. Твой Руслан не самая хорошая партия, и мне кажется, он чётко просчитал, что ты — богатая невеста, поэтому и вцепился в тебя мёртвой хваткой.

— Мама, ну как ты так можешь говорить?! — возмутилась Зоя. — И о каком богатстве ты говоришь?

— У тебя будет потом после нашей смерти две квартиры. Эта в Кузьминках и ещё на Бронной, в которую тебя прописал дедушка. Неужели ты надеешься, что, делая тебе предложение, он об этом не подумал?

— Мама, он любит меня и начал ухаживать за мной, когда ещё ничего не знал.

— Охотно верю, ты — красивая девочка, у тебя хороший характер. Почему бы за тобой и не поухаживать? А ты, кроме него ни с кем и не встречалась, только с Юрой. Кстати, Юра мне больше нравится, и вы подходите друг к другу. А с Русланом вы разные.

— Мамочка, с Юрой мы просто друзья, — Зоя нахмурилась. — От него нет писем уже полгода, я даже матери его звонила. Он тоже ей не пишет. А мне бы так хотелось пригласить его на свадьбу.

— Не думаю, что он будет в восторге, — заметила Диана Дмитриевна. — И что это была за глупая идея с Афганистаном?

— Юрка хотел отомстить за друзей и вернуться героем.

— Вернулся бы живым и здоровым, — вздохнула Диана Дмитриевна. — Кстати, о свадьбе. Давай сразу всё обсудим. Я с вами жить не буду. Тебе твой Руслан, может, и мил, но я его в своей квартире не представляю, — добавила она совершенно другим жёстким голосом.

Зоя сразу почувствовала себя маленькой девочкой и сжалась на табуретке. Радостное настроение испарилось. А на что она рассчитывала? Мама много раз говорила, что ей не нравится Руслан. Но что же им делать? Мысль о том, чтобы жить у Руслана не пришла ей в голову. Она бы не смогла жить с чужими людьми.

— Если всё-таки поженитесь, можете поехать к дедушке на Малую Бронную, — сказала Диана Дмитриевна, заметив, что Зоя с трудом сдерживает слёзы.

— К дедушке?

— А что здесь такого? Ему веселее с вами будет, а ты будешь за ним ухаживать, он уже старенький. Я очень волнуюсь за него, с тех пор, как он остался один.

— Ты думаешь, дедуля согласится?

— Я уверена в этом. Он любит тебя, и ему очень одиноко после смерти бабушки. Там прекрасная квартира. Даже слишком для такого жениха.

— Мамочка, ну перестань. Руслан хороший, ты его не знаешь. Но я не представляю, как я буду жить с дедушкой. Я так люблю эту квартиру, у меня здесь друзья, и мне так нравилось гулять в парке с Юрой.

— Мне кажется, о прогулках с Юрой тебе придётся забыть, если ты собираешься замуж, — саркастически заметила мама. Впрочем, у тебя есть выбор — остаться здесь и не выходить замуж или выйти замуж и уехать, — подвела итог Диана Дмитриевна, выходя из кухни.

Ночью Зоя спала плохо. Утром поняла, что поторопилась. Вопрос, где они будут жить, как ни глупо это выглядело, не обсуждался, и Зоя наивно решила, что Руслан будет жить с ними в Кузьминках. Переезд на Малую Бронную воспринимался, как возвращение в прошлое, когда она была ненужной маме девочкой, считающей дни до её приезда. В той квартире витало столько детских обид, что начинать семейную жизнь там совершенно не хотелось. Но как теперь взять данное слово назад? В конце концов, она решила посоветоваться с Русланом.

— Знаешь, это даже к лучшему, — сказал Руслан. — Мне кажется, что мама твоя не очень-то меня любит, и маловероятно, что я бы с ней поладил. Она кажется мне человеком, который думает только о себе.

— Да как ты можешь так говорить о моей маме?! — возмутилась Зоя. — Она воспитывала меня одна с двенадцати лет. Знаешь, сколько ей приходилось работать?!

— Прости, не хотел тебя обидеть, — быстро среагировал Руслан, думая о том, что кто-то явно внушил Зое мысль, что Диана Дмитриевна много для неё сделала. На самом деле он считал будущую тещу избалованной и эгоистичной женщиной, и трепетное отношение Зои у матери его здорово раздражало. «Ну, ничего, это пройдёт, когда она выйдет за меня замуж». Главное для Руслана было вырваться из дома, чтобы не встречаться с отцом. Если бы Зоя знала, как он ненавидит его с самого детства. За его пьянство, за измены, а ещё больше за то, что он не считает его своим родным сыном. Когда, отец это впервые озвучил, Руслан тогда подбежал к зеркалу и долго искал в своём смуглом лице черты отца. На самом деле они были не похожи. Он был похож на мать, а копией отца была его сестра, Марина, которую отец обожал. Так и было в его семье, мать любила Руслана, а отец Марину. Но с этим ещё можно было смириться, если бы отец не гулял. В гарнизоне он не проходил мимо ни одной женщины, казалось, он должен был переспать со всеми просто для того, чтобы расстроить мать. А она, конечно, обо всём знала и много плакала.

— О чём ты так задумался? — отвлекла его от мрачных мыслей Зоя.

— Я думал об отце, — сказал он правду. — У моих родителей развод на этой неделе.

— Да что ты?!

— Да, но это к лучшему. Мать решила его напугать, чтобы он себя вёл, как следует.

— Напугать разводом? Это как? — удивилась Зоя.

— Ну, я должен тебе, наверно, рассказать о своей семье, — вздохнул Руслан. — На пенсии отец стал слишком много пить, и мать решила отправить его жить в Балашиху, а мою бабушку, которая живёт там, забрать к нам в Строгино.

— Что-то я не понимаю, как его можно этим напугать?

— Это мать так решила. Она хочет, чтобы он остался совсем один, сам себе готовил, стирал и убирался. Думает, он соскучится и вернётся.

— Странное какое-то решение, — пожалла плечами Зоя. — Ну, маме твоей, конечно, виднее. Мне кажется, в таком возрасте человека перевоспитать невозможно.

— Я тоже так думаю, — согласился с ней Руслан. — Отец как был подлецом, так и останется. Просто мать любит его до сих пор. Ты не представляешь, Зоя, сколько моя мать с ним пережила, на какие унижения шла, только чтобы семью сохранить, а он... — Руслан

замолчал.

— Ладно, не переживай. Когда мы будем жить вместе, ты с ним редко будешь встречаться, — Зоя взяла его под руку.

— Эх, если бы можно было его на нашу свадьбу не приглашать... — продолжил Руслан.

— Но это неприлично, — заметила Зоя. — Всё-таки он отец.

— Знаю, да и мать не согласится.

Всю семью в сборе Зоя увидела, когда они с мамой пришли знакомиться. За это время Диана Дмитриевна примирилась с решением дочери и даже нашла в положительный момент. Если Зоя будет жить там, за дедушку можно не волноваться.

За столом Зоя чувствовала себя не слишком свободно. Диана Дмитриевна, сидя слишком прямо, почти ничего не ела, Надежда Ивановна, мать Руслана, то хлопотала на кухне, то бросала колючие взгляды на мужа, Андрея Валерьевича. Он уютно расположился в кресле у окна, не утруждая себя беседой, и лишь иногда посматривал на Диану Дмитриевну и Зою. Лучше всех чувствовала себя Марина, которая с аппетитом поела приготовленные кушанья, успевая поглядывать в телевизор.

Наконец, взрослые решили перейти к делу и обсудить предстоящую свадьбу, которую Зоя с Русланом, чтобы не вводить родителей в лишние расходы решили сыграть дома. Слушая разговоры о том, кто, что будет покупать и готовить, Зоя рассматривала Андрея Валерьевича. Несмотря на рассказы Руслана, она чувствовала к нему симпатию, хотя он держался отстранённо, словно предстоящая свадьба сына его вовсе не занимала. «Неужели, это про него Руслан рассказывал такие гадости?!» — думала Зоя, удивляясь приятному впечатлению от романтического облика будущего свекра. Рядом с этим высоким моложавым мужчиной с волнистыми волосами его маленькая пухленькая жена с химическими кудряшками казалась намного старше, чем была на самом деле. «Он не может быть плохим человеком», — решила Зоя под конец встречи.

По дороге домой мать и дочь молчали.

— Ну, что ты молчишь, мам? — первой не выдержала Зоя.

— Ой, не знаю, — Диана Дмитриевна посмотрела на дочь. — Мне они все так не понравились. Такая странная семья, эти Яковлевы. К тому же за столом даже не было ножей, и я с трудом справилась с мясом. Это говорит о том, что они совершенно невоспитанны. А Марина, да и Надежда Ивановна, так чавкают за столом, что я не знала, куда деться от стыда.

— Да не расстраивайся ты так, это не самое главное, — успокаивала её Зоя. — Зато всё было так хорошо приготовлено, я давненько не ела такой вкусной курицы. А что ты скажешь об отце Руслана? — спросила она, чтобы перевести разговор на другую тему.

— Красивый мужчина, но такой угрюмый. Подумать только, у него сын женится, а он за весь вечер сказал несколько коротких фраз и даже не присел за стол. Это уму непостижимо. Может, ты откажешься от замужества?

Зоя покачала головой.

— Я уже не могу, мы заявление подали. И потом, мне жить с Русланом, а не с его семьёй.

— Знаешь, семья мужа тоже имеет значение, они будут приходить в гости, и Надежда Ивановна будет во всё вмешиваться, а твой Руслан будет её слушать. Если бы только твоя

бабушка была жива, она бы никогда не согласилась на этот брак. Не могу отделаться от ощущения, что ты совершаешь непоправимую ошибку.

Зоя и сама так иногда думала и не могла понять, что же заставляет её с таким упрямством стремиться к этому замужеству. Было ли это желанием изменить свою жизнь и избавиться от надоевшей маминой опеки, или просто она боялась одиночества?

За три дня до свадьбы Зоя увидела в универсаме Юрину маму. Любовь Владимировна укладывала продукты в хозяйственную сумку, когда Зоя подошла к ней и спросила о Юре.

— Здравствуй, Зоя! Нет, ничего не знаю, — сказала она, и крупная слеза поползла у неё по щеке. — Есть сведения, что он попал в плен. Кто-то говорил, что бежал. Ничего не знаю, — покачала она головой и достала носовой платок.

— Не расстраивайтесь, я чувствую, он жив, — успокаивала её Зоя.

— И зачем он пошёл на эту войну?! Ведь отец мог оставить его служить в Подмосковье, — горестно сказала Любовь Владимировна.

— Он хотел вернуться героем, отомстить за друзей.

— А ты знаешь ради кого он всё это делал?

— Ради вас, конечно.

— Нет, Зоя, — Любовь Владимировна грустно посмотрела на девушку. — Ради тебя. Он хотел стать героем, чтобы ты, наконец, обратила на него внимание.

— Этого не может быть!

— Ещё как может! — Юрина мать взяла сумку. — А ты, как я слышала, замуж выходишь?

Зоя почувствовала себя виноватой. Юрка пошёл на войну из-за неё?! Но ведь они же были просто друзьями. Она вспомнила их последнюю встречу в лесу, ласковый взгляд его влюблённых светло-карих глаз. Неужели он действительно любит её? Только что же он так долго молчал?

— Он никогда не говорил мне, что любит меня, — тихо сказала она, не глядя на его мать.

— Да у него вся комната увешена твоими фотографиями. А когда свадьба, Зоя?

— Через три дня.

— Дождись его! — она схватила Зою за руку. — Не выходи замуж. Никто не будет любить тебя так, как он. Не предавай его. Ты не можешь так поступить с моим сыном.

— Любовь Владимировна, — Зоя мягко высвободилась. — Я понимаю ваше состояние, и поверьте мне, я тоже переживаю из-за Юры, но не в моих силах уже что-нибудь изменить.

Огонёк надежды, загоревшийся в заплаканных глазах Любви Владимировны, когда у неё появилась надежда отговорить Зою, погас, и она вновь превратилась в сломленную горем женщину.

— Делай, как знаешь. В любом случае желаю тебе счастья.

Зоя понуро вышла из магазина. Эта встреча расстроила её, последнее время её почему-то всё расстраивало, даже Руслан вчера разозлился из-за ерунды, и они поссорились. «А, может быть, правда, отменить свадьбу? — подумала она. — Дождаться Юрку, поговорить с ним. А как же Руслан, он любит её?! Нет, она не из тех невест, которые сбегают из-под

венца. Она из тех, кто держит слово. Ведь приняла же она решение выйти замуж за Руслана? Значит, надо держать слово.

Только вот почему все вокруг так и пытаются отговорить её?

В день свадьбы Зоя проснулась рано. Босиком подбежала к окну и расстроилась, глядя на огромные лужи. Сильный ветер яростно трепал мокрые деревья, а из приоткрытой форточки сильно дуло. С трудом верилось, что на дворе июнь, и вчера ещё светило солнце. «Кажется, даже природа против нашего союза», — мрачно подумала Зоя и, накинув халат, вышла на кухню.

— Доброе утро, дедушка, — сказала Зоя, поцеловав Дмитрия Александровича в выбритую щеку.

Ему тем более не спалось в этот день, когда его любимая и единственная внучка выходила замуж. Он встал в шесть часов и принялся за приготовление салатов к свадебному столу.

— Что же ты так рано встала? — Дмитрий Александрович посмотрел на внучку с любовью.

— Не спится что-то. А на улице дождь, — пожаловалась она.

— Ну, ничего, — он обнял её свободной рукой, — я слышал, что в дождь заключаются крепкие браки.

— Ты всегда успокаиваешь меня, — Зоя с нежностью посмотрела на него. Единственный, кто не высказывался против её свадьбы, был дедушка, он поддерживал её во всём и считал Руслана положительным, несмотря на то, что он плохо справлялся со столовыми приборами и неправильно произносил некоторые слова.

— Я сейчас умоюсь и тебе помогу, — предложила она.

— Ни в коем случае. Ещё не хватало невесте в день свадьбы резать салаты. Иди лучше готовься, сходи в парикмахерскую.

— Какая парикмахерская, дедуля?! Там льёт, как из ведра. От причёски всё равно ничего не останется. Сделаю что-нибудь сама.

— Ты всё равно будешь самая красивая.

Зоя подошла к зеркалу и долго смотрела на себя. Итак, сегодня она выходит замуж, а значит, станет совсем взрослой. Она расчесала длинные волосы и собрала их в хвост. Странно, что она не чувствует ни радостного возбуждения, ни волнения, даже нет никакого желания наряжаться и стараться быть красивой. Самое обычное будничное настроение и совсем не свадебное. Она вздохнула и, услышав звонок телефона, побежала по длинному коридору.

— Ну, здравствуй, Зоя, — услышала она хорошо знакомый голос и даже подпрыгнула от радости.

— Юрка! Ты жив! Я не могу поверить.

— Зоя, милая моя, — его голос дрожал от волнения.

— Ты дома?

— Да, я только что вошёл, мама ещё не вернулась с ночной смены, дома только отец. Я позвонил тебе домой, а Диана Дмитриевна сказала, что ты ночуешь у дедушки и дала твой номер.

— Она больше тебе ничего не сказала? — осторожно спросила Зоя.

— Нет, а что?

«Как это похоже на маму, — подумала Зоя. — Наверно, надеется, что я передумаю».

Зоя набрала в грудь побольше воздуха и решила не тянуть:

— Ты можешь меня поздравить, я выхожу сегодня замуж.

— Поздравляю, — сказал он изменившимся голосом после паузы.

— Почему ты не спрашиваешь за кого?

Он чуть было не сказал «какая разница», но вовремя взял себя в руки.

— За кого?

— За Руслана. Я приглашаю тебя на свадьбу. Ты даже можешь быть нашим свидетелем, если хочешь.

— Зоя, я... — Юра подбирал слова, думая, что сойдёт с ума, если увидит её в белом платье, выходящей замуж за другого. Он опоздал. Опять опоздал. Но он не может не увидеть её. — Зоя, я не могу прийти к тебе на свадьбу, но если я подъеду через час, ты сможешь уделить мне десять минут?

— Конечно, я выйду на улицу, хотя лучше ты зайдёшь ко мне, а то промокнем. Руслан и гости приедут к часу, а сейчас ещё половина девятого. Успеешь?

— Уже бегу, — он бросил трубку.

Зоя опустила в кресло и почувствовала себя счастливой. Юра вернулся, всё хорошо. На какой-то момент её охватило раскаяние. Это же надо назначить свидание в день свадьбы?! Но она же не могла отказать ему! Он вернулся с войны, и ей не терпелось услышать подробности. А потом, может, так случится, что она угорит его остаться и на свадьбу.

Менее чем через час, Юра уже позвонил в дверь. Держась за руки, они долго рассматривали друг друга. Прошёл год, а Юра меньше всего походил на того мальчика, с которым Зоя рассталась. Теперь он выглядел даже старше Руслана, в тёмных волосах появилась первая седина, взгляд стал более уверенным и твёрдым, а первые, едва заметные морщинки, показывали сколько ему пришлось пережить. С грустью Зоя заметила, что он прихрамывает.

— Ну, рассказывай, — она уселась напротив и приготовилась слушать.

Юра печально улыбнулся.

— О чём? О том, что я потерял тебя?

Зоя смутилась.

— Нет, про войну. Ты был ранен?

— Да, попал в плен, но удалось бежать. Кости срослись неправильно, и теперь нога постоянно даёт о себе знать, но я уже привык этой боли. Есть вещи, которые гораздо тяжелее переносить.

— Ну, сбылась твоя мечта? Ты вернулся героем!

— Да, вернулся героем, есть награды, но... — он остановился и посмотрел на Зою, сидящую перед ним в джинсах и футболке. На мгновение ему показалось, что она разыграла его со свадьбой. — Неужели ты выходишь замуж?

— Да, — Зоя отвела глаза. — Но ты должен знать, что я горжусь тобой. Ты такой смелый, такой... — она не могла подобрать слов, и ей захотелось плакать.

— Тогда почему ты выходишь замуж за другого?

— А почему ты никогда не говорил мне, что любишь меня?

Юра отвернулся и подумал, что уже слишком поздно. Зоя не из тех, кто убегает из-под венца.

— Я и сейчас тебе не скажу, что люблю.

— Тогда зачем всё это?

— Я пришёл поздравить тебя со свадьбой.

— Спасибо, ты можешь остаться и присоединиться к другим гостям.

— У меня нет настроения, и я боюсь испортить твой праздник.

— Тогда зачем ты пришёл?

— Я должен сказать тебе одну вещь. Я выжил благодаря тебе. Твоя фотография, вот эта, — он достал небольшую карточку, где Зоя была снята в школьной форме, — была со мной повсюду, даже в плену. Когда мне было больно, я смотрел на твоё лицо, и это придавало мне сил. После похорон товарищей я доставал эту фотографию и благодарил судьбу за то, что у меня есть ты. Когда мы сбежали из плена, меня мучила жажда, а воды достать было негде, я смотрел на фотографию и терпел. Когда я умирал от голода, я снова доставал твою фотографию, — Юра поднял на неё глаза и увидел, сквозь пелену собственных слёз, слёзы в её огромных глазах.

Он поднялся и встал перед ней на колени, прижав её руку к своим губам.

— Я пришёл сказать тебе спасибо за то, что ты есть, — он неловко поднялся с колен и, не прощаясь, пошёл к выходу, а потом оглянулся. Она плакала. Он будет плакать всю жизнь, потому что больше никого не сможет полюбить.

Диана Дмитриевна и Марьяна приехали пораньше, чтобы помочь Зое одеться и застали её в слезах.

— В чём дело, доченька? — Диана Дмитриевна бросилась к дочери. — Ты не хочешь выходить замуж?

— Я не знаю. Я, вообще, ничего не понимаю. Он вернулся, он любит меня, а я...

— Да о ком ты говоришь? — нетерпеливо спросила Марьяна.

— О Юре, он был здесь. Что же мне делать? Что я, вообще, делаю?

— Успокойся, Зоя, — Марьяна подошла к ней. — Через два часа приедут гости. Всё хорошо. Просто Юрка немного расстроил тебя, но я всегда говорила, что он к тебе не равнодушен. Он тебе никогда не нравился, ты говорила, что он маленький для тебя.

— Он изменился, он прошёл войну, и... — Зоя вопросительно посмотрела на маму.

— Зоя, доченька, ты ведёшь себя глупо. Он что, сделал тебе предложение? Зачем он, вообще, явился к тебе? Марьяна, ну скажи ты ей? Я уже сама ничего не понимаю. Может, ей не надо выходить замуж? Но у нас всё готово, — она беспомощно развела руками.

— Да какого чёрта Юрка молчал столько лет?! — возмутилась Марьяна. — Забудь ты его. Выходи замуж и будешь счастлива. Руслан в тебе души не чает, а этот наш одноклассничек еще десять лет тебе голову морочить будет. Одни фантазии в голове, то война, любовь. Успокойся, пожалуйста. Здесь есть валерианка? — она пошла на кухню, где Дмитрий Александрович по-прежнему резал салаты.

— Что с Зоей? — всполошился он.

— Всё нормально, нервная лихорадка перед свадьбой, — заверила его Марьяна и, накапав двойную дозу в хрустальную рюмку, вернулась в комнату. — Диана Дмитриевна, мне кажется на кухне нужна ваша помощь.

Нахмутив подведённые идеальной формы брови, она выплыла из комнаты. Марьяна тут же под села к Зое и горячо заговорила:

— Ты же помнишь, как ты мне рассказывала, что всегда мечтала иметь семью, где всё будет спокойно, не так как у наших родителей, а по-другому, где детей не будут ругать за плохие отметки, а всегда будут стараться их понять? Семью, в которой дети и родители смогут быть друзьями, и им никогда не будут трепать нервы понапрасну? Дом, где будут царить шутки и смех, а не нотации и замечания? Помнишь?

— Помню, — всхлипнула Зоя, делая глоток валерианки.

— Пей всё до конца. Сегодня у тебя есть шанс осуществить свою мечту. Руслан серьёзный парень, который любит тебя. И то, что ты не безумно влюблена, вовсе не означает, что ты не должна выходить за него.

— Наверно, ты права.

— Так в чём же дело? В этом герое, которому чужая война мозги снесла напрочь? Только полный идиот будет ждать пять лет, чтобы признаться в любви и сделать это в день свадьбы с другим мужчиной. Вот пять лет молчал, а сегодня пробило, да? — Марьяна всплеснула руками, и её волнистые кудри разлетелись по плечам. — Да и, вообще, какой из него муж?! Вот песни петь под гитару где-нибудь в клубе — это для него, а семейные обязанности и воспитание детей ему совершенно не подходят. Он убежит от всего этого

через месяц, даже если осмелится сделать тебе предложение. Да и в том, что дело дойдёт до свадьбы, уж извини меня, подружка, я тоже сомневаюсь.

— Ты всегда недолюбливала Юру, — сказала Зоя, тем не менее, отмечая в словах подруги здравый смысл.

— А сейчас ещё больше, особенно после того, как он тебе испортил настроение в такой день. Ведь, если ты откажешь Руслану, потеряешь его навсегда. А получится ли у тебя что-нибудь с афганским героем, ещё неизвестно. Насколько я понимаю, он не сказал, не выходи за Руслана, а выходи за меня?

— Нет. Да, ты права, во всём права, — Зоя подошла к окну и снова посмотрела на лужи. — Я сама не знаю, что со мной такое. Может, это дождь на меня так действует. Ненавижу дождь, и надо же было ему пойти в день свадьбы.

— Ну ладно тебе, — Марьяна тоже подошла к окну. — Машину подадут к самому подъезду, и ты не успеешь промокнуть.

Зоя улыбнулась своей подруге:

— Принеси мне платье.

В конце концов, всё улеглось. Зое уложили волосы, а умело наложенный тональный крем скрыл следы слёз. Ей стало стыдно за своё глупое поведение перед мамой и Марьяной. «Всё хорошо, — твердила она, рассматривая себя в зеркало. — Мы будем очень счастливы, и у меня будет та самая семья, о которой я мечтала».

Свадьба была тихой и скромной, кроме Марьяны с её новым знакомым были только родственники. Дождь лил целый день, поэтому Зоя и Руслан только положили цветы к Вечному огню в Александровском саду и поехали домой. После регистрации Зоя успокоилась и заставила себя выкинуть все мысли о Юре из головы. «Всё свершилось, я замужем», — повторяла она, любуясь Русланом в красивом бежевом костюме. После застолья, как положено, были танцы, и к её удивлению, отец Руслана всё время танцевал с Дианой Дмитриевной. Он, вообще, весь день оказывал ей всяческое внимание, был очень мил и предупредителен, к тому же совершенно не пил. Даже не верилось, что это был тот самый угрюмый человек, который в их первую встречу весь день просидел в углу.

— Умеет, ведь если хочет, — ответил Руслан, когда Зоя заметила, что его отец сегодня совсем другой.

Зоя наблюдала за мамой: внимание Андрея Валерьевича ей нравилось. Её глаза так и сверкали, и, вообще, она сегодня выглядела особенно красивой в своём тёмно-синем, подчёркивающем стройную фигуру, платье. И Зоя совершенно некстати подумала, что её мама и отец Руслана хорошо смотрятся вместе.

Через две недели после свадьбы Зоя и Руслан уехали в свадебное путешествие на юг, где пробыли целый месяц. А по приезде, когда Зоя заехала в Кузьминки, она нашла маму удивительно похорошевшей и весёлой.

— Мамочка, ты чудесно выглядишь! — воскликнула Зоя.

Диана Дмитриевна помолодела лет на десять, стала лучше одеваться, в её походке появилась незнакомая плавность. Внимательная Зоя сразу поняла: причина одна — мама влюблена и любима. Вдруг сразу вспомнилось, как мама с отцом Руслана танцевали на свадьбе. Словно они были одни в целом мире, а не под ревнивым взглядом Надежды Ивановны.

— Не может быть, что бы это был Андрей Валерьевич?!

В глазах Дианы Дмитриевны сверкнул вызов.

— Да, это он. Ну и что?! Разве ты не рада за мать?

Зоя опустила на табуретку.

— Мама, но он же отец моего мужа?! Что будет, если Руслан узнает?!

— Я семьи не разрушала. Надежда Ивановна первой подала на развод.

— Всё так, но...

— Андрей — свободный мужчина, я — свободная женщина, ну а то, что он отец Руслана, так это просто совпадение.

Зоя опустила голову, чтобы не видеть сияющих глаз матери. Она всё время хотела, чтобы её мать нашла мужчину, который бы любил её. Но почему им оказался отец мужа? Как всё запутано теперь!

— А ты знаешь, что Надежда Ивановна не собиралась с ним разводиться? Она хотела, чтобы он остался один и страдал, а потом просился обратно.

— Какая чушь! Такой красавец обязательно нашёл бы кого-нибудь. Не меня, так другую.

— Но нашёл он тебя, и ты моя мама, и я не знаю, что сказать т Руслану.

— А ты ничего не говори! Может, он сам догадается?! Или ещё что-нибудь случится. Зачем спешить?

Диана Дмитриевна подошла к Зое и обняла её.

— Зоя, мы так счастливы! Андрей говорит, что полюбил впервые в жизни.

— А я слышала, что он не пропускал ни одной юбке в гарнизоне, где они жили. А потом приходил пьяным и издевался над матерью.

— Он обещал мне больше не пить, — нахмурилась Диана Дмитриевна. — Руслан преувеличивает. И, вообще, Надежда Ивановна Руслана нагуляла. А Андрей его вырастил как родного сына.

Зоя подумала, что если она сейчас встанет на колени, и будет умолять мать расстаться, она не согласится. Её невесёлые размышления были прерваны звонком в дверь.

— Это он! — воскликнула Диана Дмитриевна и побежала открывать, а Зоя уронила голову на руки. Всё это никак не укладывалось в голове. Ситуация казалась смешной и печальной одновременно.

— Зоенька, — Андрей Валерьевич ворвался в кухню и опустился перед ней на корточки, схватив её ледяные руки своими горячими ладонями. — Я люблю твою маму, и это на самом деле впервые в моей жизни. Я очень рассчитываю на твоё понимание. К сожалению, у меня не сложились отношения с сыном, но я надеюсь, что ты будешь мне, как дочь.

Зое казалось, она попала на сцену, и играет роль в какой-то комедии. В жизни так не бывает. Отец её мужа умоляет о прощении и объясняется в любви к её матери, а мать стоит рядом, прижимая к груди букет бордовых роз, и смотрит на неё со слезами на глазах. Да, эти двое определённо сошли с ума, а точнее влюбились. «Любви все возрасты покорны», — вспомнилась строчка из «Онегина». Похоже, поэт понимал в этом толк. Интересно, почему же она не может никак влюбиться? У неё всё тихо и спокойно, а тут просто кипение страстей, а ведь им уже не двадцать, а почти пятьдесят, а ведут себя, как дети.

Потом они пили чай с пирожными, и Зоя во все глаза наблюдала за влюблёнными. Они не притворялись, они действительно были счастливы. И, в конце концов, даже смогли убедить Зою в том, что они имеют право на любовь, потому что так долго страдали.

Когда Зоя ехала домой, в её голове был сплошной сумбур, и она никак не могла решить — на чьей же она стороне. Конечно, она была рада, что её мама больше не одинока, и вся эта их поздняя любовь казалась такой милой, но она совершенно не представляла, как это может быть воспринято окружающими. Единственная надежда, что Руслан не осудит их слишком строго. Но всё же она решила повременить с откровениями. Влюблённость может пройти, и тогда никто ни о чём и не узнает.

За год в отношениях молодых мало, что изменилось. Руслан постоянно был занят, то на работе, то в институте, а Зоя занималась домашними делами и училась. С дедушкой они жили хорошо, он всегда старался помочь с домашними делами, жалея, что внучка так рано вышла замуж. Зое удалось привыкнуть к тому, что она живёт в центре, вдали от мамы, подруг и парка. С Юрой они теперь встречались только в институте и разговаривали на отвлечённые темы. Ушли в прошлое их совместные прогулки и чаепития, и Зоя скучала по их дружбе, но понимала, что уже не может себе позволить встречаться с ним, как раньше. Довольно было и одной тайны от мужа. Диана Дмитриевна и Андрей Валерьевич продолжали встречаться. После Зоинной свадьбы он переехал в Балашиху и жил то там, то в Кузьминках. Их отношения стали ещё более серьёзными, и Зоя со страхом ожидала дня, когда всё откроется и удивлялась, что Руслан ничего не замечает. Иногда она приезжала в Кузьминки повидаться с мамой и всегда заставала там свёкра. С некоторой досадой она отметила, что у них были более тёплые отношения, чем у них с Русланом, который уставал и мало обращал внимания на Зою. Иногда она недоумевала, зачем же они поженились, если раньше всё было лучше.

Осенью перед последней сессией, Зоя почувствовала лёгкое недомогание, с которым обратилась к гинекологу, который после осмотра поздравил её с наступлением беременности.

— Я беременна? — удивилась Зоя. — Но мы же предохранялись.

Врач улыбнулась:

— Иногда такое случается. У вас очень хороший возраст для беременности. Идите домой, обрадуйте мужа, а в следующий раз мы заведём карту и дадим вам направления на анализы. И помните, начиная с сегодняшнего дня вам надо заботиться о себе и будущем ребёнке.

— Но я хотела закончить институт... — начала Зоя.

— Закончите, никуда не денетесь. Первый аборт делать очень опасно.

— Да я и не собираюсь, — сказала Зоя и вышла из кабинета.

В холле она подошла к большому зеркалу, словно хотела найти в своей внешности какие-то перемены, но тусклое стекло отразило худенькую девушку с грустными глазами и густой челкой, которую пора было подстричь. Зоя надела малиновое пальто и вместо того, чтобы идти домой делать котлеты, как собиралась, решила прогуляться и хорошенько всё обдумать. Она медленно дошла до пруда и остановилась на берегу. Стояла осень, в воде отражались пожелтевшие липы. Несколько листочков упали в воду и, медленно кружась,

плавали на поверхности. Ласковое солнце ещё согревало своим теплом, а Зоя пыталась по-новому осознать, что через восемь месяцев ей предстоит произвести на свет крошечное существо — мальчика или девочку. «Готова ли я к этому?» — спросила себя Зоя и честно призналась, что нет. Конечно, было бы хорошо закончить сначала институт, но малыш выбрал это время и придётся принять это. Возможно, став мамой, она, наконец, найдёт новый смысл в жизни и перестанет грустить. Впервые ей захотелось понаблюдать за малышами, и она подошла к детской площадке. Совсем скоро, и она будет здесь гулять. И очень хорошо, что дом стоит рядом со сквериком, далеко ходить не придётся, а то с коляской страшновато переходить дороги. Это, конечно, не Кузьминский лесопарк. Она остановилась и стала наблюдать за детьми. Некоторые катались с горки, кто-то сидел на качелях, а совсем маленькие играли в песочнице. Маленькая девочка с косичками посмотрела на неё, и Зоя ей улыбнулась. Она тоже любила играть в куличики. Когда малыш подрастёт, она не будет сидеть на скамейке с другими мамами и бабушками, а будет играть вместе с малышом. А ещё она будет рассказывать ему сказки, когда они будут гулять вокруг пруда. «Интересно, как Руслан отнесётся к тому, что он скоро будет папой? — подумала Зоя и посмотрела на часы. Пожалуй, уже пора идти домой, чтобы перехватить Руслана перед институтом. Возможно, ей удастся его уговорить провести этот вечер с ней».

Руслан принял новость спокойно. На его смуглом лице не отразилось радости, только озабоченность. Наверно, он тоже хотел дождаться получения диплома, но всё же поцеловал Зою и уехал в институт, несмотря на её просьбы остаться с ней и отметить праздник.

— Не могу, сегодня нужно сдавать курсовую.

— Но сегодня такой день, — Зоя почувствовала обиду. — Мы могли бы купить торт и попить чаю.

— Ты ещё будешь долго беременной, мы успеем это отметить, а вот если я не получу зачёт — придётся пересдавать, — сказал он, собирая бумаги в папку.

Зоя слонялась из комнаты в комнату, думая о том, как ей хотелось праздника, чтобы муж целый вечер говорил, как он счастлив, что у них родиться крошечное существо, похожее на них обоих. А на столе были красные розы, много всяких сладостей и вино. Неужели она опять мечтает о том, что бывает только в романах?

В конце концов, она позвонила маме.

— Только не думай, что я позволю твоему ребёнку называть меня бабушкой, — категорически заявила Диана Дмитриевна.

«Боже мой, — подумала Зоя, — всё это я уже проходила, моя бабушка требовала, чтобы я называла её не иначе, как бабусей». Зое это казалось смешным, ей приходилось исполнять её пожелание, потому что на бабушку Евгения Леонтьевна не откликалась.

— Понять не могу, почему вам не нравится прекрасное слово «бабушка».

— Давай не будем это обсуждать. Ты ещё не в том возрасте, когда можешь это понять. Пойду, обрадую Андрея, он как раз только приехал.

Зоя повесила трубку и пришла в ещё худшее настроение, чем была. Похоже, всем безразлично, что произошло такое замечательное событие. Будущая мама прижала руку к животу и прошептала: «Расти, малыш, я тебе очень рада. Обещаю любить тебя и не портить нервы по пустякам».

Дмитрию Александровичу очень нравились семейные обеды, и в то воскресенье Диана Дмитриевна приехала к ним в гости. Любимое всеми блюдо — рыба в молоке с картофелем — удалось лучше, чем обычно. Теперь без бабушки процесс принятия пищи происходил спокойно, поскольку Зою ругать было больше некому. Диана Дмитриевна успела привыкнуть к мысли об изменении статуса на бабушку и выглядела довольной. Единственное, что ей хотелось: чтобы о Зои родилась девочка. «Я совершенно не знаю, как обращаться с парнями», — она подняла тонкие бровки. — Не могу представить, как я на каблуках играю с ним в футбол». Все засмеялись.

Раздался телефонный звонок, Руслан, сидевший ближе всех к двери, вышел в другую комнату, чтобы ответить. Не было его слишком долго, и Зоя поняла, что он разговаривает с матерью.

— Где там Руслан? — спросила Диана Дмитриевна, взглянув на часы. — Давайте уже пить чай. Сколько можно разговаривать по телефону?!

Зоя поняла, что мама спешит к Андрею Валерьевичу и вышла из комнаты.

Руслан сидел на диване, спрятав лицо в ладонях. Она подошла к нему и села рядом.

— Что-то случилось?

— Случилось, — отмахнулся он и отодвинулся.

— Да что такое?! Кто звонил?

— Мать звонила. Открыла мне глаза. Теперь я всё знаю!

Зоя почувствовала, как замерло в груди сердце. Иногда ей казалось, что Руслан обо всём догадывается, но не хочет обсуждать. Оказалось, он не знал! Но ведь это же было так очевидно. Её мама и его отец, не скрываясь, частенько приходили к ним в гости и вместе уходили.

— И что ты знаешь? — осторожно спросила Зоя.

— Вчера отец был дома и всё рассказал. Твоя мать увела его. Увела! — закричал он.

— Пожалуйста, потише. — Зоя поспешно прикрыла дверь, но сестра рядом, как раньше, уже не смогла. Его ненависть распространялась и на неё. — Как она могла увести, если твой отец разведён и не живёт с Надеждой Ивановной?

— Сколько раз можно повторять?! — закричал Руслан. — Он был наказан! На-ка-зан! А твоя мать подобрала его. Да как она могла?! Я ненавижу его! Ненавижу! И мать твою ненавижу! — его голос сорвался, и он совсем тихо спросил: — Что они наделали?

— Руслан, прошу тебя. Я всё потом объясню, а сейчас пойдём пить чай.

— Мне не надо ничего объяснять! Скажи, — он поднялся и схватил Зою за плечи: — А ты знала о том, что они встречаются?

— Иногда я думала, что ты тоже знаешь, но не хочешь об этом говорить.

— Я дурак! Я верил им! Ненавижу отца! Он испортил мне всю жизнь! И теперь, когда я думал, что он исчезнет из моей жизни, он снова появился и всё перегадил. И ты тоже хороша!

— Я убью его! — выкрикнул Руслан и бросился в коридор, где быстро сунул ноги в ботинки и

схватил пуховик.

— Куда ты?! — спросила Зоя, наблюдая за его перекошенным от злости лицом. За время их совместной жизни, она немного привыкла к его приступам гнева, но таким, как в эту минуту, она Руслана никогда не видела.

Не отвечая, он бросился вниз по лестнице. Зоя закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Итак, все свершилось. Некоторое время она постояла, пытаясь унять бьющееся сердце и успокоиться.

— Да где они там?! — услышала она капризный голос Дианы Дмитриевны и, стараясь придать своему лицу спокойное выражение, вошла в гостиную.

Диана Дмитриевна и Дмитрий Александрович уже пили чай из белых фарфоровых чашек. Девушка, как обычно был в белой рубашке и галстук, на маме было яркое платье с крупными цветами, которое к ней очень шло. На вышитой скатерти красовалась большая тарелка с разными видами пирожных. Увлечённые разговором, они ничего не слышали.

— Ну, наконец-то, — воскликнула Диана Дмитриевна, увидев Зою на пороге.

— Мам, можно тебя на минутку? — еле слышно пролепетала она, не узнавая свой голос.

— Руслан всё знает, — прошептала Зоя в коридоре.

— Откуда?

— Надежда Ивановна звонила. Вчера у них был Андрей Валерьевич и признался в своей любви к тебе. Не мог потерпеть.

— Идиот, — прошипела Диана Дмитриевна. — Сколько раз предупреждала его, чтобы держал язык за зубами. — А где Руслан? — спросила она, оглянувшись.

— Поехал его убивать, — Зоя облокотилась на стену, неожиданно почувствовав слабость.

— Это одни слова, он ничего не сделает.

— Мама, он в ярости. Я никогда не видела его таким.

— Не понимаю, что он так бесится, это не его дело.

— Ты же знаешь его трепетное отношение к матери. И, вообще, эта ситуация ненормальная.

— Ему нужно думать о тебе и будущем ребёнке, а не об этом, — отрезала Диана Дмитриевна. — И что бы ты ни говорила, он тебя не любит. Зря ты за него вышла.

— Мама, я на шестом месяце беременности. Что ты такое говоришь? Ты хочешь, чтобы ребёнок рос без отца? — крикнула Зоя.

— Тихо, а то дедушка услышит, — понизила голос Диана Дмитриевна.

— А почему, наконец, не сказать дедушке правду? — спросила Зоя. Ей хотелось, чтобы мама вела себе иначе. Успокоила бы её, поддержала. Ведь вся эта дурацкая ситуация возникла по её вине.

— Скажешь позже, если захочешь. Мне пора идти. И помни, у дедушки больное сердце, ему нельзя волноваться.

— Мне тоже нельзя, — обиженно заметила Зоя.

— А ты и не волнуйся, дело того не стоит. А вот мне лучше уйти, пока твой ненормальный не вернулся. А ты пока объясни всё дедушке, только помягче, ладно? — она чмокнула дочь в щёку и быстро сняла с вешалки шубу и сунула ноги в элегантные замшевые сапожки на каблучках. Убежала, даже губы не стала красить, что бывало в исключительных случаях.

Зоя вошла в гостиную. На столе стояли нетронутые пирожные, в чашках остывал чай, а Дмитрий Александрович сидел в кресле и читал газету.

— Зоенька, — спокойно спросил он, — может, ты объяснишь мне, что происходит?

— Конечно, дедушка, — Зоя опустилась на стул и в нескольких словах обрисовала ситуацию. Правда, умолчав о том, что Руслан собрался убить отца.

— Этого не может быть! — воскликнул Дмитрий Александрович и, вскочив с кресла, принялся ходить по комнате.

— Диана не должна была так поступать! — выговорил он, остановившись. — Она не имела права вмешиваться в твою семью.

— Дедушка, но они, — Зоя замялась, — вроде любят друг друга.

— Любят? — переспросил Дмитрий Александрович. — Да какая в их возрасте может быть любовь? Это уму непостижимо! И что, они живут вместе? — спросил он.

— Ну, иногда, — осторожно сказала Зоя, зная отрицательное отношение дедушки к гражданскому браку.

— Может, они ещё поженятся? — раздражённо спросил он.

— Он ей предлагал.

— И у тебя с матерью будет одинаковая фамилия! — воскликнул дедушка. — Боже мой, какой стыд! Не знаю, что и делать! Наверно, мне надо как-то поговорить с ними. Взрослые люди, а ничего не понимают! — Дедушка взял упаковку валидола и, выдавив таблетку, положил под язык.

Зоя подошла к нему.

— Не волнуйся, всё как-нибудь наладится.

Он похлопал Зою по плечу.

— Это ты не волнуйся. Я старый, мне уже всё равно. А у тебя малыш будет.

— Да как же тут не волноваться?! Руслан в ярости.

— Боже ты мой! Да как же они могли?! Ведь все знали, что ты в положении. И эта тоже хороша — Надежда Ивановна. Неужели не могла кому-нибудь другому пожаловаться?! — продолжал возмущаться Дмитрий Александрович, но Зоя его не слышала. Она смотрела из окна на замёрзший пруд, на котором ребяташки катались на коньках. Когда она была маленькой, дедушка тоже водил её на каток и терпеливо ждал, пока она не накатается, хотя и у него сильно мерзли ноги.

«А вот мама никогда не ходила со мной на каток», — почему-то подумала Зоя, и ей стало совсем грустно. Сегодня она сразу разочаровалась и в мам, и в Руслане. Ну Руслана еще можно оправдать, он разозлился на нее, но мама... Неужели она не могла вести себя помягче? Пожалеть как в детстве, пообещать, что она всё уладит. Дождаться Руслана, в конце концов. А то убежала из дома как будто ей все равно, что будет. Зоя вытерла скатившуюся по щеке слезу и поспешно вышла из комнаты. Ей хотелось остаться одной. Подготовить какие-то слова, которые она скажет Руслану. Никак нельзя, чтобы они сейчас ссорились, у них скоро родится малыш и будет настоящая семья. И только это сейчас самое главное. Зоя вздохнула. Как хорошо, если и Руслан это поймёт. Он ведь хоть и вспыльчивый, но отходчивый.

Руслан пришел, когда Зоя уже лежала в постели, пытаясь читать.

— Где ты был? — спросила она, приподнимаясь на локте, чтобы получше его разглядеть.

Он опустился в кресло, стоящее напротив кровати, прямо в куртке. Зоя поразилась, как изменилось его лицо. Такие лица, бывают у людей, перенесших смерть близкого человека.

— Где ты был? — дрожащим голосом опять спросила Зоя, заметив странные бурые пятна на его руках.

Он повернулся к ней, и его лицо исказилось гримасой.

— Ты хочешь узнать, где я был? Я был в их гнёздышке, там, откуда твоя обожаемая мама тебя выставила, чтобы мы не мешали.

— Ты был в Кузьминках?

— Я хотел убить его. Он разрушил мою жизнь, когда я был так счастлив.

Зоя почувствовала, что её охватывает ужас, глаза у Руслана были совершенно безумными.

Он захохотал. Смех, отразившись от высоких стен, усилился. Зоя сжалась в комок.

— Что же ты не спрашиваешь, убил ли я своего отца? Или он теперь мой тесть и твой отец? Он не собирается удочерить тебя, Зоя? Наверно, ты не можешь быть моей женой. Теперь ты мне сестра. Как Марина.

— Ты сумасшедший, — Зоя почувствовала, что от страха вся дрожит. «Что же он наделал там, в Кузьминках»? — думала она с ужасом, как он достаёт из кармана охотничий нож в пятнах крови.

Руслан горько улыбнулся.

— Я хотел убить его, чтобы он больше никогда не смог причинить боль ни мне, ни моей матери. Но он увернулся, и я не попал в сердце. Он хочет жить, подлюка.

— Ты ранил его? — прошептала Зоя, неожиданно почувствовав, что ей трудно дышать. Весь этот кошмар не мог быть правдой. Да как же можно с ножом на отца?!

— Да, но твоя мамочка успела вовремя и выставила меня за дверь. Да не бойся ты, — сказал он, заметив испуг на Зоинном лице, — я не тронул её. Всё-таки она твоя мать. А ты моя жена или моя сестра? — он дико захохотал, а Зоя бросилась из комнаты к телефону, молясь про себя, чтобы дедушка крепко спал и ничего не услышал. Она набрала мамин номер.

— Мама, что там происходит?

— Уговариваю Андрея Валерьевича поехать в больницу, — Диана Дмитриевна была взволнована.

— Что с ним?

— Руслан ударил его ножом, он истекает кровью, но не хочет никуда ехать.

Зоя слышала голос Андрея Валерьевича.

— Что он говорит?

— Говорит, чтобы ты не волновалась, это не опасно.

— Дай ему трубку, — попросила она.

— Зоя, всё в порядке, — голос у него был слабый. — Это просто царапина, а в больницу я не хочу обращаться, чтобы не было лишних вопросов. Я немного понимаю в этом деле, он задел плечо. Жаль, что твоя мать не умеет делать перевязки. Руслан пришёл?

— Да.

— Ну и хорошо. Успокой его, он бывает иногда нервным. Ничего страшного не произошло. Наверно, я это заслужил. Я на самом деле не всегда правильно к нему относился.

Ты береги себя и ложись спать. Думай о ребёнке. Завтра всё будет хорошо, передаю трубку маме.

Но Диана Дмитриевна не стала разговаривать с Зоей, только сказала, что перезвонит утром.

Зоя подумала о ребёнке, он уже давно отчаянно толкался, словно и ему тоже не нравилась эта ситуация. Зоя положила руку на живот и пошла в спальню.

Руслан сидел в той же позе, по-прежнему в куртке и ботинках. Сейчас, проходя мимо, она почувствовала, что от него пахнет спиртным. Зоя не могла понять, что же она чувствовала к своему мужу — жалость, презрение или что-то ещё чему нет названия.

Руслан схватил её за руку:

— Ну что, этот гад жив?

— Руслан, как ты можешь!?! Он же твой отец. Я тебя не понимаю.

— А ты и не можешь понять, ты не росла так, как я. Тебя никто не бил и не издевался над тобой и особенно над матерью. Она плакала, а этот негодяй смеялся и рассказывал ей о своих любовницах.

— Знаешь, — Зоя освободила руку и села на кровать, — по-моему, половина из того, что ты говоришь, плод твоего больного воображения. Твой отец не кажется таким негодяем. И если бы он был таким, как ты рассказываешь, он бы сейчас поехал в больницу, а не пытался бы остановить кровотечение самостоятельно.

— Не волнуйся, — его лицо исказилось гримасой, — с такими, как он, никогда ничего не случается. Они рождены, чтобы мучить других, а не мучиться самим. К тому же, твоя мамочка позаботится о нём, не так ли? Зоя, а ты знаешь, что твоя мать страшный человек?

— Перестань.

— Нет, ты выслушаешь меня. Ты знала, что они спят вместе и молчала! Почему?

Зоя опустила голову, не зная, как ответить на этот вопрос. Возможно, он прав, и она ещё давно должна была рассказать ему. Тогда всё решилось бы раньше. В конце концов, они могли расстаться и всё. А теперь, когда у них будет ребёнок, всё ещё больше осложнилось. Словно прочитав её мысли, он пересел к ней на кровать и заставил её поднять лицо

— В глаза мне смотри! В глаза! — закричал он.

— Тише, пожалуйста, дедушку разбудишь. Ему сегодня было плохо.

— А ничего, пусть послушает, что его дочка натворила. Или он тоже знал?

— Нет! — Зоя отчаянно замотала головой, чувствуя, что сейчас расплачется.

— Значит, знала только ты? И ты занималась укрывательством, поощряла их отношения, да? Выходит, я женился для того, чтобы сделать счастливым моего отца! Молчишь? — снова набросился он на Зою. — Значит, чувствуешь свою вину, да? Или вы втроём смеялись над нами, а?

— Нет, что ты?! Просто я думала, что ты должен узнать об этом сам.

— Да как узнать, если я верил твоей матери. Я, может, кое-что и замечал, но не придавал значения. Ты же столько рассказывала мне хорошего о ней, я и смотрел на неё твоими глазами. Но теперь-то ты видишь, как она к тебе относится?! Да она думает только о себе. Ей плевать на тебя и его, — он ткнул пальцем в Зоин живот.

— Перестань! Не смей говорить плохо о моей маме! Иначе я...

— Что ты сделаешь? Ну? Выгонишь меня к радости своей матери, которая меня ненавидит?! Лишишь нашего ребёнка отца? А ты вполне можешь это сделать, — Руслан поднялся с постели и теперь стоял, возвышаясь над Зоей, как статуя. — Ты же воспитана на

разводах. Не один муж, так другой.

— У тебя нет никаких оснований так говорить, — разозлилась Зоя и тоже вскочила.

— Но ты такая же, как твоя мать. Такая же. Иначе бы ты вела себя по-другому. А ты даже сейчас пытаешься защищать их.

— Да что плохого, в том, что люди любят друг друга?! Пойми, твой отец не хотел тебе сделать это на зло. Он действительно, первый раз влюбился. Иногда любовь приходит слишком поздно. Мы должны их понять, — с горячностью начала Зоя. Если он сейчас её поймёт, тогда ей удастся спасти семью. — Я приезжала к ним, я видела, что это не просто увлечение, это настоящее чувство. Оставь их в покое. У нас своя семья, у нас будет ребёнок. Думай об этом, они разберутся сами. В конце концов, — она слабо улыбнулась, — любви все возрасты покорны. И, пожалуйста, она подошла к нему и погладила по спутанным волосам. — Давай ты переоденешься, и мы отдохнём, у нас был трудный день.

Руслан схватил её за руки, и его карие глаза навывкате впились в её лицо:

— Да что за чушь ты тут несла на счёт любви?! В их возрасте это стыд и позор. А твоя мать — шлюха? Слышишь? — Зоя попыталась освободиться, но он крепко держал её, и его лицо было так близко, что брызги слюны попадали на неё. — Ты должна знать правду и выкинуть фантазии из головы. Твоя мать — шлюха, и ей плевать на тебя, иначе бы она никогда так не поступила. Моя бы мать никогда не сделала такого, потому что любит меня, а ты игрушка своей матери.

— Прекрати! — закричала Зоя и стала вырываться. — Не смей оскорблять мою маму!

Наконец, ей удалось освободиться, от чего, не рассчитав равновесия, она упала на кровать и почувствовала, как ребёнок толкнулся в животе. Ему тоже было плохо, как ей. Сейчас после того, как она потеряла надежду, что сумеет всё объяснить Руслану, на неё накатило отчаяние, которого она никогда не испытывала в жизни. Она легла на свою половину кровати и укрылась одеялом. Руслан вскочил с кресла и принялся ходить по комнате. Старый паркет поскрипывал под его тяжёлыми шагами, и Зоя никак не могла уснуть. Её мысли кружили вокруг их разговора, и она окончательно убедилась в том, что он совсем не тот человек, за которого она вышла замуж. И почему только она считала, что он должен всё понять? Она ошиблась, снова ошиблась. Не надо было выходить замуж. Ведь он совсем не любит её, иначе никогда бы не позволил себе так разговаривать с ней. Кажется, ей удалось задремать, но она проснулась, когда Руслан потряс её за плечо.

— Да как ты можешь спать после того, что произошло? — зашипел он ей на ухо.

Зоя испуганно посмотрела на него, не сразу осознав спросонья, что же он хочет.

— Я не могу заснуть, после того, что вы тут натворили, — раздражённо сообщил он, стоя над ней.

— Ты меня разбудил, потому что не можешь заснуть? — поразилась Зоя. — Или ты хочешь со мной поговорить?

— О чём с тобой разговаривать! О чём вообще можно разговаривать с женщинами, когда у них одно на уме.

— А причём здесь я? — разозлилась Зоя. — Я тебе изменила или предала? Почему ты меня обвиняешь в том, что они полюбили друг друга? — она проснулась и села в кровати, облокотившись на спинку.

— Не говори мне ничего о любви! — заорал он, взбешённый её последними словами. — Это чувство не имеет никакого к ним отношения. Они сделали это на зло. Они...

В какой-то момент Зоя перестала его слушать. Она поняла, что всё бесполезно и эту ночь надо как-то пережить. Возможно, завтра или позже он смирится с этим и будет легче.

Утром, когда Руслан ушёл на работу, Зоя позвонила маме.

— Как Андрей Валерьевич? — спросила она.

— Всё обошлось. Я позвонила знакомому врачу, он приехал и сделал перевязку. Даже пообещал, что зайдёт сегодня проведать больного.

— Ну и хорошо, — тихо сказала Зоя, подумав о том, что Руслан мог убить его. Пришлось бы носить передачи в тюрьму.

— Где Руслан? — спросила мама.

— На работе.

— Зоя, я хочу тебя попросить, чтобы ты была с ним осторожнее. Видишь, какой он страшный человек. Я теперь буду бояться за тебя.

— Не думаю, что он сделает мне что-то плохое. Будем ждать, пока он придёт в себя.

— В этой ситуации нет ничего особенного! — возразила Диана Дмитриевна. — У нег своя семья, у отца своя. Многие так живут.

— Знаешь, мам, лично я ни разу в жизни не слышала о таком. Он, правда, сильно переживает. Да и мне эти проблемы ни к чему. Может, вы как-нибудь уладите всё это?

— Знаешь, что, — возмутилась Диана Дмитриевна. — Это твой муж, ты с ним и улаживай. Дело не стоит выеденного яйца, а он воспринимает, как трагедию всей жизни.

— Мама, ну как ты можешь так говорить?! Я вижу: он страдает. Может, ты поговоришь с ним? Объяснишь ему? Если бы всё это произошло раньше, я бы могла просто с ним развестись, но сейчас, когда я жду ребёнка, неужели ты хочешь развода?

— После того, что случилось, я не собираюсь общаться с твоим Русланом, и Андрей Валерьевич тоже. Решай сама. Если ты помнишь, я была против твоего замужества, но ты меня не послушалась.

— Ладно, мне надо идти, — Зоя повесила трубку и разрыдалась.

Ну почему мама не может поддержать её в такую минуту?! Она чувствовала себя потерянной и одинокой, и это чувство было очень похоже на то, которое она испытывала в детстве, когда все её подружки уезжали с родителями на юг, а она каждое лето проводила на даче с бабушкой, которая ругала её за малейшую провинность.

В дверь постучали, на пороге появился Дмитрий Александрович. Он заметил Зоинь слёзы и присел рядом с ней.

— Ты должна держаться, девочка моя, — он похлопал её по плечу. — И пусть они все не правы, ты не должна переживать из-за этого. У тебя будет ребёнок, подумай о нём. Это такое счастье.

— Дедушка, да как же можно не переживать, если все сошли с ума. Руслан всю ночь не давал спать, а мама сказала, что больше не будет приезжать к нам.

— Всё пройдёт, Зоенька, всё пройдёт. Ещё будет у тебя в жизни любовь и счастье. Ты ещё совсем молоденькая, у тебя всё впереди. Это испытание, через которое ты должна пройти. Своеобразный урок, если хочешь.

— Но я же ни в чем не виновата?! Или ты считаешь иначе.

— Нет, не считаю. Твоя мама не должна была так поступать в любом случае. А Руслан

ведёт себя не по-мужски.

— И что же мне делать?

— Ничего, — он посмотрел на Зою, и его доброе морщинистое лицо озарилось улыбкой. — Дай ему время. Всё изменится после рождения ребёнка.

— Мне иногда кажется, что этот ребёнок никому не нужен, кроме меня.

— Он нужен ещё и мне, я всегда мечтал увидеть своего правнука, и надеюсь, что Руслан тоже одумается и перестанет ворошить детские обиды.

— А мама не хочет, чтобы её называли бабушкой! — вспомнила Зоя.

— Не обращай внимания, она просто не хочет стареть, — улыбнулся он. — И давай пойдём завтракать, я уже всё приготовил. А потом ты погуляешь, и тебе сразу станет лучше.

— Мне не хочется никуда идти и надо готовить обед.

— Обед приготовлю я, а ты погуляешь ради малыша, ему нужен свежий воздух. Десять кругов вокруг пруда. Хорошо?

— Спасибо тебе, — Зоя поцеловала дедушку, — иногда мне кажется, что ты единственный человек на свете, который меня понимает.

Шли месяцы, но ситуация не менялась. Все заняли определённую позицию, словно фигуры на забытой шахматной доске, и никто не хотел сделать первый шаг к пониманию и прощению. Диана Дмитриевна и Андрей Валерьевич спрятались в Кузьминках и больше не навещали Зою, а Руслан по-прежнему мусолил эту ситуацию при каждом удобном случае. Зоя отчаялась убедить его в том, что он должен думать, в первую очередь, о своей семье. Иногда ей казалось, что он помешался, потому что о чём бы они ни говорили, всё сводилось к обсуждению, как же могли наши родители так поступить с нами с различными вариациями на одну и ту же тему. Она только удивлялась, насколько он был заиклен на этом, что его собственная жизнь и их семья перестали его волновать. Зоя чувствовала себя очень одинокой все эти сложные до родов месяцы и в основном из-за того, что никому не могла рассказать об этом. Даже Марьяне. Она боялась, что подруга поделится с матерью, а та растреплет всё соседям. А Зоя слишком хорошо помнила те времена, когда соседи интересовались её мнением по поводу предстоящего развода родителей. Так что она замкнулась в своём мирке, много гуляла, читала книги о воспитании ребёнка и надеялась, что с появлением в семье крошечного существа взрослые забудут свои обиды и займутся его воспитанием.

В мае у Зои родилась девочка: маленькое крохотное существо с голубыми глазёнками и нежным светлым пушком на голове. Увидев её такую розовую, крепко спящую, завернутую в чистые пелёнки, Зоя обрадовалась, что, несмотря на все волнения и тревоги, у неё родился такой замечательный ребёнок.

Ещё раньше они с Русланом договорились, что не будут называть ребёнка в честь кого-нибудь, а выберут имя, которое им понравится больше всего и после долгих раздумий они остановились на имени Катя. Поэтому из роддома Зоя уже писала записки, в которых называла дочку, не иначе, как Катюшка. В роддом никого не пускали, самое большое, что разрешалось молодым мамам, это обмениваться записками и получать передачи. Руслан приходил каждый день, и Зоя писала ему записки о Кате, а он, что он купил и что приготовил к их возвращению домой. Потом Зоя подходила к окну и махала ему рукой, радуясь, что он вряд ли может её разглядеть, потому что с её точки зрения выглядела она

ужасно. Без косметики, с собранными в хвост волосами, которые не мешало бы помыть и уложить в выцветшем больничном халате, надетом прямо на выдавшую виды ночную рубашку. При поступлении в роддом брать свои вещи не разрешалось.

Понаблюдав за мужем, одетым в синюю куртку и послав ему воздушный поцелуй, Зоя медленно пошла в палату, размышляя над тем, что сейчас они, наконец, стали настоящей семьёй. И, может быть, теперь все эти разговоры об их родителях останутся в прошлом. Больше всего на свете ей бы хотелось теперь начать всё сначала, любить друг друга и вместе воспитывать дочь.

Зоя успела задремать, как вдруг услышала свою фамилию. Их здесь всех называли по фамилии, а к маленькой, пухленькой ручке ребёнка тоже был прикреплён кусочек резиновой клеёнки с фамилией матери и временем рождения.

— Яковлева, снова тебе записка и передача.

Зоя приподнялась на локте и забрала пакет. Передача была от Дианы Дмитриевны и Андрея Валерьевича. Она порадовалась, что они не столкнулись с Русланом. Нацарапав записку, она снова подошла к окну и увидела свою маму в прекрасно сшитом коричневом тёплом костюме, так гармонизировавшим с её каштановыми волосами, и элегантного, в чёрном пальто, Андрея Валерьевича. «Как хорошо они смотрятся вместе», — в который раз подумала Зоя, пытаясь понять смысл знаков, которые они ей подавали. На всякий случай она покивала, и вдруг в её голове снова появилась надежда, что Руслан простит их, и они все вместе будут заниматься маленькой Катюшкой. Какое же это будет счастье!

Через пять дней Зою с малышкой выписали домой, но забирали их только Руслан с Дмитрием Александровичем. Диана Дмитриевна поздравила Зою по телефону и сказала, что приедет, когда Руслана не будет дома.

— Мамочка, но я бы так хотела, чтобы ты увидела Катюшку. Да и вообще, мне нужна твоя помощь. Я и пеленать толком не умею, не говоря уже о купании.

— Зоя, мне очень жаль, но ты же знаешь, в какое положение нас поставил твой муж. Думаешь, я не переживаю, что не могу приехать и посмотреть на внучку?! На самом деле это квартира моего отца!

— Вот и приезжай, — настаивала Зоя. — Сейчас, когда он занят ребёнком, ему не до старых обид.

— Не знаю, — задумчиво сказала Диана Дмитриевна. — Я все же подожду. А ты, я уверена, справишься.

Но Дане Дмитриевне пришлось приехать через два дня. У Зои неожиданно поднялась высокая температура, и она не могла даже встать с постели. Руслан не справлялся со всеми делами. Надо было стирать пелёнки и гладить их с двух сторон, купать ребёнка, готовить, да ещё ухаживать за Зоей. Встреча Дианы Дмитриевны с Русланом прошла натянуто, но всё же старое не вспоминалось. Все были слишком заняты, чтобы выяснять отношения.

Отлежавшись в постели, Зоя быстро поправилась, и уже в конце недели они впервые втроем пошли на прогулку. Как настоящая семья. Она чувствовала себя счастливой. Всё самое страшное оказалось позади, на улице светило солнце и на деревьях появились свежие молодые листья, а в ярко-зелёной траве пробивались первые жёлтые цветы. Руслан бережно катил коляску, а Зоя, принаряженная и довольная, что теперь она снова может носить вещи, шла рядом. Пройдя два круга вокруг пруда, они уселись на скамейке, подставив лица

весенним ласковым лучам. В природе и в душе Зои царила такая гармония, что, она невольно вздрогнула, когда Руслан недовольно произнёс:

— Надеюсь, сегодня твоя мать, наконец, уедет? Ты уже поправились и можешь справляться со всеми делами сама.

— Я ещё не очень хорошо себя чувствую, — тихо сказала Зоя, ощутив холодок в груди. — У меня сегодня первый день нет температуры.

— Ты хотя бы понимаешь, что мне невыносимо её видеть? Я её ненавижу, особенно, когда она держит на руках Катю. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не сказать ей что-нибудь грубое.

— А я надеялась, что всё изменилось, и ты сможешь простить их.

— Простить? — крикнул Руслан так громко, что две немолодые женщины с соседней скамейки посмотрели в их сторону. — Ты хотя бы соображаешь, что говоришь?! Как я могу простить такое предательство? Только теперь я окончательно понял, как ненавижу твою мать и вообще не хочу, чтобы она занималась воспитанием моей дочери и приезжала к нам.

— Но она бабушка! Она имеет полное право приезжать и навещать нас. А потом, Руслан, — разозлилась Зоя, — ты живёшь в квартире, которая принадлежит нашей семье. Моя мама может приезжать сюда тогда, когда захочет. И, вообще, неужели нельзя оставить эту историю в прошлом? У нас растёт ребёнок, столько интересных дел впереди. Мне осточертела эта тема! — выкрикнула она, чувствуя, что сейчас заплачет.

— А ты меня ещё и квартирой попрекаешь? Ну, ты настоящая дочь своей мамочки. Надеюсь, мой ребёнок не будет похож на вас. Я повторяю тебе, я не хочу, чтобы твоя мать приближалась к Кате, и если ты не скажешь ей об этом, то скажу я.

Горячие слёзы потекли по Зоиному лицу. Ничего не изменилось. Он не хочет, чтобы её мама воспитывала внучку. Да как он смеет? Она задыхалась от злости и обиды. Словно почувствовав неладное, Катя издала тихое кряхтение, и Зоя наклонилась над коляской. «Наверно, ей надо поменять пелёнки», — подумала она и встала, покотив коляску к дому. Обида заслонила за собой и яркий весенний день и солнце. Руслан молча шёл за ней, не пытаясь её успокоить. Диана Дмитриевна, улыбаясь, открыла им дверь, но улыбка пропала, когда она увидела Зоино заплаканное лицо.

— Что случилось? Ты плохо себя чувствуешь?

— Да нет, мы просто поговорили, — пробормотала Зоя, отворачиваясь в сторону.

Диана Дмитриевна набросилась на Руслана:

— Руслан, ну разве можно так?! Зоя сегодня первый день без температуры. Неужели нельзя оставить выяснения отношений до лучших времён. Посмотри на неё, она еле на ногах держится. Как тебе не стыдно? Она же кормит ребёнка, ей нельзя волноваться.

— Что я слышу?! — ехидно начал Руслан, уперев руки в бока. — Диана Дмитриевна, неужели вы снизошли до того, чтобы обратить внимание на дочь? Мне кажется, до сих пор вы этим не интересовались, а занимались только вашей любовью.

— Так вы опять это обсуждали? — спросила Диана Дмитриевна.

— А у нас до сих пор актуален этот вопрос, — не унимался Руслан. — Я и сказал Зое только то, что не желаю вас больше видеть. Вы мне противны.

— Знаешь что, дорогой мой, — презрительно сказала Диана Дмитриевна, — это моя квартира, а вот ты здесь, по-моему, лишний. Так что — вон!

— Мама, да что ты такое говоришь? Зачем ты его выгоняешь из дома? Он же отец моего

ребёнка! — закричала Зоя, появившаяся в дверях с малышом на руках.

— Иди в комнату! — крикнула Диана Дмитриевна с перекошенным от ярости лицом. — Нашей девочке не нужен такой отец!

— Ах, так! — подступил Руслан. Зое показалось, что он сейчас ударит, но она не могла двинуться с места и только крепче прижала к себе Катю. — А моей дочери не нужна бабушка — шлюха!

Диана Дмитриевна с перекошенным лицом закричала:

— Убирайся вон!

Руслан снова надел куртку и кинул злой взгляд на бледную стоящую в дверях жену.

— Пожалейте вашу дочь, — тихо сказал он Диане Дмитриевне и закрыл за собой дверь.

Зоя устало опустилась на диван, по-прежнему держа Катеньку на руках. Слезы застилали ей глаза, и её трясло, как в лихорадке. Как он мог так оскорбить маму? И как мама могла выгнать его из дома? Ей было стыдно за них обоих, и она отчётливо понимала, что это конец. После такого не живут вместе, во всяком случае, не живут так, как она мечтала. Эта сцена, так же как и вся эта история любви двух взрослых немолодых людей всегда будет стоять между ними, и уже ничего не будет по-прежнему. У Руслана была одна единственная возможность спасти их брак, это их понять или простить, и сконцентрироваться на своей семье. А он, восприняв причуды взрослых, как личную обиду, нанесённую ему и его матери, позволил ситуации взять верх над их отношениями.

Когда мама вошла в комнату, Зоя не могла поднять на неё глаз, ей даже казалось, что она вообще теперь не сможет смотреть никому в глаза. Но Диана Дмитриевна вела себя, как ни в чём не бывало, только на щеках горели два красных пятна.

— Не переживай, — она села рядом с Зоей. — Он тебя не стоит. Полнейшее ничтожество.

И ты ещё уверяла меня, что он любит тебя? Да разве так себя ведут, когда любят?! У него чудесная жена, ребёнок родился, а он... — она махнула с досады рукой. — Даже говорить о нём не хочу.

— А что мне делать? — спросила Зоя, особенно не ожидая никакого совета.

— Как это что? Воспитывать ребёнка. Посмотри, какая у тебя девочка хорошая. Ты молодая, красивая, можешь снова выйти замуж.

— Но ведь никто не заменит моей дочери родного отца.

— Ну я же тебя вырастила без отца и ничего. И ты справишься. Все лучше, чем так жить.

Руслан вернулся поздно вечером, когда Диана Дмитриевна уже уехала, а Зоя собиралась искупать малышку. На этот раз всё обошлось без выяснения отношений, муж стал помогать Зое по хозяйству и даже погладил пелёнки. Потом, уложив Катю спать, они посмотрели телевизор и легли. Несмотря на усталость, Зоя долго не могла уснуть, думала, как сложатся их отношения дальше и как тяжело переносить, что два самых близких человека стали врагами.

На следующий день позвонила Надежда Ивановна, она тоже хотела увидеть внучку, к которой её не пускали под предлогом Зоиной болезни. Скрепя сердце, Зоя согласилась её принять, чтобы не усугублять сложившуюся ситуацию. В глубине души Зоя затаила обиду на свекровь за то, что она посеяла вражду в их семье. Ведь это она рассказала Руслану о романе между Дианой Дмитриевной и его отцом. Зоя прекрасно понимала, что пока Катя маленькая, ей не обойтись без Руслана и лишние скандалы в доме ни к чему не приведут. Но весь вечер, когда при свекрови держалась угрюмо и едва ли сказала несколько фраз. Хотелось, чтобы Руслан на собственной шкуре почувствовал, каково это, когда к твоей матери плохо относятся. Когда Надежда Ивановна удалилась, Руслан сказал Зое:

— Ты могла бы вести себя повежливее. Она не так часто нас навещает.

— Скажи спасибо, что я вообще приняла её после того, что ты вчера устроил, — буркнула Зоя.

— Да что ты имеешь против неё? — вскипел Руслан. — Она не сделала тебе ничего плохого.

— Ты забыл про тот звонок?! Она могла бы и вовсе ничего тебе не рассказывать, если бы хотела, чтобы у нас с тобой были хорошие отношения.

— Зоя, ты всё ставишь с ног на голову, — раздражённо заметил Руслан. — Всё равно бы это вышло наружу. Какая разница, кто об этом сказал?

— Есть разница, — Зоя закусил губу. — И, вообще, знаешь что, мой дорогой муженёк, если ты не хочешь видеть мою мать, то я запрещаю появляться здесь твоей.

— Ты сумасшедшая! — заорал Руслан. — Она бабушка, она имеет право.

— Так же как и моя, — пожала плечами Зоя и улыбнулась. Ей удалось сделать ему больно, и ей, по характеру достаточно мягкой и доброй, понравилось это ощущение. Руслан обиделся и не разговаривал с ней до вечера, но Зое уже было всё равно. Пусть тоже страдает, не всё же ей одной. Она уложила Катю спать и вышла на улицу, чтобы в одиночестве придумать, как же ей теперь жить. Царила весна: на Тверском бульваре целовались на скамейках парочки, у фонтана у Макдональдса веселилась молодежь, и никому не было дела до тоски в душе у Зои.

Их отношения рушились с каждым днём, и если раньше Зоя пыталась уговорить Руслана и смолчать, то теперь высказывала всё, что думает. Она потеряла к нему интерес, как к мужчине, и он даже стал её раздражать, когда был рядом. Больше она не пыталась никого помирить и не надеялась на лучшее, а целиком ушла в воспитание ребёнка и написание диплома в институте. И хотя Зое и не нравилась такая жизнь, она не собиралась пока ничего

менять. В ней погас какой-то внутренний огонёк, который делал её живой и энергичной. Она чувствовала материальную зависимость от Руслана и понимала, что пока Катя не подрастет, она не сможет выйти на работу.

Когда Руслана не было дома, Диана Дмитриевна приезжала, чтобы посидеть с внучкой, и Зоя посвящала эти часы себе. Ходила по магазинам, гуляла, готовилась к защите дипломного проекта. С грустью Зоя заметила, что её отношение к маме изменилось, она больше не относилась к ней с тем обожанием и теплотой, как раньше. Наверно, это было следствием того, что в самый тяжёлый момент её жизни, Диана Дмитриевна не смогла поддержать её. А ведь самое тяжёлое досталось Зое. Это она провела долгие часы, успокаивая и уговаривая Руслана. Не спала ночами и плакала, потому что больше не верила ему, а она уже была беременной и не могла ничего изменить. И самое обидное было то, что она ошиблась сразу в них двоих.

Как-то раз Зоя вышла из института вместе с Марьяной, которая рассказала ей о том, что вчера она встретила Юру в метро.

— Ну и где он сейчас? — живо спросила Зоя.

— Перевёлся на вечерний и работает. Спрашивал о тебе, я сказала, что ты родила ребёнка. Он побледнел, пошатнулся и упал бы на рельсы под поезд, если бы я его не поддержала.

— Подожди, он же видел меня, когда я была уже на восьмом месяце. Не заметить мой живот было невозможно.

Марьяна весело рассмеялась, и её раскосые глаза превратились в щёлочки.

— Представляешь, он не заметил!

— Не заметил?!

— Да, мы вспомнили с ним эту встречу. Оказывается, наш Ромео смотрел тебе в глаза.

— Как же слепы мужчины! — воскликнула Зоя.

— Он сказал, что обязательно должен увидеть твоего ребёнка, иначе не поверит. Так что жди звонка. По-моему он по-прежнему в тебя влюблён.

— Я с удовольствием встречу с ним, — улыбнулась Зоя. — Приятно осознавать, что меня хотя бы кто-нибудь любит.

Марьяна знала об их ссорах с Русланом, но Зоя до сих пор не могла открыть ей истинной причины. Руслан умудрился внушить ей, что это очень стыдно и непорядочно, и она не хотела, чтобы ещё и подруга осуждала Диану Дмитриевну. Если бы она могла она выкинуть всё это из головы, но Руслан не давал ей такой возможности, слишком часто напоминая об этом по любому поводу.

— Как у тебя с Русланом? — спросила Марьяна.

— Лучше не спрашивай. Даже не помню, когда мы с ним, не то, что были близки, а вообще куда-нибудь ходили вместе. Мы просто живём рядом.

— Ну, кто бы мог подумать?! А он казался таким в тебя влюблённым. Может, и зря тогда ты не отменила свадьбу? — вспомнила Марьяна. — А я ведь уговаривала тебя, думала: с Русланом у тебя будет все хорошо.

— Успокойся, ты ни в чём не виновата. Никто не мог ничего знать. Зато у меня есть самая замечательная дочка на свете, — огорчение на лице Зои сменилось тёплой улыбкой.

— Твоя Катюшка прелесть! — тоже улыбнулась Марьяна.

— У нас очень много разных достижений: мы уже сидим, играем в мячик, пытаемся вставать и говорим «мама» и «папа».

— Да ты что?! Надо зайти к вам посмотреть на неё. А ты знаешь, я беременна, — вдруг без всякого перехода объявила Марьяна.

Зоя приостановилась и взглянула в лицо подруги, не зная, как на это реагировать. Отношение Сергея к Марьяне, по мнению Зои, оставляли желать лучшего, но она по-прежнему любила его и не хотела слышать о том, чтобы расстаться.

— Ты хочешь спросить, как Серёжка отреагировал, да? — спросила Марьяна и на её глазах выступили слёзы. — Представляешь, сначала он даже обрадовался, а потом пришёл ко мне и сказал, что ещё одна его девушка беременна, и он женится на ней.

— Ой, Марьяночка!

— Не надо меня жалеть, а то я расплачусь.

— Я не буду, — быстро сказала Зоя. — Хочешь, пойдём в кафе? Вон туда, — она показала рукой на кафе на противоположной стороне улицы, — и ты мне всё расскажешь.

Когда девушки уселись за столик и заказали кофе, Марьяна ей всё рассказала. Сергей честно признался, что хорошо относится к Марьяне, но женится на другой, потому что с матерью Марьяны вместе жить невозможно, а в его однокомнатную родительскую квартиру жену не приведёшь.

— Представляешь, он женится на ней из-за квартиры, — Марьяна отвернулась к окну, чтобы скрыть слёзы. — А если бы у меня была квартира, то женился бы на мне. Ну, как после этого верить мужчинам?

— Какая мерзость, — согласилась с ней Зоя и даже хотела рассказать ей свою грустную историю, но в последний момент передумала. — Может, выпьем вина? — предложила она. — Я уже больше не кормлю, молоко пропало после всех скандалов.

— Мне нельзя, — грустно сказала Марьяна. — Я всё равно буду рожать! — она упрямо сжала губы. — Я не смогу сделать аборт.

— А твоя мать? — спросила Зоя.

— Ну, не выгонит же она нас на улицу?! Это мой ребёнок и только мне решать — оставить его или нет.

— Какая ты смелая! Я бы, наверно, испугалась, что мама будет переживать, что скажут соседи и прочей ерунды.

— Я любила Серёжку и сейчас люблю, — лицо у Марьяны было отчаянное, рот кривился. — И я люблю его ребёнка.

— Давай, всё-таки выпьем, — решительно сказала Зоя и позвала официанта. — Бокал красного вина не повредит ребёнку. А у тебя сегодня праздник, и я рада за тебя и уважаю твоё решение. Ты не представляешь — какое это счастье иметь ребёнка. А потом, Марьянка, мы с Русланом, скорее всего разойдёмся. Ведь невозможно оставшуюся жизнь прожить не любя, мне ещё только двадцать три. И поверь мне — лучше жить одной, чем вместе, но порознь. Так что вместе будем с детьми гулять по выходным. Жаль, конечно, я уехала из Кузьминок. Так чудесно было бы гулять с коляской по парку и смотреть на уток. Может, у тебя тоже родится девочка, и они станут подругами, как мы.

— Или родится мальчик, они поженятся, и мы станем родственницами, — улыбнулась

Марьяна. — Ты всегда умеешь утешить, Зойка.

Юра позвонил, когда Зоя была одна дома.

— Ты не поверишь, как я рада тебя слышать, — обрадовалась она, услышав знакомый голос.

— Я тоже. Тебя можно поздравить с рождением дочери, — несколько высокопарно произнес он.

— Спасибо. Катюшка чудо.

— Как Руслан?

— Да нормально, — спокойно сказала Зоя. — Марьяна сказала, что ты хочешь увидеть мою дочку?

— Я, вообще-то хотел встретиться с тобой.

— Хорошо, тогда давай сделаем так. Завтра Руслан дома, он может посидеть с Катюшкой. А мы с тобой можем куда-нибудь сходить, чтобы спокойно поговорить, а потом зайдёшь к нам и посмотришь на Катю.

— Где встречаемся? — быстро спросил Юра, не веря своему счастью, что Зоя сама предложила то, что он никогда не решился бы произнести.

— Давай на Маяковской у памятника.

— До встречи.

Всё оставшееся время Зоя пребывала в приподнятом настроении. Она даже сама не отдавала себе отчёт, как соскучилась. Одевалась Зоя особенно тщательно и перемерила дюжину нарядов. Именно сегодня ей вдруг впервые за долгое время захотелось быть особенно красивой, чтобы Юрка увидел, как она похорошела за то время, пока они не встречались.

— Куда это ты собираешься? — спросил Руслан, наблюдая за суетой, которая царил в спальне. На кровати лежал ворох юбок и брюк, которые Зоя отвергла, а она всё ещё крутилась перед зеркалом.

— Ухожу, дорогой, — спокойно сказала она. — Не сидеть же мне вечно с тобой, слушая одну и ту же старую песню о наших родителях.

— Куда ты идёшь?

— Просто погулять. На улице снова весна, поют птицы, цветёт сирень. И, вообще, всё вокруг замечательно, только ты этого не видишь. Прошёл целый год, а в нашей жизни ничего не изменилось. Подумай об этом, когда я уйду.

Руслан посмотрел на Зою. Сегодня она была какая-то светящаяся, красивая. Почти такая же, как в те времена, когда они встречались. Как давно это было! Он хотел добиться от неё ответа, куда она уходит, но передумал. Пусть идёт. Ему в сущности всё равно, даже если она встречается с кем-то.

Юра, увидев Зою в длинной развевающейся кремовой юбке с распущенными по плечам длинными волосами, бросился к ней навстречу. Неловко сунул красные розы.

— Никогда не дарил тебе цветов.

— Спасибо, — Зоя прижала розы к себе и вдохнула их сладкий аромат.

— Я никому не дарил цветов, — зачем-то сказал он, теряясь от того, что она снова рядом с ним, такая же красивая. Нет, ещё лучше, чем раньше.

— Ну надо же когда-то начинать, — весело сказала она и взяла его под руку. — Куда мы пойдём?

— Куда хочешь? В ресторан, в кафе? Теперь, когда я работаю, могу, наконец, пригласить тебя, куда-нибудь.

Зоя незаметно разглядывала его. Юра тоже изменился, вернее он изменился после армии, но тогда он был каким-то опустошённым и злым, а сейчас после того, как прошёл год, стал мягче. Теперь уже невозможно было признать в нём того школьника, с которым Зоя не хотела встречаться, из-за того, что он был маленьким. Рядом с ней шёл взрослый, уверенный в себе мужчина, который знает, что хочет от жизни. А ещё Зоя была уверена, что он её любит и от этого сладко щемило сердце, и впервые в жизни после восьми лет знакомства ей хотелось, чтобы он её поцеловал.

— Давай пройдемся, а потом посмотрим. Сегодня я полностью свободна.

Они прошли по шумной улице Горького и свернули на бульвар. Это было любимое Зоино время года: цвели каштаны. Так хорошо было идти с Юркой под руку. И почему же она раньше ничего не замечала или не хотела?

— Давай посидим? — предложил он, заметив пустую скамейку.

— Давай, а то ноги устали, — согласилась Зоя.

Они сели на скамейку: его рука обняла её за плечи, а губы встретились.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

— Я тоже тебя люблю, — неожиданно услышала Зоя свой голос и в ужасе зажала рот рукой.

«Что я говорю?» — подумала он, но он уже взял её руку и прижался к ней губами.

— Что же мы наделали, Зоенька?

— Не знаю, не знаю. Всё так плохо. Я больше не могу так жить. Не могу, — неожиданно она расплакалась, а он гладил её по голове, как ребёнка, а потом достал чистый платок и осторожно вытер ей слёзы.

— Несмотря на моё признание, я по-прежнему твой друг. Расскажи мне всё, что случилось. Я вижу, что ты несчастна.

— И как ты это видишь?

— По глазам. У тебя никогда раньше не было таких грустных глаз. Твои глаза всегда искрились весельем, а сейчас ты словно загнанный зверёк, бедный и испуганный.

— Как точно ты сказал, — вздохнула Зоя и вдруг решила ему всё рассказать. Наступил тот момент, когда она просто не могла носить эту боль себе, и ещё она знала, что Юре она может полностью доверять, он никому не расскажет.

Он не перебивал её, только крепче сжимал её холодные пальцы и смотрел в родные милые грустные глаз, жалея и страдая вместе с ней. Как могло так произойти, что всё это случилось с той, которую он так любил? Он должен был быть рядом с ней, это за него она должна была выйти замуж, от него ждать ребёнка! А он трус, настоящий трус. Даже, несмотря на то, что был на войне, он боялся признаться ей в любви. Боялся быть отверженным.

— Ты простишь меня? — вдруг спросил он, и Зоя непонимающе посмотрела на него.

— За что?

— Я опоздал. Я всю жизнь боялся признаться тебе в любви. Я так боялся потерять тебя, что потерял окончательно.

Зоя грустно улыбнулась.

— Я не давала тебе такой возможности. Почему-то я считала тебя маленьким. А что ты думаешь о том, что я тебе рассказала?

— Ты хочешь, чтобы я сказал?

— Да.

— Руслан дурак. Надо жить своей жизнью. Случись такая ситуация со мной, я бы выбрал свою семью. Возможно, пришлось бы уехать на какое-то время, может быть, поскандалил бы с отцом, а потом бы понял его. Я знаю, что такое любовь и вполне могу допустить, что у них возникло такое чувство. Я вовсе их не осуждаю, только его, Руслана. Мне даже стыдно за него. Моя жена, особенно если она ждала ребёнка, была бы на первом месте, и я всё сделал бы, чтобы оградить её от переживаний, даже если бы страдал сам. Но я говорю об этом только потому, что ты спросила.

— Спасибо, я думаю точно так же. Но... — Зоя грустно вздохнула.

— Может быть, пойдём куда-нибудь обедать? — спросил он, желая отвлечь её от грустных мыслей.

— Пойдём, — согласилась Зоя. — Я так давно никуда не ходила, мне даже кажется, что я не жила всё это время, а существовала. — Она посмотрела на часы, и он перехватил её взгляд.

— Ты же говорила, что не спешишь?

— Нет, — смутилась Зоя. — Просто я хотела узнать, сколько ещё у нас есть времени. Мне так хочется, чтобы этот день не кончался. Я не хочу возвращаться домой.

— И не возвращайся, поехали ко мне, — предложил он.

— Нет, я так не могу. Мне надо сначала всё решить. Я не хочу приезжать к тебе в дом чужой женой, не хочу прятаться и скрывать наши отношения от Руслана.

— А ты его любишь?

— Нет, — грустно покачала головой Зоя. — Сначала уверяла себя, что люблю, но сейчас понимаю, что ошибалась. Да ещё этот скандал между нашими родителями. Надо было тебе меня украсть, когда ты пришёл в день моей свадьбы. Ты же не знаешь, что я тогда чуть не убежала из-под венца и только сознание того, что уже всё готово к свадьбе, и я не могу так плохо поступить с Русланом, удержало меня.

— Так я мог тогда тебя уговорить? — хрипло спросил Юра, заглядывая ей в глаза.

— Если бы ещё остался на пять минут.

— Какой же я идиот! — он схватился за голову, а Зоя смотрела на него, не зная смеяться ли ей или плакать. Она чувствовала себя несчастной и счастливой одновременно.

После объяснения с Юрой Зое стало легче, словно она после долгой спячки пробуждалась для жизни. Так приятно было вновь ощутить себя желанной и любимой. Это было возвращение к счастливому прошлому, когда она была другой, и всё вокруг казалось проще и лучше.

Вид у Руслана был взъерошенный и недовольный. Видимо, Катюшка успела утомить его своими капризами.

— Где ты была целый день? — набросился он на неё. — Катя не хотела без тебя

ложиться. Забыла, что у тебя семья?

Зоя, сбросив туфли на высоких каблуках, босиком прошла в комнату и села в кресло, не отвечая на вопрос.

— Ты что, не слышала, что я сказал?

— Интересно, о какой семье ты говоришь? — спросила Зоя.

— О нашей, конечно.

— А не кажется ли тебе, что у нас уже очень давно нет семьи и, находясь вместе, мы только мучаем друг друга? Где же у нас семья? Где любовь? Ты хотя бы помнишь, когда последний раз ты целовал меня?

— Хочешь, сейчас поцелую? — вдруг спросил он.

— Уже нет, — сказала Зоя, удивляясь, как спокойно разговаривает, словно они уже давно развелись. — К сожалению, нет, — добавила она мягче. — И ты знаешь почему? Все мои чувства исчезли в наших ссорах. Ты так погряз в отношениях наших родителей, что потерял меня. Помнишь, сколько раз я напоминала тебе, что у нас своя семья, у нас ребёнок. А ты устраивал мне скандалы, из-за того, в чём я была совсем не виновата. И знаешь, что я подумала: будет лучше, если мы расстанемся. У нас нет будущего, у нас есть, — она издала смешок, — только прошлое наших родителей, но этого маловато.

— Да что ты такое говоришь?

Руслан казался сбитым с толку. Эта новая, уверенная в себе Зоя родилась совсем недавно. Ещё, кажется, утром она была другой. Что-то изменилось за этот день. Может, она ему изменила или у неё кто-то есть?

— Я говорю то, что думаю. Я разочаровалась в тебе, Руслан. Ты не мужчина. Ты — маленький нытик, который никак не может избавиться от детских обид и влияния своей мамочки.

— Да как тебе не стыдно?! — он вскочил с дивана, словно собирался ударить её или закрыть ей рот рукой, но она неожиданно рассмеялась, вдруг вспомнив, как он бросился с ножом на отца.

— Да сядь ты на место. Ничего уже не изменишь. Я больше не буду с тобой жить.

Руслан застыл на месте, продолжая нависать над ней.

— А Катя? — вдруг спросил он. — Ты подумала о том, что ребёнок останется без отца?

— Я не думаю, что для Кати будет хорошо, если она вырастет в обстановке, где её родители не уважают друг друга. Мы вместе ничего не можем ей дать. Если только по отдельности. Мне очень жаль.

— Тебе жаль. Как бы ни так. Скажи спасибо своей матери.

— А вот этого хватит, — резко оборвала его Зоя. — Хватит, слышишь? Я никогда больше не хочу, чтобы ты говорил об этом. А свои вещи ты можешь собрать завтра утром. — Она зевнула. — Уже поздно.

— Я могу и сейчас уйти, только смотри не пожалей.

— Я никогда об этом не пожалею. Даже если мне суждено прожить одной всю жизнь.

— Ненормальная, — бросил Руслан на ходу и хлопнул дверью.

Зоя прошла в комнату и склонилась над Катей. Она сладко спала, подложив под щёчку маленькую ручку. Зоя погладила её по голове и прошептала:

— Прости меня, я надеюсь, что поступила правильно. Я больше не могу так жить.

Через час позвонила Надежда Ивановна.

— Зоя, да что ты такое надумала?! У вас хорошая семья, и мой Руслан, не самый плохой муж.

— Вот именно, Надежда Ивановна, вы совершенно правильно сказали «ваш Руслан», а вот моим он так и не стал.

— Не понимаю, что ты такое говоришь? Мой, твой, да какая разница?! Он же не пьёт, не гуляет, всю зарплату в дом. С ребёнком тебе помогает.

— Всё это так, но с ним жить невозможно. У нас сплошные скандалы, а я хочу мира и покоя.

— Да где ты с мужчиной покой найдёшь? — удивилась свекровь. — Ты просто глупая ещё и молодая. Подумай, прежде чем решиться.

— О чём?

— Руслан мужчина, он женится ещё раз, а вот тебя с ребёнком никто не возьмёт. Кому ты нужна с чужим довеском?

— Вы знаете, я и Руслану сказала, и вам говорю — мне лучше одной, чем с вашим сыном.

— Дура ты, — бросила трубку Надежда Ивановна.

«Может и дура», — улыбнулась Зоя, выходя на балкон. Наверно, впервые за долгое время ей было хорошо и спокойно. Она посмотрела на фонари вокруг пруда и подумала о том, что завтра они с Катей пойдут гулять, и всё будет хорошо. Больше не будет никаких разговоров о чужой любви и обвинений. Всё кончено.

Руслан никак не хотел мириться с тем, что Зоя решила с ним развестись. Он постоянно звонил и приносил Зое цветы и маленькие подарки, мотивируя это тем, что он приехал не к ней, а к Катюшке. К тому же он никак не хотел забирать свои вещи, видимо надеялся, что Зоя передумает. В конце концов, ей это надоело, и она сама собрала его вещи в два больших чемодана и поставила в прихожей. Руслан наткнулся на них, когда после работы зашёл, чтобы погулять с дочкой.

— А что это за чемоданы? Кто-нибудь уезжает? — как ни в чём не бывало, спросил он, вручая Зое красные гвоздики.

— Я помогла тебе собраться, — Зоя выдержала укоризненный взгляд его карих глаз с красноватыми белками. «Наверно переживает и не высыпается», — подумала она.

— Давай поговорим, — он по-хозяйски прошёл в комнату. Зоя последовала за ним, думая о том, когда же всё это закончится.

— О чём ты хотел поговорить? — она села напротив него и, стараясь не показывать, что она всё ещё переживает и очень боится уступить.

— Зоя, я не могу без тебя, — Руслан подошёл к ней и опустился перед ней на колени. — Прости меня. Я был не прав, я совсем запутался. Я хочу вернуться и прошу у тебя прощения. Ну, зачем ты всё это затеяла? Я люблю тебя и люблю нашу дочь. Неужели ты хочешь, чтобы она росла без отца?

— Запрещённый приём. Я, конечно, хотела, что бы у Кати был отец, и у нас была бы нормальная семья. Я хотела этого всегда. Даже когда ещё не знала тебя. Но, видимо, так получается в жизни, то, что страстно желаешь, тебе не даётся.

— Но я же здесь и я готов... — вдохновлённый её словами Руслан схватил её за руку.

— Слишком поздно, — Зоя мягко освободилась. — И, пожалуйста, сядь на диван, мне неловко, что ты стоишь на коленях. Это заставляет меня чувствовать себя виноватой, в том время, как я убеждена, что поступаю правильно.

Руслан тяжело поднялся и пересел на диван, рассматривая Зою. Она как-то изменилась за этот месяц, который они прожили врозь. Держалась более уверенно, на щеках играл румянец. Это уже была не та Зоя, с которой он жил. Она выглядела так, словно вернулась с отдыха.

— Ну, скажи в чём ты права? — накинулся он на неё, чувствуя, что теряет её. — Мы оба жертвы того, что случилось с нами. Мы ни в чём не виноваты. Виноваты наши родители.

— Вот видишь, — усмехнулась Зоя. — Ты так ничего и не понял. Ты можешь сколько угодно считать себя жертвой, но я не буду. В жизни случается всякое, и только от нас зависит, как мы разрешаем проблему. Есть люди, которых жизнь бьёт гораздо сильнее, чем тебя, но они выходят из ситуации победителем и извлекают из этого урок, а некоторые всю жизнь носятся со своей бедой, считая всех виноватыми. Я принадлежу к первой категории, а ты ко второй. Пойми, нельзя всю жизнь топтаться на месте, а ты именно это и делаешь. Я считаю, что сделала всё, чтобы спасти нашу семью, но пока я пыталась обратить твоё внимание на нас с Катей, ты носился со своими обидами.

— Но как же я буду жить без вас? Сейчас, когда я, наконец, всё понял, ты отталкиваешь

меня.

— Если ты вернёшься, всё начнётся сначала. Я сыта этим по горло. Я разучилась улыбаться с тобой и радоваться жизни. И я хочу, чтобы моя дочь росла в спокойной обстановке.

— И что ты будешь делать? Выйдешь снова замуж?

— Возможно, но не сразу. Сейчас я хочу только покоя. Я просто счастлива одна, когда провожу тихие спокойные вечера дома, играя с Катюшкой.

— Счастлива, — пробормотал он. — А я вот чувствую себя отвратительно.

— Так и должно быть, — улыбнулась Зоя. — Ты понимаешь, что был не прав и это тебя мучает. Но всё пройдёт, люди не склонны терзать себя слишком долго.

— Значит, твоё решение окончательно? — спросил он.

— Да.

— Ты так говоришь, потому что уверена: ребёнок останется с тобой. А если бы это был спорный вопрос, ты бы не была такой смелой. Но государство наше, к сожалению, на стороне женщины. Но я могу нанять хорошего адвоката и побороться с тобой, чтобы ты и твоя семейка не была такой уверенной.

— Ты хочешь уйти с работы и посвятить себя стирке, готовке и прогулкам с коляской? Даже если бы у тебя получилось отобрать у меня Катю, я не думаю, что тебе всё это нужно.

— Пожалуй, ты права. Это не мужское дело. Ладно, — Руслан поднялся. — Наверно, лучше выкинуть вас из головы и начать всё заново. Как говорится, с глаз долой из сердца вон.

Они вышли в коридор.

— Ты, кажется, собирался погулять с Катей? — вдруг вспомнила Зоя.

— Справляйся сама. Ты же так хотела быть одна. Я больше не буду терять с вами время. Найдутся другие женщины, которые меня оценят, — он взял в руки чемоданы и посмотрел на Зою тяжёлым взглядом. — Имей в виду, раз уж ты такая самостоятельная, что тебе впредь не стоит рассчитывать на меня. Я не буду помогать. С этого дня мне плевать, как вы живёте. И не стоит рассчитывать на материальную помощь. Ты сама выкинула меня из своей жизни. Я не дам ни копейки.

— Мне ничего не нужно от тебя! — твёрдо сказала Зоя.

— И ещё, — он сделал театральную паузу, — когда Катя вырастет, я расскажу ей всю правду, как вы со мной поступили.

Зоя закрыла за ним дверь и прислонилась к ней спиной, не в силах двинуться с места. Этот разговор измотал её, но она радовалась, что он последний. После его слов, что он не будет помогать, она ещё больше убедилась, что поступила правильно. К сожалению, Руслан был и остался эгоистом, который думает только о себе.

Она услышала тихое воркование и поняла, что Катюшка проснулась и зашла в комнату. Она лежала в своей маленькой кроватке в розовых ползунках с мишками и улыбалась.

— Ну-ка иди ко мне, — Зоя взяла её на руки. Катя была такая тёплая: от неё исходил особенный детский запах, вдохнув который Зоя улыбнулась, подумав о том, какое счастье иметь ребёнка.

— Мама, — проговорила малышка, и Зоя ещё сильнее прижала её к себе.

Только через месяц после того, как Руслан забрал вещи, Зоя окончательно пришла в

себя и решила позвонить Юре.

— Привет, — тихо сказала она, услышав знакомый голос.

— Зоя, милая! Как долго я ждал твоего звонка. А сам позвонить не решался. Мало ли кто, может трубку взять, — сказал он с явным намёком на Руслана.

— Теперь можешь звонить. Мы расстались. Я не хотела с тобой общаться, пока всё не решилось, а потом мне надо было побыть одной.

— Мне очень жаль.

— Неужели? — засмеялась Зоя.

— Да нет, я, конечно, рад, что ты снова свободна, но ты, наверно, переживаешь из-за всего этого.

— Уже нет. Прошёл целый месяц с тех пор, как он забрал вещи, и я успела прийти в себя.

— Вы развелись официально?

— Пока нет времени возиться с бумажками, но я обязательно это сделаю. Со следующей недели выхожу на работу.

— А с кем же будет Катя?

— Я договорилась работать три раза в неделю, в эти дни она будет с мамой. Зоя вздохнула. — Теперь, наконец, бабушка может спокойно приезжать к внучке. Это большое счастье.

— Слушай, а она ещё вместе с этим, отцом Руслана?

— Да.

— Как они восприняли то, что вы расстались?

— Никто не ожидал ничего другого. Мы на самом деле не подходили друг другу, а эта ситуация явилась катализатором и ускорила события. И давай больше не будем об этом. На самом деле я позвонила, чтобы пригласить тебя в гости на яблочный пирог.

— Ой, Зоя! Я и не знал, что ты умеешь печь пироги.

— В семейной жизни иногда бывают и плюсы. Я научилась хорошо готовить. Конечно, не так, как бабушка, но некоторыми блюдами могу гордиться.

— Считай, что я уже в пути.

— Лучше выезжай через час, к этому времени я уложу Катю спать, и мы сможем спокойно поболтать. Теперь мне приходится подстраиваться под её режим.

— Но мне бы хотелось всё-таки увидеть твою дочь.

— Не беспокойся, к моему великому сожалению, она не так много спит. А это единственное время, которое я могу использовать для себя. У неё сейчас такой возраст, что её ни на минуту нельзя оставить без присмотра.

Юра пришёл смущённый с букетом роз и игрушкой для Кати.

— Вот это да! — сказала Зоя, рассматривая огромного кенгуру. — Эта игрушка будет как раз с Катю ростом.

— Я совсем не знаю, что дарить детям, — ещё больше смутился Юра, но Зоя улыбнулась и поцеловала его в щёку.

— Кенгуру ей понравится. Тебе не повезло, чай пока откладывается. Мой ребёнок никак не желает засыпать. Пойдём, я тебе её покажу, только сначала вымой руки.

— Я не буду брать её на руки, я боюсь, — возразил Юра.

— И не надо, но руки помой. Маленькие дети очень восприимчивы к микробам.

— Какая ты стала, — недовольно проворчал он, направляясь в ванную.

Маленькая Катя лежала на спинке в кроватке и рассматривала свои крохотные пальчики. Увидев маму, она хныкнула.

— Иди ко мне, моя радость, — Зоя взяла её на руки. — Давай я тебя познакомлю со своим другом. Она поднесла Катю к Юре, который совершенно не знал, как себя вести. Зато Зоя чувствовала себя совершенно свободно и, судя по всему, очень гордилась своей ролью мамы.

— Это Юра, это Катя. Вот вы и знакомы. А теперь носи кенгуру, — скомандовала она Юре. Он послушно вышел в прихожую, испытывая какие-то незнакомые ревностные чувства к этой маленькой голубоглазой малышке. До сих пор он совершенно не представлял свою любимую девушку в роли мамы. Да ещё ему показалось, что Катя немного похожа на Руслана.

Юра не любил детей, и причина этому крылась в детстве. Когда ему было шесть лет, его мама объявила, что у него скоро будет братик или сестричка. Он ждал братика, собирался играть с ним в войну и в другие игры, и хотя мама говорила, что он ещё не скоро вырастет, он её не слушал. А родилась рыжая Варька. И его мама теперь время прыгала вокруг этого свёртка, который, как ему казалось, непрерывно орал. Юра понял, что мама больше его не любит, а любит эту Варьку, и затаил обиду на всю жизнь.

Юра принёс кенгуру и отдал Зое. Зоя посадила девочку в манеж, а перед ней поставила кенгуру, который сейчас, когда она сидела, был выше её ростом и занял половину свободного пространства.

— Катенька, это кенгуру, — нежно сказала Зоя.

— Угу, — девочка засмеялась и ловко выдернула маленького кенгурёнка из кармана, рассматривая его со всех сторон и улыбаясь.

— Вот видишь, ей понравилось, — раскрасневшаяся от возни с малышкой, Зоя посмотрела на Юру, и он ощутил лёгкий укор совести. Зоя была такая хорошенькая, и он так любил её.

— Давай воспользуемся моментом, пока она занята и пойдём пить чай. Думаю, сегодня спать она уже не будет.

— Как ты так живёшь, у тебя даже нет времени для себя? — удивился Юра.

— Это ещё что, — засмеялась Зоя. — Сейчас Катя подросла, а вот когда я писала диплом, и ей было всего шесть месяцев, было сложнее. Но я устраивалась с чертежами напротив кроватки, разговаривала с ней и давала новые игрушки. Так все чертежи и начертила, да ещё и защитилась на пять.

— Ну, ты молодец.

Глядя на хлопотавшую вокруг стола такую домашнюю в стареньких голубых джинсах с пятном на коленке и с кое-как заколотыми волосами Зою, Юра почувствовал себя счастливым. Она была рядом, и он мог взять её за руку. Его злило, что Зоя всё время бегала в соседнюю комнату и прерывала разговор на самом интересном, а потом забывала о чём они говорили. «Неужели всегда с детьми столько возни», — думал он, наблюдая за Зоей весь вечер. Он еле дождался восьми часов, когда Зоя положила Катю спать и смогла уделить время только ему. Он столько всего хотел сказать ей, а теперь только обнял и молчал. Он чувствовал, что никак не может примириться с появлением в жизни Зои этой малышки, и

почему-то продолжал ревновать её к Руслану. Юра совершенно иначе представлял их первое свидание, хотел, чтобы Зоя принадлежала ему безраздельно, он столько лет этого ждал. И вот теперь она, наконец, свободна, а на самом деле ещё больше занята, чем прежде. Что же ему теперь делать? Его место рядом с Зоей. Только вот получится ли поделить её с этим капризным созданием?

— О чём ты думаешь? — спросила его Зоя.

— О тебе и о том, как ты изменилась. Оказывается, я тебя плохо знаю.

— Люди меняются, а ты, наверно, до сих пор думаешь обо мне, как о школьнице, с которой ты гулял лесу, — удивительно точно подметила Зоя.

— Я бы и хотел тебя узнать, но твоя дочка не даёт нам такой возможности.

— Ничего, — улыбнулась Зоя. — Сегодня был первый день, и ты не привык к детям. Завтра приедет мама, и мы можем куда-нибудь сходить.

Юра оживился. Мысль о том, что завтра Зоя будет принадлежать ему, подняла ему настроение.

— Ты можешь приехать ко мне в гости.

— Ну вот. Как только девушка получает возможность выйти из дома, её снова приглашают провести время в четырёх стенах. Только в чужих.

— Мы можем пойти в кино, — предложил Юра, представляя, как они сидят в темноте, он держит её руку и любит её вздёрнутым носиком, который он так любил.

— Нет, в кино я не хочу. Так уж и быть, я приеду к тебе в гости, но сначала мы зайдём в наш любимый парк. Ты даже не представляешь, как я жалею, что не могу там гулять с Катюшей. Там столько места, такой воздух, а здесь я кружу вокруг пруда по сорок кругов, пока она заснёт под шум автомобилей.

Они ещё посидели и выпили чаю, а потом Юра засобирался домой.

— Завтра я тебя жду, — он нагнулся и поцеловал её в щёку.

— Хорошо, я приеду.

Они долго бродили по парку, и Юра был счастлив. Зоя держала его под руку, а когда они сели отдохнуть на скамейке перед озером, он положил ей руку на плечо. И всё равно он немного боялся Зою. Они были ровесниками, но она успевала раньше взрослеть. Первой вышла замуж, а теперь вот ещё у неё ребёнок, и она стала такая важная и гордая. А он опять мальчишка.

— Ну что ты молчишь, Юрка, — Зоя повернулась к нему. — Помнишь, как мы с тобой здесь сидели перед тем, как ты уходил в Афганистан.

— Помню, а ты обещала меня ждать, а вышла замуж. Слушай, Зоя, а если бы я тогда тебе сказал, что люблю тебя, это могло бы что-нибудь изменить?

— Вряд ли. Тебя так мучает, что я была замужем и у меня ребёнок? — спросила она прямо.

— Я просто так спросил.

— Да нет, не просто. Я всё понимаю, — грустно сказала Зоя. — Конечно, было бы лучше, если бы ты, ну... — она замаялась. Ну, если бы у меня никого не было.

— Меня не это не беспокоит, — соврал он. — Просто я не умею обращаться с детьми.

— Ой, Юрка, — развеселилась Зоя. — Ты слишком серьёзно ко всему относишься. Я пока замуж за тебя не собираюсь. Так что не переживай.

Юра перевёл разговор на другую тему, думая о том, что Зоя никогда не относилась к нему серьёзно. Вот и сейчас она сказала, что не собирается за него замуж, но вполне вероятно, пока он будет тянуть, она выйдет за другого.

Они медленно пошли к его дому, и Зоя полностью погрузилась в воспоминания. То она вспоминала школу, то, как они гуляли во дворе. И как она тогда была счастлива. Просто так. Без причины.

— Слушай, а родители дома? — вдруг спросила она, когда они подошли к подъезду.

— Нет, в деревню уехали.

Зоя широко раскрыла глаза, изображая возмущение.

— Да как ты смел, пригласить меня в гости?! Я думала родители дома, всё-таки воскресенье. А ты, значит, специально выбрал момент. Я знаю, на что ты рассчитывал. Я не пойду. — Она прислонилась к двери подъезда спиной. — Поехали обратно.

казался совершенно сбитым с толку.

— Зоя, ну я не хотел тебя обидеть. Не подумай ничего плохого. Я просто хотел поговорить с тобой. Тортик твой любимый купил. «Прагу». К чаю.

Он не стал говорить, что вчера специально заехал в кулинарию на Арбате, и как дурак тащился с тортом в метро, чувствуя себя неприлично счастливым из-за того что Зоя приедет.

— Ах, ты не хотел, да?! То есть не планировал. Ты хотел поговорить и чайку выпить. Да мы с тобой уже десять лет только разговариваем, — добавила она со смехом, растрепав ему волосы. — Лучше скажи, что ты всегда этого хотел, но не мог решиться.

Юрка глубоко выдохнул от волнения. Господи, да он же совсем забыл, что она любит разные подколки? Эта же она, его Зойка. Она не изменилась, только чуть-чуть повзрослела. Он хотел ответить ей что-нибудь весёлое, а получилось серьёзно.

— Да, признаюсь. Всегда хотел. И так давно, что даже боюсь.

— Ну ладно, не бойся. Пойдём, а то я передумаю. Думаешь, я не боюсь?

«Прага» оказалась совершенно забытой. Весь день они провели в постели, забыв о еде.

— Помнишь, ты меня сегодня спрашивал, что изменилось, если бы ты признался мне в любви? — спросила Зоя.

— Да, помню, — Зоина голова покоилась на его плече, и он её обнимал.

— Так вот, — она приподнялась на локте, чтобы видеть его лицо. — Я знаю, что могло всё изменить.

— Что? — спросил он, любуясь её волнистыми волосами, обрамлявшими милое лицо с сияющими глазами. Он мог бы поклясться, что никогда не видел у неё таких глаз.

— Если бы ты раньше пригласил меня в гости, а родителей не оказалось дома. А ты бы осмелел настолько... Ну, я не буду продолжать, ты всё понял, — она нежно его поцеловала. — Юрка, если бы я только знала, что ты такой, и что мне с тобой будет так хорошо, я была бы только с тобой.

— Какой я был дурак! И сколько раз мне ещё придётся это повторить. Милая моя, единственная! Если бы ты знала, как я сейчас счастлив. И не надо грустить. Я постараюсь исправиться и всегда буду с тобой.

— Всегда, — задумчиво протянула Зоя. — Это так долго. Лучше будь со мной, пока ты меня любишь. Я всю жизнь искала любовь и не замечала, что она была рядом. Смотрела

твоими глазами с соседней парты. Думаешь, я не видела, как ты рисовал мой профиль в тетрадках? Скажи, у меня очень курносый нос?

— У тебя самый замечательный нос на свете. — Юра с нежностью провёл пальцем по её носику. — Весёлый.

— Весёлый?! — хмыкнула Зоя, отнюдь недовольная своим носом. — Надеюсь, что это комплимент, а не оскорбление.

Зоя чувствовала себя счастливой и не переставала удивляться: насколько изменился окружающий её тесный мирок. Самые обычные дела, хозяйственные хлопоты окрасились радужным осознанием, что она любит и любима. Внутри неё поселилось, озаряя все вокруг, маленькое солнце, и каждый день становился чудесным, потому что впереди была встреча, встреча с любимым Юркой.

Время бежало так быстро, когда они были вместе. Казалось, он только пришёл, а вот уже двенадцать ночи, а утром рано вставать, а так не хочется расставаться.

Единственное, что огорчало Зою: отношение Юры к Кате. Он ни разу не взял её на руки, а когда она подходила к нему с игрушками, чтобы пообщаться, отделялся от неё под каким-нибудь предлогом.

— Я так хочу, чтобы ты была более свободна, — сказал с досадой Юра, когда они, наконец, уселись на кухне выпить чаю. — Мы встречаемся поздно вечером, когда ты укладываешь Катю спать или только когда твоя мама приезжает. Ты же должна отдыхать, развлекаться, наконец.

Зоя вздохнула. Она и сама разрывалась между ним и ребёнком.

— Давай ты приедешь в выходной, чтобы мы могли провести целый день вместе.

— Ну да, — хмыкнул Юра. — Сначала мы будем гулять вокруг пруда с коляской, потом придём домой, и ты будешь разыгрывать целый спектакль, чтобы Катя съела овощное пюре, которое она не любит. Потом ты уложишь её спать, предварительно походив с ней на руках минут сорок. У нас будет счастливое время, когда это существо соблаговолит заснуть, а потом всё завертится снова: полдник, прогулка, ванна, — он посмотрел на Зою с грустной улыбкой.

— Ты хорошо изучил наш распорядок, и если он тебя не устраивает: мне нечего тебе предложить.

Юра раскаялся, увидев обиду на любимом лице. Как бы он хотел, чтобы Зоя была только с ним, но он неизбежно оказывался на втором месте. С этим так не хотелось мириться.

— Прости меня, — он вскочил с табурета и присел перед ней на корточки. — Я ужасный эгоист. Просто я хотел, чтобы ты была только моей. Вокруг происходит столько всего интересного, а ты все время дома.

Зоя задумчиво потрепала его по волосам. Он был прав и не прав одновременно. Она тоже хотела проводить с ним больше времени, но прекрасно понимала, что пока Катя не вырастет, вся её жизнь будет подчинена детскому распорядку.

— Сядь. Давай поговорим спокойно.

Зоя налила ему чаю и поставила перед ним вазочку с конфетами.

— Юрочка, боюсь, у тебя нет выхода, — спокойно сказала она, делая глоток чая.

— О чём ты?

— Катя ещё слишком маленькая. Пройдёт ни один год, прежде чем я стану более свободной. Может быть, тебе лучше найти какую-нибудь студентку...

— Перестань! — Юра вскочил с места, но Зоя взмахом руки заставила его опуститься на

табурет.

— Выслушай меня, пожалуйста. Мне так же больно, как и тебе, но с этим ничего не поделаешь. Я прекрасно понимаю, что мой ребёнок никому не нужен, а для тебя, не любящего детей, он и вовсе лишняя обуза. Поэтому я ещё раз предлагаю тебе хорошенько всё обдумать.

— Но я не могу потерять тебя, Зоя. Ты говоришь о каких-то других женщинах, но я всю жизнь хотел быть только с тобой. А сейчас, когда мы вместе, я даже подумать не могу, что мы можем расстаться. Неужели я так много требую? Устрой как-нибудь, чтобы мы проводили вдвоём больше времени. Возможно, позже я смогу привыкнуть к твоей дочери, но сейчас я хочу лишь быть с тобой, и чтобы тебя никто не отвлекал. Ведь каждый имеет право на медовый месяц.

Зоя грустно улыбнулась. Она видела, что он искренен, ей тоже страшно было подумать о том, что он может уйти.

— Хорошо, — внезапно решила она. — Я поговорю с мамой, чтобы она проводила один день в неделю здесь, а я буду приезжать в Кузьминки... — договорить ей Юра не дал, потому что бросился к ней с поцелуями.

— Прости, что огорчаю тебя. Я буду стараться измениться.

— Да ладно тебе, — шутливо отбивалась Зоя, думая про себя, что сердиться на Юрку просто невозможно.

На следующий день она позвонила Диане Дмитриевне и, когда та спросила, как у них дела с Юрой, осторожно перешла к делу.

— Боюсь, у нас возникли неразрешимые проблемы.

— Это какие же? — обеспокоено спросила Диана Дмитриевна. Юра ей всегда нравился. Она считала его воспитанным молодым человеком из хорошей семьи. Она считала, что именно за него Зое и следовало выйти замуж. «Юра нашего круга», — говорила она, а Зоя смеялась, потому что не понимала, что может быть общего у её родителей с Юриным отцом, полковником КГБ и мамой инженером-химиком. Видимо, Диана Дмитриевна питала слабость к военным.

— Понимаешь, он хочет проводить со мной больше времени. Катя раздражает его. Он совершенно не обращает внимания на неё, но клянётся, что любит меня и со временем постарается измениться.

— Знаешь, в этом нет ничего удивительного. Для него твоя дочь лишнее напоминание о твоём замужестве. К тому же он давно влюблён тебя. Только нерешительность помешала ему сделать тебе предложение. Конечно, когда он видит Катю, она вызывает в нём отрицательные чувства и не стоит его осуждать за это. Может быть, со временем, когда он привыкнет, что ты любишь его, он будет лучше относиться к ребёнку.

— А я посоветовала найти ему кого-нибудь посвободнее, — сказала Зоя.

— Ты просто глупая девчонка! — вскрикнула Диана Дмитриевна. — Ты ещё не представляешь, что такое быть матерью одиночкой.

— Я уже готова жить одна, если так случится. Как только в моей жизни появляется мужчина, у меня сразу появляются проблемы. Причём, обрати внимание, это не мои проблемы, меня всё устраивает. И, вообще, меня беспокоит, что Перепёлкин не любит детей.

— Пока рано об этом волноваться, — отрезала Диана Дмитриевна. — Ты должна как

можно скорее выйти замуж, пока ещё молода. Юра любит тебя, и это хорошо. Кстати, твой Руслан тебя не любил, — язвительно отметила Диана Дмитриевна.

— Ой, мама, — вздохнула Зоя. — Давай не будем. Я так рада, что он исчез из нашей жизни.

— Он так и не звонил с тех пор?

— Нет, он же сказал, что выбросит нас из головы.

— Ты вот что, послушай меня, хоть раз. Подавай-ка на развод и на алименты.

— Мама, мне ничего не нужно от него. Я скоро пойду на работу.

— Ну что мне делать с тобой?! Ты ничего не хочешь слушать! Ладно, давай решим так с твоим Юрой. Я могу приезжать раз в неделю, скажем в субботу, и оставаться с Катей у вас на ночь. А ты приедешь в Кузьминки, и вам никто не мешает наслаждаться обществом друг друга.

— Ой, мамочка. Спасибо. Я так соскучилась по нашей квартире. Для меня это будет возвращением в детство.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо заметила Диана Дмитриевна, тронутая Зоинными словами. — А ты мне обещаешь не говорить глупостей и подталкивать его к женитьбе.

— Знаешь, мамуль, я пока не хочу замуж. Мне так хорошо с Катей вдвоём.

— Это всё до поры до времени.

— А как у вас с Андреем Валерьевичем? — решила сменить тему Зоя.

— Он по-прежнему настаивает, чтобы я вышла за него замуж.

— Теперь ты можешь это сделать.

— Да какое, может быть, замужество в нашем возрасте?

— По-моему, тебе никогда не нравилась фамилия Тихомирова, а это хороший повод сменить её на Яковлеву. А я, глядя на вас, всё больше начинаю понимать, что «любви все возрасты покорны».

— Знаешь, Зоя, я тебе очень благодарна, что ты осталась на моей стороне, несмотря на то, что твоя семья распалась, — в голосе Дианы Дмитриевна появились взволнованные нотки. Ей вдруг пришла в голову мысль, что у неё слишком хорошая и великодушная дочь. — Иногда я чувствую себя такой виноватой, — с трудом проговорила она. — Так что, я сделаю всё, что смогу, чтобы ты снова вышла замуж.

— Спасибо, мам, — Зоя почувствовала, что на глазах выступили слёзы. Оказывается её мама не такая уж и бесчувственная, как она считала последнее время. «Наверно, Руслан всё же умудрился внушить мне мысль, что мама меня не любит», — подумала Зоя.

— Повтори, что ты сказала? — Юра держал Зою за руки, и по его глазам было видно, как он счастлив.

— Хорошо, я повторяю: в субботу я буду приезжать в Кузьминки, и ты сможешь проводить со мной два дня. Если у тебя не будет никаких дел, — улыбнулась Зоя.

— Какие дела, милая?! — в порыве чувств Юра схватил её на руки и начал кружить по комнате, как ребёнка. Маленькая Катя, сидевшая на ковре со своими игрушками, с удивлением наблюдала за ними, а потом весело засмеялась. — Ты будешь со мной, и никто не будет мешать мне любить тебя. О, как я счастлив, — задохнувшись, он опустил Зою на диван и обратился к малышке.

— Слышишь, ты, маленький деспот, которому постоянно что-то нужно? Я забираю твою маму, и целых два дня она будет только со мной. Но ты всё равно в выигрыше, потому

что пять дней она с тобой.

Катя не понимала о чём речь, только что-то показывала маленькими пухлыми ручками и бормотала на своём только ей и Зое понятном языке.

— Что она хочет? — спросил он у Зои.

— Она хочет, чтобы ты её тоже покружил.

— Мне надо её покружить? — уточнил с недоверием, глядя на малышку, Юра.

— Если ты хочешь, — осторожно сказала Зоя.

— Ладно, — он неловко взял её на руки, удивившись, какая она лёгкая. Он никогда не держал детей на руках. — Давай-ка я тебя покружу.

Он покружил её пару минут по комнате и посадил в манеж.

— Большая победа! Впервые за те полгода, что мы встречаемся, ты взял её на руки, — захлопала в ладоши Зоя. — Смею ли я надеяться, что вы когда-нибудь подружитесь?

— Я буду стараться, — он подошёл к Зое и обнял её. — Ради тебя я сделаю всё, что в моих силах. Только не торопи меня, ладно? Я буду считать дни до субботы. Осталось ещё так долго: целых три дня. Три долгих дня, — он посмотрел на Зою, а потом подошёл к малышке и шутливо произнёс, наклоняясь к ней, — это три твоих дня, а потом твоя мама будет моей.

В субботу они не спеша погуляли в парке, заглянули во все свои любимые места и даже нашли ту скамейку, на которой они сидели и пили вино, перед тем, как Юре уйти в армию. Он потянул Зою за руку:

— Давай посидим. Сколько лет прошло?

— Три, нет, четыре года, — ответила Зоя. — Как всё изменилось с тех пор. Я уже не та маленькая и бестолковая девочка, которая не знала, что ей делать в жизни и решила, что выйти замуж будет самым верным решением.

— А теперь ты знаешь, что делать?

— По-прежнему нет, хотя и повзрослела, — усмехнулась Зоя. — Я всё так же в поиске, но чувствую, что скоро найду. Как ни странно, но теперь, когда сделано столько непоправимых ошибок, я чувствую себя увереннее. Зато я знаю, что мне всё по плечу. Я стала сильнее.

Юра сидел, не сводя восхищённых глаз с Зои. Какая же она сегодня была красивая, в этой синей кофточке с треугольным вырезом и обтягивающих чёрных джинсах. Свои длинные волосы она собрала в высокий хвост, и он мог любоваться плавным изгибом её шеи. А ещё она отрастила чёлку, и её гладко зачёсанные назад волосы открывали тёмные красивой формы брови, и её глаза казались ещё больше оттого, что на них не падала тень. Зоя опустила глаза, что-то рассматривая на земле, и он обратил внимание на её ресницы. Ни у кого из девушек он не видел таких длинных пушистых ресниц, а когда она их подкрашивала, они доставали почти до самых бровей.

— Что ты меня так рассматриваешь?

— Ты убрала чёлку.

— Странно, что ты заметил. Мужчины обычно так невнимательны.

— Я помню каждую твою юбочку, каждую кофточку, даже твои заколки для волос. Ты стала такая красивая, даже страшно.

— Чего же ты боишься?

— Я боюсь, что ты снова исчезнешь из моей жизни. Ты пойдёшь на работу, другие

мужчины будут ухаживать за тобой, и кто-то тебе может понравиться больше, чем я.

— Не говори глупостей, нельзя быть таким неуверенным. Я люблю тебя и хочу быть только с тобой.

— И я люблю тебя, — он поцеловал её. — Может, нам хватит гулять в этом парке. Лучше пойдём к тебе. Я сгораю от нетерпения вновь оказаться в твоей комнате с розовыми занавесками. Знаешь, когда мы ещё учились в школе, я старался пройти мимо твоего дома, чтобы посмотреть горит ли свет в твоём окне. У тебя были такие шторы, что я сразу находил твоё окно. И если розовый огонёк горел, значит, ты была дома, и я чувствовал себя счастливым.

— Так просто? — удивилась Зоя. — Только потому, что я была в своей комнате? А если свет не горел?

— Тогда я смотрел на другие окна, и если был свет на кухне или в гостиной, убеждал себя, что ты просто вышла из комнаты ужинать или смотреть телевизор. А вот, если во всей квартире было темно, тогда я злился, думая, что ты гуляешь с каким-нибудь взрослым парнем.

— Да я могла быть с кем угодно. С Марьяной, например. Ты у меня романтик, Юрка, — нежно посмотрела на него Зоя. — Это же надо — стоять под окнами, когда можно просто позвонить.

— А когда мы с тобой гуляли, — продолжил он, — я каждый раз ждал, когда ты войдёшь в свою комнату и включишь свет. Только у тебя, единственной в мире, было такое розовое окно, которое я так любил.

— Скажи спасибо моей бабушке. Это она купила мне такие занавески. Кстати, они мне совершенно не нравились, но после твоих слов я начинаю испытывать к ним нежные чувства.

— Спасибо тебе за то, что ты есть, — он поднёс её руку к своим губам. — За то, что позволила мне любить тебя и даже отвечаешь мне взаимностью.

— Знаешь, Юра, — Зоя вдруг серьёзно посмотрела на него, и тень пробежала по её открытому лицу. — Иногда, когда ты так говоришь, мне кажется, что ты любишь не меня со всеми моими слабостями и недостатками, а свою мечту, которую ты придумал. Уверена, я не такая. Я даже боюсь, когда ты узнаешь меня поближе, ты разочаруешься. Я думаю, что тебе нравилось любить меня издалека, и реальная жизнь, которая иногда бывает грубой и жестокой, может разрушить наши отношения.

— Перестань. То, что сейчас происходит между нами, превосходит мои самые смелые мечты. Я уверен: у нас тобой будет такая же хорошая семья, как у моих родителей. У них скоро серебряная свадьба, а недавно я случайно услышал, как отец признавался маме в любви. Я был тронут.

— Как тебе повезло. В моей жизни передо мной были совсем другие примеры. Может, поэтому я так отчаянно и хотела выйти замуж, но из этого ничего хорошего не вышло.

— Ты выйдешь замуж за меня, и у нас всё будет по-другому.

За эти полгода Юра иногда заводил разговоры о том, что они больше не расстанутся, или мечтал, что они будут всё время вместе, но всё это было как-то вскользь, конкретных предложений он не делал. И вот сейчас, когда он заговорил об их будущей семье, Зоя даже испугалась. С его отношением к Кате об этом было нечего и думать. Он просто не сможет жить такой жизнью, какой живёт она. Её вполне устраивало настоящее положение вещей.

Она была влюблена, любима, и дома после бесконечных ссор с Русланом, наконец, настал покой. И в данный момент она была совершенно не готова к переменам.

— Может быть, не стоит спешить? Разве нам плохо сейчас? — Зоя внимательно посмотрела на него, и ей показалось, что на его лице появилось облегчение.

— Но мне всегда казалось, что для женщины важна семья, — неуверенно сказал он.

— Всё правильно, но я уже была замужем и пока не готова к новой семейной жизни. Да и ты тоже. К тому же, мы ещё плохо знаем друг друга, — улыбаясь, добавила она, чтобы разрядить обстановку.

— Да уж, десять лет не срок, — Юра тоже улыбнулся. — Но я готов узнать тебя получше.

Выходные пролетели, как одно мгновение, и в воскресенье они оба уже начали грустить, что их следующая встреча на свободе будет лишь через неделю.

Но в следующие выходные им не пришлось встретиться: Марьяну выписывали из роддома. Её мама наотрез отказалась забирать дочь с внуком, мотивируя это тем, что это должен делать отец ребёнка, а никак не бабушка, над которой итак все соседи смеются. Зоя даже поссорилась с ней, уговаривая её приехать. Бросив в сердцах трубку, Марьяна повернулась к сидящему рядом с ней Юре, который что-то медленно наигрывал на гитаре, не особенно прислушиваясь к разговору.

— Ну ты подумай. Нина Васильевна не собирается забирать Марьяну и не испытывает никакой радости от рождения внука. Ей, видите ли, стыдно перед соседями. Да эти времена уже давно прошли, сейчас уже все нормально относятся к женщине, которая решила родить ребёнка для себя.

Юра оставил гитару и повернулся к Зое.

— Мне кажется, что эти времена никогда не пройдут, и в поведении Нины Васильевны нет ничего странного. Ей действительно стыдно за дочь. Более того, если ты хочешь узнать моё мнение, я не думаю, что со стороны Марьяны было правильным решением оставить ребёнка.

От возмущения Зоя вскочила со стула.

— Да что ты такое говоришь?! Неужели ей надо было сделать аборт?! Это ребёнок от любимого человека.

— Но он же на ней не женился, когда узнал, что она беременна?

— Ну и что?! — Зоя осуждающе посмотрела на Юру. — Я, например, восхищаюсь её смелостью. Она правильно сделала. Да и, в конце концов, какая между нами разница?! Я тоже воспитываю ребёнка одна.

— Но ты сначала вышла замуж, у ребёнка есть отец, — продолжал возражать Юра, уже начавший жалеть, что завёл этот разговор.

— У ребёнка нет отца, — раздражённо заметила Зоя. — Руслан ни разу не приехал к ней, с тех пор, как забрал вещи, — Зоя встала спиной к Юре, глядя в окно. Ей не хотелось показывать, что её слишком задели его слова.

Юра встал рядом с Зоей, задумчиво глядя на детей на катке. Зачем он только высказал своё мнение?! Наверно, просто разозлился, когда услышал, что Зоя собирается ехать в роддом, вместо того, чтобы провести с ним выходные. Он обнял её за плечи и прошептал.

— Ну не сердись. Я погорячился.

Зоя повернулась к Юре.

— Знаешь, я иногда не понимаю тебя. Ты бываешь таким странным. Неужели ты на самом деле так думаешь?

— Извини, наверно, я просто ревную тебя ко всем на свете, кто отнимает тебя от меня. А ведь если ты поедешь в роддом, то не сможешь быть со мной.

— Ты можешь поехать со мной, мы вместе заберём Марьяну с ребёнком. А потом... — внезапно она остановилась и взглянула в его лицо. — Или ты не хочешь?

— Зоя, извини, но я как-то плохо представляю себя в этой роли. Да и отношения у нас с Марьяной не самые лучшие. Я не думаю, что это хорошая идея поехать нам вместе. Постарайся освободиться пораньше.

— Исключено, — холодно сказала Зоя. — Скорее всего, я останусь у Марьяны. Ведь кто-то должен ей помочь с ребёнком и всему научить. Она не умеет ни пеленать, ни купать.

— Ты обиделась на меня?

— Нет, я просто, — Зоя задумалась, как выразить свою мысль, а потом только махнула рукой. — В чём я упрекаю тебя, если уж родная мать не хочет видеть своего внука? Вместо того, чтобы помочь Марьяне, она собралась на дачу к подруге. Ну, может быть, я приеду в Кузьминки попозже, — добавила Зоя.

Но все выходные Зоя не имела и свободной минутки. Сначала долго искала машину, которая бы согласилась подождать, пока Марьяну с мальчиком выписывали из роддома. Когда приехали домой, Зоя занялась уборкой. Нина Васильевна ни разу не убиралась, с тех пор, как её дочь забрали в больницу. Потом она учила Марьяну пеленать малыша и делать ещё тысячу нужных дел, которые та делать не умела, а научиться было не у кого. Наконец, когда мальчик засопел в своей кроватке, подруги уселись на кухне. Зоя открыла бутылку безалкогольного шампанского.

— Давай выпьем за малыша. Ты уже решила, как его назовёшь?

— Мне нравится имя Игорь, — Марьяна посмотрела на подругу. — Ты одобряешь?

— Красивое имя. А какое отчество ты ему дашь? — она осторожно посмотрела на Марьяну, зная, что это больной вопрос. Сергей с тех пор, как женился, ни разу не позвонил Марьяне и даже не поинтересовался всё ли у неё в порядке.

— Пусть будет Сергеевич. Ведь он же его настоящий отец.

— Ты до сих пор переживаешь из-за него?

— Уже нет. Всё прошло. Я любила Сергея, и пусть мы не вместе, у меня есть сын, частичка от него. Я была счастлива и благодарна судьбе, что смогла испытать такие чувства. А теперь у меня есть для кого жить, и есть воспоминания, которые навсегда останутся со мной. Так о чём жалеть?

Пока Марьяна говорила, Зоя не сводила глаз с её лица. Марьяна никогда не была красивой, но материнство придало мягкость её неправильным чертам, сделав её почти хорошенькой. Марьяна не лукавила с подругой, это было заметно по её спокойствию. Зое даже показалось, что она вычеркнула Сергея из своей жизни.

— Я уверена, что у тебя всё будет хорошо, — Зоя снова подняла бокал. — Давай выпьем теперь за вас с малышом. Игорь Сергеевич звучит великолепно.

Марьяна улыбнулась.

— Спасибо тебе. Без тебя я бы не справилась. И кто ещё сказал, что женской дружбы не

бывает?

— Наверно, мужчина от зависти, — рассмеялась Зоя. — А знаешь, я должна тебе признаться, мы с Юркой теперь встречаемся.

— С Юркой? Только этого не хватало! — Марьяна схватилась за голову. — Ну и как? Надеюсь, ты не собираешься замуж за этого мечтателя?

— Пока нет. Но ты знаешь, я счастлива. Я поняла, как это здорово — любить и быть любимой.

— Ну, если бы ты меня слушала, ты бы могла бы это узнать гораздо раньше, ещё в десятом классе. И всё-таки мне кажется, что тебе... — Марьяна внезапно остановилась, закрыв себе рот рукой. — Ой, больше не буду ничего говорить. Решай сама.

— Ты хочешь сказать, что Юрка мне не подходит, — закончила за неё Зоя и вздохнула. — Знаю сама, но ничего не могу с этим поделать. Мы живём в разных мирах, и где-то на границе встречаемся, а потом каждый возвращается к себе, куда другому путь закрыт. Его мир — это любимая работа, гитара, музыка, друзья, мне там нет места. Мой мир — это Катюшка и всё связанное с ней. И пока каждый из нас не пересекает этой границы, мы безумно счастливы.

Денег не хватало, и Зоя вышла на работу, отдав Катю в детский сад. Конечно, дочка была ещё слишком мала, но другого выхода не было. Диана Дмитриевна продолжала работать, а Дмитрий Александрович не мог оставаться на целый день с Катей. Да и Зое хотелось перемен. Она уже устала сидеть дома. Для этого у неё был слишком живой характер.

— Ну, и как ты теперь себя чувствуешь? — спросил Юра, встречая Зою у проходной научно-исследовательского института, в который её распределили после диплома.

— Даже не знаю, что было лучше. Дома день проходил, как одно мгновение, а на работе тянется, как целая жизнь. Не понимаю, зачем нужно это высшее образование, если с первого же дня, мне сказали забыть то, что я учила в институте, и начать всё заново.

— И чему же ты будешь учиться?

— Я попала в отдел программирования. И теперь мне сказали, что сначала я должна буду выучить ассемблер, это такой машинный язык, потом ещё пару языков и только тогда меня допустят писать программы. А тот фортран, который мы учили в институте, уже не используется. Ну не глупо ли?

— Да ладно тебе, ворчать. Учись, зарплату ведь тебе всё равно платят, — успокоил Юра.

— Зарплату платят всем, только не знаю за что. Я тебе сейчас расскажу, как начинается день в нашем отделе. Ровно в восемь, и ни минутой позже, а то будут проблемы, надо успеть проскочить проходную, это самая главная рабочая задача. Дальше приходишь в отдел, ставишь чайник. Все пьют чай, некоторые, кто не успел дома, завтракают и обсуждают новости. Потом перекур. Наконец, мы плавно приступаем к работе. Я открываю свои учебники и пытаюсь вникнуть в эти дурацкие термины. Мужчины сидят за компьютерами и пишут программы, девчонки что-то изучают, никакой серьёзной работы им не дают. Через пару часов снова чай с тортом, у кого-нибудь обязательно день рождения. Потом обед. Обед — это самая лучшая часть рабочего дня. В обед никто не обедает, ну кроме мужчин, которые ходят в столовую. Во время обеда выпускают на улицу. Тут главное не опоздать и успеть пройти проходную, потом можно снова поставить чай и действительно пообедать тем, что каждый принес из дома. Два часа работаем, остальное время непонятно чем занимаемся. Некоторые читают журналы, кто-то вяжет под столом. И для этого я почти шесть лет всякую ерунду себе в голову заталкивала?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Зоя, ну все же так живут. Через пару лет тебе повысят зарплату, а ещё через три сделают маленьким начальником.

— Я не думаю, что так долго выдержу эту тоску. Вот ты, например, чем занимаешься на работе?

— Собираю и разрабатываю радиотехническую аппаратуру.

— Ну и как?

— Мне нравится, ты же знаешь, что я всё это с детства люблю. Конденсаторы, провода, схемы, чертежи. Я не замечаю, как проходит день, и если бы мне не напоминали, я бы

забывал про обед.

— Ты счастливый человек, Юрка. Тебе можно позавидовать. А я только расстраиваюсь на работе. Мне всё это не нравится, и мне страшно подумать, что я должна отработать здесь ещё пару лет. Хорошо, что год, который я сидела с ребёнком, включили в трёхлетний стаж.

— Смешно, что время, когда мама стирает пелёнки и подтирает малышу попку, засчитывается в трудовой стаж, — улыбнулся Юра.

— Между прочим, после нашей так называемой работы я считаю, что дома я проводила время с большей пользой.

— Ну ладно, не расстраивайся, — Юра взял её под руку. — Зато, как красиво ты стала одеваться на работу. Для женщины важно — накраситься, одеться, языками почесать. Для этого и на работу ходят, а ты возмущаешься.

— Значит, я не такая, как все, — Зоя яростно пнула пустой пакет, валявшийся на дороге. — Юрка, ну скажи: почему мне всегда чего-то не хватает? У меня катастрофическое недовольство собой и своими действиями. Меня просто распирает от энергии, и я не знаю, куда всё это приложить.

— «А мне всегда чего-то не хватает, зимою лета, осенью весны», — пропел Юра, наблюдая за покрасневшимся от недовольства Зоиным лицом. Он любил её такой, ему нравился её мятущейся характер, её постоянная внутренняя неудовлетворённость и искренность.

— Перестань издеваться, — Зоя выдернула руку, сделав вид, что обиделась.

— Я и не думаю издеваться. Просто я подумал, когда ты злишься, ты становишься ещё красивее, и я с трудом удерживаюсь, чтобы не поцеловать тебя на улице.

— Да ну тебя, — Зоя махнула рукой. — Скажи, для чего я живу? Для того чтобы быть винтиком в общем механизме, и чтобы моя жизнь прошла также незаметно, как миллионы других жизней?

— Ты живёшь для своего ребёнка. Ты живёшь для меня. Ну, для мамы, наконец. Тебе мало?

— Мало, — честно сказала Зоя. — Я не хочу быть просто матерью и любимой женщиной, я хочу чего-то большего, — она остановилась и заглянула ему в глаза. — Ты меня понимаешь?

— Насколько я помню, раньше ты мне говорила, что для женщины главное семья. Не так ли? Ты изменила своё мнение?

— Нет, я его расширила. Для женщины всё главное: и семья, и воспитание детей, и ещё надо чувствовать внутренне удовлетворение, что каждый день прожит не зря, и чтобы люди тебя запомнили.

— Дорогая моя Зоенька, тебе надо было стать артисткой, художницей или ещё кем-нибудь, у кого больше шансов стать знаменитыми.

— Да я не говорю о том, что хочу стать известной, а о пользе, а это разные вещи.

— Почему-то мне кажется, что для тебя это одно и то же. Ладно, мой тебе совет. Найди себе дело, которое тебе по душе и постарайся достигнуть в нём успехов. Это или станет твоей профессией, или хобби, что в любом случае даст тебе некоторую отдушину в твоём нелёгком труде инженера.

Зоя вспомнила Юрины слова, когда перелистывала журналы «Бурда» в поиске выкройки детского комбинезона для Кати. Купить одежду для ребёнка было крайне сложно. Да и денег

всегда не хватало, а, кроме того Зое нравилось шить. Её знакомые говорили, что у неё получается лучше, чем в журнале. Выкройки она брала готовые, но под воздействием какой-то внезапно возникшей творческой мысли иногда изменяла модель до неузнаваемости. Особенно хорошо у неё получались детские вещи, которые она всегда отделявала аппликацией, и именно эти зайчики, ёжики, мишки, которыми она украшала детскую одежду, делали её такой неповторимой. А как радовалась Катюшка, тыкая маленьким пальчиком в очередную зверюшку. Иногда она даже отказывалась носить готовые вещи. У Кати было платье с мышатами, брючки с мишками и много всего другого, что сшила Зоя из остатков тканей или старой одежды.

— Где вы покупаете такие прелестные вещи? — спросила как-то Зою ухоженная женщина средних лет в раздевалке детского сада, где они тщетно пытались одеть своих расшалившихся детей, вздумавших играть в салки.

— Этот комбинезон я сшила сама, да и платье тоже, — ответила честно Зоя, окинув взглядом женщину в шубе.

— Не может быть! А какая аппликация. Я думала: из-за границы кто-нибудь привёз. Да у вас просто талант. Вы, наверно, работаете в этой области?

— Да нет, я инженер, — смущенно ответила Зоя, краем глаза рассматривая необычный покроя шубы из чернобурки, в которую была одета дама.

— И как вам профессия инженера?

Зоя вздохнула и пожала плечами. Не рассказывать же, что в институт она поступила из-за бабушки, а теперь и бабушки нет в живых, а она по своей глупости вынуждена мучиться с компьютером, который тихо ненавидит.

— Все так живут, — отделалась Зоя и отвернулась.

— Нет, вы меня извините за назойливость, но у вас определённо есть способности и вам нужно их развивать. Идите на курсы, изучайте журналы, сделайте это своей профессией. Это же так интересно.

Зоя повернулась. Женщина была старше её лет на десять, лицо у неё умное и интеллигентное. Наверно, она права. Зое всегда нравилось шить, но она не придавала этому значения. Может быть, ей надо было стать модельером?

— Спасибо за совет. Я подумаю, — Зоя улыбнулась ей и, воспользовавшись, что Катя оказалась рядом поймала ее и строго сказала одеваться. Ей хотелось поскорее остаться одной, чтобы все обдумать. Но ни в этот вечер, ни в последующие Зоя так ничего и не смогла предпринять. Курсы ей были не по карману, а с ее дипломом ни в какое даже самое маленькое ателье ее был не взяли.

И тут незаметно подкралась перестройка. Стали открываться кооперативы, совместные предприятия. Все талантливые программисты из Зоиногo отела перешли в туда и стали хорошо зарабатывать. Зарплата, на которую раньше покупали продукты и одежду, уменьшилась до таких размеров, что её с трудом хватало лишь на еду. Люди покидали родные предприятия и уходили работать на вещевые и продуктовые рынки, где можно было неплохо заработать. Особенно предприимчивые открывали киоски и магазины. Зоя пребывала в панике. Позвонив по нескольким коммерческим фирмам, она поняла, что ей не удастся устроиться на приличную работу. Как только работодатели узнавали, что у неё маленький ребёнок, сразу отказывали, даже не поинтересовавшись, что она умеет делать.

Решение было принято спонтанно, когда Зоя заметила только что выросший магазинчик с детскими вещами, рядом с булочной, в которой она покупала хлеб. Она могла бы поклясться, что ещё неделю назад его здесь не было. Заинтересовавшись, девушка зашла и попросила показать понравившийся ей детский костюмчик. Повертев его в руках, она обнаружила, что хорошо выглядит он только издали, а сшит небрежно. Она вернула его продавщице и попросила показать куртку. С курткой история была такая же — швы не обработаны, материал не самого лучшего качества.

Молодая девушка с густо подведёнными глазами убрала вещи и зевнула. Зоя уже взялась за ручку двери, как вдруг заметила объявление «Требуется продавец. Срочно». Зоя повернулась к девушке.

— Вам нужен продавец?

— Да, мне нужна сменщица. Уже вторую неделю без выходных. — Она окинула Зою более заинтересованным взглядом. — Работа непыльная, платят нормально, оклад плюс процент от выручки.

Она назвала сумму оклада, и у Зои округлись глаза. На такие деньги можно нормально жить.

— А как здесь торговля? — спросила Зоя.

— Хорошо. Очередь, конечно, не стоит, но всё раскупается. В детских магазинах ничего нет, а у нас хороший выбор. Качество, правда, неважное, но многие закрывают на это глаза. Кто там будет на детях рассматривать?! Ну что, позвать хозяина? Работать будем два дня через два.

Из павильона Зоя вышла, согласившись приступить к работе на следующий же день. Слегка ошарашенная собственным решением, она шла домой, не зная, правильно ли она поступила. Мама будет в шоке. Да и бабушка, наверно, тоже. Но сейчас она уже взрослая и может сама решать, как ей поступить. Пусть думают, что хотят, ей уже надоело считать каждую копейку.

— Ты будешь работать продавщицей?! — вскрикнула Диана Дмитриевна, хватаясь за сердце, после того, как Зоя всё рассказала за ужином.

Мама, я всё решила, — серьёзно ответила Зоя, отставив в сторону тарелку. — Мне нужны деньги, и мне абсолютно всё равно, где я буду работать. К тому же ты знаешь, я всегда не любила то, чем занимаюсь. А в магазине мне, по крайней мере, будут прилично платить. Можно будет купить что-нибудь из одежды и нормально питаться.

От Зоино уверенного голоса Диана Дмитриевна сникла. Она понимала, что в словах дочери есть здравый смысл и пыталась примириться с ситуацией.

— Ой, Зоенька. Я так всегда не любила торгашей. И теперь моя дочь тоже будет в этой среде.

— Мам, да ладно тебе. Сейчас многие пошли на рынки, вон моя бывшая начальница раньше на каблуках ходила, а теперь в валенках рыбой торгует и ничего.

— Ой, что с нами сделали! Если бы не перестройка... — запричитала Диана Дмитриевна, но Зоя только пожала плечами. Политика её мало интересовала. Она даже была в какой-то степени рада, что сама жизнь заставляла её бросить ненавистную работу.

Юра воспринял новость не так спокойно, как ожидала Зоя. Они сидели у неё дома на

кухне, и пили чай с пирожными. Катя уже спала. Юра всегда старался приехать к ней в это время, чтобы побыть пару часиков, которые обычно затягивались за полночь, что он с трудом успевал на метро.

— Зоя, да ты с ума сошла! Становиться за прилавок после института. Неужели ты зря шесть лет училась?

— А что ты можешь мне предложить? — Зоя с вызовом посмотрела на него и небрежно откинула назад волосы. — Так получилось в моей жизни, что я единственный кормилец в семье. А на зарплату инженера теперь можно купить только хлеб, ну и молоко по праздникам. А Кате нужны фрукты, одежда, надо оплачивать коммунальные платежи и многое другое. А ещё мне хочется, наконец, купить себе что-нибудь новенькое. Может быть, ты и не замечал, но одета я безобразно. Хотя, — она посмотрела на Юру, — что тебе объяснять, ты далёк от всего этого, и я вполне понимаю, что ты один можешь прожить на свою зарплату, ничего не меняя в своей жизни.

Юра поставил чашку с чаем на стол и опустил голову. Ему стало стыдно. Всё-таки, Зоя была его женщиной, и он должен взять на себя её материальные проблемы. Может быть, ему действительно пора сделать ей предложение? Но Зоя много раз говорила, что не торопится вновь связать себя брачными узами, и её устраивают их отношения. Чёртова перестройка! Это же надо, как всё изменилось за несколько месяцев. Но только вот он не хочет ничего менять в своей жизни. Его вполне всё устраивало, и ему не хотелось предпринимать усилия, чтобы делать деньги, как начали сейчас говорить. Ему, и в этом Зоя была права, ничего не надо было. Он ходил в одних джинсах, у него была пара свитеров, и ему вполне хватало зарплаты инженера на карманные расходы.

— Зоя, извини, — он мягко взял её за руку и поцеловал. — Мне не надо было так говорить. Ты права, я действительно живу в своём мире, и если ты со мной, я счастлив и не замечаю того, что тебе нужны новые сапоги и ещё многое другое. Ты заслуживаешь лучшего мужчину.

Зоя внимательно посмотрела на него. Он был таким и милым и родным в своём сереньком свитере домашней вязки и потёртых джинсах.

— Что ты за ерунду говоришь, я вполне счастлива с тобой. Просто постарайся меня понять. У тебя свой мир с транзисторами, музыкой и мечтами, а у меня свой, более земной, с хлопотами о дочке, домашнем хозяйстве и вечных мыслях, что купить и где взять на это деньги. В те часы, когда ты уводишь меня из моей суеты в свою сказочную страну, я счастлива там с тобой, но реальные дела снова заставляют возвращаться в ту жизнь, которая далека от наших мечтаний.

— Я понимаю тебя даже больше, чем ты думаешь, — сказал Юра и потянулся за гитарой.

— Но тебе так не хочется жить реальной жизнью, — закончила за него Зоя и улыбнулась. — Ладно, закончим с прозой. — У тебя наверняка есть новая песня, которую ты мне хочешь спеть.

— Да, ты права. Но эта не новая песня. На этот раз я спою тебе о любви. Она называется «Я хочу быть с тобой».

Зоя слушала его несильный с мягкой хрипотцой голос. Сегодня впервые он пел ей о любви, и в его голосе была страсть, а горящие глаза не отрывались от её лица. Чужими

словами песни он пытался выразить то, что трудно сказать.

— Ты никогда раньше не пел мне такие песни, — заметила взволнованная Зоя, когда он закончил.

Он отставил гитару и подошёл к Зое, опустившись перед ней на колени и покрывая поцелуями её руки.

— Я люблю тебя больше всего на свете. И прости меня, если я так мало делаю для тебя что-то в обычной жизни. Я так счастлив, когда ты со мной, что забываю обо всём, что творится вокруг. Я думал, если мне ничего не нужно, кроме нашей любви, то и тебе тоже.

Зоя ласково потрепала его по волосам.

— Ты прав мне ничего не нужно. Я не буду больше надоедать тебе со своими проблемами. Главное, что мы вместе и любим друг друга.

Проработав несколько месяцев продавщицей, Зоя смогла обеспечить нормальное питание для своей семьи, оплачивать коммунальные платежи и даже приобрела несколько новых вещей из одежды для себя и для Кати. Конечно, это была далеко не творческая работа, но в павильон заходило много новых людей, и Зоя с удовольствием общалась с ними в процессе выбора покупок. Теперь у неё было достаточно времени, чтобы рассмотреть вещи, которыми она торговала. Сшиты они были кое-как, на плохих швейных машинках с кривыми строчками. Вот и сейчас, рассматривая новую партию поступивших комбинезонов, она пробормотала что-то вроде того, что могла бы сшить лучше. Хозяйка магазина, Надежда Ивановна, разбиравшая вещи вместе с ней, внимательно посмотрела на Зою и спросила:

— Ты умеешь шить?

— Конечно. И даже очень люблю, особенно детские вещи. Знаете, какой-нибудь зайчик на кармашке или белка на спине курточки делает вещишки особенно привлекательными для малышей, и они с удовольствием носят эту одежду. Моя Катя никогда бы не согласилась надеть вот эту коричневую куртку. Но я смогла бы её уговорить, если бы на спине был зайчик. — Зоя улыбнулась. — Можно было бы сказать, что зайчик этот хочет погулять и плачет без хозяйки. И нет никаких проблем надеть тёплую куртку.

— Сколько лет твоей дочери?

— Уже три года, совсем большая, но у неё такой характер, что, если хочешь обойтись без скандалов, приходится хитрить.

— А ты молодец. Моя невестка совершенно не умеет обращаться с дочерью. Пока они собираются в сад или на улицу, можно с ума сойти от крика, — она ещё раз посмотрела на Зою. — На самом деле меня тоже не устраивает качество закупаемой одежды. Если у тебя есть желание и время, ты можешь сшить несколько комбинезонов, и продать их через наш павильон, конечно, с нашей наценкой. Так что подумай — будет ли тебе это выгодно?!

— Думаю, что да, — быстро ответила Зоя. — Во всяком случае, есть смысл попробовать.

— Вот и хорошо. Сшей несколько курточек или комбинезонов. Ты сама знаешь, что лучше продаётся, — она посмотрела на Зою своими добрыми глазами из-под толстых стёкол очков, — А это правда, что ты закончила институт?

— Ещё какая правда. Шесть лет училась, чтобы стать продавцом, — грустно ответила Зоя. — Кто же знал, что так всё получится?

— А ты не жалеешь, ещё неизвестно, как жизнь сложится. Знания никому ещё не повредили. В любом случае ты стала умнее, а это самое ценное.

— Спасибо, — улыбнулась Зоя, но она в мыслях она уже была занята разработкой фасона детского комбинезона и прикидывала, сколько времени уйдёт, чтобы сшить хотя бы парочку. — Так я принесу что-нибудь на следующей неделе?

— Считай, что договорились, — Надежда Ивановна с удовольствием посмотрела на девушку, ей нравилась Зоя. Она была какая-то открытая, солнечная, казалось, что у неё не бывает плохого настроения. Кроме того, Надежде Ивановне хотелось ей помочь, она знала, что Зоя одна растит ребёнка. С тех пор, как Зоя стала здесь работать, выручка увеличилась почти в два раза.

Когда Марьяна получила возможность выбраться к Зое в гости, она застала подругу за шитьём.

— Интересно, — она разглядывала ярко-красную курточку с симпатичным белым гусём на кармашке. — Она какая-то маленькая для Катюшки.

— На этот раз это не для неё, — ответила Зоя и рассказала о предложении, которое она получила от хозяйки павильона. — Вот смотри, что я ещё сшила, — она бросила Марьяне зелёный комбинезон, на спине которого была аппликация из двух симпатичных коричневых медведей.

— Здорово, — удивилась Марьяна. — Зоя, да у тебя талант. — А ты сама нарисовала всех этих зверюшек?

— Нет, конечно, взяла из журнала с вышивками.

— А откуда выкройки?

— Из журнала Бурда, — охотно ответила Зоя. — Материал из магазина на соседней улице, стоит копейки, а сама вещь получается дорогой. А машинка, — она похлопала по старинной машинке, «Зингер», мне ещё от бабушки досталась.

— Ну и как покупают?

— Ещё как, — лицо Зои осветилось гордой улыбкой. — Кто бы мог подумать, что мои вещи будут так популярны. Моя хозяйка даже порекомендовала мне найти помощницу, чтобы дело быстрее продвигалось. Тогда она сможет отказаться от услуг кооператива. Скоро весна, надо будет шить лёгкие куртки, брючки и многое другое. Мне одной не справится.

— Считай, что ты её уже нашла.

— И кто это? — спросила Зоя.

— Это я.

— Ты?

— А что тебя так удивляет. Шить я умею. Выкройки у тебя есть. Ты будешь всё это придумывать, а я исполнять.

— Ой, здорово, — обрадовалась Зоя, но потом озабоченно спросила: — А когда ты собираешься этим заниматься?

— Надо подумать, — Марьяна наморщила лоб. — Как жаль, что ты теперь так далеко живёшь. У меня и машинки-то дома нет.

— Давай так, — решила Зоя. — У нас есть свободная комната, и ты можешь приезжать с Игорьком в те дни, когда у меня выходные. Мы будем вместе шить, а на ночь будете оставаться у меня. Только мне надо спросить у дедушки, согласится ли он. Ну, я думаю, проблем не будет. Он всегда старается всем помочь.

Дмитрий Александрович играл с Катей в детское лото, и они оба были так увлечены, что не сразу заметили Зою, которая остановилась в дверях. Она каждый раз удивлялась, как они подружились. Катя просто обожала своего старенького деду, как Дмитрий Александрович себя называл. И он её любил так же, как и Зою, когда она была маленькой. Диана Дмитриевна шутила, что его любовь переходит по наследству к тем, кто младше.

— Катя, смотри, кто к нам пришёл! — воскликнул он, посмотрев на Зою добрыми карими глазами.

Катя оставила игру и подбежала к маме. Зоя взяла её на руки и расцеловала.

— Мама, мы играем с дедой, — сообщила девочка.

— И кто выигрывает? — спросила она, откидывая со лба дочки непослушную прядь

вьющихся светлых волос, уже заранее зная ответ.

— Я, — она хлопнула себя в грудь маленьким кулачком и залилась звонким детским смехом.

— Какая ты молодец, — она опустила дочку на пол и обратилась к дедушке: — Дедуль, ты не против, если Марьяна с Игорьком два дня в неделю будут оставаться на ночь? Она будет мне помогать шить детские вещи.

Дедушка немного удивлённо посмотрел на Зою.

— Ты уверена, что так будет лучше?

— Это надо для бизнеса. Я одна не справляюсь.

— Для бизнеса? — переспросил он и улыбнулся. — Ну что ж, нужно так нужно.

— Спасибо, — Зоя подлетела к дедушке и поцеловала его в щёку, а с порога обернулась и быстро сказала: — Ты — мой самый лучший друг.

Дедушка улыбнулся ей и повернулся к своей правнучке.

— Ну что, Катюша, будем ещё играть?

— Да, — кивнула Катя.

— А обыгрывать кого будем? Катю или деду?

— Деду, — сказала Катя и для верности ткнула в него маленьким пальчиком. — Я не люблю проигрывать. И никогда не буду.

— Понятное дело, милая, — он заботливо усадил девочку к себе на колени. — А кто же любит проигрывать?! Мама твоя тоже не любила.

Дела у Зои и Марьяны пошли хорошо. Марьяна приезжала на стареньком автомобильчике, который ей подарил растроганный рождением внука, отец. Она быстро освоилась с новой работой, и вдвоём с Зоей они успевали гораздо больше, чем она одна. Теперь свободное время Зоя с увлечением набрасывала эскизы разных детских моделей.

— Слушай, а может тебе пойти на модельера учиться, а? — спросила её как-то Марьяна.

— А деньги кто будет зарабатывать? У меня итак свободной минуты нет. Я то шью, то в магазине работаю. Даже с Юркой некогда встретиться. Он уже обижается.

— Слушай, а давай ещё наймём работниц?

— И где ты их возьмёшь?

— Дам объявления в газету. Они будут шить по твоим эскизам у себя дома. Сейчас такое время сложное, у одних всё, а другие живут на три копейки.

— Давай попробуем, — согласилась Зоя. — У меня вот эти куртки с мишкой, уже пятеро ждут.

Марьяне удалось найти ещё трёх девушек, которые согласились работать. Зоя дала им выкройки, объяснила, что и в какие сроки они должны сделать. Девушки ушли, Марьяна уселась в кресло и закинула ногу на ногу.

— Ну что, подруга, пока другие на нас работают, давай сходим в кафе и выпьем шампанского. Мы теперь девушки деловые, можем себе позволить.

Зоя рассмеялась.

— Ну, ты даёшь, подруга. Ладно, давай, пока дети спят. Я знаю здесь хорошее кафе за углом. Слушай, а ты не слишком мало им денег предложила за работу? — вдруг спохватилась она.

— Им хватит, — хитро сощурила глаза Марьяна. — Нечего баловать. Мы же работодатели, поэтому цену устанавливаем, а их дело соглашаться или нет. Они согласились,

значит, всё в порядке.

— Ну и рассуждения у тебя.

— А что делать? Мир изменился, мы не можем позволить себе жить плохо. У нас дети. А теперь быстрее одевайся.

Девушки долго сидели в кафе, только на этот раз обсуждали не свою как-то отошедшую на задний план личную жизнь, а решали деловые вопросы.

— Однако твои костюмчики идут нарасхват, — Надежда Ивановна рассматривала изделие, пытаясь найти какой-нибудь изъян, но это было сложно. Зоя собственноручно проверяла каждую вещь и требовала отличного качества, иногда заставляя перешивать.

— Мне приятно, что вам нравится, — улыбнулась Зоя.

— Сколько человек у тебя работает? — поинтересовалась Надежда Ивановна.

— Сейчас, наверно, пять. А я разрабатываю новые модели, нельзя же всё время шить по чужим выкройкам. В следующем месяце я планирую показать вам мою новую летнюю коллекцию. Особенно мне нравятся платья для девочек.

— Я вот о чём думаю, — Надежда Ивановна посмотрела на Зою из-под очков. — Я собираюсь открывать новый детский магазин, и какое-то время должна заниматься организационными вопросами. Ты могла бы взять на себя закупку товара в этом магазине, а от работы продавца я тебя освобождаю. Зарплата у тебя будет выше, а времени, возможно, прибавится. Пойдёшь на курсы модельеров, а?

— Я подумаю, — сказала Зоя и вдруг неожиданно, почувствовав слабость, оперлась на прилавок.

— Что с тобой? — всполошилась Надежда Ивановна.

— Плохо себя чувствую последнее время. Грипп, наверно.

— А, может, ты беременна?

— Беременна? Странно, но такая мысль мне не приходила в голову. Я, пожалуй, выйду на воздух, здесь очень душно, — она остановилась на тротуаре. — Приступ тошноты повторился, и Зоя неожиданно вспомнила, что на самом деле вполне может оказаться беременной. За этот месяц был один раз, когда она понадеялась, что пронесёт.

Она вернулась в павильон.

— Сходи к врачу в выходной, ладно? — посоветовала Надежда Ивановна. — А что делать будешь, если окажешься беременной?

— Не знаю, — Зоя вздохнула. — Сначала надо узнать точно.

На следующий день же день в районной консультации миловидная врач подтвердила Зоины опасения.

— Шесть недель, — она посмотрела на Зою. — Будете рожать или...

— Я подумаю, — Зоя вышла из кабинета.

Удручённая подтвердившимся диагнозом, она вышла на улицу. «Кажется, во время предыдущей беременности я чувствовала себя лучше», — с тоской подумала она и, увидев телефонную будку, направилась к ней.

— Привет, — она услышала в трубке Юрин бодрый голос. — А я тебе звонил. Но тебя не было дома. Знаешь, я сегодня не смогу прийти вечером, записался на водительские курсы.

— Так у тебя же нет машины? — удивилась Зоя.

— Ничего, зато у отца есть.

— Жаль, я хотела с тобой сегодня поговорить.

— У тебя что-то случилось?

— Да, но не буду говорить по телефону.

— Я попробую освободиться пораньше, если это так важно.

— Да, важно, — Зоя повесила трубку.

«Да ему и в голову не придёт, о чём я хочу с ним поговорить. Вряд ли он будет в восторге. Но она одна в любом случае не вытянет ещё одного ребёнка. Особенно, если будет себя так паршиво чувствовать. Весь день Зоя поглядывала на часы, так ей хотелось, чтобы быстрее наступил вечер.

Прочитав Кате на ночь сказку и, поцеловав в упрямый крутой лобик, она задержалась в дверях. Пожалуй, здесь хватит места для ещё одной кровати. И у Кати будет сестричка или братик. Она вспомнила, как переживала, что была единственным ребёнком. Если бы только Юра отнёсся к этому хорошо, она, наверно, решилась бы родить. А если нет? Она вздохнула. Тогда останется отдаться в руки хирургу, чтобы потом жалеть об этом всю жизнь. Тихий стук в дверь прервал её мысли. Юра всегда стучал, а не звонил, чтобы не разбудить Катю. Зоя направилась к двери, поправляя на ходу волосы.

— Это тебе, — Юра протянул пять белых роз.

— По какому поводу? — Зоя смотрела на его открытое лицо и добрую улыбку.

— У меня сегодня хороший день, а ещё я счастлив, что у меня самая лучшая женщина на свете.

Зоя смутилась. Уж слишком радостное у него было настроение для серьёзного разговора.

— Пойдём в гостиную, — она пропустила его вперёд, прижимая к себе букет. — Вот если бы он принёс цветы после того, как узнал, что у них будет ребёнок. Зоя поставила розы в вазу и вернулась к нему, остановившись, напротив того места, где он сидел, чтобы сразу сообщить новость, но слова не шли у неё с языка.

— Чаю хочешь? — предложила она, оттягивая разговор.

— Не хочу, лучше иди ко мне, — он взял её за руку и потянул на диванчик. — Рассказывай, — потребовал он, заглядывая ей в лицо. — Ты сегодня не такая, как обычно. Обиделась на что-нибудь?

— Ты прав, мне надо тебе кое-что сообщить. Вот только не знаю, как ты к этому отнесёшься, поэтому боюсь начать.

— Да ладно, не тяни.

— Я беременна, — тихо сказала Зоя, внимательно наблюдая за ним.

— Беременна? — переспросил он, нахмурившись.

— Да, шесть недель. Была у врача.

— Это много?

— Для чего много? Чтобы сделать аборт? — Зоя освободилась из его объятий.

— Нет, я просто так спросил. А что ты собираешься делать?

— А ты что предлагаешь?

— Я заранее согласен с твоим любым решением, — осторожно сказал он.

— Хочешь переложить на меня ответственность? Не выйдет! — усмехнулась Зоя. — Давай попробуем рассмотреть оба варианта. Я оставляю ребёнка и...

— Наверно, тогда мы должны пожениться.

— Этого мало, Юра. Я уже была замужем. Мы должны не только пожениться, мы

должны стать семьёй, и ты будешь принимать участие в воспитании ребёнка. — Зоя взглянула на Юру. Её слова будущего отца в восторг не привели. Он смотрел в пол и нервно постукивал пальцами по журнальному столику. — И ещё: ребёнок должен быть желанным. Иначе это не имеет смысла. А ты, судя по всему, такого желания вовсе не испытываешь.

Юра опустил голову ещё ниже. Она права, права во всём. Если бы он мог по-настоящему обрадоваться этому и, взяв на руки, закружить Зою по комнате от счастья. Но он не счастлив вовсе, потому что не любит детей. А если они поженятся, и Зоя родит, детей будет двое, и они сведут его с ума.

— Ну что же ты молчишь? Ты не хочешь этого, так? А я одна не справлюсь и, вообще, я не хочу растить ещё одного ребёнка без отца.

— Зоя, прости, — он опустил перед ней на колени и поднял глаза. — Ну, ты же знаешь моё отношение к этим маленьким орущим существам.

— И вовсе не постоянно они орут, — разозлилась Зоя. — Они ещё делают много забавных вещей, например, улыбаются. Я могу понять, что ты ничего не чувствуешь к моей Кате. Я могу даже понять, что она раздражает тебя, как дочь человека, за которым я была замужем. Но здесь же другое дело, это будет твой ребёнок.

— Я же тебе сказал: приму любое твоё решение. У меня ещё будет время, чтобы подготовиться к рождению. Но всё-таки прошу тебя — подумай. Так ли уж это обязательно? Разве нам плохо вдвоём? Ты вспомни, как ты уставала и не высыпалась, пока Катя была маленькой. Сейчас она ходит в садик, у тебя появилось время. Я впервые вижу тебя увлечённой работой. И ты хочешь всё это бросить и снова вернуться к пелёнкам. Это же выбьёт тебя из нормального ритма года на два.

— Хорошо, забудь, — Зоя резко встала и подошла к окну, стараясь скрыть слёзы. Постояв так некоторое время, бессмысленно глядя на деревья, она повернулась к Юре. — Я не буду рожать этого ребёнка. Считаю, что мы с тобой сейчас подписали ему смертный приговор.

— Прости меня, — Юра подошёл к ней и положил руки на плечи. — Это я один во всём виноват. Из-за меня у тебя одни неприятности, а я-то, наивный дурак, полагал, что ты со мной будешь счастлива.

Зоя уткнулась ему в плечо.

— Я и была счастлива, но сейчас...

— Давай не будем больше об этом, ладно? — Юра немного отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза. — Позволь мне устроить всё в самой хорошей платной клинике.

— Зачем платить деньги, если это совершенно бесплатно делают в нашей районной консультации.

— Раз уж так получилось, я хочу исключить малейшую угрозу твоему здоровью. Мне кажется, что в платной клинике лучшие врачи, да и отношение к пациентам у них более внимательное.

— Ладно, пусть будет так, — Зоя пожала плечами.

— В этот день я отпущусь в работы, чтобы быть с тобой рядом.

— Тебя туда не пустят.

— Это понятно, но я должен забрать тебя после того, как всё закончится. После наркоза люди не очень хорошо себя чувствуют, поэтому я отвезу тебя домой на такси.

— Спасибо за заботу, — немного иронично сказала Зоя.

За весь вечер они больше не возвращались к этой теме, но, несмотря на все усилия, ему не удалось отвлечь Зою от грустных мыслей.

День, когда они поехали в клинику, был по-настоящему весенний. Солнце светило в глаза, заливая ярким светом зелёные листочки на деревьях. Весело чирикали воробьи, радуясь теплу. И на фоне этого то, что Зоя собиралась сделать, казалось особенно кощунственным. Она шла рядом с Юрой, думая, что если бы пошёл дождь, ей стало бы легче. Ликование природы раздражало. У самой двери в новое розово-коричневое здание, в котором располагалась клиника, Зоя остановилась и посмотрела на Юру, словно спрашивая его последний раз, не передумает ли он. Но он открыл перед ней дверь, и сказал, что под наркозом, она ничего не почувствует. Знал бы, что она вовсе не об этом думает. Вот если бы случилось чудо, и он бы схватил её за руку и сказал, что передумал. Как бы ни так! Зоя вошла в дверь, запрещая себе думать о том, чего никогда не будет.

Здесь, в только что открывшейся кооперативной больнице, всё было иначе, чем в обычной поликлинике. В холле стояли удобные кресла для посетителей и столик с пакетиками чая и печеньем. На медсёстрах и врачах были новенькие накрахмаленные халатики, а красивая девушка в регистратуре вела себя вежливо и внимательно. Ну и, конечно, здесь не было никаких очередей. Кроме неё в холле было только две женщины. Зоя скользнула взглядом по перечню услуг и удивилась. Она даже не предполагала, что бывают такие анализы. «Просто поразительно, как быстро шагнула вперёд медицина», — подумала она. Юра, достав из кармана, пачку денег удалился оплачивать, а Зоя с тоской посмотрела на выход и в который раз принялась убеждать себя в правильности своего решения. Впрочем, долго сомневаться ей не дали, её пригласили в кабинет врача. В последний раз она обернулась на Юру, но он кивнул, и она, опустив голову, пошла за молодой медсестрой.

Часы, которые Зоя провела в больнице, освобождаясь от ребёнка, показались Юре вечностью. Сначала он пытался читать, но буквы прыгали перед глазами и не складывались в слова. Потом он просто сидел, уставившись в стену. Воображение рисовало страшные картины, что сейчас делают с Зоей. Он чувствовал себя бесконечно виноватым. «Надо было оставить ребёнка», — мелькнуло у него в голове, и он чуть не застонал. Только одно слово, и Зоя бы согласилась. Она любит детей. А сейчас можно сказать, что он убил будущего малыша собственными руками. Нет, не собственными, он заплатил, чтобы это сделали другие. Не в силах усидеть на месте, Юра вскочил и принялся ходить взад вперёд, но само здание подавляло его, не давая вздохнуть. Он выбежал на улицу и принялся ходить кругами вокруг больницы, заглядывая в окна и пытаясь угадать, где Зоя. Он не предполагал, что так будет переживать. Мысль, что ей делают больно из-за него, была невыносима. «А вдруг она не будет больше со мной встречаться? Что, если она не сможет мне этого простить?» — вопросы теснились у него в голове, отдаваясь тупой болью в висках.

Когда Зоя, наконец, появилась в холле, он бросился к ней и еле удержался, чтобы не прижать её к себе.

— Как ты? — обеспокоено спросил он, вглядываясь в её необычно бледное лицо.

— Нормально. Только слабость после наркоза и очень хочется есть.

Он взял её под руку и повёл к выходу, но потом остановился:

— Нет, ты лучше посиди здесь, в кресле, а я поймаю машину.

Зоя покачала головой.

— Нет, пойдём вместе. Я не останусь здесь больше ни минуты.

— Хорошо, хорошо, — он распахнул перед ней дверь, и они вышли на залитую солнцем улицу, оставив страшное здание за спиной.

— Давай немного постоим, — сказала Зоя, когда больница осталась за углом. — Мне нужно подышать воздухом.

— Вон там, скверик и есть лавочка, — Юра показал рукой. — Может, тебе лучше присесть?

Зоя посмотрела на него слегка раздражённо:

— Ты чего так беспокоишься, я нормально себя чувствую. Поверь мне, моральное ощущение гораздо тяжелее. Уж лучше бы мне было больно, это хотя бы отвлекало.

— Зоя, любимая моя, ты не поверишь, что я чувствовал, пока ты была там. Я так беспокоился за тебя, столько всего передумал, и ты знаешь, — он остановился перед ней, — я понял единственную вещь, что без тебя я не смогу. Ты лучшее, что у меня есть в жизни, поэтому я тебя прошу, — он замолчал, и Зое показалось, что она даже заметила слёзы у него в глазах, — я прошу тебя стать моей женой.

— Что? — удивлённо переспросила Зоя. Она ожидала чего угодно, только такого несвоевременного предложения выйти замуж.

— Я понимаю, после того, что сегодня произошло, ты можешь послать меня к чёрту. Но я тебя прошу, я тебя умоляю простить меня за это.

— Ты самый удивительный человек, которых я когда-либо встречала, — медленно сказала Зоя. — В день моей свадьбы с другим мужчиной, ты признался, что любишь меня, а после того, как я избавилась от твоего ребёнка, ты предлагаешь выйти замуж. Ты можешь делать всё в своё время?

— Ты хочешь сказать: я снова опоздал?

— Да причём здесь это?! Сейчас я не могу рассматривать это серьёзно. По-моему, ты просто перенервничал.

— Пойми, я говорю совершенно серьёзно. Я люблю тебя и хочу на тебе жениться. Я изменюсь, вот увидишь. Я стану серьёзным.

— Ой, Юра, — вздохнула Зоя. — Что-то не представляю я, как мы с тобой будем жить. Ты так не похож на семейного человека.

— Я отращу брюшко и сменю джинсы на костюм, если ты этого хочешь.

— Этим твои представления о семейной жизни заканчиваются?

— Нет, конечно. Я буду ходить по магазинам, готовить обед. Ты же знаешь, я неплохо готовлю. А ещё отдавать тебе всю зарплату, чтобы потом клянчить у тебя на карманные расходы, как папа у мамы, — он улыбнулся обезоруживающей улыбкой. — А ещё я буду любить тебя.

— Заманчивая перспектива, даже не знаю, как и быть, — Зоя не могла не улыбнуться.

— А ещё я перейду на другую работу, чтобы у нас больше было денег, и я смог бы тебе купить всё, что ты захочешь.

— Ну, этим ты меня вряд ли возьмёшь, я сама сейчас хорошо зарабатываю.

— Тогда мои аргументы иссякли, и я повторяю свой вопрос: ты согласна стать моей женой?

— Да, — так тихо ответила Зоя, что он скорее угадал это по губам, чем услышал.

Оказывается, все эти два года она даже не осознавала, что так хотела услышать от него эти слова, поэтому сейчас просто уткнулась ему в плечо и заплакала.

Даже когда Зоя, держа Юру под руку, уже направлялась в ЗАГС для подачи заявления, происходящее продолжало казаться ей нереальным. Неужели она снова выходит замуж? Она взглянула на будущего супруга: худенький, как мальчишка, с непокорными тёмными волосами, в которых уже появились первые седые волоски в своих неизменных джинсах с вышитыми золотом птицами на задних карманах. «Как же мы будем жить вместе?» — в который раз подумала Зоя и вдруг вспомнила, что была так потрясена его предложением, что забыла обсудить детали предстоящего торжества.

— Юра, а как ты себе представляешь нашу свадьбу? — спросила она.

Он посмотрел на неё безмятежными карими глазами и счастливо улыбнулся.

— Совершенно непохожей на все остальные, в которых мне довелось участвовать. Обычно всё происходит по известному сценарию, ты знаешь об этом лучше меня.

— О, да, только мой сценарий был немного нарушен твоим неожиданным появлением и признанием в любви.

— Ну, не будем о плохом, — он обнял Зою за плечи. — Ты согласна с моим утверждением, что свадьба — это праздник для двоих, и она не должна выглядеть, как большая пьянка родственников и друзей, на которой о женихе с невестой вспоминают во время очередного тоста. При этом все кричат «горько» и умиляются, глядя на поцелуй новобрачных, а ещё иногда и похотливо считают, сколько он длится.

Зоя засмеялась.

— Да, обычно это бывает так, как ты описал.

— А эти никому ненужные свадебные наряды? И надеть больше нельзя и выбросить жалко?

Зоя вспомнила своё свадебное платье, пылившееся в уголке шкафа, которое она так и не решилась выбросить, и каждый раз, натыкаясь на него, отдёргивала руку.

— Так вот, я предлагаю поломать все сложившиеся стереотипы и устроить самый настоящий праздник для двоих. Только ты и я.

— Подожди, — Зоя остановилась. — Ты хочешь сказать, что свадьбы не будет?

— В том понимании, в котором ты её представляешь, нет. Я уже объявил своим родителям, что пусть даже не рассчитывают. Они, конечно, поворчали для порядка, но согласились. Знаешь, они так рады, что я, наконец, женюсь, что согласны со всеми моими капризами. Потом он вдруг посмотрел на Зою и озабоченно спросил: — Ведь, тебе же не нужна вся эта суета, правда?

— У меня уже всё это было. Я просто думала, что это нужно для тебя и твоих родителей. Ведь ты же женишься первый раз.

— Не беспокойся, я их убедил, что для меня так будет лучше.

— Так что же это будет? — нетерпеливо спросила Зоя.

— Позволь мне сделать тебе сюрприз и всё самому подготовить. У меня есть отличная идея, как сделать этот день незабываемым. Ты мне доверяешь?

— Доверяю, — согласилась Зоя. — Как хорошо, что я ещё никому ничего не сказала.

Значит, родных не будет?

— Нет, будем только мы.

— Может, ты и прав, так будет лучше, — согласилась она. — А вот и наш ЗАГС, — показала Зоя. — Ты ещё не передумал на мне жениться?

— Конечно, нет. Пошли.

Они вошли в холл, и строгая девушка объявила им, что на этот месяц, к сожалению, всё расписано. Все хотят жениться летом. Осталось только единственное время, в которое никто не согласен регистрироваться.

— Это что же за время? — удивилась Зоя.

— В десять часов утра, — девушка улыбнулась. — Ну, кто захочет выходить замуж в такую рань. Могу записать вас на июль, — она стала перелистывать журнал.

— Нет, не беспокойтесь. Нам чем раньше, тем лучше. Больше времени на праздник останется, — быстро сказал Юра и заглянул Зое в глаза. — Давай придём в десять, ладно? Я не смогу ждать до июля.

— Ладно, — пожала плечами Зоя.

Девушка удивлённо взглянула на будущую невесту.

— А вы уверены, что успеете подготовиться? Причёска, платье?

— Мы поставим будильник, — ответил Юра, нежно обнял невесту. — Ведь, правда, милая? И шепнул ей на ухо: — Ты успеешь надеть джинсы и футболку. — Он взял у девушки анкеты и под её удивлённым взглядом вывел Зою в холл из кабинета.

— Причём здесь джинсы? — набросилась на него Зоя.

— Лично я вырядаться в костюм не собираюсь. А ты, конечно, как хочешь. Просто после того, как нас распишут, тебе всё равно придётся переодеваться.

— То есть ты пойдёшь в ЗАГС в джинсах и футболке?

— И в кроссовках, — он улыбнулся очаровательной мальчишеской улыбкой.

Какое-то время Зоя просто смотрела на него, но потом не выдержала и улыбнулась, представив, как он будет выглядеть рядом с разодетыми женихами.

— Ну что ж, если ты хочешь, чтобы мы выглядели как две вороны, я тоже пойду в джинсах. Может, даже куплю новые по случаю такого праздника.

— Здорово, что ты согласна, — он притянул её к себе и поцеловал. — И ещё знаешь, у тебя есть такая очаровательная чёрная майка с большим вырезом. Ты не могла бы её надеть?

— Эту безобразную майку, в которой видно половина бюста? — ужаснулась Зоя.

— Если бы ты знала, как ты мне в ней нравишься. Я с трудом держу себя в руках. К тому же на свадьбе положено декольте.

— О да! Я подразумевала, что когда я стану твоей женой, моя жизнь будет полна сюрпризов.

— Вряд ли ты можешь себе это представить. Я такое придумал!

— Может, мне сбежать от тебя, пока мы ещё не заполнили анкеты? — спросила Зоя с улыбкой.

— Ну, зачем же, милая. Заполняй бумажки и пойдем, обрадуем твоих родных, что мы поженимся, но на свадьбу их не пригласим.

— Ладно, — хихикнула Зоя. — Надеюсь, свадьба будет соответствовать нашему наряду.

— В этом можешь не сомневаться.

— Слушай, а нам нужны свидетели? — вдруг спохватилась Зоя. — Куда ты их денешь после церемонии? Будет неприлично, если сразу их отправить домой. Они захотят выпить по

такому поводу.

— Пойду, выясню у милой девушки, можно ли обойтись без освидетельствования, — он встал из-за стола и, насвистывая, лёгкой походкой направился в кабинет.

Зоя улыbnулась, глядя ему вслед. Наверно, своим видом они затмят всех остальные брачующиеся пары. Это же надо такое придумать — в джинсах и кроссовках на свадьбу. Но в этом есть что-то оригинальное. Юра вернулся ещё более довольный.

— Я их уговорил.

— И как ты аргументировал своё странное желание?

— Сказал, что все друзья так завидуют нашей любви, что мы боимся сглаза.

— И они поверили в эту чушь?

— А как же. Ну, ты заполнила?

— Ещё нет. У меня руки дрожат от твоих чудачеств. Ты можешь заполнить свой экземпляр?

— Не могу, я пишу, как курица лапой. К тому же я волнуюсь. Ты такая красивая. Ты пиши, а я сяду вон там, у окна, чтобы не отвлекать тебя.

Кое-как Зое удалось заполнить две анкеты, и они покинули ЗАГС. Выйдя на улицу, Зоя рассмеялась.

— Не могу поверить, что я должна заводить будильник, чтобы не проспать собственную свадьбу.

— Ничего, зато тебе не придётся тратить время на сложную причёску, макияж, маникюр.

— И бегать по магазинам в поисках оригинального свадебного платья, — с улыбкой закончила Зоя.

На следующий день утром Зоя позвонила Диане Дмитриевне.

— Мама, я выхожу замуж за Юру, — объявила она после приветствий.

— О, поздравляю. Вы уже подали заявление?

— Да, вчера.

— Как здорово. Наконец-то он сделал тебе предложение. Я уже думала, что этого никогда не произойдёт. — Голос у Дианы Дмитриевны звучал радостно. — На этот раз я уверена, что всё будет замечательно. Вы так подходите друг другу.

Зоя засмеялась, подумав о том, что, мама просто считает Юру человеком из их круга, и это единственное, в чём они подходят. Более разных людей, чем они, трудно было бы найти.

— Почему ты смеёшься?

— От счастья, мам. Всё произошло так неожиданно. Я вовсе не собиралась замуж.

— Не говори глупостей, ему давно пора было сделать предложение. И ещё я думаю, что если бы не ребёнок, вы были уже женаты. Но я надеюсь, всё пройдёт хорошо. Я так виновата перед тобой из-за отца Руслана, что теперь думаю, настало время с ним расстаться. С Юры будет достаточно Кати, как напоминания о твоём прошлом.

— Ты собираешься расстаться с Андреем Валерьевичем? — ахнула Зоя. — А как же ваша последняя любовь, о которой вы мне все уши прожужжали.

— Выбирай выражения, — обиделась Диана Дмитриевна. — Я хочу сделать это ради тебя, чтобы твоей новой семье ничего не мешало.

«Не думаю, чтобы мама сделала это только из-за меня, — подумала Зоя. Скорее всего,

это только повод».

— У вас что-то случилось? — спросила она вслух.

— Да, случилось, — раздражённо сказала Диана Дмитриевна. — Во-первых, я от него просто устала. У нас разное воспитание, а во-вторых, он принялся за старое.

— Он начал пить? — ужаснулась Зоя.

— Да, — нехотя призналась Диана Дмитриевна. — Вот пускай едет в свою Балашиху и пьёт там в одиночестве сколько угодно.

— Мама, в таком случае его нельзя оставлять одного, он же сопьётся. Его надо лечить.

— Я уже пробовала, это бесполезно.

— А что вы делали?

— Ну, обратились в одну клинику, он принимал какие-то таблетки. Сначала бросил, а сейчас опять в запое. И хватит об этом, Зоя. Мы расстаёмся и точка.

— Мам, ну нельзя его бросать одного. Ведь ты же знала, что он пьёт, и что он не твоего круга, чёрт бы побрал, это твоё деление на сословия.

— Думай, как с матерью разговариваешь.

Зоя слышала в трубке, длинные гудки. Это было ещё одной любимой чертой Дианы Дмитриевны. Когда ей что-то не нравилось, она вешала трубку. Зоя ненавидела эту привычку. Она села около телефона и задумалась. За это время она привязалась к Андрею Валерьевичу и была уверена, что он на самом деле любит её мать. Зоя считала, что нужно дать ему шанс попробовать. Мама обязана ему помочь, и она должна убедить её в этом. Вздохнув, она набрала мамин номер и услышала её ледяное «алло». Да, мамочка могла бы сыграть роль снежной королевы без грима. В общем-то, неудивительно, что Андрей Валерьевич снова сорвался. Не думаю, что его жизнь была сладкой.

— Мам, не обижайся, сама не знаю, как вылетело, — затараторила Зоя. — Вам обязательно нужно попробовать ещё раз. Андрей Валерьевич хороший человек, и он любит тебя. Просто потерпи, он обязательно опомнится. А если вы расстанетесь...

— Зоя, он алкоголик, — устало сказала Диана Дмитриевна. — И я боюсь, что однажды, когда я уйду на работу, он вынесет всё из моего дома, чтобы достать денег на выпивку.

— Да что такое там есть в твоём доме ценного? Судьба человека-то важнее. Он станет пьяницей, если ты его бросишь.

— Ну, я же не нянька, чтобы за ним ходить.

— А зачем тогда было вообще всё это начинать! — возмутилась Зоя. — Ты же знала, что он пьёт с самого начала. Но тогда тебя это не волновало. У вас была любовь, о которой я слышана. Так, где же она теперь?

— Прекрати разговаривать со мной в таком тоне.

— Извини, я просто разволновалась.

— Тебя не должны касаться наши отношения.

— Только почему-то они с самого момента их возникновения касаются меня больше, чем всех остальных, — не удержалась от сарказма Зоя. — А ещё я помню, как ты жаловалась на своё одиночество — не с кем погулять, не с кем сходить куда-нибудь. Если ты с ним разойдёшься, то снова останешься одна и вряд ли в твоём возрасте встретишь ещё одну последнюю любовь.

— Ты стала очень жестокой. Твой несчастливый брак подействовал на тебя не лучшим образом.

— Нет, мама я просто реально смотрю на вещи, а жестоко поступаешь ты, и я прошу

тебя подумать, — Зоя вытерла вспотевший от напряжения лоб. Как тяжело бывает разговаривать с мамой.

— Я сама всё решу. И хватит об этом, — отрезала Диана Дмитриевна. — Давай лучше поговорим о твоей свадьбе. Думаю, что в этот раз надо пригласить твоего отца. Ты говорила, что он обиделся, что ты не пригласила его на первую свадьбу.

— Мама, я сделала это, потому что ты меня об этом просила. Ты же говорила, что тебе невыносимо видеть человека, который тебя бросил. Но это неважно, я хочу тебя предупредить: свадьбы не будет.

— Как не будет?

— Юра не хочет, чтобы у нас была свадьба. Мы придём в джинсах в ЗАГС и распишемся, а потом куда-нибудь поедем вдвоём. Я сама ничего не знаю, он хочет сделать мне сюрприз, — повторила Зоя его фразу.

— Странный он какой-то, — протянула Диана Дмитриевна. — А причём здесь джинсы? Это неуважение к тебе.

— Перестань, мам. Я тоже буду в джинсах. Ты же знаешь, Юрка романтик, и всё традиционное не для него. Он прав, зачем нужно это застолье с выпивкой? Лучше денег сэкономим. А потом, я опасаюсь, вдруг тебе ещё и его папа приглянётся? Он, кстати, не пьёт.

— Зоя!!!

— Я пошутила. Всё будет хорошо, мне нравится его идея. Я помню свою первую свадьбу, и свадьбы своих знакомых, всё это было очень скучно. А у нас будет нечто особенное.

— Значит, я так и не познакомлюсь с его родителями поближе.

— Это даже к лучшему.

— Ты опять за своё? — грозно спросила Диана Дмитриевна.

— Просто я подумала, что ты у меня такая красивая. Вдруг Юрин отец тоже в тебя влюбится? — схитрила Зоя.

— Хм, ты считаешь, что я ещё ничего?

— Конечно, мам, ты выглядишь моложе всех, кого я знаю.

— Ну ладно, лиса, мне надо идти на работу, — сказала довольным голосом Диана Дмитриевна. — Я ещё раз тебя поздравляю, что тебе удалось окрутить Юру. Не всех берут с чужим ребенком. Тебе повезло. Ох, ладно, у меня щипцы перегрелись, — она бросила трубку.

В день свадьбы, это была суббота, Зоя проснулась от противного звонка будильника. «Опять на работу», — мелькнуло у неё в голове спросонья, как вдруг вспомнила, что сегодня они с Юрой расписываются. Она потянулась в постели и бросила взгляд в окно — на этот раз погода её не подвела — светило солнце. Накинув халатик, вышла из комнаты. Дмитрий Александрович завтракал в одиночестве.

— Куда ты собрался? — поинтересовалась Зоя.

— На дачу поеду. Надо огурцы полить. А у тебя какие планы?

— Замуж, наверно, выйду, пока ты будешь на даче. Если Юра, конечно, не передумает по дороге.

— Ах да, — Дмитрий Александрович поставил чашку с чаем и посмотрел на Зою. — Я и забыл совсем. Старость не радость. Странно как-то, что вы никого не приглашаете.

— Дедуль, свадьба у меня уже была и ничего хорошего из этого не вышло. Пусть теперь всё будет по-другому. Юра придумал что-то необычное вместо того, чтобы сидеть и пить с родственниками. Я просто сгораю от нетерпения.

— Должен сказать тебе, что твой будущий муж оригинальный молодой человек. — Зоя, а ты мне что-то даже платье своё не показывала, — вдруг вспомнил Дмитрий Александрович.

— Сейчас покажу, только умоюсь.

Зоя зашла в ванну и приняла душ. Решив выспаться перед свадьбой, она оставила себе мало времени на сборы и теперь рассматривала в зеркале свою причёску, жалея, что не успевает завить волосы. Вздохнув, быстро натянула новые джинсы, которые сидели, как влитые и чёрную футболку. Макияж занял ещё пять минут. Она повертелась перед зеркалом и улыбнулась своему отражению. Хороша невеста.

— Ну, вот я и готова, — бодро сказала Зоя, появляясь на кухне.

Дмитрий Александрович, взглянув на внучку, выронил бутерброд, который упал на пол, как положено маслом вниз.

— Ой, осторожно, — Зоя отскребла бутерброд и выбросила его в ведро. — Сделать тебе другой? — спросила она, чтобы его отвлечь.

— Ты собираешься пойти в этом? — наконец обрёл дар речи дедушка.

— Да, — кивнула Зоя. — Юра тоже будет в джинсах. Мы решили отойти от традиционных свадебных нарядов. У нас необычная свадьба.

— Слишком необычная, — дедушка ослабил узел галстука, который по-прежнему надевал, когда выходил из дома. Даже если ехал на дачу или шёл в магазин за молоком.

Звонок в дверь избавил её от лишних оправданий. Она вскочила.

— Это Юра. Дедуль, прошу тебя, не говори ему ничего?

— Ладно, — он неодобрительно покачал головой.

На пороге стоял Юра с розами. Зоя скользнула по нему взглядом и засмеялась.

— Я до последней минуты надеялась, что ты передумаешь.

И зря. Прекрасно выглядишь. — Он быстро поцеловал Зою в губы. — Эта футболочка тебе очень идёт.

— Дедушка в ужасе от моего наряда, — шепнула ему Зоя.

— А в ЗАГСЕ все со стульев попадают, — его глаза сверкали. Казалось, что шокировать других ему очень нравилось. Зоя вспомнила, что на выпускной в школе он нарядился ковбоем. Учительница чуть его не выгнала, зато у девчонок он имел шумный успех.

— Доброе утро, Дмитрий Александрович! — Юра заглянул на кухню. — Как поживаете?

— Здравствуй, Юра, — Дмитрий Александрович подал ему руку, укоризненно глядя на его джинсы.

— Не обращайтесь внимания на наш вид. Сегодня наш праздник, и я подготовил для Зои настоящую программу. Надеюсь, она запомнит этот день надолго.

— Я тоже запомню, — с сарказмом заметил Дмитрий Александрович. — Эх, молодёжь! Ну, всё равно, счастья вам, — он поцеловал Зою.

Зоя и Юра под руку шагали по улице. Они не заказывали никаких машин, потому что ЗАГС находился на соседней улице.

— Погода чудесная! — с удовольствием заметила Зоя, жмурясь от яркого солнца.

— Способствует тому, что я придумал.

— Я вся в нетерпении, — заявила Зоя.

— Сейчас покончим со скучными формальностями и поедem развлекаться. Ты рада, что выходишь за меня замуж?

— Ну, ещё бы. Ждала этого больше десяти лет, — пошутила она.

— Не очень-то ты ждала.

— А ты не очень-то и торопился.

— Ну, знаешь ли. Не так давно, я вообще считал, что семейная жизнь не для меня.

— И что же заставило тебя передумать?

— Боюсь потерять тебя ещё раз. Вот и приходится жениться.

— Веский аргумент, — покачала головой Зоя. — Я до сих пор не представляю, как мы с тобой будем жить. Ты же, как маленький. Придумал этот маскарад и сам радуешься. Вон, посмотри, — Зоя махнула рукой — у ЗАГСА стояли две свадебные машины. — Даже гости приличнее одеты, чем мы.

— Не обращай внимания. Они просто дурачки, застёгнутые на все пуговицы. А человек должен быть свободен.

— Молодые люди, сегодня заявления не принимаем. У нас сегодня брачующиеся, — заявила им нарядно одетая дама средних лет, когда они вошли.

— Мы и есть эти самые брачующиеся, — подтвердил Юра, наслаждаясь её смущением. — Кстати, первые в списке. Уже можно проходить брачеваться?

— А что это вы так оделись, словно на пикник собрались? — не сдержалась женщина, окинув раздражённым взглядом Зою большой вырез на футболке и Юрины кроссовки.

— Между прочим, форма одежды у вас не указана, так что позвольте пройти, — Юра провёл Зою в холл.

— Я сейчас сгорю от стыда, — сообщила она шёпотом. — Вы так громко разговаривали, что теперь на нас все смотрят.

— Вот и наслаждайся всеобщим вниманием. Ты же красивая женщина, Зоя. Зачем прятать такое личико под фату?

Зоя вцепилась ему в руку, пытаясь не обращать внимания на любопытные взгляды.

— Не хочешь зайти привести себя в порядок? — спросил Юра, когда они проходили мимо дамской комнаты.

— Я в порядке, — быстро сказала Зоя в ужасе от перспективы остаться в одиночестве. Он вёл себя так, словно был хозяином этого заведения, а не одним из вереницы женихов, записанных на этот день, чтобы покончить с холостяцкой жизнью.

Дверь в зал, где должна проходить церемония, открылась и нарядно одетая женщина с высокой причёской, торжественно встав на пороге, назвала их фамилии.

— Мы здесь, — громко откликнулся Юра и потянул Зою за руку.

— Я сказала — брачующиеся, — заявила женщина, глядя поверх их голов.

— Мы здесь, — повторил Юра. — Она, — он показал на Зою, — Яковлева, я — Перепёлкин, и если вы позволите нам войти, то она тоже сможет стать Перепёлкиной.

В зале раздался одобрительный смех, и кто-то даже захлопал в ладоши. Зоя услышала, как чей-то мужской голос у неё за спиной произнёс: — Молодцы, ребята. Не комплексуют. Так и надо. А то все вырядились, как придурки в платья и костюмы. Проще надо быть. Всё равно ночью всё снимут.

Зоя стало смешно, и она почувствовала себя более уверенно.

— Где ваши свидетели? — грозно спросила дама.

— Мы договорились с начальницей ЗАГСа, что для нас сделают исключение, — ответил Юра, ничуть не смутившись.

— Да кто вы такие? — возмутилась она, смерив их взглядом.

— Яковлева и Перепёлкин, — повторил спокойно Юра.

Вокруг снова засмеялись. Дама чувствовала себя не лучшим образом. За все годы работы она не встречала таких дерзких молодых людей.

— Без свидетелей нельзя, — заявила она, решив, что не должна позволять делать всё, что им вздумается.

— Давайте мы будем свидетелями, — сказал тот же мужской голос, который слышала Зоя.

— Но ты жених, — зашипела на него невеста.

— Так это в другой серии будет, — не унимался парень. — Надо помочь ребятам. Что им теперь неженатыми уходить из-за этих глупостей. — Уважаемая, — он шагнул вперёд. — Можем мы с моей невестой выступить, как свидетели. А когда вы их распишете, мы ещё раз зайдём, и вы распишете уже нас? Мы следующие по очереди.

Дама недовольно кивнула и процедила сквозь зубы.

— Готовьтесь, сейчас музыку включим.

— Можно и без музыки, только поскорее, — бросил ей вслед неугомонный Юрка, но Зоя прошипела ему в ухо: — Да замолчи ты, наконец.

Двери раскрылись, заиграл марш Мендельсона и странная процессия, в середине которой были Зоя и Юра в джинсах и майках, а по бокам их свидетели в свадебных нарядах, вошла в зал. Пока дама зачитывала скучный текст по бумажке, Юра молчал, но только она сделала паузу, спросил:

— А целоваться уже можно?

Все снова расхохотались, и дама укоризненно посмотрела на них.

— У вас кольца-то есть?

— Конечно, — заявил Юра, и к удивлению Зои, совершенно забывшей об этом, вытащил из кармана два тонких обручальных кольца.

После росписей в книге и одевания колец, которое Зое оказалось впору, они поцеловались и вышли из зала уже мужем и женой.

— Вот и всё, — шепнул он Зое. — Поженили, как миленькие. А шум-то какой подняли. — Он повернулся к свидетелям. — Спасибо, ребята, вы нас здорово выручили.

Свидетель пожал ему руку.

— Не за что. Вы нас повеселили. Это было круто. Второй раз тоже пойду жениться в джинсах. — Какой второй? — возмущённо пискнула его невеста и стукнула кулачком в грудь. Он поцеловал ей руку. — Шучу, любимая. Зачем ты меня заставила надеть этот костюм? Я словно клоун.

Но невеста потащила его к дверям.

Еле живая от пережитого Зоя с облегчением вышла на улицу.

— Ну, ты и устроил фарс! — сказала она возмущённо, как только они вышли.

— Зоя, это всё от страха. Я так боялся этой церемонии. Зато ты запомнишь это на всю жизнь, и будешь рассказывать детям и внукам.

— Это уж точно. Думаю, мы можем послужить примером, как не стоит делать. Если бы я знала, что ты будешь так себя вести, то ещё бы лет десять подумала, стоит ли выходить за тебя замуж.

— Да ладно тебе, а сейчас давай поспешим на вокзал. Нас ждёт чудесная программа.

— Мы уезжаем?

— Да, свадебные приключения только начинаются.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — ответила Зоя, сжимая его руку. — Но в понедельник мне надо на работу.

— Не волнуйся, уже вечером в воскресенье будешь дома.

— Я буду? — переспросила Зоя.

— То есть, мы будем. Извини, уже забыл, что моё место теперь рядом с тобой.

Они уютно устроились у окошка в электричке. Народу, на их удивление было немного. Видимо, основная масса дачников уже проехала раньше. Увлёкшись беседой, Зоя не заметила, как прошло чуть больше часа.

— Следующая наша, — объявил Юра.

Они вышли, и Зоя прочла название станции Ступино.

— И что здесь интересного?

— Скоро увидишь, — Юра загадочно улыбался.

На станции они взяли такси, и через десять минут были на месте.

— Ой, смотри парашютист, — сказала возбуждённо Зоя. — Ещё один и ещё. Как бы я хотела вот так полетать. Только страшно, наверно.

— Ты на самом деле этого хочешь? — живо спросил Юра, уверенно ведя её по дороге.

— Конечно, — бодро ответила Зоя.

— Хорошо, именно для этого я тебя сюда и привёл.

— Ты шутишь?

— Вовсе нет. Не помню, рассказывал ли я тебе, но я некоторое время здесь работал инструктором. Так что у меня здесь много знакомых. Тебе понравится, если я тебе

признаюсь в любви на высоте в день нашей свадьбы?

Зоя остановилась. Привести её в день свадьбы в клуб парашютистов. Это было вполне в духе её муженька. Теперь понятно, зачем были нужны кроссовки и джинсы. Зое стало страшно. Что если парашют не раскроется, и они оба погибнут, или она умрёт от разрыва сердца в воздухе?

— Что же ты молчишь? — Юра внимательно смотрел за изменившимся лицом своей новоиспечённой жёнушки.

— Здесь есть телефон? — вдруг спросила Зоя.

— Конечно, а зачем тебе?

— Думаю, стоит попрощаться с мамой и дочкой. Возможно, я их больше не увижу. А на могилах напишут, что они были вместе только один день, — её лицо стало серьёзным.

— Не думал, что моя жена трусиха. Здесь нет ничего страшного, будем прыгать вместе. Я умею управляться с парашютом. Тебе остаётся лишь наслаждаться полётом.

Зоя вымученно улыбнулась. В конце концов, совсем необязательно, что они разобьются. Мама с ума сошла, если бы знала, чем занимается дочка в день свадьбы.

— Ладно, пойдём, — решительно сказала Зоя и взяла его за руку. — Не уезжать же обратно. Да и я сама себе не прощу собственной трусости.

— Зоя, — он обнял её за плечи. — Верь мне, всё будет хорошо. Тебе понравится. Только давай никому из ребят не будем говорить, что у нас сегодня свадьба, а то придётся задержаться, а у нас мало времени.

— Ты ещё что-то придумал?! — саркастически заметила Зоя. — Не говори, я попробую отгадать. Наверно, нырнём с аквалангом или пойдём на охоту?

— Не будь такой любопытной, узнаешь в своё время, — он хитро улыбнулся и повёл Зою в клуб.

После краткого инструктажа, они надели белоснежные комбинезоны и погрузились в вертолёт. Кроме лётчика в кабине никого не было.

— А что, больше никого не будет? — удивилась Зоя.

— Нет, ребята устроили нам полную уединённость, чтобы мы могли заняться любовью перед прыжком.

Зоя укоризненно посмотрела на него. Вертолёт стремительно набирал высоту, и она чувствовала, как колотится сердце. «Зачем я решилась на эту авантюру»? — подумала она.

— Сначала просто прыгаем, а потом раскрываем парашют и парим, — заметил Юра. — Главное, не паникуй и не мешай мне.

— Ты готова, любимая? — спросил Юра.

Зоя кивнула. Коленки ходили ходуном, зуб не попадал на зуб. Кажется, никогда в жизни она так не боялась.

— Раз, два, три, — скомандовал Юра, и они прыгнули.

Первое, что показалось Зое, так это то, что земля угрожающе быстро приближается. Она хотела крикнуть Юре, чтобы он скорее раскрывал парашют, но ужас сковал её горло. К тому же он всё равно бы её не услышал. Она рискнула посмотреть вниз — это было красиво — крошечные домики, нитки дорог. А если не смотреть, то, кажется, что летишь. Неожиданно она почувствовала, что Юра совершил какие-то манипуляции и о, чудо, парашют всё-таки раскрылся, и они воспарили над землёй, словно две чайки.

— Я люблю тебя! — крикнул Юра, и она рассмеялась. Страх ушёл. Было восхитительно

лететь, любуясь зелёной травой и блестящей голубой речкой. Только здесь, в небе, она поняла, что счастлива. Теперь ей хотелось продлить это чудесное ощущение полёта вдвоём, словно они одни во вселенной, и весь мир принадлежит только им.

Возбуждённые и счастливые они вышли из клуба, держась за руки.

— Ну и куда теперь? — спросила Зоя, когда Юра, остановив машину, назвал какое-то незнакомое место.

— Терпение, милая. Ты уже научилась доверять своему мужу?

Зоя кивнула и откинулась на сидении, наблюдая за мелькающими деревьями и небольшими домиками. Судя по всему, они были в какой-то деревне.

— Остановите здесь, пожалуйста, — сказал Юра таксисту, и, расплатившись, помог Зое выйти.

Она с интересом огляделась. Они стояли перед одноэтажным маленьким домиком, окружённым зелёным невысоким забором.

— Где мы? — спросила Зоя.

— Мы в гостях, только хозяйева ушли и вернутся через два дня. Я же тебе обещал, что этот день будет только нашим. В холодильнике полно разных вкусностей и много вина. Мы сейчас с тобой соберём корзинку и устроим пикник на берегу речки. Надеюсь, ты очень голодна?

— Безумно, — сказала Зоя, вспомнив, что с утра даже не успела позавтракать.

Они вошли в калитку, и Юра, шутя, подхватил её на руки.

— Конечно, я должен внести тебя в свой дом, но раз уж так не получилось, сделаю это хотя бы здесь. — Он легко преодолел крутые ступеньки крыльца и осторожно поставил Зою на ноги, чтобы отпереть дверь на веранду. В домике оказалось чисто и уютно.

— Как мило, — сказала Зоя, оглядывая, обитые деревянными панелями стены и простую мебель, — Даже самовар есть.

— Ну, до чая дело дойдёт ещё не скоро, — Юра открыл доверху набитый маленький холодильник, в котором охлаждалось несколько бутылок вина. — Вчера я был здесь и опустошил местный магазинчик. Он вынул одну бутылку и ловко открыл её штопором.

— Ну что, выпьем за наш день?

А потом они вместе наполнили корзинку разными деликатесами и отправились к речке. Вечер был такой же тёплый, как и день. Они разожгли костёр и расстелили скатерть, накрыв импровизированный свадебный стол. Они пили вино, целовались и разговаривали, а когда совсем стемнело, Юра взял в руки гитару и пел Зое песни. Его лицо в отблесках красновато-жёлтого пламени казалось одухотворённым и трогательным, а голос дрожал от переполнявшего его чувства. И в этот момент Зоя поняла, что Юре на самом деле удалось превратить день их свадьбы в праздник для двоих.

Зоина семейная жизнь с Юрой отличалась от её семейной жизни с Русланом. Если бы ни его вещи, которые он принёс в одном чемоданчике, да ещё то, что он приходил домой ночевать, в Зоинном доме и досуге мало что изменилось. Она много работала, занималась Катюшкой, а Юра проводил время в своё удовольствие и редко бывал дома. У него всегда находились более интересные занятия. Он ушёл с прежней работы на более высокооплачиваемую, и давал Зое достаточную сумму на ведение домашнего хозяйства. Но деньги Зою не особенно интересовали, её волновало отсутствие внимания со стороны мужа. А Юра, к её глубочайшему сожалению, был занят только собой и старался, как и раньше, появляться после того, как Катя уснула. Он по-прежнему не знал, что делать с малышкой, и его поведение оставалось таким же странным. Юра не замечал Катю, никогда не брал на руки, разговаривал только по необходимости. Никогда не гулял. Причём Зое было трудно упрекнуть его в чём-нибудь, потому что к ней он относился очень нежно и заботливо. Каждый выходные он звал её куда-нибудь развлекаться или в гости к друзьям, в то время как дочка просила побыть с ней, потому что за проведённую в детском саду неделю соскучилась по маме. Зоя разрывалась между ними и не видела никакого выхода из создавшегося положения, кроме того, как принять ситуацию такой, какая она есть. Каждый день она внушала себе, что Юра не обязан любить её ребёнка, и каждый раз еле сдерживалась от слёз, когда видела, как Катя тянула к нему свои маленькие ручонки, а он просто вставал и уходил, делая вид, что ничего не замечает. К счастью, она была ещё слишком мала, чтобы обижаться, но Зоя со страхом думала о будущем. Чем ответит ему Катя, когда вырастет за эти детские унижения? Будет ли его ненавидеть или просить, чтобы они разошлись? Дмитрий Александрович всё видел и молчал, верный своему принципу не вмешиваться в чужую жизнь. Хотя, конечно, его сердце обливалось кровью, когда он видел отношение Зоиноного мужа к обожаемой внучке. Поэтому, когда Юра появлялся, он всячески старался занять Катю в своей комнате, чтобы она не мешалась ему под ногами. Но она с упорностью ребёнка, который радовался каждому, кто появлялся в доме, бежала к Юре получить свою порцию невнимания.

Во всём остальном Зое было не на что жаловаться. Юра был неприхотлив. Не требовал никакого ухода, чистых рубашек и выглаженных брюк, оставаясь верным своим вытертым джинсам, которые он сам же и стирал вместе со своим бельём. Он прекрасно готовил, и когда был дома, выгонял Зою из кухни. В обычные дни его совершенно не волновало: есть ли дома обед, он вполне удовлетворялся чашкой кофе и бутербродом. Он не проводил вечера за телевизором, предпочитая слушать музыку или играть на гитаре.

— Станным он был, странным и остался — говорила Марьяна, когда Зоя рассказывала ей о муже. — Как можно не полюбить такую очаровательную девочку?!

— Я отдаю себе отчёт, что отца ей никто не заменит, но у меня исчезает последняя надежда, что они смогут когда-нибудь стать друзьями. И в тоже время он так трепетно относится ко мне, что я по-прежнему уверена в его любви.

— Мог бы во имя своей великой любви к тебе уделять побольше внимания твоему ребёнку. Он же видит, что ты расстраиваешься?!

— Видит, но говорит, что ничего не может с собой поделать.

— А Руслан так и не появлялся?

— К счастью нет. Только его не хватало. Всё итак запутано. Представляешь, как злился бы Юра, если бы Руслан начал приходить к Кате?

— Ничего бы с ним не произошло, он всё знал, когда на тебе женился, — недовольно заметила Марьяна. Они с Юрой по-прежнему недолюбливали друг друга, и Марьяна старалась не появляться у Зои, когда он был дома.

— Ладно, давай займёмся работой, — махнула рукой Зоя. — Кстати, я совсем забыла сообщить тебе новость. Хозяйка нашего магазина собирается через пару месяцев заняться другим бизнесом и предлагает нам взять этот павильон в аренду.

— А откуда мы возьмём деньги?

— На первое время придётся занять, а потом магазин сам будет окупать себя. У нас обычно хорошая выручка. Я хотела с тобой посоветоваться, — Зоя взглянула в серьёзное лицо Марьяны. — Мы потянем вдвоём это дело или же... — она сделала паузу.

— Или? — спросила Марьяна, прищурив свои раскосые глаза.

— Или я откажусь, и мы будем искать другую работу, — грустно закончила Зоя.

— Да уж, — улыбнулась Марьяна. — Получается, при всём многообразии выбора альтернативы никакой. Надо искать деньги. Ещё не хватало снова остаться без работы. Мать убьёт меня.

Зоя улыбнулась.

— Ты по-прежнему её боишься, несмотря на то, что сама стала мамой?

— Честно сказать да, — призналась Марьяна. — Точнее я боюсь не её саму, а её криков. Мне проще ей покупать разные вещи, давать денег на продукты. Тогда она сидит с ребёнком и помалкивает, потому что я кормилец семьи.

— Значит, наше решение будет...

— Остаться здесь, конечно. За последнее время мы многое узнали о том, как управляться с магазином. К тому же, мы сможем здесь всё сделать по-своему.

— Да, но всё равно мне страшно, — нерешительно сказала Зоя. — Мне кажется, я боюсь быть себе хозяйкой. К тому же нам придётся организовывать фирму, платить налоги и делать бухгалтерский отчёт.

— Ну, ничего страшного, — успокаивала её Марьяна, которой пришлась по душе мысль стать хозяйкой магазина. — Мы обязательно справимся. К тому же у меня есть одна идея, как получить ещё больше денег. Многие женщины, которые покупают у нас одежду, жаловались мне, что в этом районе мало недорогих магазинов. Вот я и подумала, что когда мы разберёмся с организационными вопросами, ты бы могла начать придумывать женскую коллекцию. Они будут заходить в магазин за детской одеждой и покупать что-нибудь для себя.

— Женская одежда, — Зоя задумалась. — Это совсем другое. К детской одежде нет таких претензий, к тому же она не выходит из моды. Не знаю, справлюсь ли я.

— Обязательно справишься. Начни с чего-нибудь одного. Например, вот это пальто, — Марьяна посмотрела на вешалку, где висело новое тёмно-синее пальто, которое Зоя сшила себе для осени, — выше всяческих похвал. Думаю, многие наши клиентки не отказались бы иметь такое в своём гардеробе. Или твоя длинная бирюзовая куртка, в которой ты приходила на прошлой неделе, очень удобна для прогулок с малышом. Мы могли бы заказать нашим девочкам с фабрики такие куртки по твоей выкройке. Уверена, они будут пользоваться спросом.

— И все в моём районе будут ходить в таких же куртках. А я шью для себя, чтобы быть не похожей на других. Терпеть не могу, когда мне навстречу идёт кто-нибудь в такой же одежде. Чувствуешь себя обманутой.

— Зато ты получишь с этого деньги. Представляешь, — Марьяна закрыла на минуту глаза, — мы развернёмся, ты станешь известным модельером и откроешь магазин «Одежда Зои Яковлевой», а я буду директором этого магазина.

Зоя расхохоталась.

— Ну, ты размечталась. И, вообще, я теперь не Яковлева, а Перепёлкина.

— Не подходит для вывески, — хихикнула Марьяна. — Твой муженёк такой же чудной, как и его фамилия. — Зоя нахмурилась. — Ну не обижайся, — Марьяна коснулась Зоиной руки, — может, к тому времени ты ещё раз выйдешь замуж.

— Я уже устала от этого занятия. Мужчины меняются, проблемы остаются.

— Это точно. Я, наверно, останусь одна на всю жизнь. Не имею никакого желания иметь подобные проблемы. Хватает и матери.

Зоя собиралась опровергнуть слова подруги. Но в это время в дверь по-королевски вплыла хозяйка магазина.

— Ваш смех слышен на улице, — констатировала Надежда Ивановна. — Судя по всему у вас хорошее настроение.

— Да, — мы решили принять ваше предложение, — выпалила Марьяна. — А вместе с вывески «Товары для детей» повесить вывеску «Одежда Зои Перепёлкиной».

Зоя наступила Марьяне на ногу, но Зинаида Владимировна уже засмеялась. Вот так было всегда. Стоило Зое назвать свою фамилию, и вокруг начинался хохот. И надо же ей было уступить Юркиным уговорам.

— Я думаю, со временем так и будет, — согласилась Надежда Ивановна. — У Зои талант. Ей бы надо поучиться у известного модельера.

— Времени нет, — развела руками Зоя.

— Меньше бы занималась своим Перёлкиным, и время бы нашлось, — прошептала Марьяна.

Но Зоя даже не обиделась, ей были очень приятны похвалы Марьяны и Зинаиды Владимировны, и она решила обязательно в этом году записаться на курсы модельеров. Хотя она хорошо шила и читала много книг, всё равно чувствовала, как не хватает знаний.

На удивление дела, после того как магазин перешёл в их руки, пошли ещё лучше. За те несколько месяцев, пока шло оформление документов, они вникли в курс дела. Как и советовала Марьяна, Зоя подготовила несколько моделей женских пальто и курток. Ей удалось найти маленькое ателье, в котором работали хорошие мастерицы, и Зоя целыми днями пропадала там, согласовывая с ними разные нюансы. В то время как Марьяна с удовольствием взяла на себя административную работу. Кроме обуви, которую они заказывали на фабрике, она закупила партию мягких недорогих игрушек, чтобы было чем развлечь маленьких покупателей. Расчёт был прост: после покупки курточки редкая мама не покупала своему чаду какого-нибудь зайчика или котёнка, который тот успевал выпросить.

— Мама, хочу того ежика, — требовательно кричал тот или иной ребёнок, используя всевозможные средства от слёз до топаний маленькими ножками.

Вот и сейчас Зоя с Марьяной зашли в магазин и просто оглохли от детского крика.

Маленькая очаровательная девочка с косичками, похожая на ангелочка, билась в истерике и топала ногами, требуя у мамы игрушку. Зоя бросилась на выручку.

— Тихо, тихо. Такие хорошие девочки не должны плакать, — приговаривала она, — в то время как мама, красная от стыда за своё любимое чадо, снимала куртку, которую мерила.

— Невозможный ребёнок, — пожаловалась она. — Каждый день что-нибудь выпрашивает, а потом придёт домой и бросит. Только деньги зря потрачены. А мы живём только на зарплату мужа.

— Все дети такие, — мирно сказала Зоя, наблюдая за голубоглазым чудовищем, которое на минуту притихло, рассматривая Зоин браслет.

— Нет, не все, — с горечью сказала мама и добавила. — Мне очень понравилась эта куртка, только она мне маловата. А так я бы купила сразу. У вас очень хорошие вещи, недорогие и стильные, — похвалила она.

— Спасибо, — Зоя покраснела. — Думаю, смогу вам помочь. У нас своё ателье, и наши девочки могли бы сшить вам такую куртку через пару дней.

— Неужели? Какое счастье! — воскликнула мама. — А то у меня фигура нестандартная. Я обязательно ещё вам закажу пальто.

— Будьте добры, наденьте курточку, я посмотрю, где нужно прибавить, — Зоя вытащила из-под прилавка сантиметр.

Марьяна и молодая продавщица Лена молча наблюдали за ними.

— Единственная просьба, — пожалуйста, оставьте небольшой аванс, — вступила в разговор практичная Марьяна. — А то если вы не придёте...

— Я оставлю вам все деньги, — согласилась молодая мама. — Мне так будет проще. А то из меня всё вытрясет это создание, — она сердито посмотрела на дочку. — Иногда думаешь, что купишь всё, что угодно только бы она так не орала.

— Ну что вы, очаровательный ребёнок, — мягко заметила Зоя и, закончив с примеркой, подошла к девчужке.

— Какая игрушка тебе нравится? — спросила она, наклоняясь к ней.

— Вон тот зайка, — протянула девочка, капризно выпятив губки и показывая пальцем.

— Да у неё дома девять зайцев, — нервно сказала её мама.

— У меня нет розового, — привела важный довод малышка.

Мама в отчаянии отвернулась, а Зоя взяла маленького розового зайца и вручила девочке.

— Это тебе подарок от нас. Будешь ещё к нам приходить?

Девочка закивала головой, и её миловидное личико осветилось улыбкой.

— Ну, вот и хорошо. — Зоя посмотрела на маму, которая сама чуть не плакала. — Детей так легко обрадовать.

— Спасибо, но мне так неудобно, — мама смутилась.

— Всё в порядке, — заверила её Зоя. — Приходите через пару дней, ваша куртка будет готова.

— Побольше бы таких магазинов, — вздохнула мама и вышла.

Девушки переглянулись.

— Ловко ты придумала с курткой, — похвалила Марьяна Зою. — Становишься настоящей деловой женщиной.

— Я думала с ума сойду от этого ора, — пожаловалась Лена. — С этими игрушками стало только хуже. Дети кошмарные. Не думаю, что когда-нибудь решусь на такое.

— А куда ты денешься?! — рассмеялась Зоя. — Дети самая большая радость в жизни. И

уж поверь мне, они причиняют гораздо больше неприятностей, чем мужчины.

— Не может быть! — ахнула Лена. — Мне кажется, все дети невыносимы.

Она вышла на работу сразу после школы, и ещё мало встречалась с мальчиками.

— Ты можешь довериться её опыту, — улыбнулась Марьяна. — Она уже второй раз замужем.

Лена с удивлением посмотрела на Зою, но воздержалась от комментариев. А Зое тем временем пришла в голову идея.

— Кстати, девчонки! Этот удачный сегодняшний опыт нужно ввести в практику. Леночка, видишь, что нет нужного размера, ты можешь предложить покупателю оставить аванс за свой заказ и прийти через несколько дней. Так мы не будем терять покупателей.

— Хорошо, — хлопнула накрашенными ресницами Лена.

Марьяна посмотрела на Зою:

— Ладно, ты уже сегодня поработала продавцом, а теперь пойдём. Мне нужна твоя помощь — разобраться со счетами.

— Пойдём, — вздохнула Зоя. — Это не так интересно.

— Ну, конечно, ты же у нас человек творческий.

Девушки удалились в небольшую комнату в магазине и приступили к документам. Вдруг к ним прибежала испуганная Лена.

— Там мент какой-то пришёл, — затараторила она, с опаской оглядываясь на дверь. — Спрашивает, не сделаем ли мы ему скидку, а то у него денег не хватает на пальто жене.

— Ну и гусь! — возмущённо сказала Марьяна, вскакивая со стула. — Я сейчас ему такую скидку устрою. Долго будет помнить.

— Угомонись, — Зоя поймала её за руку. — Не стоит ссориться с милицией. — Я пойду сама и посмотрю, что можно сделать.

— Не надо скидывать ему цену, — зашипела Марьяна.

— Нам не нужны лишние неприятности, — сказала Зоя, поднимаясь со стула. — Давай хотя бы его выслушаем.

Зоя вышла в магазин, Марьяна поспешила за ней.

Сначала она заметила девушку с длинными каштановыми волосами, которая вертелась перед зеркалом в чёрном пальто, сшитом в английском стиле. Спिनной к Зое стоял мужчина в милицейской форме.

— У вас какие-то проблемы? — спросила Зоя, подходя к ним.

Милиционер повернулся, и она еле сдержалась, чтобы не ахнуть. Перед ней стоял Руслан собственной персоной. Она не видела его года три или четыре. Он сильно изменился, его прежде приятное лицо огрубело, и весь его шарм куда-то исчез.

— Ты?! — воскликнул он с удивлением, не называя её по имени. С минуту они рассматривали друг друга. Этого времени Руслану хватило, чтобы заметить, как хорошо выглядела Зоя в тёмно-красном костюме в полоску, подогнанном строго по фигуре. Пожалуй, она даже похорошела с тех пор, как они расстались.

— Чем я могу помочь? — нашла Зоя после длительной паузы.

Он демонстративно смерил её взглядом.

— Да чем ты можешь помочь?! Позови директора этого магазина, я хочу, чтобы он сделал мне скидку на это пальто. Моей жене понравилось, а у меня денег не хватает.

Зоя почувствовала, что начинает злиться. Где он так научился разговаривать?! Не иначе, как в милиции.

— Ты хочешь, чтобы тебе сделали скидку только потому, что на тебе милицейская форма? — насмешливо спросила она.

— Я работаю в РУВД Краснопресненского района и могу прикрыть этот чёртов магазин. Зови директора, — сказал он, отворачиваясь от неё. — Что мне с тобой разговаривать?

Марьяна подошла к ним и презрительно посмотрела на него:

— Чудак ты, Руслан. Зоя и есть директор этого магазина и пальто, которое понравилось твоей жене, сшито по её эскизу. У нас за ними очередь стоит. Так что смени тон, если хочешь, чтобы тебе пошли навстречу.

Лицо Руслана вытянулось и позеленело. Он молча переваривал информацию. Это когда она успела подняться до директора магазина?! Прошло всего четыре года, с тех пор как они расстались. Неожиданно ему стало стыдно, его бывшая жена держит магазин, да ещё шьёт одежду, а он милиционер, который мёрзнет на посту. Он вспотел от волнения.

— Снимай пальто, дура, — рявкнул он на жену. — Хватит вертеться перед зеркалом. Всё равно лучше не станешь. Я передумал его покупать. Материал плохой, и ты в нём слишком толстая.

Девушка поспешно сняла пальто. Зоя видела, как у неё на глазах выступили слёзы, и ей стало жаль эту приятную молодую женщину. Она понимала, что причиной его злости была она, Зоя, а та просто подвернулась под руку. С Русланом такое бывало довольно часто.

— Руслан, если у тебя не хватает денег... — начала осторожно Зоя.

— Мне ничего не надо из твоего магазина, — грубо оборвал её Руслан. — Ещё не хватало помогать тебе выручку делать. Лучше ждите инспекцию. У вас, наверняка, что-нибудь не в порядке. — Он, повернувшись к ним спиной и вышел. Девушка, опустив низко голову, поспешила за ним.

Зоя с Марьяной переглянулись.

— Вот так встреча! — наконец сказала Марьяна и, обняв побледневшую Зою, увела её в подсобку.

Зоя устало опустилась на стул и закрыла лицо руками.

— Зоя, ну не переживай. Ничего не случилось, — сказала она подруге.

— Оказывается хорошо, что я с ним разошлась. Представляешь, какой он стал?! У него, конечно, ещё тогда, когда мы жили вместе, стал портиться характер. Но чтобы так разговаривать! Бедная его жена.

— Ты видела, что он в милицейской форме?! Это из-за этой работы он стал таким. Хотя, конечно, задатки у него всегда были. Власть портит людей.

— Да какая там у него власть!

— Чем меньше человек из себя представляет, тем с большим апломбом себя ведёт. Вспомни, кто у нас в магазине самый вредный?

Зоя вымученно улыбнулась.

— Правильно, наша уборщица. Ты мне лучше скажи, он на самом деле может наслать инспекцию?

— Не знаю, — ответила Зоя. — Я теперь уже ничего не знаю.

— Ладно, надо заняться проверкой. А то вдруг нагрянут. Да не грусти ты так. Вон смотри, кто идёт, — Марьяна выглянула в окно. — Перепёлкин собственной персоной. Ещё одно твоё чудо в перьях.

— Как хорошо, что они не встретились. Не говори ему, что Руслан приходил.

— Да я вообще с ним разговаривать не стану, слишком много чести. Лучше займусь бухгалтерией. А то от твоих мужчин одни проблемы. Почему ты не хочешь мне поверить, что без них гораздо лучше?!

Марьяна зашелестела бумагами, а Зоя, машинально поправив волосы и придав своему лицу безмятежное выражение, вышла встречать мужа.

Руслан тем временем быстрым шагом шёл к метро. За ним, еле успевая и смешно подпрыгивая на ходу, бежала его жена Алла Кольцова. Формально, она не была его женой — Руслан так и не удосужился оформить их отношения, но он считал её женой, и для Аллы это было самое главное. К тому времени, когда она познакомилась с Русланом, Алле уже было двадцать восемь, и она отчаялась выйти замуж, несмотря на то, что работала в мужском коллективе. Мужчины не баловали её своим вниманием, и дело было вовсе не во внешности. Ей достались миловидное лицо, стройная фигурка и роскошные кудрявые волосы, которые она подкрашивала в каштановый цвет. Но она выросла в семье, где деспотичный отец частенько унижал и поколачивал её, и из-за этого в ней не было чувства собственного достоинства, и всем своим партнёрам она позволяла вытирать об себя ноги. Они пользовались ею, а когда им надоедала её странная покорность, уходили.

Руслан в её окружении был самым симпатичным и выглядел несчастным. Она сразу обратила внимание на грусть в его карих глазах. Сначала они были в дружеских отношениях, но как-то после вечеринки Руслан рассказал ей свою историю. Алла пожалела его, наговорила комплиментов и привела к себе домой, куда он вскоре и переехал. С Аллой было удобно: она заботилась о нём, прекрасно готовила и жила одна в собственной квартире. А он устал от матери, которая после развода стала совершенно невыносима. К тому же друзья сестры, которые часто собирались в их квартире, стали раздражать его больше обычного. Несмотря на то, что они прожили уже больше двух лет, Алла всё равно боялась, что он уйдёт от неё, также как уходили остальные. Особенно ей стало страшно после того, как она окончательно убедилась в том, что не может родить ребёнка. Руслан, правда, ни разу не говорил, что хотел иметь детей. Она знала, что он не встречается с Катей, дочерью от первого брака и была рада этому. Особенно сегодня, когда впервые увидела его жену. И надо же было им встретиться. Дело было не том, что Зоя показалась ей очень красивой, дело было в её уверенности, Алла всегда завидовала женщинам, которые могли так держаться. К тому же у неё свой магазин, а она, Алла, всё также перекладывает бумажки, как и пять лет назад. Задумавшись, она не заметила, что отстала от мужа.

— Руслан, — позвала она, подбегая к нему.

Он недовольно остановился и окинул её взглядом.

— Говорил тебе, курица, не одевай каблуки. Ты ходить в них не умеешь.

Алла взяла его под руку.

— Ты сердишься на меня? — заискивающе спросила она, заглядывая ему в глаза.

— Надо же было тебе потащиться именно в этот магазин, — проворчал он, глядя на Аллу с ненавистью. Её преданный взгляд сегодня особенно раздражал. Так бы и двинул ей за

эту собачью покорность. То ли дело Зойка! Как она сегодня на него смотрела. Гордая стала. Хозяйка магазина. Он сплюнул и пробормотал сквозь зубы:

— Я заставлю её закрыть этот магазин. Я хочу, чтобы она жила в нищете и понимала, что натворила, когда вздумала отвергнуть меня.

А ведь он до сих пор не может её забыть. Не далее, как вчера ему снилось, как он шёл с ней по улице и держал за руку.

— Руслан, да забудь ты о ней. Она у тебя денег не просит и то хорошо. Пусть работает.

Руслан вырвал руку и закричал:

— И ты туда же со своей женской солидарностью! — Алла съёжилась, жалея о своих словах, а Руслан продолжал кричать, не обращая внимания, что люди с изумлением оглядываются. — Я хочу ей отомстить за мои страдания! За то, что она лишила меня семьи и дочери. Если бы не она, — он взглянул с отвращением на Аллу, — я бы никогда не опустился до такой дуры, как ты. Она и её чёртова семейка вместе с моим папашей истрепали мне все нервы. Я больше ни на что не гожусь!

— Руслан, Руслан, — опять схватила его за руку Алла. — Не надо так кричать. Ты же в форме. Люди смотрят.

— Да плевать я на них хотел. Я ненавижу эту форму. — Он схватил фуражку и бросил её на землю, топча ногами. — Всё из-за неё. Из-за неё я попал в милицию.

Алла молча подняла фуражку и принялась её отряхивать. Её пугали приступы бешенства у Руслана, которые последнее время стали повторяться всё чаще и чаще, и она подумывала, как уговорить его показаться невропатологу.

Утром Зоя проснулась в плохом настроении. Выключила будильник и посмотрела на спящего сном младенца Юру. «Везёт ему, Можно спать сколько угодно, у него сегодня выходной», — подумала она, с тоской вылезая из-под тёплого одеяла. В то время как у неё самой дел невпроворот. Нужно отвести Катю в садик, потом заехать в ателье, чтобы выдать новые инструкции и забрать готовые куртки, а вечером засесть за бухгалтерские документы вместе с Марьяной, которой потребовалась помощь. В ванной Зоя воззрилась на своё лицо с синими кругами под глазами. «И надо же было мне пойти на этот день рождения. Лучше бы легла пораньше спать», — подумала она, в который раз жизни проклиная себя за излишнюю уступчивость. А всё из-за Юрки. Вчера он явился к ней на работу не просто так, а чтобы сообщить приятную новость, что у его друга, которого все звали на американский манер, Майклом, хотя на самом деле он был еврейский Мойша, день рождения, и они обязательно должны туда поехать. Зоя попыталась отговориться. Она не очень-то любила ездить в гости к Юркиным друзьям. Мало того, что все они жили в Кузьминках, уходило два часа на дорогу, так ещё они казались ей абсолютными детьми. Их жизнь была посвящена развлечениям, дискотекам и прослушиванию новых альбомов зарубежных исполнителей. Кажется, ни один из его друзей не работал. Конечно, всё это, как считала Зоя, влияло на её мужа не лучшим образом.

— У Майкла день рождения? — воскликнула она и нахмурилась. — И сколько же лет исполняется этому инфанту?

— Двадцать пять, — мирно ответил Юра. — Понять не могу, почему ты его так не любишь?

— Я терпеть не могу людей, которые ничем не заняты. А у твоего Майкла, — она сделала ударение на имени, — только одна забота, как затащить очередную девушку в постель. Если уж на то пошло, я не понимаю, что у тебя с ним общего.

— Мне с ним интересно, — отрезал Юра, обидевшись. — Между прочим, он к тебе хорошо относится и просил обязательно привезти тебя. К тому же я сочинил новую песню, которая посвящена тебе, и там я буду исполнять её впервые.

Зоя почувствовала раздражение. Сегодня она очень устала, завтра надо было рано вставать, и к тому же Катя просила её погулять с ней после детского сада и забрать её пораньше, а не как обычно последней. Зоя бросила взгляд на насупившегося Юру размашисто шагающего рядом. Теперь у него была новая причёска: спереди волосы были пострижены коротко и стояли торчком, а сзади оставались длинными, он носил их распущенными или собирал под аптечную резинку. С точки зрения Зои это было нелепо, но она не вмешивалась. Но сегодня этот мышиный хвостик, разозлил её ещё больше. Интересно, почему он не может быть таким, как все?

— Сегодня я обещала Кате забрать её пораньше из детского сада.

— Катя, всегда только Катя. Ты только и занимаешься своим ребёнком и совсем не уделяешь внимания мужа. Непонятно, зачем я тебе нужен?!

— Юра, — Зоя заставила себя взять его под руку, — ты же должен понимать, что я много работаю, и у меня мало времени, и Катя скучает обо мне.

— Я тоже скучаю, — заявил он. — Ты редко бываешь дома, а если дома, то занята опять-таки не мной.

— Перестань, пожалуйста, ты же не ребёнок. У тебя столько всяких занятий.

— Но я устал тебя со всеми делить. Ты всем уделяешь больше времени, чем мне. Даже Диане Дмитриевне.

— А это здесь причём? — поморщилась Зоя.

— Вчера после того, как ты, наконец, уложила Катю, ты битый час разговаривала с ней по телефону. А я хотел побыть с тобой.

Неожиданно Зое стало смешно. Какой он ещё ребёнок. Но он любит её, и она на самом деле слишком занята, особенно последнее время, когда они с Марьяной проводят в магазине даже выходные.

— У мамы сейчас сложное время, — стала объяснять Зоя, но Юра перебил её.

— У всех сложное время, и ты всем пытаешься помочь, кроме меня. А я единственное, что тебя прошу, это пойти со мной на день рождения к Майклу. Неужели так сложно уделить мне один вечер?! Я уверен, что с твоей Катей ничего не случится, если она проведёт время с бабушкой.

Зоя посмотрела на часы и вздохнула. Чёртова стрелка близилась к шести вечера, и она опять не заберёт Катю пораньше, а если она ещё скажет ей, что уходит, то разразится такой скандал, что бабушка сляжет с валидолом. Зоя вздохнула. Один скандал назревал здесь, другой там. Если бы она могла разорваться. Интересно, а что бы она хотела для себя? Уж во всяком случае, ни идти к его друзьям и ни топтаться вокруг детской площадки, пока Катя веселится с ребятами. Наверно, она бы хотела пойти в кафе, желательно одной. Заказать какой-нибудь коктейль, занять столик у окна и просто сидеть, глядя на спешащих прохожих. Рассматривать, как они одеты, и ни о чём не думать.

— Почему ты молчишь? — спросил Юра.

— Я думаю, как решить проблему, чтобы волки были сыты и овцы целы.

— Ну и как придумала?

— Пока нет, но я уже решила пойти с тобой на этот день рождения.

— О, любимая! — Муж повернулся к ней, его глаза сияли от счастья, а губы уже тянулись к её губам. Поцелуй примирил потушенную вовремя ссору, но приблизил надвигавшийся конфликт с Катей.

— Надеюсь, ты купил подарок для Майкла? — спросила Зоя.

— Нет, я хотел посоветоваться с тобой.

— Не выйдет, дорогой. Сейчас ты быстро бежишь за подарком в ближайший магазин сувениров, а я тем временем иду в детский садик за Катей. Встречаемся через час у метро Маяковская, и если ты не решишь проблему с подарком, мы пойдём домой, позвоним Майклу и скажем, что свалились со страшной ангиной.

— Уже бегу, — Юра скользнул губами по Зоиной щеке и пошёл в противоположном направлении.

Зоя с облегчением вздохнула. По крайней мере, удалось избежать ссоры с мужем.

— Мама, ты опять пришла последней, — заканючила Катя по дороге домой из детского сада.

— У меня было много дел. Но завтра я тебе обещаю...

— Ты никогда не выполняешь свои обещания! — топнула ножкой Катя. — Ты всегда

занята.

Зоя рассмеялась. Они все говорили одно и то же. Значит, скорее всего, были правы. Но как же им всем объяснить, что у неё сейчас такое сложное время и действительно нет времени.

— Хочешь мороженое? — спросила Зоя, проходя мимо киоска.

— Я хочу киндер-сюрприз, — протянула капризно Катя.

— Хорошо, но только пообещай мне, что ты не будешь плакать, если тебе там попадётся то, что тебе не понравится.

Киндер-сюрпризы были проклятием для мам. Тот, кто их придумал, хорошо знал психологию детишек и слабые нервы родителей. В шоколадном яйце был спрятан сюрприз, который не виден, пока не раскроешь шоколадное яйцо. Если там не оказывалось какого-нибудь крокодила или бегемотика, которые нравились детям, они устраивали скандал возле киоска. Родители вставали перед нелёгким выбором или увести орущее чадо подальше или попробовать ещё раз купить другое яйцо в надежде на долгожданную игрушку. Ну и тут можно потерпеть неудачу. Такая игрушка уже могла быть у ребёнка и в этом случае всё повторится.

— Я собираю крокодильчиков, у меня уже есть восемь. Мне нужен крокодильчик с книжкой, — заявила Катя.

Зоя вздохнула. Вероятность того, что им попадётся крокодильчик с книжкой, была равна нулю. Ну что за день сегодня такой выдался?! Всем что-то нужно от неё.

Зоя подошла к киоску и, приподняв Катю к окошку, дала ей возможность выбирать яйцо самостоятельно. Молодая продавщица Зоиноного возраста с интересом наблюдала за ними.

— Мы должны обязательно выбрать крокодильчика, — доверительно сказала ей Зоя. — Иначе такое будет?! — она закатила глаза.

— Я вас понимаю, — сразу отозвалась девушка. — У меня дочка такого же возраста. Только мы собираем бегемотиков. Знаете, я ненавижу тех, кто придумал эти яйца и всё остальное. На улицу с ребёнком стало невозможно выйти, вокруг сплошные соблазны, и они только и просят «купи то, купи это».

— Это правда, — согласилась с Зоя, с трепетом наблюдая за Катиным выбором. Она щупала каждое яйцо, словно это могло помочь.

— Мне кажется здесь, — в Катиных глазёнках было столько надежды, что у Зои сжалось сердце. А вдруг неудача?

— Киндеры калечат психику детей, — сказала продавщица, выдавая яйцо. — Знаете, сколько скандалов в день я слышу?!

Зоя отдала деньги, Катя стала нетерпеливо разворачивать яйцо. Продавщица наблюдала за ними. У Зои колотилось сердце.

— Бегемотик! — вскрикнула Катя.

— Он очень симпатичный, — сказала притворно-восхищённым голосом Зоя, опасаясь скандала.

Продавщица вылезла из окошка.

— Ну, надо же — как тебе повезло. Моя дочка мечтала о таком. Нам нужен именно этот с бутылочкой.

Катя растерянно переводила взгляд с Зои на бегемотика, не решаясь заплакать.

— Но я хотела крокодильчика с книжкой.

— С книжкой? — вдруг откликнулась продавщица. — А давай меняться, я сейчас.

Она на секунду скрылась и вновь появилась в окне, держа вождёленную игрушку с книжкой в зелёных лапах.

— Хочешь? — она с надеждой смотрела на Катю. — Я тебе крокодилчика, а ты мне бегемотика. Меня дочка просила поменяться.

— Да, — пискнула от радости Катя, и обмен состоялся.

— Спасибо вам, — поблагодарила девушку Зоя. — Без вас просто не знаю, что случилось бы.

— Это вам спасибо, — продавщица держала на ладони бегемотика, любуясь им. — Моя Иришка будет в восторге. С вашим у нас получается целая коллекция.

— У нас почти тоже, — гордо заявила Катя, а Зоя почувствовала, что у неё восстановилось дыхание. Её взгляд упал на часы. Она уже опаздывала. А это означало, что она не успеет даже переодеться. Подхватив Катю на руки, она побежала к дому.

— А гулять? — спросила неугомонная дочь, зажав в кулачке игрушку.

— Боюсь, никак не получится. Новый крокодилчик умирает от желания познакомиться с остальным семейством. Он шепнул мне на ухо.

Зое удалось без скандала привезти Катю домой и, сказав бабушке несколько слов наедине, пока Катя была занята своей коллекцией, вновь выскользнуть из дома, чтобы пойти на дурацкий день рождения.

Всё это пронеслось в голове у Зои, пока ждала закипающий чайник. Шаркая тапочками, вышел Дмитрий Александрович. Зоя чмокнула его в щёку:

— Ты зачем так рано поднялся? Мог бы спать и спать.

— В моём возрасте нельзя много спать: жить осталось совсем немного.

— А я бы поспала, — зевнула Зоя, наливая кофе и устраиваясь на стуле. Даже делать бутерброд сил не было. А впереди целый день суеты.

— Зачем же ты вчера так поздно вернулась? — пожурил её дедушка.

— Это было не очень поздно.

— Ты считаешь, что лечь спать в три часа ночи и поспать всего четыре часа вполне достаточно? Ты совсем себя не бережёшь!

— Это правда, — Зоя снова зевнула. — Ну, кто же знал, что день рождения так затянется, а Юрку невозможно будет раньше увести?

— Ты хотя бы получила удовольствие от этого времяпровождения? — поинтересовался Дмитрий Александрович, приготавливая Зое большой бутерброд с ветчиной.

— Весьма сомнительное.

На самом деле этот день рождения был ещё хуже всех предыдущих, на которых ей приходилось присутствовать. Майкл представил свой новый трофей: противную девушку модельной внешности, которая посматривала на всех свысока. Но дело было даже не в этом, Зое было откровенно скучно с Юриными друзьями. Их темы были неинтересны, поэтому она, наверно, слишком увлеклась шампанским. К тому же Юру было невозможно утащить оттуда. Даже момент, когда Юра пел новую песню, предварительно объявив, что она посвящается ей, показался Зое приторно театральным. К сожалению, её муж любил работать на публику. После исполнения песни, она вышла на кухню, чтобы побыть одной. Стояла у окна, прислонившись разгорячённым лбом к холодному стеклу, размышляя, что с большим удовольствием оказалась бы дома с книгой, чем в этой пьяной компании. Там её и застал

Майкл. Он подошёл к ней слишком близко и, дыша перегаром, спросил:

— Вот смотрю я на Юрку и думаю: пропал совсем мужик.

— О чём ты? — удивилась Зоя.

— Да всё о том же, — ухмыльнулся Майкл. — Наверно, ты чудесная девушка, раз тебе удалось охомутать моего друга. После того, как вы стали снова встречаться, он перестал обращать внимания на других женщин. Признайся, что же такое в тебе особенное?

Зоя отодвинулась.

— Конечно, ты предпочитаешь, чтобы он таскался с тобой по барам, а не сидел со мной дома? — немного резко спросила она.

— Да, честно признаюсь, я скучаю без него, — Майкл улыбнулся кошачьей улыбкой. — Раньше мы так развлекались.

Зое стало противно. Конечно, она не думала, что Юра вёл монашеский образ жизни, но даже представить его на месте Майкла в окружении развязных девиц, оказалось неприятно. Она почувствовала отвращение, но тут же попыталась оправдать мужа. Не может быть, чтобы он тоже был таким же. Хотя известная поговорка гласила «скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты». А Юра всегда говорил, что Майкл его самый лучший друг. Она посмотрела на часы:

— Уже поздно. Позову Юру.

— Не спеши, — Майкл обнял её. — Ты мне ещё не рассказала, что такого особенного в тебе нашёл мой лучший друг?

Зоя попыталась высвободиться, но Майкл её крепко прижал.

— Скажу тебе честно, ты мне тоже нравишься, — прошептал он ей на ухо.

Зоя стала вырываться, и какое-то время они боролись друг с другом. В таком виде их застал Юра. Он побледнел, увидев растрёпанную и красную Зою.

— Что здесь происходит? — резко спросил он.

— Спроси у своего друга, какого чёрта ему мало девиц, которые его окружают? — выкрикнула Зоя, отходя от Майкла на безопасное расстояние.

— Майкл! — подошёл к нему Юра, сжав кулаки.

— Всё нормально, — залепетал Майкл, видя, что дело принимает нехороший оборот. — Ты что?! Да я её и пальцем не тронул. Я просто хотел её удержать, она так рано домой собралась. Всё это была шутка. Ты же знаешь твоя жена — это для меня святое. Ну, Юрка, не будь же таким дураком.

Юра остыл и повернулся к Зое, намереваясь получить подтверждение словам Майкла.

— С меня достаточно, я еду домой, — объявила она и, развернувшись, пошла в прихожую.

— Зоя, подожди, — бросился за ней Юра. — Надо попрощаться с ребятами.

— Извини, но мне это кажется лишним, — холодно сказала она, самостоятельно снимая куртку с вешалки и открывая дверь.

— Подожди меня, ладно? — бросил он ей и побежал в комнату.

Зоя вышла из подъезда и остановилась. Ну и приключение. Да никогда в жизни она больше не поедет к этому Майклу. Она была абсолютно права на счёт него. Вспомнив, с какой стороны они пришли, Зоя пошла по дороге. Через несколько метров её догнал запыхавшийся Юра с гитарой.

— Куда ты так несёшься? Я же просил подождать.

— Мне противно даже находиться рядом с этим домом, — объявила она и,

повернувшись, посмотрела ему в глаза: — Давай с тобой договоримся: я больше с тобой ходить в компании, подобной этой, не буду. Если тебе весело — ходи один, а я лучше проведу это время с ребёнком.

— Ты совсем разучилась общаться! — разозлился Юра.

— Да с кем там общаться?! Эти твои так называемые друзья двух слов связать не могут, книгу последний раз, наверно, в школе держали. Их ничего не интересует, кроме того, чтобы оттянуться под музыку с вином или травкой. У них нет цели в жизни. Они потерянные люди, и честно говоря, я не понимаю, что ты находишь в этой компании.

— Перестань обижать моих друзей! — вскипел Юра. — Я дружу с Майклом уже пять лет.

— А твой преподобный Майкл сегодня приставал ко мне самым наглым образом.

— Этого не может быть. Наверно, ты сама дала ему повод подумать, что это возможно.

— Что? — даже задохнулась от злости Зоя. — Я дала ему повод?! Да он просто животное, для которого существует только одно желание — переспать со всеми бабами на земле. Но это его личное дело, но то, что он приставал к твоей жене должно заставить тебя задуматься с кем ты дружишь!

Наконец, Зое удалось остановить единственную машину, которая двигалась по плохо освещённой улице, на которой жил Майкл. Весь путь они проделали молча и только возле дома, Юра, взяв её за руку, заглянул в глаза:

— Не сердись на меня, ладно? Я просто хотел, чтобы мы вместе провели этот вечер.

— Я не сержусь, — устало ответила Зоя. — Лучше бы мы пошли куда-нибудь вдвоём.

— Хорошо, я больше не буду водить тебя в компании.

Пережёвывая бутерброд и вспоминая события прошлой ночи, Зое пришла в голову печальная мысль. Не ошиблась ли она, выходя за Юру замуж? Ведь кроме их личных отношений, у них не было общих точек соприкосновения.

Вернувшись с работы пораньше, Зоя застала Юру, примеряющего новые джинсы перед зеркалом.

— Ну как? — повернулся он к ней.

— В общем-то ничего, — ответила Зоя, оглядывая его худощавую фигуру. Иногда она думала, что ради разнообразия была бы не прочь увидеть его в костюме и в галстуке. Но такое было только в школе и очень давно.

— Тебя что-то смущает? — спросил он её, целуя в щёку.

— Да, — улыбнулась Зоя. — Твои джинсы слишком в обтяжку, а от такого количества заклёпок рябит в глазах.

— А Майклу понравилось. Это он заставил меня купить эти джинсы, потому что сегодня мы идём на концерт.

Зоя не удержалась от сарказма:

— Ну, если твоему Майклу понравились твои чудные штанишки, и ваши отношения с ним уже зашли так далеко, что ты предпочитаешь обсуждать с ним свой гардероб, я умолкаю.

— Не обижайся, милая, — он обнял Зою за плечи, но она высвободилась.

— А я-то думала, ты останешься дома.

— Сегодня никак не могу, очень хороший концерт. Все рокеры будут там. Вернусь

очень поздно, потому что потом пойду на тусовку, — сообщил он Зое.

— С Майклом?

— А что здесь такого? Эти ребята его хорошие знакомые.

— Зная твоего Майкла, могу себе даже их представить. Рокерши в кожаных штанах и цепях и молодые люди с одной серьгой в ухе и длинными нечесаными волосами.

— Ты знаешь, что я только мечтаю о том, чтобы играть в группе. А они обещали меня послушать после выступления. У них ушёл бас-гитарист.

— Не знала, что с гитарой так серьёзно, — призналась она. — Надеюсь, ты собираешься сделать это своим основным занятием?

— Только если дело пойдёт. Артисты вообще-то хорошо зарабатывают, — ответил Юра, закручивая длинный хвостик резинкой. — Как ты думаешь, мне лучше с хвостом или с распущенными? — спросил он.

— Слишком женский вопрос, — хихикнула Зоя. — Не знаю даже что тебе ответить. — Она подошла к нему сзади с огромными ножницами. — Но если ты хочешь знать моё мнение, то лучше это отрезать. — Она лязгнула ножницами в воздухе, но Юра проворно отскочил.

— Ты с ума сошла? Это часть моего имиджа.

Зоя только вздохнула, вспомнив, как сегодня к ним в магазин зашла семья: мама, папа и ребёнок. Мама была в элегантном пальто, папа в костюме с галстуком и в длинном плаще, а за руку он держал маленького мальчика, которому они и пришли купить одежду. Эти трое производили впечатление настоящей семьи, а у папы был вид делового преуспевающего человека. «Интересно, почему ей никогда не встречаются такие мужчины?» — думала она, провожая своего благоверного в короткой пестревшей заклёпками кожаной куртке.

Уютно расположившись на диване с журналами мод, Зоя делала наброски летней коллекции в своём альбоме для малышек и мам. Зое очень нравилось придумывать летние модели. Лёгкие струящиеся платья и сарафаны из хлопчатобумажных тканей, льняные костюмы и светлые брючки. В голове вертелось тысячи картинок, и её карандаш так и летал по бумаге. Катя, устроившись рядом, принимала во всём деятельное участие. Она тоже листала журналы и, высунув от усердия розовый язычок, что-то рисовала на большом листе бумаги. На диване сидела её любимая кукла, для которой она и создавала всё это великолепие. Задумавшись над чем-то, Зоя заглянула в Катин листок и в который раз удивилась, что девочка так хорошо рисует. У неё определённо были способности, и Зоя подумала, что надо отдать её в школу живописи. Но где взять время, чтобы водить её туда на занятия? Дмитрий Александрович слишком старенький, а она сама слишком занята. Даже спокойные вечера, подобные этому, теперь стали редкостью. Наверно, поэтому она не расстроилась, что Юра ушёл на концерт.

Неожиданно в дверь раздался звонок. Зоя вздрогнула. Это явно был кто-то из знакомых, раз консьерж на входе беспрепятственно пропустил его. Она с сожалением посмотрела на альбом. Кто бы это ни был, но визит был некстати.

— Зоя, ты откроешь дверь? — крикнул Дмитрий Александрович. — А то я должен полежать, давление поднялось.

— Открою, — крикнула Зоя и вышла в коридор. Катя бежала следом. Ей обязательно надо знать, кто пришёл.

Зоя открыла дверь и обомлела. Перед ней, опираясь на стену для устойчивости, стоял Андрей Валерьевич.

— Можно войти? — вежливо осведомился он.

— Конечно, — Зоя посторонилась и уловила запах перегара. Она сразу вспомнила, что мама в который раз, потерпев неудачу в очередной клинике, выставила его вон.

— Где она? — спросил бывший свекр, сверля Зою взглядом.

— Вы про маму?

— Ну, конечно. Она куда-то пропала, — его взгляд был тоскливым, как у потерявшей хозяина собаки.

— Как пропала? — ахнула Зоя. — Я же вчера вечером с ней разговаривала.

— Сегодня её нигде нет.

— Может, она на работе?

— Я был везде, Зоя. Я был на Кузьминской квартире, был у неё на работе, я даже съездил на дачу.

— А на дачу-то зачем? — поразились Зоя. — Вряд ли у мамы могло возникнуть желание прополоть грядки.

— На всякий случай. Мне она так нужна. Слушай, а ты меня не обманываешь, здесь её точно нет?

— Можете посмотреть.

Он скинул куртку и, просмотрев все комнаты, включая туалет и ванную, пришёл на кухню, где Зоя ставила чайник.

— Что же мне делать? — спросил он, падая на диванчик и, закрывая лицо руками.

— Дедуля, ты не расстраивайся, — Катя погладила его по голове. — Бабушка обязательно найдётся. Она хорошо знает дорогу домой.

Андрей Валерьевич улыбнулся и посадил Катю рядом.

— Ты моя умница. Если бы всё было так просто.

— Сварить вам кофе? — предложила Зоя. Ей было жалко видеть его в таком виде. Андрей Валерьевич покачал головой и взял Зою за руку.

— Спасибо тебе, ты мне как дочь. Может, ты мне подскажешь, как вернуть Диану?

— Катюша, сходи, узнай, как у бабушки дела, — отправила дочку Зоя и уселась напротив.

— Зачем вы пьёте? — начала она напрямик.

— А для чего мне жить? Твоя мать, моя первая и единственная любовь, прогнала меня.

— И правильно сделала. Она пыталась вам помочь, водила вас в клинику. Вам нужно лечиться.

— Зоя, — он схватил её за руки, и она заметила, как осунулось его лицо. На щеках небритая щетина, глаза валились. — Для чего мне жить? Вчера я был у Надежды Ивановны и знаешь, что она сделала?

— Что?

— Она настроила против меня дочь, которая была моей единственной отдушиной. Марина сказала, что больше не хочет меня видеть, потому что я всем испортил жизнь. Я остался один. Понимаешь, Зоя?! Ты даже представить не можешь, что это значит для человека, жизнь которого почти прошла? Я никому не нужен. Даже твоя мать бросила меня. Вот и остаётся только напиться, чтобы ничего не чувствовать.

— Но это же не выход?! — воскликнула Зоя. — Я, конечно, не могу знать, что

произошло с вашей дочерью, но мне кажется, что здесь можно попробовать что-то сделать. И потом, вы меня извините, Андрей Валерьевич, но когда вы сходились с моей матерью, вы не думали о том, что ваши дети могут изменить своё отношение к вам. Было бы странно, если бы они были в восторге оттого, что вы бросили их мать ради моей. А именно так Надежда Ивановна представила эту историю вашим детям.

— Ну ладно, Руслан не хочет меня видеть — я смирился с этим. Но Марина?! — вскрикнул он и в его глазах появились слёзы. — Она была всем для меня. У нас были такие хорошие отношения. Она со мной во всём советовалась. Со мной, понимаешь, а не с матерью?

Зоя грустно смотрела на этого опустившегося человека, по вине которого столько всего пережила. Жалкое зрелище представляет мужчина, который дожил до шестидесяти лет и всё потерял. И о чём они только думали тогда с мамой? Только о своей любви? И где же она теперь эта любовь? Почивает на обломках разрушенных жизней окружающих их людей?

— Почему ты молчишь? Скажи что-нибудь? — попросил он.

— Знаете, что, Андрей Валерьевич, я всё-таки я поставлю чай. И ещё — скажите пожалуйста, вы сегодня обедали?

— Не знаю. Я плохо помню, что сегодня было. Ну где же Диана?

— Найдётся. А в таком состоянии, в котором вы находитесь сейчас, вы вряд ли бы с ней договорились. Так что всё к лучшему. Сейчас я разогрею вам котлеты с картошкой, и вы поедите, прежде чем мы продолжим наш разговор. Извините, но я не могу разговаривать с человеком, который с трудом фокусирует на мне взгляд. А вы пока идите в ванную и приведите себя в порядок. Причешитесь и постарайтесь навести тот самый лоск, на который были так падки ваши дамы. А то дедушку перепугаете, если он зайдёт на кухню и увидит вас в таком состоянии.

— Зоя, вы мне как дочь, — Андрей Валерьевич встал и, царапнув Зою щетиной во время поцелуя, удалился в ванную.

Зоя занялась приготовлением ужина, чертыхаясь про себя. А ведь вечер так хорошо начинался. И надо же было явиться этому Казанове. И что только в нём женщины находят? Обычная размазня с красивой физиономией, когда не пьяный, конечно.

— Мама, бабушка наплась, — в кухню вбежала Катя. — Она хочет тебя к телефону.

— Тихо! — прижала палец к губам Зоя. — Не говори об этом дедушке. Ему ещё надо её немного поискать. Ладно?

Катя улыбнулась и умчалась в комнату.

— Привет, — тихо сказала Зоя, закрывая за собой дверь в комнату.

— Ты совсем мне не звонишь. Наверно, забыла, что у тебя есть мать? — обиженно начала Диана Дмитриевна.

Зоя улыбнулась — мама была в своём репертуаре.

— Нет, мамуль. Такое не забывается. К тому же сейчас я занимаюсь одним очень интересным делом, касающимся тебя.

— Это чем же? — подозрительно спросила Диана Дмитриевна.

— Я привожу в порядок твоего возлюбленного или бывшего возлюбленного.

— Андрей заявился к вам?

— Именно, мамочка, и он по-прежнему уверяет меня в своей любви к тебе. Правда выглядит при этом не таким джентльменом, как ты любишь.

— Он пьян?

— Это мягко сказано, — засмеялась Зоя. — По-моему, он пьян уже давно. А сегодня не более чем вчера или третьего дня. Если я не ошибаюсь, это называется запой.

— Вот чёрт! — выругалась Диана Дмитриевна, что обычно редко себе позволяла. — Зачем ты егопустила? Я увидела его в окно и дверь не открыла. Притворяюсь, что меня дома нет.

— Молодец! — воскликнула Зоя. — Поэтому он съездил на дачку и приехал к нам.

— Он был на даче! Он сумасшедший. Ты бы лучше не открывала ему, Зоя.

— Ты предлагаешь, чтобы он сидел у меня под дверью? Как это было у тебя на той неделе? Я так не могу.

— А что ты будешь с ним делать?

— Для начала накормлю ужином. Потом попробую убедить бросить пить.

— Поверь мне, это бесполезно.

— Ну, я ещё не пробовала, — возразила Зоя. — А потом, ты знаешь, мне его как-то жалко. От него все отказались.

— Конечно, он себя так ведёт.

— Я тебе перезвоню, — Зоя услышала шаги в коридоре.

— Постарайся от него отделаться и убедить его оставить тебя в покое.

Зоя бросила трубку на рычаг. Кажется, она разозлилась. Эти взрослые просто, как дети. Она вылетела в коридор, едва не сбив Андрея Валерьевича, который не так уж крепко держался на ногах, но уже был причёсан.

— Это была она? — воскликнул он.

— Нет, моя подруга, — отмахнулась Зоя. — Пойдёмте ужинать.

Наевшись котлет с картошкой и выпив несколько чашек крепкого чаю, Андрей Валерьевич изрядно протрезвел и опять начал свою песню об одиночестве.

— Значит так, Андрей Валерьевич, — серьёзно заявила Зоя. — У вас есть последний шанс поправить своё положение. Сейчас вы отправляетесь домой, а завтра с утра едете в больницу и кодируетесь. После этого вы звоните мне и говорите об этом. А моя задача убедить маму сделать ещё одну попытку. Но вы к ней без меня больше не ездите! Обещайте мне!

— Почему? — жалобно заныл он. — Я хотел сказать ей, что не могу без неё.

— Вот и докажите это. Зашейтесь! Вспомните, что вы мужчина, в конце концов! Да что это такое! На вас стыдно смотреть. Вы же военный лётчик! — распалялась Зоя, чувствуя, что эта его мягкотелость начинает её раздражать.

— Всё в прошлом, Зоя. Всё в прошлом, — вздохнул он.

— Ничего, у вас есть ещё и настоящее. Вы должны вернуть свою любовь, о которой я так слышана и вашу дочь Марину. Она не вернётся к вам, если вы будете пить. — Внезапно Зоя поняла, что она так кричит, что наверно слышно в комнате. — А сейчас извините, но мне надо укладывать дочь спать. Вы можете пожелать ей спокойной ночи.

— Да, конечно, я пойду, — он с трудом поднялся. — Спасибо, Зоя. Ты лучше всех. Ты всё понимаешь.

Зоя смягчилась.

— Я жду от вас звонка, чтобы поговорить с мамой.

— Может, ты поговоришь и с Мариной? — он смотрел на Зою с надеждой.

— Ну, уж нет. Это должны сделать только вы. У меня от семьи Яковлевых одни проблемы.

— Ладно, — он неловко просунул руки в рукава куртки. — Я завтра пойду в больницу.

— А сегодня обязательно выпитесь, — сказала на прощанье Зоя и облегчением закрыла за ним дверь.

Она вошла в комнату и посмотрела на разложенные журналы и свой альбом. Настроения заниматься чем-нибудь не было. Десять часов вечера. Вспомнив, что она обещала почитать Кате книжку перед сном, она заглянула в её комнату, но дочка уже крепко спала, подложив ручку под щёчку. Она так и не дождалась маму. Зоя ощутила укор совести. Ведь собиралась весь вечер провести с ребёнком, а вместо этого пришлось решать проблему с её дедушкой, который совершенно запутался в жизни. «Ох уж эти Яковлевы!»- вздохнула она и, поцеловав Катю, погасила свет в комнате.

Андрей Валерьевич сдержал обещание: пошёл в клинику и закодировался. Алкоголь теперь ему был противопоказан, и проблема пьянства была хотя бы временно решена. Зое удалось убедить Диану Дмитриевну дать её поклоннику ещё один шанс. По случаю этого радостного события решили дать праздничный обед. С утра Зоя возилась вместе с Дмитрием Александровичем на кухне, решив продемонстрировать чудеса кулинарного искусства. Она раскатывала тесто, когда заметила в дверях Юру, который, неожиданно подкравшись, наблюдал за ней из-за двери. Он обладал какой-то кошачьей грацией, и Зоя частенько бывала застигнута врасплох.

Она вытерла испачканные мукой руки и улыбнулась ему.

— Ты давно здесь стоишь?

Он подошёл и обнял её.

— Я люблюсь тобой. Что может быть прекраснее, чем красивая женщина на кухне.

— Красивый мужчина, который спешит ей на помощь.

— Сначала скажи — по какому случаю такой пир?

— Мне удалось помирить влюблённых, — хихикнула Зоя. — Мама снизошла до того, что согласилась выслушать Андрея Валерьевича. У нас дома.

— Не понимаю, отчего люди пьют? — потянулся Юра, подходя к окну и любуясь ярким солнечным днём. — Мне кажется, что жизнь прекрасна в любом её проявлении.

— Просто жизнь ещё не поворачивалась к тебе спиной, — улыбнулась Зоя. — Я его немного понимаю. У меня тоже был период, когда не хотелось жить. Не то, чтобы я, конечно, подумывала о самоубийстве, просто пребывала в тоске. Кстати, даже не могла позволить себе напиться: была беременной. А ты, баловень судьбы, живёшь в своё удовольствие.

— Правильно, так и надо. А ты слишком стараешься всем угодить и забываешь о себе. Ты хотя бы помнишь, когда ты в последний раз делала то, что хотела? — спросил Юра, надевая фартук.

— С большим трудом вспоминаю. Наверно, это было ещё, когда я жила в Кузьминках. Мне кажется, с тех пор, как у меня появилась Катя, мои личные проблемы ушли на второй план и думаю, что надолго.

— Дело здесь даже не в Кате. Просто ты слишком хорошая, — он поцеловал её в щёку и стал ловко лепить пирожки. — Вот скажи, зачем ты в свой выходной день поднялась так рано и завела всю эту канитель? Лучше бы выпалась.

Зоя задумалась над тем, что он прав, но ей хотелось устроить всем праздник. Мама так любит пирожки.

— Да, ладно тебе, — отмахнулась она от своих мыслей. — Лучше скажи, ты сегодня останешься с нами или куда-нибудь исчезнешь?

— Ладно, уж так и быть. Помогу тебе на кухне, а потом можешь взять Катю и пойдём гулять.

— Да ты ли это любимый?! Ты пойдёшь с нами гулять? Будешь торчать на детской площадке? — удивилась Зоя такому повороту событий.

— Ну а что тут такого? — смутился Юра. — Я, может, тоже хочу доставить тебе приятное.

Андрей Валерьевич явился в белой рубашке и своём лучшем тёмно-сером костюме. Ничто не напоминало мужчину, который постучался в дверь несколько дней назад. Он опять был чисто выбрит, пострижен и причёсан, а в его руке красовался букет и тёмно-красных роз, который он смущённо вручил Диане Дмитриевне. Потом они уединились в Катиной комнате и долго о чём-то разговаривали, после чего вполне довольные друг другом, присоединились к остальным. Принаряженная по случаю праздника в розовое платье с оборками Катюша бегала от одного взрослого к другому, показывая то игрушки, то рисунки. Обед удался на славу. Пирожки вышли ничуть ни хуже, чем когда-то у Зоиной бабушки, а Юрино фирменное мясо под майонезом произвело на всех впечатление. Андрей Валерьевич весь вечер не сводил влюблённых глаз с Дианы Дмитриевны. Просторную гостиную с высокими потолками заливало солнышко, и настроение у Зои было великолепным. После кофе с пирожными, Юра взял в руки гитару и спел им несколько песен. Потом Диана Дмитриевна села за рояль и заиграла прелюдию Шопена. Глядя на неё, такую красивую, с ровной спиной, сидящей за пианино, Зоя понимала, почему её мама так нравилась мужчинами. Несмотря на свой возраст, она прекрасно выглядела и элегантно одевалась. Сегодня на ней была синяя блузка с оборками и прозрачными рукавам, и длинная чёрная юбка с воланом, которая подчёркивала её стройную фигуру. Зоя была рада, что смогла их помирить. Мамино одиночество ещё в детстве доставляло ей много страданий, и она всегда хотела, чтобы рядом с ней был мужчина. Бывший свекор, когда не пил, удачно подходил для этой роли. Оставалось надеяться, что таинственное кодирование поможет.

После домашнего концерта Диана Дмитриевна и Андрей Валерьевич стали собираться. Ещё светило солнце, и Юра предложил проводить их до метро Пушкинская.

— Я думаю, это будет лучше, чем гулять на детской площадке, — шепнул он Зое. Они вышли в скверик, являя собой чудесную компанию. Зоя, Катя и Юра шли впереди, причём он был даже настолько мил, что позволил Кате ухватиться за его большой палец, а Диана Дмитриевна держала Андрея Валерьевича под руку и любовалась молодёжью. Довольные друг другом, солнцем и теплом они не сразу заметили Руслана и Аллу, которые шли навстречу.

Все эти годы Руслан старался избегать района, где жила Зоя. Но сегодня они ездили в гости, а потом Алла уговорила его погулять по переулкам. Наверно, он ошибся и свернул не там, потому что коварная узкая улочка привела его прямо к Малой Бронной.

— Ой, какой хороший скверик, — обрадовалась Алла. — Давай пройдемся вокруг пруда, — предложила она Руслану, который пребывал в благодушном настроении.

Увидев место, где он признавался Зое в любви, где возил маленькую Катюшку в коляске, он и сам не смог уйти. Они медленно шли вокруг пруда, и каждая скамейка напоминала о прошлом, когда он был ещё счастлив. Вот здесь они сидели и читали с Зоей стихи, вот в этой палатке он покупал мороженое. Сколько лет прошло с тех пор, а ему всё ещё так больно. Казалось, он сделал всё возможное, чтобы забыть Зою, но только сейчас понял, что она по-прежнему живёт в его сердце.

Навстречу им приближались трое. Маленькая девочка, державшая за руки своих родителей. Интересно сколько ей лет? Руслан кинул беглый взгляд на родителей и всё внутри его обмерло. Да это же Зоя со своим дружкой. А эта девочка, так доверчиво державшаяся за его руку, его Катя. Он замедлил шаг, не сводя с них глаз. Они выглядели такими счастливыми. Вдруг Зоя скользнула по нему взглядом. Их глаза встретились. Улыбка сбежала с её лица, оно стало растерянным, даже немного испуганным. Руслану казалось, что он сейчас умрёт от разрыва сердца, так сильно колотилось оно в его груди. Он совершенно не слышал, что щебетала Алла. Он не мог отвести взгляд от Зои. Значит, после развода она вышла замуж за своего бывшего одноклассника Юрку, которого он всегда терпеть не мог. Всё это не укладывалось у него в голове, и он едва удержался, чтобы не схватить Зою за локоть — она, как раз проходила мимо него — но вдруг пара, идущая следом, привлекла его внимание. Это были Зоина мать с его отцом. Он почувствовал, что ему стало трудно дышать, но он заставил себя пройти мимо.

Руслан продолжал идти, не замечая ничего вокруг. И только вопрос жены вернул его в действительность.

— Да что с тобой, Руслан? Ты весь дрожишь, словно привидение увидел? — спросила обеспокоенная Алла, которая ничего не поняла, потому что не узнала Зою.

— Так оно и было, — медленно выговорил Руслан побелевшими губами.

— Ты кого-то встретил? Это была твоя бывшая жена? — догадалась Алла, оглядываясь назад.

Руслан кивнул. В его глазах появились слёзы.

— Она была с моей дочерью и новым мужем. — Он посмотрел на Аллу и его глаза яростно сверкнули. — Хочешь знать, кто это был?

— Кто?

— Её бывший одноклассник. И ведь эта сучка уверяла меня, что они просто друзья. А теперь они вместе. Скорее всего, — он сжал руку Аллы так, что она чуть не вскрикнула, — она обманывала меня с ним.

Алла молчала. Уговаривать бесполезно, лучше просто слушать. Ей было жаль Руслана, своим женским чутьём она понимала, что он так и не смог оправиться от удара. И надо же было ей уговорить его прогуляться вокруг пруда! Алла чувствовала себя виноватой.

— Они здесь живут? — машинально спросила она.

— Да! — закричал Руслан. — Они живут здесь и вполне счастливо, выкинув меня из своей жизни. Пойдём, — он снова схватил Аллу за руку. — Я покажу тебе дом, где она живёт, и откуда она меня выгнала, чтобы привезти туда своего дружка, потому что я стал им не угоден. Мне слишком не нравилось то, что её мать спала с моим отцом.

Алла еле успевала за Русланом. Он нёсся по дорожке, едва не сбивая прохожих, чтобы посмотреть на дом, в котором когда-то жил.

— Вот он! — он остановился перед шестиэтажным особняком. У двери стоял охранник, а через стеклянную дверь подъезда была видна широкая лестница.

— Ну, как? Нравится? — спросил Руслан, глядя на Аллу.

— Красивый дом, — равнодушно сказала Алла. — Наверно, старинный.

— Она живёт там вместе с этим ублюдком и моей дочерью. Он занял моё место. Я

ненавижу её. Она испортила мне всю жизнь. Она выпотрошила меня и выбросила за ненадобностью.

— Руслан, — Алла испуганно смотрела на мужа, — может, лучше пойдём отсюда?

— Вон её окна, — он показал рукой, — видишь слева, пятый этаж. Трёхкомнатная шикарная хата. Потолки четыре метра. Люстры как в музее. Ненавижу! — взвыл он.

— Пойдём, Руслан. Поедем домой, — Алла тянула его за руку, не на шутку испуганная взрывом таких эмоций.

— Домой?! — усмехнулся он, — В твою конуру? Не хочу! Я ненавижу её. А ещё больше знаешь кого?

— Кого? — спросила Алла, уже зная ответ.

— Своего отца. Представь, он тоже счастлив. Он не сводит глаз с её матери. Влюблённый козёл!

— Может, они расстались? Ты же не знаешь?

— Я видел их! — закричал Руслан, глядя на Аллу расширенными глазами и брызгая слюной ей в лицо.

— Ты видел их тоже? — спросила она с ужасом.

— Конечно. Всей компанией вывалились из дома на прогулку. Понимаешь, моего отца, подонка, который испортил жизнь моей матери, до сих пор принимают в этом доме. А меня выкинули, как ненужную вещь! Меня, отца ребёнка!

— Бедненький! Так ты видел их. Боже мой! Как же неудачно я попросила тебя прогуляться. Прости меня, это я виновата, что вы встретились, — залепетала Алла, стараясь отвлечь его внимание. Пусть лучше орёт на неё. Она всё вытерпит. Она готова терпеть всё что угодно, только бы он был рядом.

— Да причём здесь ты? — раздражённо заметил Руслан, как замороженный стоявший перед Зоиним домом. В его мозгу проносились картины его счастливого прошлого. Наверно, с ней он впервые в жизни был счастлив до тех пор, пока его отец грубо не влез в его жизнь. Он сжал кулаки в карманах куртки.

— Я бы убил её, — сказал он, не сводя глаз с Зоино дома. — Нет, я бы убивал её медленно, чтобы она умоляла о пощаде. Чтобы валялась у меня в ногах и просила её простить.

— Ну что ты такое говоришь?! — не на шутку испугалась Алла. — Пожалуйста, не надо. Тебя посадят в тюрьму, а я не смогу без тебя.

— Причём здесь ты, дура? Вы, бабы, только о себе и думаете. Зойка, вон тоже думает только о себе.

У Руслана возникло острое желание что-нибудь разрушить. Например — разбить стеклянную дверь этого подъезда. Хоть как-то излить свой гнев по несостоявшейся жизни. Ну почему мир устроен так несправедливо? У неё всё хорошо, она хозяйка собственного магазина, замужем, воспитывает их дочь, а он? Что он добился в жизни? Глупой милицейской работы, которая его раздражает? Он всё потерял и ребёнка, и самоуважение. Нет, он должен им отомстить. Всей семейке Тихомировых!

— Руслан, миленький поедом домой. Ну, хватит здесь стоять, ведь только душу себе травишь. Если бы только я могла тебе чем-нибудь помочь? Я бы сделала всё, что ты скажешь.

Руслан посмотрел на неё невидящим взглядом, словно она была неодушевлённым

предметом, а не миловидной женщиной с встревоженным взглядом светло-зелёных глаз. У него из головы не выходила Зоя. Как она шла, уверенной походкой красивой женщины, знающей себе цену. От его зоркого взгляда не укрылся и голубой плащ, который развевался на ветру, открывающий стройные ноги в короткой юбке. Странно, но он совсем не помнил, как выглядела его дочь. Он помнил только большие розовые банты.

— Я потерял из-за неё дочь! — крикнул он. — А ты не можешь родить мне ребёнка.

Алла побледнела. Это было её больным местом. Недавно она призналась Руслану, что не может иметь детей.

— Мы можем усыновить, — сказала она робко, но Руслан её не слышал. Он, кажется, знает, что надо сделать, чтобы наказать их всех: надо отнять у них Катю. Он сам будет воспитывать её, будет дарить подарки и баловать её. Он обязан оградить её от пагубного влияния Тихомировых, пока она не выросла такой же, как эти обе женщины. Зоя — вылитая мать, и он не может позволить, чтобы его ребёнка воспитывали по их правилам. Он хочет вырастить Катю сам.

— Что ты говорила? — спросил он у Аллы.

— Я говорила, что мы можем взять ребёночка из дома малютки. Мы возьмём его маленьким, он не будет знать, что мы неродные. Мы можем уехать из Москвы. Я могу продать квартиру, будем жить в другом месте, — тараторила Алла, но Руслан думал о своём. Алла, конечно, предана ему. Она сделает всё, что он скажет, и будет молчать. Она до безумия хочет семью и ребёнка и, к счастью, у неё нет своих детей. Значит, будет воспитывать Катю. Без женщины ему в любом случае не обойтись, а другую такую дуру он вряд ли найдёт. Да и если честно Алла во всём его устраивает. После Зои ему стали безразличны женщины. Он и раньше то не испытывал к ним особого влечения. Руслан вздохнул. Ну, ничего, скоро он поквитается с ней за все обиды. Больше не будет расхаживать с таким гордым видом, словно весь мир принадлежит ей.

— Ты согласна продать квартиру и уехать из Москвы? — спросил Руслан.

— Конечно, милый. Я так хотела, чтобы у нас была настоящая семья — ты, я и ребёночек.

— Хорошо, будет тебе семья. Я даже, пожалуй, на тебе женюсь. Только никакого ребёнка из детского дома мы брать не будем. — Он сделал паузу и сказал, отчеканивая каждое слово. — Ты будешь воспитывать мою дочь.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня одна дочь, её зовут Катя. Ты будешь воспитывать её. Согласна или нет?

— Но кто же тебе её отдаст? — удивилась Алла.

— Это не твоё дело. Предоставь всё мне. Я устрою им сладкую жизнь. Они будут считать свою обожаемую девочку без вести пропавшей. Какая сладкая месть! В то время как мы с тобой будем жить и радоваться. — Его лицо просветлело. Он бросил прощальный взгляд на дом. — Пожалуй, теперь можно идти. У меня есть план.

— Ты хочешь украсть её? — воскликнула Алла.

— Я имею такие же права на неё, как и мать. Это и мой ребёнок тоже.

— Но ты не можешь её увезти?

— Могу и будь уверена, что сделаю это. — Он многозначительно посмотрел на неё: — С тобой или без тебя.

— Руслан, одумайся. Это может плохо кончиться. Твоя бывшая жена будет очень

переживать. Она заявит в милицию, тебя будут искать.

— Ха, — он усмехнулся. — Знаешь, сколько в милиции нераскрытых дел о похищении детей? Некоторых находят, а некоторых нет. Я постараюсь сделать так, чтобы нас не нашли. Ты продашь квартиру, мы уедем в другой город. Я сделаю себе паспорт на другое имя. Потом мы поженимся, и я возьму твою фамилию. Такая же фамилия будет и у Кати. Никто ничего не заподозрит. Нас будут искать, если будут, конечно, в чём я сомневаюсь, под другими фамилиями.

— Это очень жестоко!

— Я хочу, чтобы они страдали.

— Ты не думаешь о девочке. Она будет скучать по матери.

— Ты заменишь ей мать! Зато у неё будет самый лучший, самый преданный отец. Со временем она всё забудет. Ей ещё только пять лет.

Алла почувствовала головокружение. Да он сумасшедший, он всерьёз думает об этом.

— Но Катя не помнит тебя, — попробовала она свой последний аргумент.

— Именно поэтому я собираюсь потратить время, чтобы мы подружились. Это не будет выглядеть, как похищение. Это будет исчезновение. Я буду приходить и забирать девочку гулять. Мы ходим в зоопарк, в кино, в театр. Она привыкнет ко мне. А однажды я заберу её, и мы не вернёмся. — Руслан захохотал.

Алла споткнулась и чуть не упала, если бы он не поддержал её.

— Смотри под ноги, курица!

Алла шла рядом с ним словно в прострации, погружённая в свои мысли. Он собирался украсть своего ребёнка и сделать её соучастницей. Конечно, она может отказаться. Но во что превратится её жизнь после того, как она останется в одиночестве? Черета тоскливых вечеров перед телевизором и чтение женских романов. Она сыта этим по горло за годы своей безрадостной молодости. К тому же она любила Руслана, любила преданно и беззаветно. Она не представляла своей жизни без него, и когда говорила, что пойдёт на всё ради него, не преувеличивала. Она действительно была готова всем пожертвовать. Даже жизнью в столице, с которой придётся расстаться.

— Так ты поможешь мне? — спросил Руслан, словно прочитав её мысли.

Алла посмотрела на него, в его карих глазах затаённая боль и просьба о помощи. Конечно, она не оставит его. Она поможет ему отомстить, и когда он вернёт свою дочь, их жизнь изменится. Они станут настоящей семьёй.

— Да, — тихо ответила Алла.

— Спасибо, — он обнял её за плечи, первый раз испытывая к своей спутнице чувство, напоминающее благодарность.

После неожиданной встречи на прудах прошло больше недели. Всё это время Руслан тщательно обдумывал план похищения, подробно рассказывая обо всём Алле и советуясь с ней. Нельзя допустить ни одной ошибки. Алла — надеясь, что Руслан остынет, — просила не торопиться.

— Катя должна привыкнуть к тебе, — часто повторяла она ему. — В противном случае для неё это будет большая травма.

Они долго придумывали, какую версию придумать для Кати и, в конце концов, решили сообщить, что мама умерла, и теперь она будет жить с папой. Сначала Руслан хотел ей сказать, что мама её бросила, но Алле удалось убедить его, что когда девочка вырастет, она может попытаться искать Зою. Задумка Руслана казалась Алле очень жестокой. Что бы ни сделала его бывшая жена, она явно не заслужила подобного отношения. Алла панически боялась, что их могут найти и посадить в тюрьму за похищение ребёнка. В общем, её нервы совершенно разболтались, и она с трудом сосредотачивалась на работе. С Русланом всё было наоборот: он повеселел и подобрел. Сознание того, что он сам восстановит поправленную справедливость, наполняло его мрачной радостью. Он был уверен: всё пройдёт наилучшим образом, если как следует подготовиться. Он достаточно долго проработал в милиции, чтобы знать, как мало преступлений раскрываются.

Алла ходила по квартире, мысленно прощаясь с любимыми вещами, которые придётся продать и с родным городом. Сначала они хотели выбрать для своего местожительства один из южных городов, но потом решили остановиться в Саратове. Там было не так жарко, как на юге, и Руслан был уверен, что там быстрее найдёт работу. Он ходил кругами вокруг телефона, никак не решаясь позвонить Зое. В конце концов, сделав над собой усилие, дрожащими от волнения пальцами набрал знакомый номер.

— Узнаёшь меня? — спросил он грубо.

— Кто это? — недоумённо спросила Зоя.

Растерянность в голосе прибавила уверенности, и он продолжил:

— Давненько мы с тобой не разговаривали. Это твой бывший муж.

Зоя мгновенно вспомнила их встречу в сквере. Долго же он собирался.

— Что ты хочешь? — спросила она холодно.

— Я хочу видеть свою дочь! — с нажимом заявил он.

У Зои похолодело в груди. Только не это. Она так надеялась на то, что он оставит их с Катей в покое. Он не появлялся в их жизни столько лет. И вот возник непонятно откуда.

— Ты столько лет жил, не вспоминая, что у тебя есть ребёнок. Я думала: ты покинул нас навсегда.

— Зря надеялась, — он издал смешок. — Я не позволю твоему дружку заменить ей отца.

От такой наглости Зоя разозлилась.

— Да кто ты такой?! Катя тебя даже не знает.

— Ничего, ты нас познакомишь. Со временем она узнает меня даже лучше, чем тебя, — он улыбнулся, вспомнив о своём плане. — И когда она вырастет, я открою ей правду, как ты лишила её отца.

— Просто удивительно, — вздохнула Зоя. — Столько лет прошло, а ты всё так же злишься. Я надеялась, что со временем ты сумеешь всё забыть.

— Забыть! Ты сломала мне жизнь?! — закричал он в трубку. — И сломала жизнь нашему ребёнку!

Прошлый кошмар вернулся. Ей показалось, что они снова женаты. Нет, она не должна позволять ему опять так разговаривать. Он ей теперь никто.

— Я не желаю говорить об этом, — твёрдо сказала она. — Если у тебя есть какие-то предложения, я готова их выслушать.

— Ты оставь эти замашки для своих подчинённых, — вскипел Руслан. — Я уже тебе сказал, что хочу видеть свою дочь. Когда ты приглашаешь меня в гости?

— Никогда! — разозлилась Зоя. — Если ты хочешь увидеть Катю, давай сделаем это на нейтральной территории.

— Хорошо, мы можем погулять, — согласился он. — Я буду ждать вас завтра у памятника Крылову в шесть часов.

— Я завтра не могу.

— Ты можешь привести ребёнка и быть свободна.

— Я не оставлю тебя одного с Катей. Она тебя не помнит.

— Тогда, решай свои проблемы, чтобы освободиться. Моё последнее слово — завтра в шесть. Или я буду решать вопрос своих посещений через суд, — припугнул он. — Повторяю тебе — я имею право видеть свою дочь, я отец.

— Ладно, — сдалась Зоя.

— Вот и хорошо. И не вздумай меня надуть и увезти куда-нибудь ребёнка. Отныне я собираюсь стать настоящим отцом.

Зоя почувствовала, что у неё дрожат коленки. Боже мой! Как хорошо она оказывается жила все эти годы. И за что же ей такое наказание?! И ведь он действительно имеет право видеть Катю, и у неё нет никакой лазейки, чтобы ему отказать.

Как во сне она вошла в свою комнату, где Юра перебирал струны гитары.

— Что с тобой? — он усадил её на диван. — Да ты вся дрожишь. Кто это звонил? Что-нибудь с магазином?

Зоя покачала головой и спрятала лицо у Юры на груди. Он ждал, поглаживая её длинные волосы.

— Да что случилось, скажи же мне?

Она выпрямилась и посмотрела в его глаза:

— Руслан хочет видеть свою дочь.

— Неужели в нём заговорил отцовский инстинкт? Сколько лет прошло с тех пор как вы расстались, и он не видел её? Пять?

— Четыре, — машинально ответила Зоя.

— Хороший папаша. Девочка выросла, он даже алиментов не платил, насколько я знаю. Ты можешь послать его к чёрту.

— В том то и дело, что не могу. Он пригрозил, что будет решать вопросы через суд.

— Вот напугал! Пусть решает. Пока он добьётся правды в нашем суде, Катя вырастет. Хотя на самом деле, — он посмотрел на Зою, — ты, наверно, не имеешь права ему отказывать. Он всё-таки родной отец, а Кате, как ты понимаешь, нужно мужское внимание.

— Да уж, от тебя она его не получает, — ехидно заметила Зоя. — Ты по-прежнему её игнорируешь.

— Ну что я могу сделать? — Юра вскочил с дивана и стал ходить по комнате. — Знаешь, чем больше я живу здесь, то тем больше убеждаюсь, что ты зря вышла за меня замуж.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не создан для семейной жизни. Да у нас её и нет. Мы живём каждый своей жизнью и лишь иногда пересекаемся. Я иногда думаю, зачем я тебе нужен?

— Только этого не хватало! — запальчиво сказала Зоя. — Разбора полётов в наших отношениях. И что ты предлагаешь?

— Не сердись! — он сел перед ней на корточки. — Понимаешь, каждый из нас только не даёт жить другому. Вот если бы меня не было, что бы ты сейчас делала?

— Не знаю.

— А я знаю. Я бы сейчас принял предложение и рок группы, о которой я тебе рассказывал. А так я боюсь, что ты это не правильно поймёшь.

— Всё ясно, — хмуро заметила Зоя. — Я тебе мешаю. Можешь идти в свой клуб хоть сейчас. Мне всё равно.

— Я не могу, потому что должен работать в этой дурацкой организации, чтобы у нас были деньги.

— Я сама хорошо зарабатываю, мне не нужны твои деньги.

— Вот именно, Зоенька. — Он поцеловал ей руку. — В том-то и дело, что я тебе совершенно не нужен. Ты прекрасно всё делаешь сама. У вас с Марьяной свой магазин, ты создаёшь одежду, ты справляешься с ребёнком и ещё с тысячей дел. Зачем тебе я? Было гораздо лучше, когда мы с тобой просто встречались. Тогда ты, по крайней мере, находила для меня время, и мы не мешали друг другу делать то, что нам нравилось.

— Это абсурд! Ты предлагаешь снова встречаться? — в Зоиных глазах блеснули слёзы.

— Ну вот, ты обиделась, а я всего лишь предложил рациональное решение нашей проблемы.

— Проблема у тебя, а не у меня.

— И у тебя тоже, просто ты боишься посмотреть правде в глаза. Ты переживаешь из-за того, что у нас не складываются отношения с твоей дочерью. Сначала я думал, что когда буду жить с тобой, всё изменится, и у меня появится этот отцовский инстинкт, или как там это называется. И здесь дело вовсе не в Кате, она прекрасный ребёнок. Дело во мне, меня раздражают дети, их писк, крик, даже их лепетание и милые проделки, которыми ты восхищаешься. Я не люблю этих маленький созданий и ничего не могу с этим поделать. Думаю, никогда не заведу своих собственных детей.

— Но это же так странно, — возмутилась Зоя. — Дети — это самое прекрасное, что только может быть. И мне жаль, что ты это не понимаешь. — Наверно, впервые в жизни она поняла, что ситуация не изменится. Она глупая оптимистка.

— Ну, я как-нибудь решу эту проблему для себя, а вот вас мне действительно жаль. Ты и твоя дочь заслуживают лучшего. Поэтому, — он взял Зоину руку и заглянул в её полные слёз глаза. — Я не говорю, что нам надо расстаться, для меня расстаться с тобой, это всё равно, что лишиться воздуха, моё чувство к тебе не изменилось, я просто хочу, чтобы ты подумала о том стоит ли нам продолжать наше совместное существование. Возможно, если бы мы жили в разных домах, мы были бы счастливее.

Зоя молчала, стараясь не расплакаться. Зря, зря, снова всё зря.

— О чём ты думаешь? — ласково спросил Юра.

— Думаю, что правильно я с самого начала нашей встречи считала тебя просто другом.

Было бы лучше, тебе им и оставаться, а не заводить глупые песни о любви.

— Но я на самом деле люблю тебя!

— Хватит! — крикнула Зоя. — Я не желаю больше об этом слышать. Я сыта вашей мужской любовью по горло. Лучше бы вы, мужчины, научились заботиться о женщинах, а не носиться со своим эгоистическим чувством. Вы не умеете даже жертвовать своими интересами.

— Почему ты говоришь во множественном числе?

— Потому что мой первый муж был не лучше тебя. Он носился со своими обидами, ты, — она посмотрела на гитару, — со своей музыкой. Когда же вы вырастаете и поймёте, что мужчина должен быть опорой, а не ещё одним ребёнком? Причём заметь, гораздо более капризным.

Зоя встала и подошла к окну. В скверике уже зажглись фонари, на скамейках сидели парочки. Ей захотелось им крикнуть: «Зачем вы встречаетесь, говорите о любви, на что-то надеетесь? Всё равно семейная лодка разобьётся о бытовые проблемы и мужскую инфантильность, когда, столкнувшись с первыми трудностями, они захотят сбежать к маме». Зоя усмехнулась. Юра хочет расстаться. Прекрасно. Я не буду его удерживать. Справлюсь со всем сама. У неё есть Катя и любимая работа. А с мужчинами она, пожалуй, сделает перерыв. Она повернулась к Юре, который съёжился на диване, более чем обычно напоминая обиженного ребёнка. Она посмотрела на него внимательно. В тёмно-русых волосах уже серебрились седые волосы, а он всё носит рокерский хвостик, надеясь, что это поможет покорить музыкальный Олимп.

— Я думаю, ты прав, — спокойно сказала Зоя. — Мы разные люди, и у каждого из нас своя жизнь. Давай разъедемся. Только это будет навсегда, а не так, как ты предлагаешь. Я не буду тратить время и снова встречаться с тобой. Это ни к чему не приведёт. Пора ухаживаний и свиданий безвозвратно ушла.

— И что ты будешь делать? — ревниво спросил Юра. — Встречаться с другими мужчинами?

— Ну а почему бы и нет?! — Она подошла к зеркалу и поправила волосы. — Мне только двадцать шесть лет. Моя жизнь не закончится, если ты уйдёшь. Более того, я не собираюсь из-за этого переживать. — Она прямо посмотрела на него, в её глазах был вызов.

Юра тоскливо посмотрел на Зою. Внезапно он почувствовал, что зря затеял этот разговор, причиной которого послужил звонок бывшего муженька. «А что, если Зоя снова сойдётся с ним?» — мелькнуло в него в голове. Он, не отрываясь, смотрел на жену, и в этот момент она показалась ему особенно красивой. Длинные волосы, подкрашенные в каштаново-медный цвет, лежали пышными локонами, обрамляя хорошенькое личико с вздёрнутым носом и серо-зелёными глазами, подведёнными тёмным карандашом и от этого казавшиеся ещё больше. Его взгляд скользнул ниже. Зоя была в белой футболке и шортах цвета хаки с отворотами. Тонкая талия, стройные ноги. Она похудела, и от этого её фигура только выиграла. Если он оставит её, она сразу же найдёт себе кого-нибудь. Уж он-то видел, каким взглядом её провожали мужчины, когда они шли рядом. Ещё бы, сейчас она была не

просто хорошенькой, она стала настоящей красавицей, к тому же всегда была со вкусом одета. Стоило её оставить одну где-нибудь в кафе или на улице, как к ней обязательно кто-нибудь подходил знакомиться. Он вспомнил, как плохо ему было, когда Зоя вышла замуж. Нет, он не может потерять её снова.

Он встал и подошёл к ней.

— Ты идёшь собирать вещи?

— Нет, — он обнял её и прижался к ней всем телом. — Прости меня, я дурак. Сам не знаю, что несю. Наверно, ревную тебя к Руслану.

Зоя отстранилась.

— Подожди, подожди, ты только несколько минут назад так убедительно доказывал, что мы не подходим друг другу.

— Ты хочешь, чтобы я ушёл?

— Я всего лишь рассказала тебе о звонке Руслана и вместо того, чтобы успокоить меня, ты начал выяснять отношения. А я терпеть этого не могу.

— Прости меня. Я сидел, смотрел на тебя и понял, что не смогу жить без тебя.

— У тебя будет музыка и куча поклонниц.

— Забудь об этом. Наверно, ты права, мне пора давно повзрослеть. Хочешь, я выкину эту гитару прямо сейчас? — он схватил инструмент и открыл балконную дверь.

— Нет! — закричала Зоя. — Ты сумасшедший. Ещё убьёшь кого-нибудь. — Она вцепилась в гитару. — Кроме того, мне нравится, когда ты поёшь мне.

— Так ты уверена, что ты не хочешь, чтобы я выбросил гитару в знак моей любви к тебе?

— Нет, — Зоя взяла инструмент у него из рук и бросила на диван. Струны мелодично зазвенели, благодаря спасительницу. — Зоя хитро улыбнулась. — Если ты так хочешь доказать мне, что ты меня любишь, ты можешь сделать для меня кое-что другое?

— И что же это?

— Ты можешь отрезать свой крысиный хвостик, который мне так не нравится.

— Отрезать хвостик! — в глазах Юры мелькнул страх, и он схватился за него рукой.

— Да-да! Отрезать хвостик. Я буду хранить его всю жизнь. Я тоже могу отрезать свой локон для тебя.

— Нет, я не могу, — Юра подошёл к зеркалу и горестно посмотрел на своё отражение.

— Значит, ты меня не любишь, — заявила Зоя, поворачиваясь к нему спиной. — Собирай вещи и уходи.

— Нет, люблю, но не заставляй меня делать этого. Будь же великодушна. Я столько его отращивал.

— И очень зря. Он тебе не идёт. Ты выглядишь с ним как великовозрастный мальчишка. На висках седые волосы, а сзади куцый хвост. — Зоя достала портновские ножницы и протянула ему. — Сделай это сам. Это будет свидетельством твоего взросления.

— Не могу, — Юра затравленно смотрел на огромные ножницы. — Тебе он не нравится?

— Абсолютно нет, — твёрдо сказала Зоя.

— Ладно, — решил он. — Только ради тебя. Только ты сама. Я не смогу.

Зоя не заставила себя долго упрашивать. Она зашла со спины и одним ловким движением отрезала хвост. Юра повернулся: Зоя помахивала перед его носом трофеем и улыбалась.

— Я буду хранить его в самом почётном месте.

Юра жалобно смотрел на хвостик в Зоиной руке. Потом схватил Зою на руки и бросил на диван.

— Ты даже не представляешь, что я сейчас с тобой сделаю, — свирепо закричал он, шутливо набрасываясь на неё с поцелуями.

Мир в их семье был восстановлен, но они оба понимали: разногласия зашли слишком далеко, чтобы оставаться вместе.

Весь день перед встречей с Русланом Зоя пребывала в мрачном расположении духа. На работе всё валилось из рук, и она с трудом понимала, что ей говорили. Руслан снова вернул её в прошлое, о котором она бы предпочла бы забыть. Но судьбе было угодно дважды совершенно случайно столкнуть их.

Зоя, отменив все запланированные на вечер встречи, забрала Катю из детского сада пораньше. Она с тревогой взглянула на девочку, семенившую маленькими ножками рядом с ней, и с восторгом пятилетнего ребёнка разглядывающего всё вокруг. Зоя вздохнула. Она до сих пор не нашла в себе сил, чтобы рассказать ей о внезапно появившемся отце. Больше откладывать нельзя. Она ещё мысленно подбирала слова, когда Катя, подняв настороженную мордашку и слегка сдвинув тёмные бровки, спросила:

— Ты сегодня никуда не уйдёшь?

— Нет, дорогая. Сегодня мы должны встретиться с одним человеком.

— Ты возьмёшь меня с собой?

— Конечно. Мы уже сейчас идём туда. Дело в том, что этот человек хочет встретиться с тобой, а не со мной.

— И кто это?

Зоя затаила дыхание, не зная, как отреагирует Катя на эту новость, и быстро сказала:

— Это твой папа.

— Папа?! — Катя остановилась. — У меня есть папа?

— Ну, конечно. Дело в том, что когда ты была маленькая, мы жили вместе, но потом мы расстались, и он уехал. — Зоя вздохнула. Об этом до сих пор было больно вспоминать, а уж рассказывать пятилетнему ни в чём неповинному ребёнку ещё тяжелее.

— Почему он уехал?

— Мы решили разойтись, потому что... — Зоя запнулась. Она и сама не знала, почему они расстались. То ли из-за этой истории с их родителями, то ли из-за того, что кто-то из них неправильно себя повёл. На самом деле им с самого начала не стоило быть вместе. Впрочем, как ей не следовало выходить замуж за Юру. А есть ли вообще этот человек на свете, предназначенный для неё? Или её удел — это одиночество?

— Мама, — потянула её за руку Катя. — Почему он уехал?

Неожиданно Зое пришла в голову спасительная мысль. Она попытается объяснить ей эти взрослые вещи на её уровне.

— А вот скажи, почему ты перестала дружить с Оксаной? — спросила Зоя.

Катя наморщила маленький лобик.

— Она вредная и жадная. Не даёт играть своими игрушками.

— А с Вовой?

— Он меня обижает.

— Ну, вот видишь. Сначала вы дружили, а потом у вас возникли разногласия, и вы перестали дружить. Это нормально. Так было и у нас с твоим папой. Сначала всё было хорошо, а потом мы перестали понимать друг друга.

— И перестали дружить?

— Верно, — улыбнулась Зоя. — Мы разъехались по разным домам, но ты его дочь, и он

хочет увидеть тебя. Возможно, вы с ним сможете подружиться.

— А где он был так долго? — задала резонный вопрос Катя.

— Это ты сама у него спросишь.

— А он будет хорошо ко мне относиться или так же плохо как дядя Юра? — спросила Катя с детской непосредственностью. Зоя обомлела. Катя уже всё прекрасно понимает. Ещё не хватало, чтобы Катя сказала об этом Руслану. А этого вполне можно ожидать. Дети говорят то, что думают.

— Дочка, дядя Юра хорошо к тебе относится, — на всякий случай соврала Зоя, чувствуя, что у неё уже голова идёт кругом. — Просто он не умеет обращаться с детьми. — Катя взглянула на часы. Стрелки часов неумолимо приближались к шести часам. Кто бы знал, как ей не хочется встречаться с Русланом.

— Мама, а какой он, мой папа?

— Ты сейчас его увидишь. Он ждёт нас у памятника, — машинально ответила Зоя, переходя улицу на зелёный свет и чувствуя непреодолимое желание поймать такси и, схватив Катю в охапку, увезти её подальше от места встречи.

Руслан в милицейской форме стоял у памятника. Увидев его, Зоя поморщилась. Зачем он пришёл в форме? Неужели не мог переодеться? Заметив их, Руслан пошёл им навстречу.

— А вот и твой папа, — сказала Зоя без всякого энтузиазма.

— Где?

— Идёт к нам на встречу.

— Он что, милиционер? — спросила Катя, но ответить Зоя не успела. Всё её внимание было поглощено бывшим мужем, одетым в милицейскую форму. Совершенно некстати она вспомнила, как красиво он одевался, когда они начали встречаться. Узнав, что Зое нравятся костюмы, он приходил к ней на свидание при полном параде. Как давно это было.

— Ну, здравствуйте! — услышала Зоя хорошо знакомый голос, заставивший сжаться её в комочек и испытать слишком знакомое чувство вины.

Руслан, избегая взгляда Зои, присел на корточки перед Катей.

— Не знаю, говорила ли твоя мама, но я твой папа, — сказал он ей, заглядывая в глаза.

— Говорила, — подтвердила Катя, неожиданно засмутившись и поглядывая в сторону детской площадки, на которой резвились дети.

— А у меня для тебя кое-то есть. — Руслан сунул ей большой пакет. Из которого Катя смущённо достала игрушечную собаку, помесь таксы и спаниеля яркого рыжего цвета.

— Мама, смотри, собачка, — протянула ей игрушку Катя.

— Да, собачка, — машинально ответила Зоя, глядя в сторону.

— Что мы будем делать? — спросил Руслан у Зои.

— Не знаю, — Зоя пожалала плечами. — Может, у тебя есть какие-то предложения?

Руслан смотрел на Катю, не зная, что с ней делать.

— Мам, там Маша возле качелей. Можно, я пойду к ней?

Зоя вопросительно посмотрела на Руслана.

— Иди, а мы пока поговорим, — согласился он. — Ну, что присядем? — он королевским жестом, словно распахнул дверцу роскошного автомобиля, указал на скамейку.

Зоя села. Он сел на некотором расстоянии.

— Ну, как поживаешь? — осведомился он.

— Спасибо хорошо. Как ты?

— В норме.

Разговор иссяк, не успев начаться. Как-то время они сидели молча, испытывая неловкость. Потом, не выдержав, Зоя сказала:

— Ты зря выбрал это место встречи. У Кати здесь очень много знакомых, и ты не сможешь привлечь её внимание.

— А она общительная девочка, — сказал Руслан, наблюдая за Катей, погружённой в игру с другими детьми.

— Да, стеснительность у неё отсутствует, — согласилась Зоя. — Хотя возможно это из-за возраста.

— Ну, я например, был очень стеснительным ребёнком.

— А я нет, — сказала Зоя. — У меня тоже было полно знакомых во дворе, потому что как только я видела новую девочку или мальчика, я тут же подходила и предлагала дружить.

— Забавно, — Руслан усмехнулся. — Всё-таки мы с тобой разные. У меня до сих пор нет друзей.

— А я до сих пор дружу со своей школьной подругой Марьяной.

— Слушай, а ты на самом деле, хозяйка того магазина?

— Только по документам. На самом деле Марьяна занимается магазином гораздо больше меня. Мне нравится придумывать одежду и шить.

— Вот не знал, что у тебя бездна способностей.

— Перестройка заставила задуматься о своём месте в жизни. К счастью, мне не нравилось то, чему я пять лет училась, поэтому всё прошло безболезненно. Ты, — она скользнула взглядом по его милицейской форме, — тоже сменил специальность.

— Пришлось пойти в милицию, — нехотя ответил Руслан, чувствуя себя не лучшим образом рядом с этой безупречно одетой и ухоженной женщиной, которая раньше была его женой. Как всё изменилось. Если бы он остался с ней, он бы так не опустил. Руслан почувствовал знакомую злость и ехидно спросил:

— Выходит, ты собрала вокруг себя всех своих школьных друзей, не так ли?

Зоя сразу поняла, на что он намекает, но решила сделать вид, что не поняла вопроса. Но Руслана уже несло:

— Как тебе живётся с твоим бывшим одноклассником, который занял моё место?

Зоя потупилась. Её семейная жизнь вряд ли бы вызвала у кого-нибудь чувство зависти. Но ведь Руслан рисует в своём воспалённом мозгу совершенно другие картины и не стоит ли его в этом разубеждать. Зачем ему знать, что её вторая попытка обрести счастье в семейной жизни оказалась неудачной. Ей больно признаться самой себе, что она опять ошиблась. Да, если иметь в виду эту пресловутую женское счастье, то оно у неё было, она полностью удовлетворена как женщина, но ее прошлое продолжает стоять между ними.

— Как поживает мой преемник? — Руслан тронул Зою за локоть.

— У нас всё хорошо, — отрезала Зоя и холодно добавила: — И будь добр, поскольку я вынуждена встречаться с тобой, давай не будем касаться личных тем.

Руслан расвирепел. Эта девчонка опять пыталась поставить его на место. Каким же чудом ей всегда удавалось держаться на высоте, не опускаясь до скандалов и ссор?

— Да как можно этого избежать? — возмутился он. — Я ещё не спросил, как мой отец? У них с твоей матушкой всё так же хорошо, как и у тебя?

— Боюсь, что да. Ты был не прав, утверждая, что отец делает это тебе назло. Он на самом деле любит мою мать, — взгляд серых Зоиных глаз был насмешливым, хотя ей было грустно. Никто не должен знать, как тяжело ей приходится. Главное, что со стороны всё

выглядит прекрасно. Она — успешная молодая женщина, у которой свой бизнес, счастливая семейная жизнь. Пусть будет так. И да захлебнуться Яковлевы в своей зависти.

Руслан еле сдерживался. У неё всё хорошо. У её матери всё хорошо. Почему же у него всё так плохо? Почему он, единственный пострадавший в этой ситуации, из которой все вышли с победой? Он не должен этого допустить. Он восстановит справедливость и отомстит им всем. С тайной радостью он успел заметить, что Зоя привязана к дочери. Его решение было правильным. Он отнимет у неё самое дорогое, и до конца жизни она будет страдать от неизвестности. Он заставил себя выпрямиться и сесть прямо. Осталось недолго подождать. Он выдавил из себя подобие улыбки.

— Пожалуй ты права. Не будем о прошлом. Лучше расскажи, как привлечь внимание Кати. Я хочу стать ей другом. Поверь мне, как бы не складывались её отношения с твоим настоящим мужем, для девочки будет лучше, если она будет знать, что родной отец любит её.

Зоя не могла не согласиться с этим утверждением. Возможно, не стоит мешать ему, подружиться с дочерью. Катюше не хватает мужского внимания. Она повернулась к Руслану и достаточно дружелюбно предложила:

— Катя очень любит киндер-сюрпризы. Вы можете прогуляться до киоска.

— Было бы замечательно, — выдавил из себя Руслан, отводя глаза, словно боялся, что Зоя сможет прочесть его мысли.

Зоя встала со скамейки и подошла к Кате.

— Катюша, — нежно сказала она. — Твой папа обижен, что ты не обращаешь на него внимания.

— Но мне интересно здесь, — топнула дочь ножкой в красном новом ботинке.

— Жаль, а папа хотел купить тебе киндер-сюрприз.

— Правда? Тогда я иду, — сразу согласилась девочка. — А ты пойдёшь с нами?

— Нет, мне надо приготовить ужин. Он приведёт тебя домой. Если ты не боишься?

— Я никого не боюсь и этот дядя... папа... совсем не страшный, — Катя вприпрыжку подбежала к скамейке, глядя вопросительно на Руслана.

— Ты любишь сюрпризы?

— Да.

— Тогда поехали.

Он посадил Катю к себе на плечи и повернулся к Зое. Она быстро сказала:

— Я думаю, вы справитесь вдвоём.

Руслан благодарно кивнул. Катя помахала ей рукой, а Зоя направилась к дому, чувствуя себя ещё более несчастной, чем обычно. Эта простая сцена, когда отец сажает ребёнка на плечи, вызвала в душе бурю эмоций.

С этого дня Руслан старался делать всё возможное, чтобы завоевать Катину любовь. Все свободные дни он стал проводить с ней. Каждый раз придумывал новые развлечения: зоопарк, детский спектакль или прогулка на лошадях. Казалось, его выдумкам и новым игрушкам не будет конца. Вернувшись домой, Катя взахлёб рассказывала, где они побывали и показывала подарки. Слушая её, Дмитрий Александрович как-то заметил:

— Ума не приложу, что случилось с Русланом. Откуда такая любовь к ребёнку?

Зоя тоже удивлялась, но у неё было слишком много дел, чтобы как следует поразмыслить над этим, и она даже радовалась освободившемуся времени. Дела шли так хорошо, что они с Марьяной уже подумывали об открытии ещё одного магазина. Одежда для детей и мам пользовалась успехом — каждую новую коллекцию быстро раскупали. У них уже были постоянные покупатели, которые признавались, что Зоины вещи сделаны лучше и качественнее, чем те, что продавали на вещевых рынках. Марьяна даже предлагала придумать свой фирменный знак, но Зоя только посмеивалась.

Как-то раз, когда оживлённая и полная новых идей, она пришла с работы, то заметила, что Юра, встретивший её в прихожей, был особенно мрачен.

— Что случилось? — спросила она, останавливаясь на секунду перед большим зеркалом, чтобы полюбоваться своим отражением. Сегодня она надела новый летний костюм с короткими рукавами, который ей очень шёл. Прежде чем заказать его для магазина, Зоя решила походить в нём сама.

— Любуешься собой? — спросил исподлобья Юра.

— Вовсе нет. — Зоя села в кресло. — Просто думаю, насколько эта модель понравится покупателям. — А что ты такой печальный?

— Сегодня я столкнулся с Русланом, когда он приводил Катю домой.

— И что?

— Может и ничего. Просто я подумал, что не могу вспомнить, когда последний раз мы с тобой вместе проводили время.

— А причём здесь Руслан? Я же была не с ним, а на работе.

— Руслан напомнил мне о прошлом, и я понял, что устал тебя ревновать и добиваться твоего внимания. Я устал делить тебя с твоими близкими, Марьяной и твоим магазином. Если бы можно было взять тебя в охапку и увезти от всех, чтобы ты принадлежала только мне, и не существовало ни прошлого, ни знакомых, ни обязанностей — только ты и я.

— Юрка, это твой вымышленный мир, которого не существует.

— Ну почему же? У меня есть бабушкина квартира, в ней никто не живёт, — собирайся и поехали.

— А Катя?

— Катя останется здесь.

— Странный ты человек, — удивилась Зоя. — Неужели ты думаешь, что я могу это себе позволить? Как, по-твоему, будет чувствовать себя мать, которая бросила своего ребёнка? Ты думаешь, я буду там счастлива?

— Не думаю, — уголки Юриных чётко-очерченных упрямых губ опустились вниз. — Забудь об этом. Я просто так предложил. От отчаяния. Скажи, Зоя, а зачем я тебе нужен? Тебя постоянно нет дома, а когда приходишь, то занимаешься Катей или своими моделями. Я больше так не могу.

— Твои предложения? — спросила Зоя несколько резче, чем обычно. Последнее время Юра часто затрагивал эту тему в разговоре, и ей стало надоедать его нытьё.

— Я думаю, нам больше нет смысла обманывать друг друга, что у нас всё хорошо.

— И? — подняла брови Зоя.

Юра бросил взгляд в окно, потом на неё и решительно сказал:

— Нам нужно расстаться.

— Ну, если ты окончательно решил, — медленно сказала Зоя, ещё не веря в то, что он всё-таки произнёс эти страшные слова. — Только имей в виду: я не буду с тобой встречаться.

— Я уже это понял, ты совершенно права. В этом нет никакого смысла. Нам нужно забыть друг друга.

Зоя чуть не заплакала. Ну почему, когда у неё был такой хороший день в магазине, ему нужно было затеять этот разговор? Вот именно сегодня она совершенно не намерена успокаивать его и говорить нежности. Может, он прав, им будет лучше порознь?

— Тебе помочь собрать вещи? — нарочито холодно спросила она.

— Я уже собрал. Завтра за мной заедет Майкл на машине и отвезёт меня домой. А сейчас, если ты не против, я поеду к друзьям. — Он подошёл к ней и сел у её ног, опустив голову на её колени. — Прости меня. Я не оправдал твоих надежд. Но я больше не могу здесь жить. Было ошибкой прийти жить в твой дом.

Зоя молча гладила его по голове, перебирая его жёсткие волосы, с грустью замечая седые прядки так и не повзрослевшего ребёнка. Ему нужна совершенно другая жизнь: холостяцкая, весёлая, с песнями под гитару и ни к чему не обязывающими отношениями с девушками. Только почему же так рвётся из груди сердце и так тоскливо на душе? Ведь если с Русланом ей было легко расстаться, потому что она не любила его, то на этот раз она отчётливо понимала, что как мужчина и женщина, они были созданы друг для друга. Почувствовав её руку, Юра поднял к ней лицо: в его глазах стояли слёзы:

— Ты не сердись на меня?

— Я не могу на тебя сердиться, — она встала с кресла, чтобы перебороть желание броситься к нему в объятия и сказать, что любит его. Да, любит, несмотря на его инфантильное отношение к жизни, бесконечные выдумки и эгоизм. Но что толку от этой любви?

— Зоя!

— Уходи, нет смысла затягивать с этим, — бросила она, выходя на балкон.

Она услышала, как хлопнула выходная дверь, отозвавшись болью в измученной душе. Одна, опять одна. Да что же это такое? Ведь ей всего лишь хотелось обыкновенного женского счастья и заботы. Но видно это не её судьба. Она проводила взглядом быструю летящую походку своего мужа и на какой-то миг позавидовала ему. Он поедет к друзьям, выпьет вина, неугомонный Майкл его с кем-нибудь познакомит. А она? Уложит дочку спать и ляжет в постель, чтобы завтра проснуться и начать новый безрадостный день без любви.

В дверь тихо постучали.

— Можно к тебе? — услышала она мягкий голос бабушки.

— Да, — откликнулась Зоя, всеми силами желая крикнуть, чтобы её оставили в покое.

— Ты чем-то расстроена? — от внимательного взгляда Дмитрия Александровича не ускользнули Зоины красные глаза.

— Нет, тебе показалось.

— А куда на ночь глядя отправился Юра?

Зоя расплакалась.

— Ушёл навсегда.

— Вы поссорились?

— Нет, мы поняли, что разные люди. Ему нужны друзья, развлечения, музыка, а у меня для этого нет ни времени, ни желания.

Дмитрий Александрович погладил Зою по плечу.

— Не надо так расстраиваться, милая. Может, это и к лучшему. Я долго наблюдал за ним, он так и не смог наладить отношения с Катей, а она уже в том возрасте, когда

начинают болезненно относиться к таким вещам.

— Кому нужны чужие дети? Вон, даже родной отец не появлялся несколько лет. Что можно говорить о Юре? Не знаю, на что я рассчитывала, когда выходила замуж. Я всегда знала, что из Юрки выйдет никудышный муж.

— Ну, ничего. Ты ещё молодая женщина. Встретишь кого-нибудь более серьёзного.

Зоя вытерла слёзы.

— Конечно, встречу. Только теперь я больше не буду строить планы о совместной жизни.

Дмитрий Александрович сокрушённо покачал головой.

— Что-то у нас всё не как у людей. Это не хорошо то, что ты говоришь. Твоя бабушка не одобрила бы этого.

Зоя улыбнулась сквозь слёзы, подумав о том, что бабушка, конечно, бы сказала, что это непорядочно. Но ей наплевать. Ей нет ещё и тридцати, и она больше не позволит мужчинам манипулировать ею. Она станет холодной и жестокой.

Руслан вернулся домой в отвратительном настроении. И надо же было ему столкнуться с Зоиним одноклассником в тот момент, когда он привёл Катю домой после прогулки. Юра снисходительно кивнул ему, по-хозяйски надел тапочки и прошёл в Зоину комнату, в ту самую комнату, где они раньше жили. Руслану хотелось разорвать на части её настоящего мужа, а вместо этого пришлось вежливо попрощаться с Дмитрием Александровичем и уйти. На лестнице он в бессилии ударил кулаком в стену и разбил костяшки пальцев. Сколько ему ещё придётся это выносить? Ему не терпелось забрать своего ребёнка и уехать. Каждый раз он внимательно вглядывался в Катино лицо, радуясь, что ему не приходилось сомневаться в том, что это был его ребёнок. Катя была копией его самого в детстве. От Зои ей достался лишь вздёрнутый нос, а всё остальное — глаза, цвет волос, губы и даже смуглая кожа были его. Они быстро подружились. Он не жалел денег, чтобы баловать её, и ему доставляло удовольствие, когда она становилась требовательной и капризной. Он и сам мог в детстве добиться от матери всего, что ему хотелось, и был рад, что эти качества передались девочке.

— О чём ты думаешь? — спросила его Алла, присаживаясь на краешек дивана, где он возлегал после обильного ужина, предоставив ей исключительное право мыть посуду.

— О том, как бы поскорее свалить отсюда, — раздражённо отозвался он, не делая никакого движения, чтобы освободить для неё место. — Как идёт дело с продажей квартиры?

— Сегодня был просмотр, вроде покупателям понравилась, — вздохнула Алла. — Они готовы брать, но...

— Что значит это твоё глупое «но»? — он грубо приподнял её лицо, чтобы заглянуть в глаза.

— Руслан, я всё думаю, правильно ли мы поступаем? — жалобно произнесла она, даже не делая попытки освободиться.

— Ты что это, передумала? — закричал он. — Может, ещё сдать меня хочешь моей бывшей жене?

— Ну что ты?! Как ты мог такое подумать? — В её глазах появились слёзы. — Я просто беспокоюсь о малышке. Ей будет плохо без матери.

— А ты думаешь, ей хорошо с такой потаскушкой, как моя бывшая жена? Сегодня я

встретился с её муженьком в дверях. Так эта скотина таким взглядом меня смерила! Ненавижу Тихомировых: и мать, и дочь хороши. Я должен забрать Катю из этого проклятого дома. Ничему хорошему они её не научат.

— Ладно, ладно, не нервничай, — Алла погладила его по волосам, но он отбросил её руку и сел. — Ты это, даже не думай сомневаться. Продавай свою квартиру.

Алла окинула взглядом родные стены.

— Жалко, я прожила здесь всю жизнь.

— Да ладно тебе, что здесь жалеть?! Райончик гаденький, до метро далеко, в подъезде котами пахнет. Вот у Зойки квартира, так квартира. А это, — он сморщился, — барак для бедных.

Алла всхлипнула, сказывалось нервное напряжение. Ей так не хотелось ввязываться в эту авантюру, но одна мысль, что она может потерять Руслана, вызывала панику. Уж лучше с ним, в другом городе. Пусть даже скрываться. Она не сможет оставить его. Она не сможет остаться одна.

— Ты прав, — сказала она, доставая из кармана халата визитку. — Вот телефон. Можешь позвонить и сказать, что мы согласны.

— Вот это дело! — Руслан ущипнул её за щёку. — Мы хорошо заживём в Саратове. Там цены на квартиры ниже. Можно будет какой-нибудь магазин открыть на оставшиеся деньги.

— Как скажешь, — Алла прижалась к нему, но он оттолкнул её.

— Чего расселась? Неси телефон, звонить будем. Эта же такая канитель. А ещё надо будет выкинуть весь этот хлам, — он окинул презрительным взглядом выдавшую виды старенькую мебель.

Алла послушно вскочила и принесла Руслану телефон, а потом заперлась в ванной и дала волю слезам. Будущее пугало её, а мысль о том, что их могут поймать и посадить в тюрьму, лишала сна. И в то же время она уже хотела, чтобы всё закончилось поскорее, утешая себя, что у неё, наконец, появится маленький человечек, о котором она будет заботиться. Алла очень любила детей. Руслан принёс домой несколько Катиних фотографий, и она часто рассматривала их, пытаясь привыкнуть к мысли, что ей надо стать матерью.

В этот день Руслан пришёл за Катей, как обычно, в субботу, в одиннадцать. Он всегда приходил в одно и то же время. Можно часы проверять. Катя уже была собрана и причёсана. Руслану показалось, что в этот раз Зоя выглядела грустной. С тех пор, как Юра уехал, прошло два месяца, и сколько она ни пыталась забыть его, ничего не получалось. Да и у него тоже. Он несколько раз звонил, просил встретиться, но Зоя вешала трубку, прекрасно понимая, что это ни к чему не приведёт. Вылечить её могло лишь время или новая любовь, но она слишком разочаровалась в мужчинах, чтобы начинать новый роман. Накануне они весь вечер просидели с Марьяной, поглотив несметное количество коктейлей, чтобы поднять себе настроение. Ей даже удалось развеселиться, но сегодня все неудачи нахлынули на неё с новой силой, отягчённой похмельным синдромом. Она злилась на Руслана, что он так рано пришёл и не дал ей выспаться, и завидовала Марьяне, спокойно спавшей в её комнате.

— Что-то я хотела? — она прислонилась к стене, вспоминая, что ещё нужно дать им с собой.

Руслан посмотрел на неё, и в первый раз за эти годы испытал к ней жалость. Это последний раз, когда она видит дочь. Сегодняшний день будет для неё ужасен. Она останется в неведении, почему они не вернулись, как положено, после нескольких часов прогулки. Ему даже захотелось поцеловать Зою на прощанье. В конце концов, она родила ему дочь, которая теперь будет смыслом его жизни. Он очень привязался к Кате за последнее время, и его несказанно радовало, что дочка тоже тянулась к нему.

— Папа, а куда мы сегодня пойдём?

— Это секрет, — он улыбнулся ей. — Я скажу на улице.

— Ты не хочешь, чтобы мама знала?

Руслан посмотрел на Зою и неожиданно поцеловал её в щёку.

— Ты плохо выглядишь. Поспи, пока нас не будет.

Зоя отстранилась, его прикосновения приятнее не стали. Как жаль, что из-за дочери она не может выкинуть его из жизни. Каждый его приход не даёт забыть о прошлом. Да ещё Катя всё время рассказывает захлёб, как ей было весело. А вдруг ради Кати надо было терпеть?

— Пока, милая, — Зоя села на корточки и поцеловала, возбуждённую предстоящей прогулкой дочку.

«Последний поцелуй», — подумал Руслан, наблюдая за бывшей женой.

— Ну что, пойдём? — он протянул дочери руку, и она доверчиво ухватилась за него маленькой ладошкой.

— Пойдём, пап.

— Смотри за ней хорошенько, — на всякий случай сказала Зоя.

Руслан пристально посмотрел ей в глаза, как бы пытаясь запомнить её на всю жизнь. Вряд ли они снова увидятся. Его план слишком тщательно продуман, чтобы сорваться. Отныне сотни километров будут разделять их. Она останется в этой жизни, а он заберёт её дочь в другую жизнь, где ей не будет места.

— Ты даже не представляешь, как хорошо я буду за ней смотреть, — насмешливо сказал он, вкладывая свой смысл в обычные слова.

Зоя захлопнула дверь и прислонилась к стене. Ну что же ей так плохо? Она прошла в комнату и села на кровать.

Марьяна в кружевной Зоиной рубашке открыла глаза.

— Что там за суета такая?

— Руслан забрал Катю на прогулку.

Неожиданно Зоя расплакалась и упала на подушку. Марьяна обеспокоено приподнялась на локте.

— Зоя, ну ты что? Опять за старое? Мы же вчера решили, что ты не будешь расстраиваться из мужчин. Они этого не стоят. И даже хорошо, что Руслан забрал сегодня Катю. Неужели ты в состоянии идти с ней на детскую площадку?

Зоя всхлипнула.

— Знаешь, мне пришла в голову странная мысль. Если бы я тогда не сделала аборт, то Юрка бы тоже приходил к ребёнку по выходным. А я бы выдавала детей: одному одного, другому — другого. Я — неудачница, Марьяна. Мне не везёт в личной жизни. Может, мне не надо было разводиться с Русланом?

Марьяна погладила подругу по голове.

— Ну, перестань. Я тоже неудачница. И сколько таких неудачниц повсюду? Число разводов растёт. И не твоя вина, что тебе попадаются странные мужчины. Я уверена — у тебя всё ещё будет хорошо.

— У тебя тоже.

— У меня? — Марьяна улыбнулась. — Знаешь, я принадлежу к тем странным женщинам, которым хорошо в одиночестве. Мне нравится иногда встречаться с кем-нибудь, нравится куда-нибудь ходить. Но видеть кого-нибудь рядом постоянно?! Нет уж, увольте. Меня устраивает, что я сама себе хозяйка, а любой мужчина связывает нас по рукам и ногам, поэтому лучше держать их на расстоянии. Свидания, цветы, развлечения — пожалуйста, а их грязное бельё пусть стирает кто-нибудь другой. В тот момент, когда он переезжает к тебе с вещами, твой уютный дом превращается в ад. Не так ли?

Зоя улыбнулась.

— Ты права. Не знаю, почему я так раскисла. Самой противно. В конце концов, у меня есть Катя и любимая работа.

— Наконец-то слышу правильные слова. — Марьяна потянулась. — Голова, как чугунная. Неудивительно, что у тебя депрессия, вчера столько выпили.

— Принести тебе аспирин?

— Нет, дорогая. Лучше будь добра, приготовь нам пару коктейльчиков. Надеюсь, в твоём баре ещё что-нибудь осталось?

— Опять пить? Да ещё с утра? — возмутилась Зоя.

— Увидишь, как тебе сразу полегчает. А потом позавтракаем и посмотрим какую-нибудь комедию. Позже выйдем на улицу и пообедаем. До сих пор не могу поверить, что могу позволить с пойти в кафе. Мне всё время кажется, что у меня не хватит денег, когда принесут счёт. Как тебе мой план на выходной?

— Хороший план, — одобрила Зоя, радуясь, что ей не придётся сидеть одной и сокрушаться о том, что некуда пойти. — Но разве тебе не надо домой?

— Я не могу тебя оставить в таком состоянии. Думаю, с матерью ничего не случится, если она проведёт с внуком ещё один выходной. Позавчера я дала ей денег на новый костюм, поэтому надеюсь, она не будет слишком орать, когда я сообщу ей, что у меня много работы.

— Ты неисправимая врушка, но всё равно спасибо тебе.

— Чего не сделаешь, ради подруги! Беги за коктейлем. Без этого я не смогу разговаривать с матерью.

Зоя и Марьяна чудесно провели время. День был хороший, солнечный, и они с удовольствием прогулялись, а потом поужинали в симпатичном уютном кафе на Малой Бронной.

Вечером, когда Зоя вернулась домой, она удивилась, что Кати до сих пор нет дома. Дмитрий Александрович ходил из угла в угол.

— Не знаю, что и думать?! — сказал он. — Где столько можно гулять? Без обеда, без сна. Он совсем не думает о том, что у ребёнка должен быть режим.

— Подожди волноваться, — попыталась успокоить его Зоя, но уже сама почувствовала холодок в груди. — Они, наверно, куда-нибудь поехали. Руслан говорил о каком-то сюрпризе.

— Какой может быть сюрприз? Они ушли утром, а уже восемь часов. Они никогда так долго не гуляли. Позвони ему. Может, он увёз её к себе домой?

— Позвонить? — Зоя сжала голову руками. — Но я не знаю его телефона.

— Как не знаешь? — Дмитрий Александрович подошёл к Зое.

— Не знаю, — опустошённо повторила Зоя. — Он живёт у какой-то женщины.

— Как ты могла быть такой беспечной? Отдаёшь ему ребёнка и даже не знаешь его телефона, — рассердился Дмитрий Александрович. — Позвони его матери, в конце концов.

— Но её нет в Москве. Руслан рассказывал, что когда его сестра вышла замуж за иностранца, они уехали жить к нему на родину. Потом, когда у неё родился ребёнок, она вызвала мать к себе. Она продала квартиру и уехала навсегда. Я... — Зоя чуть не плакала, — даже не помню точно название страны, то ли Англия, то ли Бельгия. Я не очень внимательно слушала.

— Зоя! Ведь нам даже некуда обратиться, если он не вернётся.

— Этого не может быть! Всё будет хорошо! — Зоя тоже подошла к окну и встала рядом с бабушкой. — Они вернуться. Что может с ними случиться?

— Не знаю! — Дмитрий Александрович сокрушённо покачал головой. — Всё это так странно, и я почему-то не доверяю твоему Руслану.

— Он уже давно не мой. И потом, что я могла сделать? Я же не могла не разрешить ему встречаться с дочерью. Мне тоже, как и тебе, всё это не нравилось.

Дмитрий Александрович похлопал внучку по плечу.

— Будем ждать. Пойду к себе, прилягу. Что-то с сердцем нехорошо, наверно, переволновался. А ты подумай всё-таки, кому можно позвонить? Андрей Валерьевич ничего не может знать?

— Нет, Руслан не общался с отцом с тех пор, как произошла эта история. Если что, — Зоин голос задрожал, — придётся звонить в милицию.

— Давай пока подождём, — грустно сказал Дмитрий Александрович.

Зоя ушла к себе и легла на диван. Включила телевизор, пощёлкала каналы. Нашла новости, словно по новостям могли показать, почему её дочка не вернулась домой. В одиннадцать часов она уже была уверена — что-то случилось. Неужели они попали в какую-нибудь аварию? Её память услужливо рисовала страшные картины. Она проклинала себя и тот день, когда она разрешила Руслану брать Катю на прогулки.

В двенадцать ночи она заявила об их исчезновении в милицию. Ей сказали прийти завтра утром для дачи показаний и принести фотографии. А до тех пор набраться терпения и не паниковать. Она с тоской повесила трубку и взяла трубку, чтобы обзванивать больницы, как вдруг услышала сдавленный стон, доносившейся из дедушкиной комнаты. Она побежала сюда. Дмитрий Александрович с трудом дышал, хватая ртом воздух. Зоя положила ему в рот таблетку, вызвала скорую помощь и села рядом, сжимая его руку. Пульс был совсем слабый и редкий. Врачи забрали его в больницу. Зоя хотела поехать с ним, но молодой врач порекомендовал ей остаться дома и навестить его утром. К тому же она вспомнила, что у Руслана нет ключей. Она вернулась к себе в комнату и стала методично обзванивать больницы. Везде ей вежливым голосом сообщали, что пострадавших с такими фамилиями не поступало. Отчаявшись, она стала справляться в моргах, каждый раз обмирая от ужаса, называя знакомые фамилии. Уже светало, когда она закончила. Нигде. Ничего. Никаких следов, никаких зацепок. Зоя не знала, что делать. Где они? Что случилось? Ещё она безумно волновалась за дедушку. Она дала себе слово, что если Руслан вернётся здоровым и невредимым, она больше не отдаст ему Катю. Она будет ходить с ними. Она согласилась бы даже вернуться к Руслану, если бы это помогло вернуть дочь.

Утро принесло с собой новое несчастье. Позвонили из больницы, куда увезли Дмитрия Александровича. Он скончался от инфаркта в четыре часа утра. Зоя заплакала и зачем-то пошла в его комнату. Знакомый запах лекарств, его вещи, любимое старое кресло, в котором он смотрел телевизор. Её взгляд упал на его домашнюю одежду, которую он больше никогда не наденет. Комок рыданий подступил к горлу. Где взять силы вынести это? Зоя была уверена, что если бы не эта история с исчезновением Кати, дедушка был бы жив. Они с мамой боялись за него ещё тогда, после смерти Евгении Леонтьевны, но тогда ему было всего семьдесят, и он смог перенести смерть любимой жены. Тем более что вскоре к нему переехала Зоя, а потом родилась Катя, к которой он привязался. Он любил её так же, как и саму Зою, когда она была маленькой. Всегда с самозабвением играл с ней, никогда не отказывался с ней остаться, если Зое нужно было куда-нибудь уйти. Зоя не знала менее эгоистичного человека, чем дедушка. Когда к нему обращались за помощью, он воспринимал это с такой готовностью, словно только и мечтал об этом. Его любили все: сотрудники на прошлой работе, знакомые и даже бабушкины подруги. У него не было врагов. На его столе Зоя нашла записку, написанную мелким каллиграфическим почерком. Расписание электричек на дачу. Больше он уже никогда не поедет на дачку, как он её ласково называл. Дмитрий Александрович любил возиться в саду и радовался, когда ему удавалось собрать приличный урожай клубники для них с Катей. Зоино сердце снова сжалось. Где же Катя?

же так произошло, что я потеряла их двоих? Внезапно она вспомнила, зачем пришла в дедушкину комнату. По телефону ей сказали, что она должна принести костюм, в котором он должен отправиться в последний путь. В последний путь. Это так грустно. Она смахнула мешавшие слёзы и открыла дверь шкафа. В шкафу в строгом порядке висели дедушкины вещи. К сожалению, Зое его аккуратность не передалась. Она почему-то всё разбрасывала, словно спешила куда-то. Она выбрала коричневый костюм, кажется, дедушке он нравился больше всего. После выхода на пенсию Дмитрий Александрович продолжал следить за тем, чтобы его внешний вид оставался опрятным. Зоя всегда улыбалась, наблюдая, что отправляясь за хлебом, он надевал галстук. Она аккуратно уложила его вещи в большой

пакет и только тут вспомнила, что до сих пор не позвонила маме. Не хотела её волновать раньше времени, надеялась, что Катя найдётся. Она вздохнула и подошла к телефону. Она поговорит с мамой и пойдёт в милицию. Ей надо написать заявление. Да, вчера ей сказали, что надо принести Катины фотографии. Она открыла альбом и при виде улыбающейся родной мордашки дочери снова заплакала. Катя, милая, где ты? Ты не можешь покинуть меня! Какая она была глупая, что ещё вчера, когда ещё два родных человека были рядом, переживала из-за того, что её личная жизнь не задалась. Сейчас она бы дала обещание вообще никогда не встречаться с мужчинами, если бы это помогло вернуть дочь и дедушку. Она взяла несколько последних фотографий Кати и перецеловала каждую из них, прежде чем убрать в сумку. В укромном уголке, куда она надеялась не залезет Юра, в старом альбоме нашлась фотография Руслана.

Катя спала на заднем сидении автомобиля, подложив под щёчку кулачок. Во сне она улыбалась. Алла то и дело оборачивалась и смотрела на неё. Катя сразу понравилась Алле, возможно ещё и потому, что была очень похожа на её любимого Руслана, и сейчас она испытывала угрызения совести, из-за того, что они выкрали её у матери, насильно разлучив с привычным окружением и родным городом. Сможет ли она, Алла, так долго мечтавшая о ребёнке, заменить ей мать? И получится ли у них та семья, которую обещал Руслан? Алла много раз задавала вопрос — зачем она решилась на преступление? Из-за любви к Руслану или из-за чего-то другого? Но только сейчас поняла: это произошло из-за того, что она по-прежнему верила в мечту о семейном счастье. А без детей ведь нет счастья, даже рядом с любимым человеком. И вот сейчас, когда Катя мирно посапывала у неё за спиной, у неё создалась иллюзия того самого счастья. Она бросила взгляд на Руслана. Интересно, испытывает ли он такие же чувства или просто доволен, что смог отомстить ненавистной жене?

— Руслан, — спросила она шёпотом. — Ты счастлив?

Он оторвал напряжённый взгляд от дороги и покрутил пальцем у виска.

— Ты что, дурёха? Я устал, как собака, а до Саратова ещё триста километров. Придётся остановиться на ночлег. Эта старушка развивает слишком маленькую скорость, чтобы доехать в один день.

Старенькие Жигули первой модели были куплены специально для поездки в Саратов. Сразу по прибытии Руслан собирался продать их на запчасти. Потом он купит другую машину, гораздо лучше. Ведь у них после покупки двухкомнатной квартиры в Саратове осталось ещё много денег, цены на жильё там были намного ниже.

— А это не опасно останавливаться? — испугалась Алла.

— Я бы с удовольствием поменялся бы с тобой местами, если бы ты не была такой бестолковой и могла бы вести машину, хотя бы по прямой. Но ты даже для этого не создана.

Алла вздохнула. Управление автомобилем, переключение передач и лавирование среди потока машин казалось ей делом чрезвычайной сложности.

— Я понимаю, милый, тебе нужнее отдых, но Катя так хорошо спит.

— Ничего, поспит в мотеле. Я устал, глаза болят от встречных фар. К тому же я хочу выпить.

— Когда ты планируешь рассказать всё Кате?

— Когда проснётся, — буркнул Руслан, припарковываясь у придорожного мотеля.

Катя открыла глаза сразу, как только остановились и села на сидении.

— Папа, где это мы?

— Мы путешествуем, — бодро сказала Руслан. — Сейчас пойдём в кафе. Ты, наверно, проголодалась?

— Нет, — Катя пыталась что-то разглядеть за тёмным окном.

— Тогда я куплю тебе мороженое.

— А когда ты отвезёшь меня домой?

Руслан промолчал, сделав вид, что занят, Алла повернулась к ней.

— Ты хорошо поспала?

— Да, — Катя тёрла маленькими ручонками глаза.

— Давай ручку, Катюша, — Руслан открыл заднюю дверь и взял девочку на руки, бросив Алле ключи. — Запри машину. Мы пойдём в кафе. Тебе понравилось кататься?

— Да, здорово. — Он отпустил её на землю и присел перед ней на корточки. — Ведь ты всегда хорошо проводишь с папой время, правда?

— Да. А когда мы поедём к маме?

— Я должен сказать тебе одну вещь, — Руслан убрал её выбившиеся из косы волосы. — Мы ещё не скоро поедём домой. Твоя мама очень занята, и у неё нет для тебя времени.

— Мама всё время занята, — капризно топнула ножкой Катя. — Но я хочу домой. Мне надоело ехать в этой машине.

— А мы больше и не поедём сегодня, — сказал Руслан примиряющим тоном. — Только завтра. А сегодня мы пойдём ужинать, а потом ляжем спать. Ты, наверно, устала?!

— Я не хочу спать, — заявила Катя и заметив приближающуюся Аллу спросила: — Зачем ты взял её с нами?

Руслан от удивления не знал, что ответить, а потом пробормотал:

— Тётя Алла будет заботиться о тебе.

Алла подошла к ним и с тревогой взглянула в лицо девочки, пытаясь угадать: сказал он ей или нет.

Пока Катя в кафе разглядывала витрину, Алла шёпотом спросила:

— Как она это восприняла?

— Я сказал, что она пока проведёт время с нами, — шёпотом ответил Руслан.

— Ну, может это к лучшему, — с облегчением согласилась Алла, и они занялись выбором ужина. Катя ела плохо, ковыряла вилкой в тарелке и канючила. Руслан даже прикрикнул на неё. Алла обеспокоено наблюдала за девочкой, пытаясь угадать, что творится в маленькой головке. Потом они заплатили за трёхкомнатный номер в мотеле, и Алла стала укладывать Катю спать.

— Мама читала мне на ночь книжку, — заявила она, глядя на взрослых своими большими карими глазами, в которых не было и тени сна.

— Но у нас нет книжки, — растерянно ответил Руслан.

— Тогда я не буду спать, — заявила она, слезая с постели и пытаясь обуться.

— Ложись, ложись, — Алла поспешно сняла с неё ботинок. — Я расскажу тебе сказку, — она присела на краешек кровати. — Закрывай глазки и слушай.

Алла вспомнила сказку о принцессе на горошине, и хотя Катя заявила, что знает эту сказку, она всё-таки устроилась под одеялом.

После принцессы на горошине, последовала сказка о гадком утёнке, потом о голом короле и только, когда Алла начала рассказывать ей про Белоснежку, она заметила, что девочка заснула. Некоторое время она с умилением наблюдала за ней. Удивительно красивая девочка, но какая капризная и свевольная. Им придётся тяжело. Убедившись, что она крепко заснула, Алла осмелилась погладить её по тёмным волосам. Руслан лежал на постели с открытыми глазами, глядя в потолок.

— Ну, как? Освоилась с ролью мамы? — поинтересовался он.

Алла кивнула.

— Мне она нравится. Она милая и так похожа на тебя. Но судя по тому, сколько раз она вспоминала маму за сегодняшний день, Катя очень к ней привязана.

— Ничего, забудет. Она ещё маленькая. Через пару месяцев будет тебя мамой называть.

Алла улыбнулась. Неужели возможно такое счастье?! Она посмотрела на спящую Катю и перевела глаза на Руслана. Да, всё правильно и прочь все сомнения — теперь они станут настоящей семьёй. Она умылась над раковиной, тихо разделась и легла рядом с Русланом. Ей долго не удавалось заснуть. Она думала о Зое. Где-то там, в Москве, она мучается потому, что не знает где её ребёнок. Она представила, как эта красивая и уверенная женщина в слезах мечется от окна к окну, не зная, что думать. Ей, конечно, жаль Зою, но зачем она так поступила с Русланом? Такого мужчину надо держать обеими руками. Разрушить семью, оставить ребёнка без отца?! Всё это не укладывалось у Аллы в голове. Она вспомнила своё детство. Её отец, частенько напивался, и поколачивал их обеих, но мать никогда не жаловалась. Это от неё Алла переняла покорность и готовность жертвовать собой. Мужчина — вот кто главный в семье, его надо всячески улаживать. Иначе — уйдёт к другой, это она крепко усвоила. Одиноких женщин гораздо больше, чем мужчин. Здесь не поможет ни красота, ни ум. Её мать панически боялась развода и была готова на любые унижения, только бы отец остался. Возможно, это было из-за того, что мать никогда нигде не работала и останься они одни, не знала бы как устроиться с её восемью классами образования. Алла вздохнула. В голову поползли совсем не те воспоминания. Когда Алле исполнилось четырнадцать, мать заметила, что отец начал поглядывать на её наливавшееся тело с вожделением. Как-то один раз прижал её в углу, задрал юбку и долго трогал. Она испугалась и рассказала матери. Та велела ей молчать и не сопротивляться отцу.

— Мама, но я не хочу так. Я хочу любви, — вскрикнула Алла, но мать больно ударила её по лицу.

— Ты думаешь только о себе. Любви ей захотелось?! Если ты ему откажешь, он может бросить нас, и мы умрём с голоду. Всё равно потом будешь этим заниматься. Так что здесь плохого, если отец будет первым?

Алла ушла в комнату и упала на диван. Она рыдала так долго, ненавидя себя, свою мать и своё развивающееся тело. Мама тихо вошла в комнату и села на краешке кровати. Долго гладила Аллу по волосам, пока та не уткнулась ей в колени.

— Мамочка, ну я не хочу. Спаси меня от этого.

Глухой голос матери показался незнакомым, когда она призналась о том, что врачи нашли у неё рак матки, и жить ей осталось не так уж и долго. О том, чтобы пойти на работу и речи быть не может, она уже чувствует себя плохо. А ещё понадобится много денег на лекарства и больницы. Алла прижалась к матери, и они обе долго плакали. Когда вечером отец пришёл к ней в комнату, Алла не стала сопротивляться. Что такое её тело? Она немножко потерпит, зато у мамы будут деньги на лекарства. А то, что с ней сделал отец, она забудет. Забудет быстро.

Быстро забыть не удалось. Отец вошёл во вкус и стал приходить к Алле каждую ночь и делать это всё более грубо. Он понял, что дочь будет молчать. Иногда даже давал ей денег за хорошее поведение, как он это называл, чтобы она купила себе что-нибудь. Алла отдавала деньги матери. У неё было одно единственное желание, хоть как-нибудь оправдать своё

появление на свет, родители сумели внушить ей, что она страшная обуза для них. Она терпела и плакала, когда никто не видел, и всячески ненавидела себя, свою развивающуюся женственность. Она мечтала быть худым, угловатым подростком, на которого бы отец даже не взглянул. Но к её великому сожалению она оставалась симпатичной, развитой девушкой, на которую поглядывали ребята. Но теперь она считала себя слишком грязной, слишком испорченной, чтобы позволить себе кокетничать с ними, как другие девчонки. Когда мать умерла, она ушла из дома. Ей удалось найти работу и жильё, и какое-то время она просто была счастлива, что не просыпается от мерзких прикосновений отца. Она бы так и не вернулась домой, если бы случайно не встретила соседку, которая рассказала, что её мучителя убили в пьяной драке, и ей срочно нужно вступить в наследство. Только тогда она осмелилась переступить порог ненавистной квартиры. Ещё долго здесь ей снились кошмары, как отец насилует её. Осознав, что она не сможет здесь жить, она обратилась в агентство и поменяла квартиру на другой район.

Алла вытерла выступившие слёзы. От вспыхнувшей жалости к себе и пережитого волнения, заснуть не удавалось. Она задремала лишь под утро и проснулась от всхлипываний. Девочка расплакалась, не сразу поняв, где находится. Алла подошла к ней, дала лимонаду и долго сидела рядом, пока та снова не заснула. В восемь часов проснулся Руслан и объявил, что пора ехать. Алла решила, что поспит в машине, пока они будут ехать до Саратова.

После похорон Дмитрия Александровича у Зои началась депрессия. О Кате до сих пор не было никаких новостей, словно выйдя из дома в то роковое субботнее утро, её дочь вместе с Русланом, провалились сквозь землю. Все эти дни Зоя держалась только на успокоительных таблетках, которыми её в изобилии пичкала Марьяна. Они закрыли магазин на несколько дней, и её преданная подруга не оставляла её ни на минуту. От Дианы Дмитриевны было мало толку: после всего пережитого она слегла в постель с нервным расстройством и не могла помочь своей дочери, которая, то занималась организацией похорон, то бегала в милицию, давая показания.

— Ну, не могли же они исчезнуть! — в сердцах воскликнула Зоя, когда она рассказывала Марьяне о посещении следователя.

— Конечно, нет, — горячо воскликнула Марьяна. — Должен быть какой-то след, какая-то ниточка.

— Должен быть, но посмотри, что получается. Сестра Руслана вышла замуж и забрала мать к себе. Следователь установил, что они проживают в Германии. Последний раз Надежда Ивановна разговаривала с ним две недели назад. Он проживал в квартире своей гражданской жены Аллы Вороновой. Свекровь дала адрес. Квартира уже продана, а сама Алла выехала в неизвестном направлении. Покупатели, которых допрашивал следователь, утверждали, что ни разу не видели никакого мужчины, ни при просмотре квартиры, ни пока шло оформление документов. На их вопрос, почему Алла продаёт квартиру, она ответила, что врачи рекомендовали ей сменить влажный московский климат. Это всё, что он смог мне сообщить.

— Скажи, а на работу Руслана он обращался?

— Да, конечно. — Зоя вздохнула. — И здесь неудача. Руслан уволился два месяца назад. И они тоже ничего не знают, где он может находиться. Но его начальник подтвердил, что ранее он связывался с ним по домашнему телефону Аллы Вороновой.

— Которая почему-то уехала в неизвестном направлении, — закончила за неё Марьяна. — Круг замкнулся. Надо искать Аллу.

— Они проверили списки пассажиров всех поездов и самолётов за последний месяц. В этих списках нет ни её, ни Руслана.

— Но это же странно, — нахмурилась Марьяна. — Она же собиралась ехать на юг.

— Возможно, она передумала.

— Продала квартиру и осталась в Москве? Или купила в другом месте?

— Не знаю, Марьяна, — глаза Зои наполнились слезами. — У меня от бесконечных терзаний, зачем я отпустила с ним Катю, голова идёт кругом, и я не могу нормально соображать. — Давай выпьем водки. Твои успокоительные я больше пить не буду.

Марьяна покорно вышла на кухню, чтобы организовать закуску. Когда она вернулась с бутербродами и наскоро приготовленной яичницей, Зоя уже открыла бутылку и наполнила две хрустальные стопки.

Девушки выпили, не чокаясь. У обоих было тяжело на душе. Марьяна с грустью смотрела на подругу. За несколько дней Зоя превратилась из цветущей молодой женщины в

женщину неопределённого возраста. На её лице больше не было косметики, волосы, поседевшие на висках, были гладко зачёсаны в хвост. Вокруг рта залегли две скорбные складки, а в глазах застыло горе.

— Ты поешь, Зоя, — Марьяна подсунула ей бутерброд. — Так нельзя. Тебе нужны силы.

— Зачем? Я бы хотела умереть, — Зоя налила себе ещё рюмку водки и выпила залпом. — Если раньше я могла себя успокаивать, что у меня не задалась личная жизнь, но есть ребёнок, то сейчас у меня нет такого утешения.

— Не говори так, Катя найдётся.

— Если бы это было так, они бы уже нашлись. Пропавшие без вести не возвращаются. Позже находят их трупы. Знаешь, — Зоя вытерла струившиеся по щекам слёзы, — каждый день боюсь, что меня попросят приехать на опознание в морг. Мне кажется, если я увижу мою девочку мёртвой, я сразу умру на месте.

— Перестань. Хочешь, я скажу тебе, что думаю.

Зоя безучастно посмотрела на Марьяну.

— Ну, говори.

— Мне кажется, что Руслан украл её.

— Украл? — громко переспросила Зоя. — Этого не может быть. Зачем ему это?

— Ну, это, конечно, не точно, — сказала Марьяна, внезапно испугавшись своих слов. — Но я почему-то склоняюсь к этой версии. Она самая правдоподобная. Смотри сама. Насколько я знаю, твой бывший муж никогда не отличался спокойным нравом. Когда он узнал об отношениях ваших родителей, он набросился на своего отца с ножом и хотел убить его. Это говорит о нём, как о человеке злом и неуравновешенном. Потом ты разводишься с ним и выгоняешь его из дома, оставляя себе ребёнка. Он чувствует себя обманутым. Жизнь обошлась с ним несправедливо. Он решает забыть вас и выкинуть из жизни. Так?

Зоя кивнула.

— Его нет четыре года. Как он живёт это время? Наверно, не очень хорошо, если работает обычным милиционером. Ты за это время успеваешь открыть свой магазин. Он заходит туда случайно и видит, что у его бывшей жены всё хорошо, в отличие от него, она преуспевает. Он затаивает обиду. Потом встречает вас вчетвером на прудах. Его самолюбие оскорблено. Ты замужем за своим бывшим одноклассником, и он мог подумать, что за время вашей совместной жизни ты обманывала его. А, кроме этого, его отец, которого он всегда ненавидел, держит под руку твою мать. Это означает, что они по-прежнему вместе. Вы вчетвером являете чудную картину двойного семейного счастья, в то время как он полностью этого лишён. Эта Алла ему совершенно безразлична, судя по тому, как он с ней разговаривал в магазине. Руслан понимает, что ты сделала его, и у него вполне может возникнуть желание отомстить. А как можно отомстить? Отняв у матери самое дорогое и заставив её испытать всю боль от потери единственного ребёнка.

Какое-то время Зоя не могла вымолвить ни слова.

— Руслан не мог так поступить. Он любил меня когда-то.

— Проснись, Зоя, — закричала Марьяна. — Он любит тебя до сих пор, и ревность могла побудить его украсть Катю.

— Ладно, допустим. Но зачем ему Катя? Он же понимает, что я заявила в милицию и их ищут. Рано или поздно их найдут, если это так.

— Никакой преступник не рассчитывает на то, что его поймают. Все считают себя самыми умными. Сколько у нас нераскрытых преступлений? К тому же не забывай, Руслан

работал в милиции, и знает тонкости. Ему легче, чем другому сделать себе поддельный паспорт.

— Предположим, ему удалось всех провести и скрыться. У него на руках маленький ребёнок, о котором нужно заботиться. Зачем ему это? Ему нужно работать, а он вынужден прятаться.

— Этого я не знаю, — Марьяна взяла в руки рюмку и выпила. — Здесь моя версия заходит в тупик. Зачем ему Катя? Возможно, он хочет вырастить её сам. Возможно, он рассчитывает на Аллу. Не забывай, Алла продала московскую квартиру, и если он с ней, у него сейчас много денег, чтобы подкупить кого угодно. Они вполне могут уехать из Москвы в любой другой город и затеряться там со своими поддельными паспортами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А зачем это Алле?

— На этот вопрос у меня тоже нет ответа. Всё это просто мои предположения. Но на твоём месте я бы озвучила их в милиции.

— Ты хочешь, чтобы я заявила на него, как на похитителя моего ребёнка?

— Нет, я просто хочу, чтобы они отработали эту версию. Как ты думаешь, в какой город мог поехать Руслан, если бы хотел уехать из Москвы?

Зоя задумалась.

— Наверно, куда-нибудь на Дальний Восток. Он там вырос.

— Вряд ли, — махнула головой Марьяна. — Слишком рискованно ехать на другой конец страны. Это должно быть не очень далеко. Так, что бы можно было доехать на машине.

— На машине?

— Ну, если их фамилий нет в списках пассажиров, значит, они уехали на машине. Это самый хороший способ передвижения, если не хочешь показывать документы. Гаишникам достаточно дать денег, и они на всё закроют глаза.

— И всё-таки я не верю в это, — с отчаянием выдохнула Зоя. — Это же, как нужно ненавидеть человека, чтобы так поступить.

Марьяна откинулась на спинку кресла. Сейчас и ей самой её версия показалась ужасной. Наверно, она читает слишком много детективных романов. Она грустно посмотрела на Зою.

— Зоя, мне нужно ехать. Звонила мать, она устала одна.

— Иди. Я допью бутылку и лягу спать.

— Лучше не допивай. Тебе будет плохо завтра.

— Хуже не будет. Я боюсь, что мне позвонят и...

Словно в подтверждении её слов, зазвонил телефон. Зоя замерла на месте.

— Я не могу подойти. А вдруг это звонят из морга? — Зоя затравленно смотрела на телефон. — А вдруг Катю нашли убитой?

Марьяна вскочила и быстро сняла трубку. Сказав несколько слов, она зажала трубку рукой.

— Это Юрка. Будешь с ним разговаривать?

Зоя отрешённо покачала головой. Зачем он звонит? Он остался в прошлой жизни. Сейчас ей никто не нужен.

— Юра, она сейчас не может с тобой говорить, — осторожно сказала Марьяна.

— Марьяна, дай ей трубку. Я тебя умоляю. Я встретил Андрея Валерьевича, он рассказал и про Катю, и про Дмитрия Александровича. Мне хочется помочь Зое.

— Где ты был раньше?

— Я виноват... Пожалуйста, Марьяна.

Марьяна посмотрела на безучастную ко всему Зою, которая сидела, забившись в кресло.

— Зоя, он настаивает.

Зоя подошла к телефону.

— Слушаю тебя.

— Зоя, милая.

— Юра, — она вздохнула, — не звони мне больше. Я тебя прошу. У меня нет сил разговаривать с тобой. Мне не нужны твои утешения, так же как и ты сам. Той Зои, которую ты знал, больше нет.

Она повесила трубку.

— Может, было бы лучше, если бы он приехал? — спросила Марьяна, не решаясь оставить подругу одну. Она представляла, как Зоя будет ходить по квартире, перебирать знакомые вещи близких ей людей, которых она потеряла одновременно. Её сердце сжалось. Она была бы рада, если бы хотя бы Перепёлкин побыл с Зоей. Ей так нужна поддержка.

— Я должна пережить это одна, — Зоя серьёзно посмотрела на подругу. — Пойдём, я тебя провожу. Завтра открывай магазин, иначе растеряем всех покупателей. Это будет лучше, чем сидеть со мной и страдать. Жизнь продолжается.

— А что будешь делать ты?

— Я? — переспросила Зоя. — Не знаю. Ты обойдёшься без меня несколько дней?

— Конечно, — Марьяна поцеловала Зою в щёку и вышла в прихожую.

Закрыв за Марьяной дверь, Зоя прошла к столу и снова налила себе водки. Алкоголь притуплял боль. Она вспомнила о Юркином звонке, что теперь ему больше не к кому её ревновать. Она осталась совершенно одна.

Зоя не вышла на работу ни через неделю, ни через месяц. Когда она убедилась, что нет никаких сведений, где её дочь, она полностью утратила интерес к жизни. Целыми днями лежала на диване, глядя в потолок, поглощая алкоголь в огромных количествах, чтобы приглушить боль. В её комнате работал телевизор, но она мало интересовалась происходящим на экране. Рядом с ней валялись альбомы с фотографиями, и она всё время их рассматривала. Она то плакала, то молилась, то просто вспоминала. Иногда вставала с постели, чтобы сходить в ближайший магазин на Малой Бронной за очередной бутылкой, радуясь, что у неё есть деньги. Ещё в той жизни откладывала на машину. Зоя усмехнулась. Зачем ей машина, если ей уже тяжело спуститься по лестнице? Она похудела, подурнела и мало напоминала ту красивую уверенную женщину, которой была до этого. Настал последний момент отчаяния, после которого она перестала ежедневно звонить следователю. Она сходила ещё за бутылкой водки и попыталась себя убедить, что Кати больше нет. Убедить не получилось, какая-то часть незатуманненого алкоголем сознания, продолжала надеяться, и только это заставляло её подходить к телефону. Ей приходилось делать над собой усилие, чтобы язык не заплетался. К счастью, Диана Дмитриевна звонила редко, в основном это была неугомонная Марьяна. Зоя каждый раз просила оставить её в покое и говорила, что ей нет дела до магазина и всего остального. Всё это время Марьяна была так занята, что просто физически не могла выкроить время, чтобы зайти к подруге, хотя бы на

час. Игорёк подхватил ветрянку, магазин грозилась закрыть, уволились две продавщицы, и Марьяна с большим трудом справлялась со всем этим одна. Конечно, она надеялась, что Зоя придёт в себя, но после того, как подруга перестала отвечать на телефонные звонки, Марьяна бросила всё и побежала на Малую Бронную.

Прошёл месяц, как они не виделись. Марьяна с трудом признала в этой неухоженной женщине с сальными волосами свою подругу.

— Проходи, — предложила Зоя, увидев её на пороге. — У меня ещё осталась водка.

Марьяна прошла в полутёмную затхлую комнату и решительно раскрыла шторы и дверь на балкон. Яркий солнечный свет и морозный воздух ворвались в гостиную, выветривая пары алкоголя и отчаяния. Зоя закрыла лицо руками и скрючилась на диване.

— Я понимаю, что у тебя горе. Но всё равно, надо как-то попытаться жить с этим. Посмотри, на улице солнце — жизнь продолжается.

Зоя отвернулась от окна и обхватила себя руками.

— Жизнь может продолжаться, но я не хочу в этом участвовать.

Марьяна решительно схватила стоящую на столе бутылку и вылила в раковину. Потом она взяла швабру и стала убираться в квартире. Зоя горько усмехнулась.

— Ты можешь убираться, а я пока схожу в магазин.

Она накинула пальто на халат и встала перед зеркалом, чтобы причесаться. Не может быть, чтобы это была она. Зоя отложила расчёску и взгляделась в зеркало. Такие одутловатые лица она видела только у бомжей на помойке. Интересно, куда же подевалась вся её красота. Но потом махнула рукой, подумав, что это уже не важно.

— Ну и как тебе нравится, что ты видишь? — спросила Марьяна, подходя к ней.

— Какая разница, — сморщилась Зоя и попыталась засунуть ноги в туфли.

— Зоя, на улице выпал снег, — сказала Марьяна. — Ты этого даже не заметила. И, пожалуйста, не ходи ты за бутылкой.

— Мне нужно выпить, — заявила Зоя, решительно засовывая распухшие ноги в туфли. — И ты не сможешь мне помешать.

— Ладно, хорошо, — сдалась Марьяна. — Если это так необходимо, мы выпьем вместе, но не здесь, а пойдём в кафе.

— В кафе? — Зоя снова подошла к зеркалу. — Но в таком виде меня вряд ли пустят на порог.

— Позволь мне привести тебя в порядок?

— Ладно, только поскорее. Голова разламывается.

Марьяна грустно посмотрела на подругу. Необходимо вытащить её из этого омута пьянства. За это время Зоя основательно подседа на алкоголь. Марьяна не осуждала её, Зоя справлялась со своим горем, как могла. Кроме того, рядом с ней не было ни одного человека, который бы мог её поддержать. Если так будет продолжаться дальше, ей скоро придётся лечиться от алкоголизма. Марьяна взяла в руки щётку и стала расчёсывать Зоины спутанные волосы. На висках после пережитого появилась седина. А ведь ей ещё нет и тридцати. Марьяна вспомнила, что в её сумке лежала краска, которую она купила для себя. Последнее время она красила русые волосы в более светлый цвет. Она посмотрела на Зоино лицо и решила попробовать.

— Ты не возражаешь, если я изменю твой цвет волос? — спросила она у Зои, безучастно глядевшей перед собой.

— Мне всё равно, если это будет быстро.

— Я постараюсь.

Марьяна быстро смешала краску и аккуратно нанесла на Зоины волосы. Потом приложила холодные компрессы из чая, чтобы снять отёчность с глаз и увлажняющую маску на лицо. Зоя не противилась. Пока она лежала, Марьяна занялась её обгрызенными ногтями.

Менее чем через час, перед Марьяной предстала другая женщина. Тональный крем и румяна скрыли болезненную бледность, косметика подчеркнула выразительные немного припухшие глаза, а светло-золотистые локоны обрамляли осунувшееся лицо. Потом она выбрала для Зои чёрный брючный костюм и велела ей переодеться.

— Теперь ты можешь подойти к зеркалу, — сказала Марьяна, проводя щёткой по Зоиным волосам. — И только попробуй не оценить моих трудов.

Зоя подошла к большому зеркалу в прихожей и чуть не ахнула. Отражение казалось незнакомым. Марьяна изменила цвет волос и макияж, а пережитое горе выражение лица и озорных глаз. Из зеркала на неё смотрела блондинка с печальным взором. Чёрный костюм подчёркивал стройную фигуру и прекрасно гармонировал с цветом волос. Просто удивительно, но она снова стала красивой.

Зоя грустно улыбнулась и поцеловала Марьяну.

— Спасибо. Тебе удалось невозможное. Наверно, теперь тебе не стыдно будет пойти со мной в кафе?

— Я хочу большего, чем просто пойти с тобой в кафе. Мне бы хотелось вернуть тебя к жизни.

В глазах у Зои предательски блеснули слёзы.

— Но я не хочу жить! — отчаянно замотала она головой.

— Не плакать! — строго сказала Марьяна. — Ты испортишь все мои труды, и мы не сможем выйти. Лучше одевай пальто. Да не это, Зоя, на улице уже зима.

— Зима? — Зоя растерянно стояла с плащом в руке. — Ты хочешь сказать, что с тех пор как Катя исчезла, прошло столько времени?

— Просто резкое ухудшение погоды. — Марьяна достала из шкафа тёплое пальто, и девушки вышли на улицу. Перед детской площадкой на прудах Зоя остановилась. Весёлые малыши, как ни в чём не бывало, катались с горки и висели на качелях, а их счастливые родители внимательно за ними наблюдали.

— Не могу поверить, что больше никогда не приду сюда с Катей, — пробормотала Зоя.

Марьяна ухватила её за локоть.

— Пойдём. Катя вернётся.

Зоя послушно двинулась за подругой. Знакомые места причиняли одни мучения. Пока они шли по аллее скверика, в голове у Марьяны родилась спасительная мысль. Зое нужно уехать. Уехать из родного города и бередящих душу воспоминаний. Она не сможет оправиться здесь. Но Зою недостаточно отправить на отдых, её нужно чем-то занять, чтобы у неё не оставалось ни времени, ни сил думать о том, что произошло. Мозг Марьяны работал так напряжённо, что она не заметила, как они оказались перед знакомым кафе.

— Пойдём сюда? — тихо спросила Зоя.

— Да, конечно. — Марьяна толкнула тяжёлую дверь, и они оказались в полупустом кафе. Приглушённо играла музыка. Они выбрали столик у окна и сели. Официант принёс

коктейли. К этому времени в голове у Марьяны уже созрел план.

После добровольного заточения Зоя с болью наблюдала за окружающим миром, который не изменился. По улицам по-прежнему ездили машины и торопились прохожие. Светило солнце, и зима наступала на пятки осени. Всё это уже было когда-то. Мир остался таким же, и в то же время полностью изменился. В нём не было Кати, её капризной девчушки, которая удивительным образом давала ей понять, что жизнь совершенна, а каждый новый день прекрасен. Она так привыкла подчинять свою жизнь этому маленькому существу, что сейчас совершенно не знала, что делать.

— Я хотела поговорить с тобой. — В добрых глазах Марьяны отражались её боль и сочувствие. — Я всё понимаю, но всё же, — она погладила руку подруги, — тебе придётся жить дальше. То, что ты делаешь с собой сейчас, невозможно продолжать. Ведь ты же не хочешь, чтобы Катя нашла свою маму в клинике лечения алкоголиков?

— А если она не найдётся? Прошло столько времени и нет никаких известий.

Марьяна опустила глаза, разглядывая причудливый узор скатерти. Потом заставила себя взглянуть в глаза подруги.

— Хорошо, давай поговорим об этом. Даже если предположить, что Катюшки уже нет в нашем мире. Она есть где-то ещё. Мы умираем для этой жизни, но это не значит, что мы мертвы на самом деле. Я читала, что к душам маленьких детей на том свете относятся очень заботливо, и они быстро возвращаются в этот мир в другом воплощении, чтобы продолжить то, что не смогли закончить. Возможно, всё это не очень реально и малоутешительно для тебя, но я просто убеждена, что с Катей всё хорошо, и вы обязательно встретитесь. Но это может произойти не так скоро, как ты думаешь, а пока ты должна жить. Жить нормальной полноценной жизнью, а не существовать в алкогольном дурмане.

— И как ты думаешь, для чего я смогла бы жить?

— Ты очень талантлива. Вспомни, с каким удовольствием наши клиенты носили твои модели. Конечно, ты можешь сказать, что у тебя нет сил заниматься такой ерундой, как мода. Но всё же ты должна пересилить себя и снова начать. Только на другом, более высоком уровне. Тебе нужно ехать учиться у известных модельеров. Посмотри, сейчас всё приходит с запада. В нашей стране полный развал, и пока этим не занялись другие, ты должна построить свою империю моды.

Зоя слабо улыбнулась.

— Кажется, мы это уже обсуждали. Ты хочешь, чтобы я построила свою империю Перепёлкиной?

— Ты можешь взять любое другое название, это сейчас не важно. Важно решиться.

— И куда ты считаешь, я должна поехать?

— В самый центр моды, в Париж! — выдохнула Марьяна.

— Ты с ума сошла. Я ни разу не была за границей. Я даже не знаю, сколько это стоит, да и мои знания французского оставляют желать лучшего.

— Деньги! Я думала об этом. Конечно, ты можешь считать, что я говорю нечто кощунственное, но ты могла бы переехать из твоей шикарной квартиры в другую поменьше, а на оставшиеся от продажи деньги поехать учиться. А пока ты занимаешься всеми этими делами, ты могла бы подучиться французскому с преподавателем или на курсах. Главное — принять решение, а как это осуществить, всегда можно придумать.

Когда Марьяна высказывала своё предложение, она была уверена, что Зоя примет его в штыки, но она отнеслась к этому вполне серьёзно. Какое-то время они молчали, и Зоя рассеянно смотрела в окно, что-то напряжённо обдумывая. Через какое-то время она снова повернулась к Марьяне.

— Возможно, в этом есть свой смысл. Я сама себе противна. Мне даже не придётся продавать квартиру. У бабушки остались старинные бриллианты. Хватит на первое время. А когда я уеду, квартиру можно сдать. — Её глаза снова увлажнились. Если Катя вернётся, она вернётся домой.

— Ну, вот видишь, — обрадовалась Марьяна. — Давай займёмся этим.

— А как же ты?

— А что я?! Я думаю, что справлюсь одна с магазином. В конце концов, буду заказывать модели по журналам мод, а не по твоим эскизам. Зато, когда ты приедешь, мы сможем открыть свой дом моды.

— И ты веришь, что я смогу чего-нибудь добиться? — неуверенно спросила Зоя.

— Я уверена в этом. У тебя большой талант, но если ты не поедешь учиться, ты останешься всего лишь любителем, а я хочу, чтобы ты стала профессионалом. И чтобы женщины, одевая твои платья, чувствовали себя счастливыми. Ты знаешь, какое значение имеет одежда и как важно хорошо выглядеть. Ты можешь подарить всем женщинам это счастье — чувствовать себя по-королевски в одежде, которую ты придумала.

Зоя молчала, но Марьяна видела, что ей удалось пробудить в ней желание действовать. А это уже была большая победа.

— Хорошо, — Зоя подняла бокал, — Давай выпьем за то, чтобы твои слова превратились в реальность. Мне действительно очень бы хотелось сделать что-то стоящее в моей жизни. А здесь, в Москве, я схожу с ума. Спасибо тебе за всё. Ты моя единственная и самая лучшая подруга. Ты права, я не должна опускаться. Я попробую. В конце концов, я не единственная на свете мать, которая потеряла ребёнка. Они находят в себе силы, чтобы продолжать жизнь, и я тоже попробую.

Прошёл месяц с тех пор, как в жизни Руслана и Аллы появилась Катя. Их, в общем-то, скучная и однообразная жизнь, полностью изменилась. Катя с её озорством, неуёмной энергией и бесконечными капризами не давала скучать ни тому, ни другому. Они старались жить достаточно уединённо. С соседями только здоровались и ни разу не пускали их на порог своей квартиры. Решили, что первые месяцы Руслан не будет устраиваться на работу, чтобы не светиться с поддельными паспортами. Теперь по паспорту он назывался Крылов Рудольф Александрович. Алла Ивановна Воронова стала Крыловой Алевтиной Дмитриевной, а маленькая Яковлева Катерина Руслановна стала Крыловой Каролиной Рудольфовной. Руслан специально подбирал имена схожие с тем, что были записаны в паспорте. В будущем он собирался перестать называть дочь прежним именем. Такая идея была продиктована не только осторожностью, а ещё и верой в то, что новое имя символизирует новую жизнь. Несмотря на то, что оба старались, чтобы у Кати было всё самое лучшее и удовлетворяли её желания, она ежедневно спрашивала, когда вернётся домой. В очередной раз, когда Катя заканючила о доме, Руслан не выдержал. Он присел перед ней на корточки и спросил:

— Неужели тебе плохо с нами?

— Нет, мне очень хорошо. — Она обвила своими маленькими ручонками его за шею. — Но я скучаю о маме, дедушке и о своих игрушках.

— Понятно. — Руслан взял её на руки и стал ходить с ней по комнате. Внезапно он решил. — Пожалуй, я должен сказать тебе одну вещь. Он остановился и посмотрел в Катину серьёзное личико с умными карими глазами. — Ты будешь жить с нами.

— Но почему? — она забарабанила кулачками по его груди и закричала. — Я хочу домой, я хочу к маме.

Руслан посадил Катю на диван и крепко прижал к себе. Она вырывалась и кричала.

— Мама не хочет быть со мной, да? Она опять занята? Она не любит меня.

На их крик из кухни прибежала Алла.

— Что случилось?

— Я сказал Кате, что она будет жить с нами, — шёпотом сказал ей Руслан.

Алла бросилась к Кате, но та оттолкнула её:

— Я не хочу тебя, не хочу. Я хочу к маме, — по её лицу текли слёзы, она топала ногами.

Алла и Руслан испугались. Алла оторопело смотрела на девочку, не решаясь подойти к ней.

— Что делать? — спросила Алла. — Сейчас на крик соседи сбегутся. Она орёт, как резанная.

И тогда Руслан решил: он схватил Катю и грубо толкнул на диван.

— Замолчи! Поняла?! — заорал он громовым голосом. От неожиданности Катя притихла, и Руслан быстро продолжил. — Твоя мама умерла, понимаешь? Умерла! — повторил он ещё громче, словно пытался убедить в этом самого себя и Аллу, которая зажала себе рот рукой.

В огромных глазах девочки появилось отчаяние. Она ещё не знала значения этого слова, но по реакции отца поняла, что произошло что-то ужасное.

— Мама умерла?

— Да, — кивнул ей Руслан. — И ты будешь жить с нами.

— Она уехала?

— Нет, она умерла, — снова повторил Руслан.

— Я не понимаю, — затрясла головой Катя.

Алла снова решилась подойти к Кате и села с ней рядом.

— Ты помнишь, мы смотрели с тобой фильм о мальчике, у которого умерла мама?

— Да, — в глазах девочки было такое горе, что обоим взрослым стало стыдно за эту ложь, но также оба они понимали, что обратной дороги нет. Они откладывали этот разговор так долго, как могли.

— Почему она не взяла меня с собой? — обречённо спросила Катя.

— Ну что ты такое говоришь?! — испугалась Алла и погладила её по голове. — Ты ещё маленькая, ты должна жить.

— Я не хочу жить без мамы.

После её слов Руслан не выдержал и ушёл на кухню, где налил себе щедрую порцию коньяку. Алла осторожно придвинулась ближе и, обняв Катю, начала ей рассказывать, что Бог забирает к себе на небо только хороших людей и что, что её маме сейчас хорошо. Но всё было бесполезно, Катя продолжала всхлипывать. С большим трудом Алле удалось уложить её в постель и заставить выпить валерианки. Потом она долго сидела у постели и смотрела на спящую девочку. Господи, что же они наделали?!

Когда она пришла на кухню, Руслан был уже изрядно пьян, а бутылка коньяка полупустой. Она молча села за стол и опустила голову на руки.

— Налить тебе? — спросил Руслан необычно мягко.

Алла подняла голову, в её глазах были слёзы:

— Катя очень любит маму.

— Перестань, — Руслан положил ей руку на плечо. — Она полюбит тебя. Из тебя выйдет хорошая мать. Катя ещё маленькая, у неё всё забудется.

Алла выпила рюмку коньяка и задумалась. Она привязалась к девочке, полюбила её. Но разве когда-нибудь она сможет заменить ей мать? Она вспомнила Зою. Красивая, уверенная в себе и своих силах. От неё исходила магнетическая женственность. Куда ей до Зои с её ущербным детством и вечными комплексами?

— Я не думаю, что это будет так просто, — возразила она.

— Всё будет хорошо, — Руслан обнял её. Алла с удивлением заметила, что с тех пор, как с ними стала жить Катя, он изменился, стал добрее к ней относиться. Она уткнулась ему в плечо, стараясь прогнать мрачные мысли из головы.

Ночью Катя заболела. У неё поднялась температура под сорок, и она всё время плакала. Алла дала ей анальгин, но температура не снизилась. Всю ночь Алла просидела рядом с кроваткой, пытаясь сбить температуру, но ничего не получалось. Не помогали ни растирания, ни таблетки. Утром Катя забылась тяжёлым сном. Алла разбудила Руслана.

— Надо вызвать врача. Я боюсь, что мы потеряем её.

— Нельзя никого вызывать! — испугался Руслан и пошёл к Кате. Девочка хрипела во сне и металась по подушке. Мокрые пряди волос прилипли ко лбу. У неё был сильный жар.

Он встал на колени у кровати и впервые в жизни начал молиться. Он просил у Бога не забирать единственного ребёнка. Алла ушла на кухню и налила себе кофе. В голову лезли

мысли о возмездии. Что будет, если девочка умрёт, а они так и не решатся вызвать врача? Никто из них ничего не понимал в медицине, и Алла осознавала, как они рискуют. В этот момент она проклинала себя, что согласилась на просьбы Руслана.

Весь день Катя металась в горячечном бреде и звала маму. У Руслана сжималось сердце, и несколько раз он хватал в руки телефонную трубку, чтобы вызвать скорую, но не решался. Они лечили Катю таблетками, которые посоветовал врач в аптеке. К вечеру Кате стало совсем худо, и она перестала узнавать их.

— Она умирает! — Руслан схватил Аллу за руку. По его щекам текли слёзы. — Я убил её.

— Ты не виноват, — Алла схватила его за руку и поцеловала. Слёзы Руслана испугали её, — Она поправится. Она не может умереть.

Руслан, покачиваясь от усталости и горя, вышел из комнаты.

Алла смочила холодный платок и положила на горячий лоб девочки. Катя открыла мутные глаза и жалобно произнесла:

— Мама.

Алла понимала, что, находясь в бреде, Катя называла так вовсе не её, но вдруг она сама почувствовала себя матерью. Матерью, у которой заболел ребёнок, и она во что бы то ни стало должна его спасти. Она взяла Катю за руку и начала шептать:

— Возьми мои силы, Катенька. Возьми мою энергию, возьми мою жизнь, если это необходимо. Только не уходи. Ты нужна нам. Ты не можешь уйти. У тебя впереди интересная жизнь.

Алла сидела несколько часов, не отнимая своей руки и почти физически ощущая, как её сила через прикосновение рук переходит к девочке. Её ладонь стала горячей, потом мокрой.

Обессиленная, она так и задремала на стуле, продолжая сжимать Катину руку. Когда проснулась: горячая рука Кати стала прохладнее, в то время как её рука горела. Она потрогала Катин лоб, он был тёплым, но не горячим. Не поверив себе, она сунула ей под мышку градусник, и пока держала, заметила, что Катя стала дышать ровнее.

Градусник термометра показывал тридцать семь и пять, и по сравнению с предыдущими сорока, это можно было считать пустяком.

Алла чувствовала страшную слабость. Неужели у неё получилось передать Кате свою энергию? По тому, как паршиво она себя чувствовала, это было именно так. Она с трудом добрела до Руслана и увидела его спящим. Рядом стояла пустая бутылка из-под коньяку. Он храпел. Алла грустно улыбнулась, впервые в жизни она чувствовала себя сильнее, чем он. Пока он заливал своё горе, она спасла его дочь. Она налила себе чаю и вернулась к Кате. Девочка спокойно спала. Алла погладила её по голове и прошептала:

— Дочка.

Через десять лет

Зоя и Жак, утомившись от ходьбы и бесполезного разговора, присели на скамейке Люксембургского сада. Со стороны они представляли приятную семейную пару, которая вышла на прогулку в солнечный, хотя и прохладный, воскресный день слишком рано начавшейся осени. Зоя была в коротком двубортном песочном плаще, хорошо гармонировавшем с её белокурыми уложенными волосами, спускавшимися чуть ниже плеч.

Жак молчал, а Зоя подумала что, начиная с того дня, когда она приняла решение вернуться в Москву, она начала прощаться с любимившимися местами Парижа. Сегодня настал черёд Люксембургского сада, недалеко от которого они жили с Жаком. Зое нравилось здесь гулять, и она часто приходила сюда одна, когда Жак был занят. Здесь можно посидеть в тени деревьев с книжкой или бродить, рассматривая многочисленные статуи королей и думая о тех людях, на невидимые следы которых она наступала. Ведь именно здесь гуляли Гюго, Бальзак и Жорж Санд. А знаменитая Ахматова, будучи замужем за Гумилёвым, здесь тайно встречалась с безудержным Модильяни. Некоторые осуждали её, а вот Зоя не могла. Она никогда не осуждала любовь, считая её самым прекрасным на земле чувством. В связи с Ахматовой Зоя почему-то вспомнила о маме и отце Руслана. Как ни странно, но их любовь выдержала все беды и проверку временем. Они по-прежнему были вместе, и последние годы Зоя особенно этому радовалась. Она впервые была предоставлена самой себе и могла позволить себе жить в Париже, зная, что о маме есть, кому позаботиться.

— Зоя, — Жак смотрел на неё с упрёком. — Ну, может быть, ты всё-таки передумаешь? Зачем тебе эта Москва? Там такое творится после перестройки. Что там тебе делать?

— Даже не думай меня отговаривать, — Зоя нахмурилась и закинула ногу на ногу в изящных дорогих туфельках на низком каблуке. — Я уже всё решила.

— Боже мой, ты сводишь меня с ума. Ты не можешь так поступить с нами, — в его обычно спокойном голосе послышались страдальческие нотки.

Зоя мягко накрыла его руку и залюбовалась его профилем. Несмотря на то, что ему в этом году исполнилось сорок, он был по-прежнему хорош собой. С годами его внешность стала более благородной. Ему шли посеребрённые сединой виски и лучики морщинок вокруг серо-зелёных глаз. Зоя забыла, что хотела сказать и задумалась, что всё-таки он нашёл в ней. Они познакомились в школе для модельеров, где Зоя училась. Долгое время оставались просто друзьями. Зоя находилась в таком подавленном состоянии, что не хотела заводить никаких романтических отношений. Но Жак оказался настойчивым и, в конце концов, жизнелюбивый характер Зои взял своё, и они стали встречаться. Незаметно он уговорил её переехать в его квартиру в Латинском квартале. Несколько раз Жак предлагал Зое выйти замуж, но она всякий раз отказывалась, считая, что Жак только зря тратит с ней время: она всё равно уедет в Москву. Она так и говорила ему об этом, но он был слишком упрям, чтобы поверить, что она сможет покинуть его и свою так хорошо налаженную здесь жизнь. На самом деле Зоя и сама не понимала, почему задержалась здесь так надолго. Возможно, это всё-таки было из-за Жака. Она, наконец, встретила мужчину, который о ней заботился. Настоящего мужчину, на которого можно опереться в трудную минуту, и это было так не

похоже на её двух мужей. Зоя вздохнула. Как жаль, что к тому времени, когда они познакомились, она уже не могла начать всё с начала. Исчезновение Кати что-то подорвало в ней, и она теперь существовала наполовину, поэтому и гнала от себя Жака. Он заслуживал жены, которая стала бы хозяйкой в его доме и родила бы ему детей. А она ничего уже не могла ему дать. Хватало сил только на работу. Да и то иногда наваливалась такая тоска, что ничего не хотелось делать.

— О чём ты думаешь? — прервал её размышления Жак, который украдкой наблюдал за ней. Странная привычка Зои вдруг оборвать разговор на полуслове и погрузиться в размышления его не удивляла. Жак знал, что в это время она возвращается в прошлое и грустит о своей пропавшей дочери. Впрочем, Зоя никогда не признавалась в этом.

— Вспоминаю, как мы с тобой познакомились. Наверно, я была единственной из женщин, которая не попала под власть твоего обаяния, поэтому ты и обратил на меня внимание.

— Ты была самой красивой. Француженки привлекают благодаря своему шарму, живости, лёгкому отношению к жизни. А ты была другой. В тебе чувствовалась глубина и серьёзность. Настоящая русская женщина.

— Ну да, «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт», — Зоя засмеялась. — Как смешно звучат по-французски эти некрасовские строчки. Француженка скорее позволит сгореть избе или найдёт месье, который сделает за неё всю грязную работу, а уж в избу она войдёт только в светлую и чистую. Это русские женщины на всё готовы из-за мужчин.

— Да, в вас есть какая-то особая самоотверженность и безоглядность.

— Милый Жак, тебе не повезло. Я превратилась в настоящую француженку и только пользуюсь тем, что ты можешь мне дать.

— Перестань.

— Это правда. Я живу в твоей квартире в центре Парижа. Кто бы мог подумать, что я буду жить в Париже?! Ты купил для меня магазин, в котором я выставляю свои модели и продаю их. Я позволяю тебе любить меня, ухаживать за мной, водить по дорогим ресторанам. Если бы я не носила только то, что я сама придумала, ты бы ещё и одевал меня. Ах, ну да, ты покупаешь мне меха и драгоценности. Ты так приучил меня к красивой жизни, что я даже стала бояться нищеты.

— Зоя! — Жаку не нравился весь этот разговор. Зоя сегодня была какой-то возбуждённой, даже нервной. Он чувствовал, что она опять ускользает от него, а он устал, чтобы снова её удерживать.

— Нет, подожди. Давай поговорим о том, какой я стала. Я сама себе противна.

— Но ты же работаешь. У тебя есть магазин, свои клиенты, которые боготворят тебя. Ведь тебе даже удалось приручить некоторых парижанок. А это большая победа.

— Всё благодаря тебе. Ты открыл этот магазин, и ты рассказал об этом своим влиятельным друзьям. Я сама ничто.

— Перестань говорить глупости. Ты знаешь, как ты талантлива. Я учился вместе с тобой, но я ничего не могу создать, ни одной коллекции. В моей голове нет ни одной порядочной мысли. Всё куда-то ушло. Я завидую тебе, когда ты часами рисуешь, перебираешь ткани, рвёшь эскизы, начинаешь сначала. И вдруг посреди этой суеты рождается шедевр. И тогда твои глаза блестят. Так блестят, как никогда не блестят, когда ты смотришь на меня.

— О, бедный Жак! — Зоя стиснула его руку. — Ты думаешь, я не понимаю, что не додаю тебе любви и внимания? Думаешь, не переживаю из-за того, что излишне холодна с тобой? — в её глазах появились слёзы. — Она взяла его руку и прижала к своей груди. — Понимаешь, вот здесь, где у всех сердце, у меня лишь орган, который перегоняет кровь и не даёт умереть. И только поэтому я ещё жива, хотя лучше бы мне умереть в тот день, когда пропала Катя.

— Меня всё устраивает, пока ты со мной. Если бы только не это твоё странное желание всё бросить и уехать в Москву. Ну, зачем тебе это?

Зоя встала со скамейки.

— Больше не могу сидеть. Давай пройдемся.

Они прошли несколько шагов, и Зоя остановилась перед Люксембургским дворцом. Всё же, как он ей нравится. Бывает, какое-то здание западает в душу. Когда она жила на Малой Бронной, так было с особняком со львами, который расположен напротив пруда. Сколько раз она не кружила вокруг по дорожкам, а всё же каждый раз её взгляд останавливался на этом старинном доме, и она мечтала, что когда-нибудь тоже будет жить в доме, подобном этому, и жизнь у неё будет совершенно другая, неторопливая и счастливая. Так и здесь в Париже. Сколько раз гуляла в Люксембургском саду, и каждый раз останавливается перед этим дворцом. А ведь если подумать, то во Франции столько красивых зданий, что и не перечесать, но тянет её почему-то сюда.

— Ты как всегда, останавливаешься на этом месте? Скажи мне, что тебя здесь привлекает?

— Этот дворец построили по заказу Марии Медичи, чтобы он напоминал ей её флорентийское детство.

Жак печально усмехнулся.

— У нас рушится жизнь, а ты вспоминаешь о какой-то Медичи, от которой уже и костей-то не осталось.

— Прости, — Зоя взяла его под руку. — Я хотела тебя отвлечь, рассказать тебе что-нибудь.

— Ты итак рассказала мне о моём родном городе больше любого экскурсовода. Не знаю, кто будет занимать меня, когда ты уедешь.

— Думаю, найдётся много желающих. В возрасте сорока лет свободный обеспеченный красивый мужчина — это редкость. Любая француженка...

Жак больно сжал её локоть.

— Не уезжай. Мне нужна только ты. Даже такая холодная и рассеянная. Я ещё раз, на этот раз клянусь, последний, делаю тебе предложение. Выходи за меня замуж. Я попрошу у отца денег, он мне не откажет. Мы откроем самый дорогой магазин на Елисейских полях и назовём его твоим именем. Мы переедем в другую квартиру. Помнишь, ты говорила, что хотела бы жить на острове Сите, чтобы вокруг тебя была вода? Помнишь?

Зоя растерянно смотрела на Жака. Она до сих пор не могла поверить, что Жак её так любит. Ей хотелось крикнуть: «Почему так поздно?» Почему так поздно пришла в её жизнь эта любовь, и почему она не любит Жака? Любая женщина ухватилась бы за такое предложение двумя руками. Любая, но не она. Она не может это принять. Их отношения зашли слишком далеко.

— Я всё помню, Жак, но не могу остаться. Я должна уехать. Пойми, есть ещё другая вещь, как бы я не влюбилась в Париж, Москву я люблю больше. Я там родилась, выросла. Это моя Родина, чтобы там не творилось сейчас. Я обожаю французский язык и благодарна судьбе, что она предоставила мне шанс разговаривать на нём свободно. Но я мечтаю зайти в магазин и поговорить по-русски. Я соскучилась по русской речи, я соскучилась по друзьям и по всей нашей бестолковой жизни. К тому же у меня есть цель. Когда-то давно, моя подруга Марья предложила мне поехать в Париж, чтобы я стала профессионалом, а потом вернулась и основала свою империю моды. Ведь что сейчас творится в Москве? Всё заполонили рынки с китайскими шмотками, и наши красивые женщины, которыми ты восхищаешься, одеваются в это безликое китайское тряпье низкого качества. А я мечтаю о том, чтобы они носили красивые платья и костюмы и чувствовали себя женщинами. Я многому научилась, работая в Париже. Но здесь я никто, и всю жизнь буду никем, потому что здесь есть лучшие модельеры, которые более талантливы, чем я, но в Москве у меня есть шанс. Там индустрия моды отстаёт, и я должна торопиться.

Жак внимательно наблюдал за Зоиним сосредоточенным лицом. Всё осталось, как было. Её нельзя купить. Она с одинаковой улыбкой принимала полевой цветок и кольцо с сапфиром. Ей чуждо материальное. Её не удержать ни новой квартирой, ни новым магазином. Наверно, поэтому она так и привлекала его. Если только...

— Зоя, роди мне ребёнка. Я хочу дочь, похожую на тебя.

Зоя отшатнулась от него, как от удара. Жак много раз заговаривал с ней об этом, но она не соглашалась. Она сама не знала почему, но ей казалось несправедливым родить ребёнка. Возможно, всё дело было в чувстве вины, возникшем в тот день, когда она поняла, что виновата в том, что отпустила Катю. Она мать, и у неё должно было возникнуть предчувствие. Она должна была её удержать, оставить дома, пойти с ними, в конце концов.

— Жак, я тебя уже просила не заводить этот разговор. Мне больно.

— Объясни мне, почему ты отталкиваешь от себя счастье? Почему ты лишаешь себя возможности иметь ребёнка, пока ещё можно? Почему, Зоя? Я люблю тебя, я хочу детей. Пойми, прошло десять лет. Открой, наконец, глаза. Катя не вернётся, сколько бы денег ты не присылала в Москву, чтобы сыщики продолжали её искать. У нас могут быть дети. Ну, почему ты считаешь преступлением завести ещё ребёнка? Почему?

Последние слова Жак почти кричал. И это было не принято в Париже, где все были какими-то приглаженными и разговаривали тихими голосами. На них начали оглядываться. Они были слишком хорошо одеты, чтобы выставлять свои чувства напоказ. У Зои даже мелькнула мысль, что Жак, пообщавшись с ней, стал немного похож на русского мужчину. Это у нас в России в чести скандалы и прилюдное выяснение отношений. Мы, в отличие от иностранцев, живём одним днём и нам наплевать, что завтра всё равно настанет и уж тем более на то, что о нас подумают.

Зоя разозлилась. Да какое он имеет право упрекать её в этом? Это только её дело: рожать или нет.

— Да что ты пристал ко мне, Жак, — начала она, повышая голос. — На свете полно женщин, которые на всё готовы. Вон, посмотри, — она схватила его за руку и потащила к скамейке, где сидели молоденькие парижские девушки и хохотали. — Посмотри на них. Бери любую. Она пойдёт за тебя и нарожает тебе столько детей, сколько хочешь. — Зоя так

кричала и показывала на них пальцем, что девушки с удивлением стали прислушиваться. До них долетали обрывки фраз, Зоя говорила по-французски. Девушки перестали беседовать и с интересом смотрели на них, но ей было уже всё равно. — Женись на них. Возьми их всех или по очереди. Но оставь меня в покое и не лезь мне в душу. Понятно? — Зоя остановилась. В глазах Жака появилось отчаяние. Он молча повернулся и медленно пошёл к выходу. Зоя смотрела вслед его высокой чёрной фигуре в развевающемся по ветру плаще. Теперь это конец.

Она повернулась и медленно пошла по аллее, старательно моргая, чтобы не дать вылиться ненужным слезам. Плакать не стоит, она больше не вернётся к Жаку. Ему будет лучше без неё. Мужчины, подобные Жаку, одни не остаются.

Завтра, когда он уйдёт на работу, можно собрать вещи, а пока переночевать в гостинице. Она проверила сумочку. Хорошо, что по старой московской привычке она носила с собой документы и кошелёк. Она даже знает, что сделает. Она поедет на остров Сите. Ещё раз зайдёт в знаменитый собор Парижской Богоматери. Погуляет по острову и остановится в одной из тех старинных гостиниц, в которых всегда мечтала пожить, а вечером посидит одна в парижском кафе на набережной за бутылочкой красного вина, прощаясь с Парижем. И прочь все мысли о Жаке, он не для неё, она не для него, и давно пора перестать мучить друг друга.

— Да что же это такое, Каролина? — Руслан держал в руках дневник дочери.

— И что ты увидел там нового? — Каролина насмешливо смотрела на отца и в её больших карих глазах, подведённых чёрным карандашом, не было ни тени страха. Руслан скользнул по ней взглядом и нахмурился. Он совершенно не знал, как совладать с собственной дочерью. Иногда он думал, кто кого воспитывает: они с Аллой Каролину или она их. Скорее всего, они испортили её излишним баловством, потому что знали, что виноваты перед ней. Конечно, им повезло, что обман до сих пор не открылся, но Руслан и Алла по-прежнему жили под гнётом страха. Иногда было достаточно какого-нибудь внимательного взгляда незнакомого, устремлённого на Каролину или случайно проходившего мимо милиционера, чтобы сердце ушло в пятки. Они всё ещё жили по поддельным паспортам, и хотя называли друг друга по-прежнему, Катю сразу после той тяжёлой болезни стали называть Каролиной. Девочке понравилось новое имя, и она быстро привыкла. Интересно, помнит ли она сейчас, что её когда-то звали Катей? Помнит ли она Зою? Все эти вопросы длинными бессонными ночами изматывали Руслана. Конечно, с годами стало легче, иногда ему даже удавалось забыть обо всём. Но последнее время его стало беспокоить, что Каролина стала всё более и более походить на Зою. Дело было не столько во внешности, сколько в поведении, в привычке задирать высоко свой и без того вздёрнутый нос и в просто потрясающем самомнении. Вот и сейчас, любая на её месте сжалась бы от страха, любая, но не его дочь. Каролина его не боится.

— Да, — Руслан бросил дневник на стол, — ты совершенно права. Нового в твоём дневнике не увидишь. Одни тройки с двойками. Но я не могу понять, ты же способная девочка, почему ты плохо учишься?

— Я не хочу тратить на это время. — Каролина улыбнулась: — Жизнь слишком хороша, чтобы в ней было место глупой зубрёжке, а без этого, милый папочка, как ты понимаешь, хороших отметок не ставят.

— Тебе предпочтительно тратить время на глупые журналы мод и дурацкое шитьё, — разозлился Руслан. Эта её не так давно появившаяся страсть шить самой одежду слишком напоминала ему Зою с её магазином. Сначала он не придавал значения увлечению Каролины, надеясь, что оно пройдёт. Но из детского невинного увлечения шить для кукол, оно превратилось в навязчивое желание посвятить свою жизнь моделированию одежды. Весь дом был завален журналами мод, а её комната нитками и обрезками тканей. На письменном столе вместо учебников гордо стояла швейная машинка, за которую он выложил кучу денег. Он сам не мог понять, как ей удалось тогда его уговорить. Алла только руками всплеснула, когда он назвал ей цену.

— Папа! — топнула ногой Каролина. — Я, кажется, просила тебя не называть моё увлечение дурацким. Надо уметь уважать интересы других. Между прочим, родители, моих друзей считают, что я молодец, раз уже в пятнадцать лет знаю, кем я хочу стать. А сколько я сшила красивых вещей и, между прочим, сэкономила тебе много денег. Шить гораздо дешевле, чем покупать в магазине.

— Всё это так, — махнул рукой Руслан. — Но учиться-то надо!

— Кому надо, пап? Мне не надо. Зачем мне физика, математика и прочая ерунда, если

мне надо знать, как проложить строчку и пришить карман. Зря ты не разрешил уйти мне после девятого класса. Я только время теряю.

— Ещё чего, — возмутился Руслан. Они тогда с Аллой чуть с ума не сошли, когда Каролина сказала, что уходит из школы, чтобы стать портнихой. Им еле удалось убедить упрямую девчонку остаться и закончить десятилетку. — Тебе нужно поступить в институт.

— Какой институт, пап? После школы я поеду в Москву, чтобы учиться у Зайцева.

— Что? — Руслан еле не задохнулся от этого заявления. — В Москву она собралась. Это когда ты такое придумала?

— Не так давно, — пожала плечами Каролина. — А что делать здесь в этом Богом забытом Саратове? Вся жизнь сосредоточена в Москве. Только там можно что-то добиться. А я собираюсь стать известным модельером.

Руслану стало нехорошо. Если она попадёт в Москву, то всё может вскрыться. Она может всё вспомнить и тогда...

— И думать забудь! Ты никогда не поедешь в Москву, — сурово сказал он и подошёл к двери.

— Но почему? — крикнула ему в спину Каролина.

Руслан обернулся. Его лицо было бледным.

— Даже не думай. Мы тебя никуда не отпустим. Будешь учиться в Саратове на своего модельера.

От внимательного взгляда Каролины не укрылся испуганный взгляд отца, когда она заявила, что поедет в Москву. Отец определённо чего-то боялся. Он так расстроился из-за её слов, что забыл прочитать ей обычную нотацию. Каролина села за стол и задумалась. Почему он не хочет, чтобы я поехала в Москву? Может, он просто не хочет, чтобы уезжала? Непохоже. Не так давно Каролине стало казаться, что родители что-то скрывают от неё. Однажды она услышала, как её мать говорила: «Если Каролина узнает: она никогда нам не простит». Что это было? Что скрывают от неё родители? Однажды она отказалась поехать с ними на дачу и перерыла весь дом в поисках каких-нибудь доказательств, но так ничего и не нашла. Единственное, что она знала, это то, что Алла была её неродной матерью. Они рассказали ей, что её мать умерла, когда ей было пять лет, и отец женился на Алле. Она ничего не имела против Аллы, та всегда была добра с ней, даже слишком добра. Каролина вздохнула. Она никогда не обижалась ни на неё, ни на отца, который частенько повышал на неё голос. На её месте Каролина давно бы уже это прекратила. Она бы никогда не позволила так с собой обращаться. Она и отцу-то не позволяет кричать на неё. В конце концов, Каролина решила, что тайна связана с её родной матерью. Неожиданно в голове у Каролины появилась мысль: «Так, может, она и не умерла вовсе, а жива до сих пор?» Тогда почему она живёт с отцом? Мать отказалась от неё, когда она была ребёнком?

Её раздумья прервал мелодичная трель телефона.

— Каролина, гулять пойдём? — услышала она застенчивый голос своего одноклассника Артёма.

— Позвони через полчаса, — Каролина бросила трубку и улыбнулась. Конечно, она пойдёт гулять, но нельзя сразу соглашаться. Доводить мальчиков до белого каления было её любимым занятием, даже более любимым, чем доводить учителей. Она делала это не со зла, просто развлекалась.

Каролина встала и подошла к окну. О чём же она думала? Ах да, у её родителей есть

какая-то тайна. Она обязательно должна это узнать. Услышав, что дома хлопнула дверь, девушка выглянула из комнаты. Алла гладила на кухне бельё. Она зашла на кухню.

— Куда отец ушёл?

— Сказал, что пройдётся. Ты его опять разозлила, — недовольно сказала Алла, разглаживая воротник рубашки Руслана.

— Значит, пошёл в бар, — равнодушно заметила Каролина. — Зря ты ему позволяешь столько пить.

— Ну, знаешь ли. — Алла поставила утюг на подставку и посмотрела на девушку. Да, выглядит она, конечно, вызывающе. Глаза накрашены, на щеках румяна, даже губы тронуты светлой помадой. А уж юбка-то. Она, Алла, даже помыслить никогда не могла, что можно пойти куда-то в такой юбке. А её дочь прекрасно ходит. Правда редко возвращается одна. У неё знакомых полгорода, и телефон разрывается от звонков. — Не тебе судить отца, — добавила она раздражённо.

— Я же о тебе забочусь, мам, — мирно сказала Каролина. — Придёт выпившим, будет бурчать на тебя. А ты ему никогда ничего не ответишь.

— Спасибо за заботу. Лучше бы помогла по дому.

— Я бы с удовольствием, но только ногти накарсила, — она махнула перед носом Аллы длинными ногтями с ярким сиреневым лаком. — У меня свидание.

— Ничего удивительного. Не помню, когда вечером ты оставалась дома.

— Дома скучно, мам.

— Зато весело с парнями на улице, — проворчала Алла, аккуратно вешая выглаженную рубашку на вешалку. — Боюсь я за тебя, эти твои короткие юбки до добра не доведут.

— Да ладно тебе. Я всегда осторожна. В близкие отношения с мужчинами не вступаю. Ещё не хватало идти на поводу у этих животных. Они хотят удовлетворения своего инстинкта, а я им подставляться не собираюсь. Между прочим, ещё девочка.

— Так и должно быть, тебе всего пятнадцать.

— Ну и что?! Сейчас у нас сексуальная революция, все только и думают, как с кем-нибудь переспать. У нас в классе, знаешь, сколько девочек осталось?

— Сколько?

— Не знаю точно, но мало. Даже наша скромница и отличница Олеся недавно мне призналась, что отдалась парню из параллельного.

— Олеся тоже! — ахнула Алла. — Ну, куда катится мир?

— Они просто дурочки. Боятся, что если парню не дать, то он не будет с тобой встречаться. Полная чушь. Лично я торопиться не собираюсь. Так что моя короткая юбка ещё не самое большое зло.

— Тебя послушаешь, ты просто образец для подражания, — покачала головой Алла. За эти годы она устала бороться с этой своенравной девчонкой. Каролина всегда делала только то, что она хотела. Повлиять на неё было практически невозможно. — Что у тебя опять с учёбой? Почему так отец расстроился?

— Он расстроился вовсе не из-за учёбы. Я сказала, что после школы поеду в Москву учиться у Зайцева.

Утюг замер в руке Аллы, сердце ухнуло в груди, но она заставила себя спокойно спросить.

— Зачем тебе в Москву?

— А что делать в этом захудалом городишке? Отсюда все уезжают: работы нет,

перспектив никаких. Даже дело не в этом, я сердцем чувствую: Москва — это мой город.

— Не надо уезжать, — тихо сказала Алла, в замешательстве поставив утюг на рубашку Руслана и даже не заметив этого.

— Может, ты мне скажешь, почему вы оба с отцом так не хотите этого?

— Далеко от дома и... — Алла растерянно смотрела на Каролину, не обращая внимания на утюг.

— Мама, рубашка горит, — привела её в чувство Каролина.

— Ой! — Алла подняла утюг и обнаружила прожжённое пятно на самом видном месте. — Вот чёрт, испортила! — раздражённо сказала она.

— Папа будет в ярости, это была его любимая рубашка, — засмеялась Каролина, но, поймав расстроенный взгляд матери, тут же предложила: — Давай, я скажу, что это сделала я.

— Это ещё зачем?

— Не выношу, когда он на тебя кричит. Мне всё сойдёт с рук. Он будет счастлив только от одной мысли, что я гладила ему рубашку.

ещё стояла с утюгом в руке, когда Каролина, покачивая бёдрами, удалилась к себе. Поговорив с матерью, она ещё раз убедилась, что разгадка тайны находится в Москве. Должна же существовать объективная причина, что её родители не хотят, чтобы она туда попала. Как жаль, что у неё нет столько денег, чтобы сесть в поезд и уехать.

Телефон зазвонил снова. Это был всё тот же Артём.

— Каролина, полчаса прошло. Может, всё-таки выйдешь? Погода хорошая. Ребята уже во дворе.

— Позвони через час, я ещё занята, — отрезала Каролина, вешая трубку и пододвигая к себе швейную машинку. Ей хотелось побыть одной, чтобы подумать обо всём. А лучше всего ей думалось, когда она шила. Она взяла только что скроенное платье и, приложив к себе, встала перед зеркалом. Да, всё правильно, к её тёмным волосам безумно идёт этот оттенок красного. Она затянет его в талии и сделает большой разрез. Все будут в восторге от неё, когда она придёт на день рождения Артёма. Бедный Артём. Она хихикнула, вспомнив его слова, что погода хорошая. Погода-то хорошая, но гулять у неё сегодня, как ни странно, настроения нет, поэтому, пожалуй, когда он позвонит через час, она ему всё же откажет.

Телефон зазвонил снова.

— Каролина, здравствуй. Это Андрей. Помнишь, мы вчера познакомились в магазине?

— Помню, — улыбнулась Каролина. На самом деле она была вовсе не уверена, что он позвонит. Они и поговорили то всего пять минут, пока отец выбирал мясо. Она едва успела продиктовать ему номер телефона. Парень понравился ей сразу. Пожалуй, с ним она пойдёт куда угодно. У него были такие красивые грустные глаза и умопомрачительная фигура.

— Что ты делаешь сегодня вечером?

— Это будет зависеть от того, окажется ли твоё предложение более интересным, чем те, которые я получила до твоего звонка, — со смехом сказала она.

— Я мог бы заехать за тобой, и мы поужинаем, — нерешительно начал Андрей.

Каролина улыбнулась. Пойти куда-нибудь поужинать было интереснее, чем шитье по двору с Артёмом и надоевшей школьной компанией.

— Заезжать не надо, жди меня у цирка через час.

Она повесила трубку и вихрем понеслась в ванную делать причёску. Она завивала

последний локон на щипцы, когда телефон зазвонил снова.

— Мама, возьми трубку, — крикнула Каролина, высовываясь из ванной, — и если это Артём, скажи, что я сплю.

Алла заглянула в ванную:

— Если ты не идёшь гулять, зачем ты завиваешься?

— Я иду, но не с ним, — на губах Каролины играла коварная улыбка.

Алла растерянно смотрела на дочь, недоумевая, как можно так обращаться с людьми. Она бы так никогда не сделала. Впрочем, у неё никогда и не было столько поклонников.

Телефон продолжал звонить.

— Мам, ну иди. Пожалуйста. — Каролина чмокнула мать в щёку. — Я тебя очень прошу. Мне так не хочется обижать Артёма. Он же хороший.

Зоя пересекла старинный вестибюль гостиницы и остановилась у стойки, чтобы справиться о наличии номеров. Мужчина средних лет, мешая французские и английские слова, пытался что-то выяснить у администратора. Но тот только качал головой. Исчерпав весь свой словарный запас, мужчина повернулся к Зое и в отчаянии пробормотал:

— Это чёрт знает что такое!

Зоя улыбнулась и сказала на родном языке:

— Могу я чем-нибудь вам помочь?

— Вы русская. Какое счастье. Вы знаете, этот чёртов язык?

— Французский?

— Да, будь он не ладен.

— Ну, зачем вы так. Самый красивый язык на свете.

— Возможно, но в школе я всегда сбегал с уроков французского. И вот результат — не могу связать двух слов.

— Наверно, вы говорите по-английски, — Зоя снова улыбнулась. Ей было так приятно слышать родную речь, что она готова была болтать бесконечно.

Мужчина махнул рукой.

— Боюсь, с английским не лучше. Этот тип меня не понимает.

— Скажите мне, что вы хотите узнать, а я переведу.

— Мне нужно найти одного человека, который остановился в этом отеле, чтобы передать ему письмо. Его фамилия Лобанов.

Зоя быстро заговорила по-французски, чувствуя восхищённый взгляд незнакомца, который почему-то был ей приятен. Она повернулась к нему.

— Администратор говорит, что его нет в номере.

— Спросите, могу ли я оставить для него пакет?

Портье энергично кивнул.

— Спасибо, — незнакомец восхищённо посмотрел на Зою. — Где вы так здорово научились говорить по-французски?

— Десять лет прожила в Париже.

— Вот это да. — Он протянул Зое руку. — Без вас я бы не справился.

— Мне это было даже приятно. — Зоя пожала руку и повернулась к портье: — Месье, могу я снять у вас номер?

Пока Зоя оформляла документы и расплачивалась, незнакомец стоял в холле, делая вид, что занят изучением интерьера. Когда Зоя получила ключ, он окликнул её:

— Девушка, подождите.

Зоя улыбнулась:

— Более десяти лет не слышала такого обращения.

— А как вас называют здесь?

— В основном мадам, к сожалению. Девушка звучит более оптимистично.

— Меня зовут Алексей.

— Зоя, — ответила она после некоторой паузы.

— Могу я пригласить вас куда-нибудь выпить чашечку кофе, чтобы отблагодарить за то,

что вы помогли мне?

Зоя задумалась. Ей совершенно ни к чему новое знакомство. Они поболтали, это было приятно и на этом надо поставить точку. Она снова взглянула на Алексея. Всё-таки русские мужчины самые красивые. Им идёт небрежность, с которой они одеваются. Живя в Париже, Зоя поняла, что умение одеваться с иголочки, присущее французам, невозможно выработать, с ним надо родиться. У русских всегда какая-нибудь вещь не сочетается с другой. И дело здесь даже не в деньгах. Вот и у Алексея галстук не подходил по тону к костюму, да и узел был завязан небрежно. Но от этого он казался ей ещё привлекательнее. Она так устала от излишней заботы Жака о своей внешности и одежде.

— Нет, Алексей, — мягко сказала она. — Мне хочется побыть одной. Да это и не к чему.

— Зоя, у вас короткое имя. Когда в имени мало букв, у человека нет времени на ошибку. А в вашем имени всего три буквы. Это очень мало. Назовите мне ещё хотя бы одно полное женское имя, в котором было бы три буквы.

— К чему вы это сказали? — удивилась она, перебирая в голове имена и приходя к выводу, что не может сходу вспомнить такого короткого имени.

— Вы собираетесь убежать, и это будет ошибкой. Ведь мы не случайно здесь встретились. В этом есть своя закономерность. Два русских человека встречаются на парижском острове. Вам это не кажется странным? Кстати, я не собирался ехать в Париж. Мой друг, который купил путёвку, серьёзно заболел, и я здесь вместо него. Первый раз.

— Вы не пожалеете. Париж чудесный город.

Зоя удивлялась тому, как легко разговаривать с Алексеем, словно они знали друг друга давным-давно. Так легко они никогда не общались с Жаком. Она правильно делает, что уезжает, они такие разные. Даже этот Алексей, которого она знает несколько минут, ей ближе, чем Жак.

— Ведь вы тоже ещё сегодня утром не собирались провести ночь в этом отеле? Не так ли?

— Откуда знаете? — улыбнулась Зоя.

— Профессия обязывает подмечать все мелочи.

— И кто же вы?

— Какое слово вам больше нравится: следователь, сыщик, детектив?

У Зои забилось сердце. А вдруг именно он поможет ей найти Катю?

— Вы следователь?! — возбуждённо спросила Зоя. — Может, вы и правы, что мы встретились не случайно.

От внимательного взгляда Алексея не укрылось, как изменилось её лицо, когда она узнала о его профессии. Теперь она смотрела на него с надеждой.

— Да, у меня своё частное агентство в Москве. Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Не знаю, — она покачала головой и отвернулась к окну. Катя, где же ты? Есть ли на свете человек, который найдёт хоть какие-то сведения о ней?

Алексей осторожно взял её под руку.

— Зоя, пожалуйста, расскажите мне, что вас тревожит. Я чувствую — у вас что-то произошло. Ведь мы не случайно встретились, поймите же, наконец.

— Хорошо, — внезапно решила Зоя. — Я расскажу, но это длинная история. Может быть, вам лучше посмотреть Париж? Ведь вы же для этого сюда приехали.

— Париж никуда не денется. У меня ещё пять дней. Сейчас важнее то, что случилось с вами. — Он увлѣк её к выходу, и Зоя последовала за ним. Они молча прошли через площадь и уселись в кафе за столиком. Даже не глядя на меню, Зоя быстро сказала:

— Позвольте мне заплатить. Здесь сумасшедшие цены даже на кофе.

Алексей нахмурился.

— Но я не могу позволить, чтобы за меня платила женщина, у меня есть деньги.

— Я сейчас не женщина, а ваша будущая клиентка, если можно так сказать. Это моё условие, если вам так будет легче.

Алексей поднял руки вверх.

— Хорошо, сдаюсь. Но только за кофе, а то я начну чувствовать себя альфонсом.

Не дожидаясь официанта, Зоя заговорила. Иногда она вынуждена была остановиться, чтобы собраться с силами. Прошло десять лет, но боль не исчезла, она притупилась, но, рассказывая, она снова и снова переживала весь ужас той ночи и последующих дней. Алексей слушал внимательно, и только когда она закончила, спросил:

— Скажите, а как вы считаете: у вашего бывшего мужа могла быть причина, чтобы украсть ребёнка?

— Нет, конечно. Хотя, — Зоя нахмурилась, — он ненавидел мою мать. Но это ещё одна длинная история. — Она отвернулась. Алексей внимательно наблюдал за ней. Только сейчас он заметил морщинки в уголках глаз и несколько седых волосков в безупречно уложенной причёске. Но всё равно она принадлежала к тем очаровательным женщинам, которых не портил возраст, они становились ещё красивее. Алексей чувствовал, что ему безумно жаль её, и сразу решил про себя, что по приезде в Москву сделает всё возможное. — Мне бы не хотелось рассказывать, почему так произошло.

Не надо, — быстро сказал Алексей. — Пока мне достаточно знать, что причина была, детали не так важны. Давайте погуляем. Пусть всё это пока уложится в моей голове, и мы немного отвлечёмся. Пройдёмся. Ведь вы же любите этот город, не так ли? Покажите мне его вашими глазами. Не тот Париж, который в путеводителе, а тот, что нравится вам.

— Хорошо, — Зоя начала подниматься, но он удержал её.

— Нет, подождите. Прежде чем идти, мы выпьем. Вы угощали меня кофе, а я угощу вас коньяком. Хорошо?

Зоя кивнула.

— И не бойтесь, что это пробьёт брешь в моём бюджете. Я неплохо зарабатываю. Хотя, конечно, цены здесь непомерные, — он покачал головой. — Как вы смогли прожить здесь десять лет?

— У меня была цель.

— Цель, это здорово. Мне всегда казалось, что у женщин есть одна единственная цель — удачно выйти замуж. Расскажите, какая была у вас, если это не секрет.

— Сначала я училась здесь в школе для модельеров, а потом один человек помог мне открыть магазин с моими платьями.

— Так вы модельер?

— Да.

— Простите, Зоя, а этот человек...

— Мой гражданский муж, но мы расстались. — Она помолчала и добавила: — Сегодня.

— Надо же — Алексей улыбнулся. — Теперь понятно, почему вы сняли номер. Не

хотите возвращаться к нему?

— Нет, мы разные люди. Он француз, и у нас с ним никогда не было так, как с вами.

— Ну, со мной у вас ещё пока ничего не было, — пошутил он, но, увидев возмущённый Зоин взгляд, накрыл её руку своей большой ладонью. — Извините, не хотел вас обидеть. В ответ расскажу о себе. Я тоже недавно развёлся. Банальная так сказать история. Жена нашла другого, надоело ждать меня с работы. Это не страшно. Как женщина она меня уже давно не интересовала, но дочку жалко. Она привязана ко мне, и у меня просто сердце обливается кровью, когда я думаю, что возможно скоро она будет называть папой другого мужчину.

— Это вовсе не обязательно. Вы можете остаться отцом и на расстоянии, — сочувственно сказала Зоя.

— Это не то. Знаете, я просил жену, чтобы она отдала мне Алёнку, но она не согласилась. Тогда я умолял её разрешить мне жить с ними, с условием, что я не претендую на неё, как муж. Но всё бесполезно, — Алексей горько улыбнулся. — Она не хотела меня слушать. И ведь вы знаете наши нынешние законы — мужчины здесь абсолютно неправы. Даже в таком случае, как мой. Она влюбилась, а пострадали мы с Алёнкой. Она очень плакала, когда я переезжал.

— Мне очень жаль, — Зоя грустно смотрела на него. Его история, конечно, печальна, но всё равно он может хотя бы иногда видеть свою дочь. Она даже не знает, что с Катей. Интуитивно Алексей понял, что любое упоминание о детях при Зое травмирует её и ругнул себя за то, что разоткровенничался.

— Всё же мне непонятно, как такая женщина, как вы, вообще могла столько прожить с иностранцем в чужой стране.

— Ну, зачем вы так?! Он хороший человек и очень любит меня.

— Но он француз, — обаятельно улыбнулся Алексей. — И где ему понять нашу русскую мятущуюся душу?

— Это правда, — Зоя вздохнула. — Действительно, так приятно снова говорить на родном языке и чувствовать, что тебя понимают.

Они выпили коньяку, и бледные щёки Зои немного порозовели. Становилось прохладнее, с Сены дул ветер. Зоя поёжилась и запахнула плащ.

— Вам холодно?

— Чуть-чуть, но это от того, что мы долго сидели на одном месте. Сейчас мы будем двигаться, и я согреюсь. Не знаю, как вы, а я очень люблю ходить пешком. За это время исходила практически весь Париж. Левый берег Сены, правый. У меня есть свои любимые маршруты. Пришлось, правда, отказаться от каблуков, иначе невозможно. Хотя здесь вы, может быть, заметили девушки и женщины не ходят на таких шпильках, как в Москве.

— Ну и правильно. Зачем мучиться? Я никогда не понимал, как можно заниматься таким самоистязанием. Женщины думают, что нам это нравится.

— А разве нет?

— Конечно, нравится. Но когда девушка приходит к тебе на свидание на шпильках и не может пройти несколько шагов, это неприятно.

— Нет, я могу ходить сколько угодно. Когда ноги устают, сажусь на скамейку, что-нибудь читаю, а потом снова иду. Жак очень уставал со мной. Он говорил, что это глупо идти пешком через весь город, если можно взять такси. Но я с ним не согласна. Так что предпочитала гулять одна.

— А какое ваше самое любимое место?

— Мы сейчас здесь. — Зоя улыбнулась. Это и есть остров Сите. Я не случайно решила остановиться в местном отеле. Тут у меня появляется это «островное» ощущение, особенно если прийти сюда рано утром или поздно вечером. А к тому же Париж начинался отсюда, только назывался он тогда Лютецией, свое нынешнее название он получил только в четвёртом веке. Если вы смотрели сверху, то, наверно, заметили, что Сите напоминает корабль. Я предлагаю начать нашу экскурсию с носа этого корабля.

— Командуйте, Зоя. Я в вашем распоряжении.

— Слушайте, Алексей, а давайте на «ты». Смешно выкатать, когда я столько вам про себя рассказала.

— Конечно, — он осторожно взял Зою под руку, вновь удивляясь лёгкости, с которой они общались. Слово было знакомо давным-давно.

— Так вот, я продолжаю рассказывать, или вы всё это знаете?

— Стыдно признаться, но я никогда не интересовался Парижем.

Зоя и Алексей прошли на конец острова, откуда открывался прекрасный вид на Лувр, Монетный двор и купол института Франции.

— Посмотрите, разве здесь не прекрасно? Хотя если вспомнить историю, здесь не очень хорошее место. Мориса Дрюона читали?

— Конечно. Ещё в то время надо было сдать двадцать килограмм макулатуры, чтобы получить вожделенную книгу. Кажется, она называлась «Французская волчица».

— Верно, — Зоя засмеялась. — Современная молодёжь не понимает, как им повезло, что в книжном магазине есть всё, что душе угодно. А я помню, как была счастлива, когда мама принесла домой эту книгу. Мы даже поссорились, кто будет первым читать. Так вот, я не помню точно, в какой из этих книг, описывалась казнь тамплиеров. Помните?

— Кажется, их главный магистр проклял короля Филиппа Красивого.

— Верно. Это было здесь, где мы сейчас стоим. В то время здесь было три острова, на одном из которых и сжигали тамплиеров, да и евреев тоже. Место удобное, публика располагалась за проливом и не мешала серьёзной процедуре.

— Подумать только, а сейчас здесь так мило.

— Пойдёмте, я покажу вам площадь Вогезов, и мы отсюда посмотрим на Дворец правосудия и Тюрьму Консьержери, их хорошо видно с острова. Потом пройдем к Нотр-Даму.

— О, я был в соборе, когда шёл сюда. Но с вами ещё раз с удовольствием, наверно, вы расскажете мне про него что-нибудь интересное, потому что мне он не понравился.

— Не понравился Нотр-Дам? — на лице Зои было написано такое разочарование, что Алексей смутился. — Там мрачновато внутри и много народу.

— Хорошо, тогда пойдём туда, когда там не будет людей, а сейчас я предлагаю прогуляться к Лувру.

Прогулка Зои и Алексея по городу продолжалась до утра. Рассказывая Алексею о Париже, Зоя отвлеклась от грустных мыслей. Новый знакомый оказался благодарным слушателем и прекрасным собеседником. Рассвет они встретили перед Нотр-Дамом. Папертная площадь была пуста, и когда первые лучи солнца позолотили собор, Алексей не смог сдержать возглас удивления. Оказывается, это творение из камня может представляться совершенно другим. Он сжал Зое руку.

— Ну, как, он теперь? — спросила она.

— Зоя, спасибо, — он поднёс её руку к губам и поцеловал, — тебе за то, что ты заставила меня полюбить этот город, к которому я относился слишком предвзято.

— Ну и славно. — Зоя отняла руку и спрятала в карман. — Ну, что пойдём?

— Ты, наверно, устала?

— Еле держусь на ногах, а сегодня у меня тяжёлый день и надо немного поспать.

Они медленно пошли к отелю. Прощаясь, Алексей спросил:

— Зоя, а когда мы снова встретимся?

— Встретимся?! — она задумалась. — Даже не знаю. Может быть, завтра?

— Завтра?! — на его лице было такое разочарование, что Зоя не удержалась от улыбки.

— Хорошо, давайте вечером. Мне надо забрать свои вещи, разобраться с магазином. Я планирую уехать в Москву на следующей неделе.

— Так поедем вместе? — Алексей смутился, подумав, что он слишком ей навязывается.

— Посмотрим. Давайте не будем ничего планировать. Ну, — Зоя протянула ему руку: — желаю вам приятного отдыха.

— Боюсь, без вас Париж мне снова разонравится.

— Сходите в Лувр, — мягко сказала Зоя. — Там чудесно.

— Я буду ждать вас в семь у этой стеклянной пирамиды, которую непонятно какого лиха там построили. Она такая безобразная. Хорошо? — его взгляд был таким умоляющим, что Зоя лишь кивнула в ответ.

Каролина и Артём сидели на последней парте. Их классная дама, Лилия Владимировна говорила о каникулах. Проведение каникул вместе с классом совершенно не интересовало Каролину, и она, развернув на коленях новый журнал мод, погрузилась в изучение. Неожиданно прозвучавшее слово «Москва» заставило девушку поднять голову и прислушаться. Журнал соскользнул с коленок и упал на пол, но она даже этого не заметила. Артём молча поднял его и положил перед ней. Слова учительницы казались ей сладкой музыкой. Она столько мечтала о том, как попасть в этот вожаделенный город, и вот оказывается: Москву можно посетить вместе с давно запланированной экскурсией. Они уже ездили так в Питер. Каролине тогда не понравилось, Лилия Владимировна их слишком опекала, и она решила больше никуда не ездить. Но в этот раз Каролина не будет её слушать. Ей бы только туда попасть! Москва была пределом её мечтаний последнее время, и она вся извелась, пытаясь найти разгадку тайны родителей. Однажды она попыталась расспросить отца о своём детстве, но он перевёл разговор на другую тему, такое же фиаско она потерпела и с матерью, и всё это ещё больше подогрело её интерес.

— Ты что, сидишь, как зачарованная? — толкнул её локтем Артём.

— Тёмка, — Каролина повернулась к нему, её глаза сияли. — Оказывается, мы в Москву едем. Я так счастлива.

— Что это вдруг? — удивился он. — Об этой экскурсии ещё в начале года говорили, только ты, как всегда, витала в облаках.

— Разве? Я не слышала, хотя впрочем, может, и слышала, но тогда не обратила внимания, поскольку мне это было неинтересно. Но сейчас я просто счастлива.

— Не понимаю, чему ты так радуешься, — удивился Артём. — Тебе же не понравилось, когда мы в прошлый раз ездили с классом в Питер.

— Ты не представляешь, как это важно для меня. Я обязательно поеду, если только родители отпустят.

— С каких это пор тебя стал заботить этот вопрос? — фыркнул Артём. — Твои родители тебе всё позволяют. Что это ты вдруг засомневалась?

— Не важно, — нахмурилась Каролина. — А ты поедешь? — спросила она.

— Конечно, поеду, если ты поедешь. Я тебя одну не отпущу. В тот раз Серёжка из девятого «Б» так и клеился к тебе.

— Ну и что?! — улыбнулась Каролина. — Он мне вчера звонил.

— Да ты что?! — Артём покраснел от злости. — Я набью ему морду. Он же знает, что ты моя девушка.

— Ты только это и умеешь. Наверно, специально в своей секции удары отрабатываешь, чтобы ко мне никто не приставал.

— Это правда, — довольно улыбнулся Артём. — Ты пощупай, какая мышца, он закатал рукав свитера. — Любого побью, кто к тебе приставать будет.

Каролина дотронулась до его мышцы, а потом постучала ему по голове.

— Дурак, ты Тёмка. Ты лучше башкой работай, а не кулаками. Мужчина должен девушку интеллектом привлекать.

Обиженный Артём только собирался что-нибудь возразить, как вдруг они услышали

окрик учительницы.

— Руслан, Каролина, это чем вы там занимаетесь? Артём! К доске! Мы итак уже слишком отвлеклись от геометрии.

Артём с тоской смотрел на задачу. Кажется, они решали что-то похожее, но он был так увлечён разговором с Каролиной, что ничего не понял. Он покраснел: геометрия была его любимым предметом, но последнее время он даже её перестал понимать. Артём вздохнул и положил мел.

Лилия Владимировна строго посмотрела на него.

— Артём, я вынуждена тебя пересадить от Каролины, она плохо на тебя влияет. Решение задачи я объясняла в начале урока, но ты был занят разговорами. Ты скатился на тройки. Что с тобой происходит?

В школе послышались смешки. Артём покраснел и спрятал руки за спину. Он чувствовал себя неловко.

— Он влюбился, Лилия Владимировна, — сообщил Вовка с третьей парты, и Артём покраснел больше, но успел показать ему кулак за спиной.

Лилия Владимировна улыбнулась.

— Вам ещё рано об этом думать?! Ты всегда хорошо учился. Ладно, садись. Делаю тебе последнее предупреждение и если я ещё раз замечу, что Каролина тебя отвлекает, я пересажу тебя на первую парту.

Когда Артём сел, Каролина повернулась к нему с улыбкой:

— Я же тебе говорила, башкой надо думать. А ты всё бицепсы качаешь.

Вечером после ужина, когда родители сидели перед телевизором. Каролина невзначай объявила:

— А мы с классом в Москву едем на каникулы.

Гробовая тишина была ей ответом, но она, внимательно наблюдавшая за обоими, заметила, как начал дёргаться мускул на щеке у отца, а мать перестала шевелить спицами. — Надо сдать деньги. Мы выезжаем через неделю, — продолжила она, как бы ни в чём не бывало.

— Ты это, — Руслан быстро посмотрел на жену, а потом на Каролину, — никуда не поедешь.

— Это ещё почему? — взвилась Каролина.

— Ты плохо учишься, — нахмурился Руслан, спешно соображая, что придумать, чтобы удержать её от поездки. Ему было очевидно, что Каролину ни в коем случае нельзя отпускать в Москву.

Каролина фыркнула.

— Ты собираешься засадить меня за учебники на каникулах? Я уже вам говорила: мне эта школа параллельна. Я учусь для вас.

— Каролина, что ты такое говоришь?! — вступила в разговор Алла. — Ты учишься для себя.

— Для меня было бы больше пользы, если бы я училась на портниху после девятого класса, а не занималась бы ерундой в школе. Но вы меня не пустили. Я согласилась с вашим решением, о чём очень жалею. Я делаю всё, что могу, чтобы закончить школу.

— Ты могла бы учиться на одни пятёрки, если бы захотела, сказал Руслан. — А ты опять

принесёшь дневник с одними тройками.

— Папа, это не важно, — Каролина вся подалась вперёд. — Пожалуйста, дай мне денег, чтобы я могла поехать.

Руслан покачал головой и твёрдо сказал.

— Нет, ты не поедешь в Москву.

— Но почему?

— Каролина, отец уже всё объяснил, — поддержала его Алла. — Ты наказана.

— Я наказана?! — глаза Каролины метались от одного родителя к другому. Она чувствовала: что-то здесь не так. Учёба совершенно ни при чём. Ведь ездила же она в Питер в прошлом году, а тогда она училась не лучше. Значит, дело всё-таки в этой тайне, которая кроется в Москве. Скорее всего, они боятся, что Каролина что-нибудь разузнает.

— Ладно, пусть будет по-вашему, — Каролина даже заставила себя улыбнуться. Они не должны знать, как больно ей сделали. Она пошла в свою комнату и вернулась уже одетая.

— Я ухожу.

— Куда? — вскрикнули они в один голос.

— Пройдусь, чтобы успокоиться. Мне очень жаль, что вы оба не понимаете, как важна для меня эта поездка.

— Но уже поздно.

— Вечно вы чего-то боитесь, — сказала презрительно. — Никто меня не тронет.

Каролина накинула куртку и выскочила из подъезда. Руслан посмотрел на часы — одиннадцатый час. Но он не решился удерживать её дома, опасаясь скандала.

— Куда она пошла так поздно? — спросила Алла, тоже посмотревшая на большие настенные часы.

— Да кто её знает, — раздражённо ответил Руслан. — Наверно, к своему Артёму плакаться, какие мы плохие.

— И надо же было организовать эту поездку, — Алла отбросила вязание. — Руслан, а может, отпустить её? Как бы она не догадалась, что здесь что-то не так. Она такая любопытная, недавно всё выспрашивала меня, кто была её мама, да где она похоронена.

— Она и меня пытала, — признался Руслан.

— И что ты ей ответил?

— А что я могу ответить?! Сказал, что мне неприятен этот разговор, и я не хочу это обсуждать. А ты что ответила?

— Мне проще, — грустно сказала Алла. — Я сказала, что познакомилась с тобой уже позже и никогда не видела её матери.

— Вот и держись этой версии. А я уж потом что-нибудь придумаю. А на счёт того, чтобы отпустить её в Москву, пусть думать забудет. Надо удержать её под любым предлогом. Я боюсь, вдруг она встретится с бывшей.

— Так прошло уже десять лет, Руслан. Даже если они встретятся, они не узнают друг друга.

— Всё равно, мало ли что. Уж лучше пусть обижается на нас, но останется в Саратове.

— Как скажешь, — привычно ответила Алла. — Руслан, а тебя никогда не мучает совесть за то, что мы сделали? Представляешь, что пережила твоя бывшая жена? Мне иногда хотелось написать ей анонимное письмо и сообщить, что её дочь жива.

— И думать забудь! Она это заслужила, а её мать и подавно! Они обе выкинули меня из

своей жизни. А я отнял у них то, что принадлежит мне по праву. Каролина не только её дочь, но и моя. Я вообще не понимаю этой глупости, что ребёнка всегда отдают матери. Ведь если бы Зоя знала, что Каролина останется со мной, разве бы она развелась со мной?

— Иногда мне кажется, что мы совершили ошибку, и Каролина узнает правду. Она уже что-то подозревает. Я заметила: она рылась в документах.

— Наши прежние паспорта я уничтожил. А что она может обнаружить?

— Не знаю. С ней так трудно сладить. У неё такой неуправляемый характер.

— У неё мой характер, — Руслан довольно улыбнулся. — Я был точно таким же. Наверно, поэтому я её хорошо понимаю.

Каролина вышла из подъезда и дошла по безлюдной по улице до конца. Ей нужно попасть в Москву, хотя она совершенно не представляла, что она хочет там найти. Она вытащила из кармана мобильный и набрала номер Артёма.

— Каролина, — обрадовался он. — Что-то случилось, раз ты сама мне позвонила?

— Выходи на улицу, я тебе кое-что расскажу.

— А ты где?

— Стою около твоего дома и позвоню кому-нибудь ещё, если ты не выйдешь через минуту.

Артём подошёл к окну, откинул занавеску и увидел её одинокую фигурку недалеко от подъезда.

— Что ты здесь делаешь? — удивился он.

— Да выходи скорее, — разозлилась она и нажала кнопку «отбой».

Артём накинул куртку прямо на тренировочный костюм и заглянул в комнату.

— Мам, я на улицу.

Ты только что пришёл! — недовольно сказала мать, оторвавшись от книги и глядя на него поверх очков.

— У подъезда меня ждёт Каролина. У неё что-то случилось.

— Совсем голову потерял из-за этой девчонки, — покачала головой мать. — Готов на край света бежать, если она тебя пальчиком поманила.

Артём выскочил из подъезда и, подбежав к Каролине, схватил её в объятия. Девушка высвободилась.

— Не думай, что я здесь из-за твоих прекрасных бицепсов, — раздражённо ответила она. — У меня неприятности. Родители не пускают меня в Москву.

— Да ты что? — удивился он. — Что ты такое натворила?

— Ничего нового. Они говорят, что я плохо учусь.

— А что было время, когда ты хорошо училась? — Артём засмеялся. — Сколько тебя помню, ты никогда не делала уроков.

— В том то и дело, что учёба здесь не причём. Тут другое. — Каролина нерешительно посмотрела на Артёма. Конечно, ей бы не хотелось ему всё это рассказывать, но ей нужна его помощь. — Скажи, а ты на самом деле меня любишь?

— Конечно, ты же знаешь.

— Пойдём, — Каролина взяла его под руку. — Если ты меня любишь, ты можешь сделать для меня одну вещь?

— Да что случилось-то? — Артём остановился. — Ты же знаешь, что можешь мне доверять. Если то о чём ты просишь в моих силах, я это сделаю.

— Достань денег ещё на одну поездку.

— Ты всё же хочешь ехать?

— Ещё больше, чем раньше.

— Тогда может, ты всё-таки попробуешь уговорить родителей? Как ты поедешь без разрешения?

Каролина вздёрнула нос.

— Я поеду всё равно, — упрямо сказала она. — Если ты мне не поможешь, я найду кого-нибудь другого.

— Хватит, Каролина, — оборвал он её. — Давай так, мы садимся вот на эту скамейку, и ты мне всё рассказываешь. Понять не могу, зачем тебе эта Москва? Если ты не поедешь, я тоже откажусь от поездки.

— Я расскажу тебе, если ты обещаешь мне помочь.

— Помогу, раз так, — серьёзно сказал Артём и обнял её за плечи. — Я люблю тебя и всё сделаю, чтобы тебе было хорошо. — На этот раз Каролина не стала скидывать его руку, а даже слегка прижалась к нему.

— Родители что-то скрывают от меня.

— Ну, знаешь, все родители что-то скрывают.

— Нет, это что-то очень важное, касающееся меня. Дело в том, что моя мама на самом деле не моя мама.

— Да ты что? — поразился Артём. — Алевтина Дмитриевна не твоя родная мать?

— Нет, но ты, — она повернулась к Артёму, — не должен об этом никому рассказывать.

— Да нет, конечно, — он коснулся губами щеки девушки. — Бедная ты моя. А что же с мамой-то твоей настоящей?

— Не знаю, — на глазах Каролины от его нежности даже выступили слёзы, и она порадовалась, что на улице темно. Она привыкла с самого детства скрывать свои чувства и прятать застенчивость под намеренно вызывающим поведением. В душе Каролина была совершенно другой — мягкой и ранимой. Просто она боялась боли и разочарований. — Я не знаю, что с ней, Тёмка. Мне иногда кажется, что они меня обманывают, говоря, что она умерла.

— Подожди, подожди, — перебил её Артём. — Твои родители утверждают, что твоя родная мать умерла?

— Да, но я им не верю. Я как-то пришла пораньше и услышала, как мама говорила, что если я узнаю, то им не прощу.

— Но это может быть что угодно. Хотя, — Артём задумался, — я давно замечал, что ты совсем не похожа на Алевтину Дмитриевну. Да и, вообще, их поведение всегда казалось мне странным?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты только не обижайся, — он ещё крепче прижал к себе Каролину.

— Не обидишься?

— Нет, говори.

— Они не кажутся настоящими родителями.

— Что ты имеешь в виду?

— Их отношение к тебе мало похоже на родительское поведение. Они тебе всё позволяют, покупают дорогие вещи, стремятся удовлетворить каждый твой каприз. Так не должно быть. Мне всегда это казалось странным. И вот сейчас, когда ты сказала, что они

что-то скрывают, всё встало на свои места. Возможно, они виноваты перед тобой, и тогда их задабривание становится понятно. Скажи, тебя хотя бы раз в детстве пороли ремнём?

— Нет, никогда.

— А наказывали?

— Очень редко.

— Вот видишь. А твоё поведение больше, чем любое другое нуждается в хорошей трёпке, — улыбнулся Артем.

— Неужели я такая плохая?

— Нет, но они должны были тебя воспитывать, хотя бы иногда. Послушай, ведь если твоя мать умерла, она где-то похоронена.

— Я спрашивала об этом, но они говорят, что не знают.

— Тогда можно пойти на кладбище и попытаться выяснить. Саратов не такой большой город.

— Мы раньше жили не в Саратове.

— А где?

— Я думаю, что в Москве. А родители говорят, что в Воронеже.

— А ты что-нибудь помнишь из своего детства?

— Очень мало. Помню, что мы ехали в машине. Очень долго. Потом я заболела. Мама говорила, что она боялась, что я тогда умру. А потом ещё знаешь, что я помню, — Каролина улыбнулась. — Мы катались на коньках. Такой большой каток, а перед ним красивое жёлтое здание, а вокруг скверик. Там ещё была детская площадка с горкой. В Саратове нет такого места.

— А на коньках ты каталась с Алевтиной Дмитриевной?

— Нет, она не умеет кататься на коньках. Я это точно знаю. И это была не она. Слушай, — Каролина оживлённо повернулась к Артёму: — Значит, это и была моя мама. Только я совсем не помню её лица. Помню, что мне было весело, и она держала меня за руку.

— Сколько тебе было лет?

— Четыре или около того. Потому что я точно знаю, что в пять лет, мы приехали в Саратов. А это совершенно точно было до того.

— И больше ты ничего не помнишь?

— Нет, — Каролина покачала головой. — Но если я когда-нибудь увижу это место, сразу его узнаю. И, ещё я помню, что этот каток был виден из окна дома, в котором я жила. Значит, дом стоял рядом.

— Вопрос, как найти это место, если ты не знаешь, в каком городе это было.

— Это было в Москве, я чувствую это сердцем.

— Приятно узнать, что у тебя есть сердце. Я раньше думал, что этот орган у тебя отсутствует, — не удержался от иронии Артём.

— Да ну тебя, — Каролина обиженно отвернулась. — Я с тобой, как с человеком разговариваю, душу тебе выкладываю, а ты?!

— Прости, — Артем убрал длинные волосы Каролины, чтобы видеть её лицо. — Мы поедем в Москву, раз ты так хочешь. Я достану деньги. Я попрошу у отца, он мне не откажет.

Спасибо, Тёмка, — Каролина повернулась к нему и хотела поцеловать его в щёку, но, повинувшись какому-то порыву, быстро прижалась к его губам. — Родители вернут потом деньги. Я скажу, что взяла у тебя займы. Да ладно, разберёмся, — махнул он рукой,

счастливый от того, что Каролина доверила ему свою тайну. Сейчас он чувствовал, что впервые лёд в их отношениях тронулся. Каролина стала другой, не такой холодной и бездушной, как раньше. — Слушай, а тебе обязательно ворошить эту тайну, а? — он заглянул ей в лицо. — Ведь, может, родители скрывают это ради твоего же блага?

— Я должна знать, чтобы это ни было. Нужно докопаться до правды, а уж потом я сама решу, как с ней примириться.

— Ладно, — Артём улыбнулся, — тогда поедem искать твой каток в Москву.

— Знаешь, у меня есть предчувствие, что когда я попаду туда, всё решится само собой.

— Значит, решено. Я рад, что эти дни мы проведём с тобой вместе.

— Не забывай, там будет наша классная и куча любопытных одноклассников.

— А мы от них сбежим и поедem искать твой каток.

— Спасибо, Артем, — Каролина обвела его шею руками и спрятала лицо у него на груди. — Я только сейчас поняла, что ты самый лучший.

Он приподнял ей лицо и серьёзно сказал:

— Постарайся об этом помнить, когда в следующий раз отправишься на свидание с другим.

— Обязательно, — Каролина улыбнулась, и они, нехотя встав со скамейки, медленно направились к её дому.

Жак был дома, когда Зоя вернулась, чтобы собрать вещи. Хмурый, но как всегда аккуратно причёсанный и чисто выбритый.

— Почему ты не на работе? — удивилась Зоя.

— Решил дождаться тебя, чтобы поговорить.

— Зачем? Разве непонятно: между нами всё кончено?

— Неужели ты бы уехала просто так? После всего, что было между нами?

— Нет, — Зоя покачала головой. — Надо решить, что делать с магазином. Мне просто не хотелось собирать при тебе вещи.

— Ты можешь оставить свой магазин.

— Зачем? Я больше не собираюсь жить в Париже.

— Зоя, выслушай меня. — Он помог ей снять плащ, и они прошли в гостиную. Странно, но сегодня эта просторная комната с французскими окнами до пола, откуда открывался чудесный вид на самую знаменитую железную леди, показалась ей чужой. Зоя забралась в кресло с ногами и привычно посмотрела в окно. «Прощай, Париж». Больше она не будет пить кофе, устроившись в своём любимом кресле у окна.

— Может, нальёшь что-нибудь выпить? — попросила она.

— Да, конечно. — Жак сделал ей её любимый коктейль и сел напротив.

— Ты не выпьешь со мной?

Жак поморщился:

— Ты знаешь, что я не пью с утра. К тому же у меня ещё несколько важных встреч, и меня не поймут, если от меня будет пахнуть спиртным.

Зоя зевнула и посмотрела на часы:

— Ну, во-первых, уже далеко не утро, а полдень. Да это и не важно. Знаешь, у русских есть поговорка: «С утра выпил — весь день свободен».

Жак улыбнулся.

— Это метко характеризует вашу натуру.

— Наверно, — Зоя сделала большой глоток. — Лично я сегодня ни с кем встречаться не буду, поэтому выпью перед трудным разговором. — Кстати, я тебе никогда не рассказывала, что перед тем, как приехать в Париж, я чуть не стала алкоголичкой. Пыталась заглушить горе спиртным. И только моя лучшая подруга убедила меня, что моя жизнь ещё не кончена.

— Зачем ты это рассказываешь?

— Чтобы убедить тебя, что когда я уеду, тебе будет не о чем жалеть.

— Я не спал всю ночь, — начал Жак и Зоя подумала, что она тоже не спала, но не стала об этом говорить. Вряд ли он бы понял её правильно, узнав, что она всю ночь провела с незнакомым мужчиной, показывая ему Париж, только потому, что он оказался русским, а она так соскучилась по соотечественникам. — Зоя, о чём ты думаешь? — спросил Жак. — У тебя странная привычка всё время отключаться. Иногда мне кажется, что ты и половины не слышишь, что я тебе говорю.

Зоя зевнула, прикрыв рот рукой.

— Конечно, я слушаю тебя, Жак. Я поняла, что ты не выспался и поверь мне, что я сожалею о нашей вчерашней ссоре. Я не так хотела бы с тобой расстаться.

— Лично я вообще не собираюсь с тобой расставаться, — Жак поднял руку и остановил Зою, встрепенувшуюся при его последних словах. — Подожди, это не то, что ты думаешь. Я хочу оставить твой магазин, потому что он приносит хорошую прибыль. Ты можешь ехать в Москву, управление магазином я беру на себя. Когда у тебя будут готовы новые модели, мы снова будем их продавать. Ты же не собираешься бросать это дело?

— Нет, я собираюсь делать в Москве тоже самое, только для русских женщин.

— Ну, вот и замечательно. Будешь разрабатывать новые коллекции и для Парижа тоже. Я говорил с отцом, он против закрытия магазина. Он предлагает тебе подъехать к нему в офис, чтобы подписать контракт. Кстати, у него есть для тебя хорошее предложение на счёт Москвы тоже.

— Но Жак я не могу... — Зоя поставила стакан на стол. — Я не могу принять всё это. Я так плохо поступила с тобой, что мне неловко смотреть в глаза твоему отцу.

— Всё нормально, это деловое предложение. Я скажу тебе правду, мой отец вовсе не против нашего расставания, он его предсказывал. И когда вчера я рассказал ему об этом, он был даже рад. Он признался, что уже присмотрел мне жену, и если между нами всё кончено, то я, пожалуй, женюсь. Мои родители отчаянно хотят внуков.

— Ты женишься? — Зоя изумлённо посмотрела на Жака. Не он ли ещё вчера просил её стать его женой?

— А что ты удивляешься? — Жак раздражённо забарабанил тонкими длинными пальцами по полированной поверхности стола. — Ведь ты же отказываешься выйти за меня? Ты уезжаешь.

— Да, — Зоя рассмеялась. — Я, к счастью, уезжаю. Просто я не думала, что ты так скоро примешь решение жениться.

— Ну, это будет ещё не очень скоро. Сначала я должен убедиться, что она удовлетворяет моим представлениям о том, какой должна быть жена. Потом я обязан поухаживать, чтобы это прилично выглядело перед её родными.

— Жак, прекрати! — Зоя закрыла уши. — Это твоя жизнь и делай с ней, что хочешь, но я хочу сохранить в своей памяти того Жака, с которым я прожила эти годы, а не бездушное существо, которое выбирает жену, как кобылу на ярмарке.

— Я не бездушное существо. Я всё ещё люблю тебя, но ты уезжаешь. А я должен жить, и я не хочу снова влюбляться, поэтому подхожу к вопросу по-деловому. С меня хватит разочарований. Ты разбила мне сердце.

Жак потянулся к Зоиному бокалу и отхлебнул из него.

— Сделать тебе коктейль? — спросила Зоя.

— Сделай, сделай. Может и я, напившись с утра, стану свободным и отменю все встречи.

Зоя встала:

— Виски с яблочным соком, как обычно?

— Чистый виски без сока, — закричал Жак. — Как там напиваются ваши российские мужики, когда от них уходит женщина?

— Они пьют водку. Очень много водки и закусывают луком и солёным огурцом.

Жак поморщился. Такая закуска была чужда его избалованному парижскому желудку.

— Налей мне водки.

— У нас в баре нет водки, и ты всё равно столько не выпьешь, сколько пьют русские.

Зоя поставила перед ним напиток и встала у окна.

— Что же ты со мной делаешь, Зоя? Мне по-настоящему больно.

Зоя повернулась к нему и снисходительно сказала:

— Это нормально. Со мной ты становишься человеком, а не роботом с заранее прогнозируемыми чувствами. Теперь, ты хотя бы убедился, что мы не подходим друг другу. — Жак взял её руку и прижал к своей груди:

— Скажи это моему сердцу.

— Лучше сядь. А то мы начнём всё сначала.

— Я готов, если ты не уедешь.

— Садись, Жак, — Зоя отстранилась. — Я уеду, а ты женишься. Так будет лучше. Со мной у тебя не будет счастья. Неужели ты ещё не устал от всего этого?

— Ладно, — Жак послушно сел. Какое-то время они молча потягивали напитки.

— Давай я тебе расскажу, что я, а точнее даже мой отец придумал.

— Я этого не заслужила. Я итак достаточно долго использовала тебя.

Жак поморщился.

— Пожалуйста, перестань. Никто никого не использовал, эти твои русские понятия о порядочности устарели для западного мира. У нас это в порядке вещей, когда мужчина заботиться о женщине. Но тебя это угнетает.

— К сожалению, — Зоя улыбнулась.

— Ладно, давай о другом. Тебе не обязательно закрывать свой магазин. В твои обязанности входит придумывать одежду и пополнять ассортимент. То есть делать то, чем ты и занималась. Ты — талантливый модельер, и у тебя есть много постоянных клиентов, было бы глупо всё это бросать из-за того, что мы решили разорвать наши личные отношения. Завтра, — он с тоской посмотрел на стакан с виски, — сегодня я уже никуда не смогу пойти, мы встретимся с отцом, и ты подпишешь необходимые бумаги. Управлять магазином буду я, а ты будешь получать свой процент. Теперь между нами чисто деловые отношения. Ты же этого хотела?

— Нет, не хотела, — покачала головой Зоя. — Но благодарна тебе за хорошее предложение. Я бы не обиделась, если бы ты вышвырнул меня из Парижа без копейки.

— Так поступают ваши русские. Мы с отцом предпочитаем заработать денег на твоём таланте и дать возможность заработать тебе. Но, — он внимательно посмотрел на её лицо, которое было скорее озабоченным, чем довольным, — что-то я не вижу радости на твоём лице.

Зоя улыбнулась.

— Наверно, я разучилась радоваться. Но предложение действительно хорошее.

— Подожди, это ещё не всё, — Жак сделал большой глоток. — Отец предлагает тебе открыть филиал нашего магазина в Москве. Раскрутку твоего имени и рекламу он берёт на себя. Вот тем магазином ты будешь заниматься сама. Ну, может, теперь ты останешься довольна?

— Знаешь, мне даже как-то неловко. Всё это слишком хорошо для меня. Ты уверен, что это правильное решение?

— Ну, правильное оно или нет, покажет время. Сейчас оно кажется разумным. Ты хотя бы знаешь, что за последний год прибыль от твоего магазина выросла почти в полтора раза. А это значит, что людям нравится то, что ты придумываешь.

— Это здорово. Но что-то я по-прежнему не встречаю на улицах Парижа никого в моей одежде.

— Париж империя моды, и как ты правильно заметила, здесь очень сложно развернуться, чтобы затмить известных дизайнеров. Наверно, ты права, у тебя может лучше получиться в Москве.

— Я надеюсь на это.

— Я тоже. Реклама будет очень массивная, твои фотографии появятся во всех журналах. Мы собираемся представить тебя, как модельера, который много лет проработала во Франции, и теперь решила одеть русских женщин, чтобы они стали такими же элегантными, как француженки.

— Это неправда, — возмутилась Зоя. — Я вообще не считаю, что наши девушки менее элегантные.

— Позволь это нам решать. Ты будешь улыбаться в камеру и давать бесконечные интервью.

— Я совершенно этого не умею, — вздохнула Зоя. — А может быть, мы как-нибудь обойдёмся без этого?

— Никак не получится. К тому же папа сказал, что ты прекрасно будешь смотреться в этой роли. Элегантная, хорошо одетая блондинка с грустными глазами. Ты должна понимать, что нам немного придётся поэксплуатировать твой имидж. Всё будет как у «звёзд». Тебя будут узнавать на улице.

— Какой кошмар, — поморщилась Зоя. Внезапно у неё появилась мысль, в журнале её может увидеть Катя. Сейчас ей уже пятнадцать.

— Ну что, выпьем ещё по такому случаю, — Жак взял стаканы и пошёл к бару. — Раньше мы с тобой пили за любовь, а теперь выпьем за бизнес?!

— Потом мы можем выпить за твою новую любовь.

— Ну, уж нет, — Жак поправил прядь волос, упавших на лоб. — Любить я больше не желаю. Если мне захочется острых ощущений, я прилечу в Москву, чтобы встретиться с тобой. Или вызову тебя в Париж. Теперь у меня всегда будет возможность назначить тебе деловую встречу.

— Надеюсь, ты меня скоро забудешь, — Зоя подняла бокал. — Ну давай, за наше удачное сотрудничество, и я буду собирать свои вещи.

— Куда ты поедешь?

— В какой-нибудь отель.

— Тебе нет нужды переезжать.

— Нет, Жак, знаешь, есть такая поговорка: «уходя, уходи». Если я останусь, мы измучаем друг друга. Нам обоим нужно привыкать к одиночеству. Твоё, я надеюсь, будет недолгим, моё меня полностью устраивает. Расскажи мне о твоей будущей жене.

— Её зовут Франсуаза. Двадцать пять лет, дочь обеспеченных родителей, хорошо воспитана, образована, — Жак внимательно посмотрел на Зою, надеясь увидеть ревность на её лице, но она спокойна сказала:

— Ну что ж, я рада за тебя. Такая жена тебе и нужна. Будь счастлив.

Зоя встала и ушла собирать вещи. Уезжать не хотелось. Расставаться всегда тяжело, а особенно когда людей связывают почти десяток прожитых лет. И не важно, что они не были официально женаты. С Жаком Зоя прожила больше чем с двумя мужьями вместе. Она открыла свой гардероб и стала складывать вещи. Через несколько минут поняла, что не сможет взять всё сразу.

— Жак, — она заглянула в гостиную, где он наливал себе третий бокал виски, — боюсь,

мне придётся ещё раз побеспокоить тебя перед отъездом в Москву. У меня оказывается так много вещей.

— Нет проблем, — он подошёл к ней и коснулся губами щеки. — Зоя, мне так тяжело. Может, ты не уедешь?

— Пожалуйста, не начинай всё сначала. Думаешь, мне легко?

— Скажи, а ты всё-таки любила меня?

— Конечно, иначе бы никогда не прожила с тобой десять лет. Всё пришло слишком поздно. Да я тебе уже сто раз говорила об этом. Ты заслуживаешь лучшего. И, пожалуйста, не напивайся. — Зоя заметила, что Жак уже достаточно захмелел. — Ты помнишь, что у тебя сегодня много важных встреч?

— Какие встречи, Зоя? Сегодня я слишком пьян и расстроен, чтобы заниматься делами. У тебя всегда получалось сбить меня с толку. — Может, лучше мы сходим пообедать? — его взгляд был такой просящий, что Зоя сдалась.

— Хорошо, но сначала заедем в отель, я оставлю там вещи.

Каролина с Артёмом стояли в стороне от возбуждённо переговаривающихся одноклассников, ожидая поезда в Москву. Щёки девушки возбуждённо горели. Подумать только, через полчаса она поедет в Москву и с каждой минутой, будет всё ближе и ближе к городу своей мечты. И как хорошо всё получилось: в выходные, когда родители уехали на дачу, она смогла спокойно собрать сумку и отнести её к Артему. Деньги на поездку Артём попросил у отца сразу же после их разговора.

— Каролина, а ты когда домой звонить будешь? — спросил Артём.

— Как только поезд тронется. Мне всё время кажется: появится отец и заберёт меня домой. — Она оглянулась.

— Да успокойся ты. Откуда ему здесь быть?

— Сама не знаю, но так боюсь. Да где же этот поезд?

— Вон появился, — заметил Артем.

— Ну, наконец-то! Ты не поверишь, но я готова расцеловать даже машиниста. Он отвезёт меня в Москву.

— Лучше поцелуй меня, — возмутился Артём.

— Тебя позже, — улыбнулась Каролина, бросив на него кокетливый взгляд из-под длинных чёрных ресниц, — классная не поймёт. Она уже подозрительно на нас поглядывает. Мы стоим в сторонке, словно влюблённые.

Устроившись в вагоне, Артем и Каролина снова вышли на перрон. Провожаящие махали руками. Некоторые наспех целовались.

— Сколько времени до отхода поезда? — спросила Каролина.

— Две минуты.

— Тогда лучше сейчас позвоню, пока наших нет поблизости.

Каролина всё продумала заранее. Она позвонит домой и поставит мать перед фактом. Дома к телефону долго никто не подходил. Каждый гудок отдавался в её сердце, как набат колокола. Она волновалась и нервно поглядывала на поезд, который вот-вот должен тронуться. «Ну, давай же, мама, сними трубку», — прошептала она. Конечно, это был не первый раз, когда она поступала наперекор родительской воле. Но то, что она проделывала раньше, были безобидные шалости, которые всегда прощались. Ослушавшись в этот раз, она понимала, что бросила родителям вызов.

— Нет никого дома? — спросил Артём, не сводя глаз с серьёзного лица девушки.

— Никто трубку не берёт, — раздражённо ответила она. — Мать всегда дома сидит, а тут куда-то запропастилась. А мне уже хочется покончить с этим делом.

После седьмого гудка в трубке послышался усталый голос Аллы.

— Алло, мам, привет, — Каролина постаралась придать своему голосу уверенность, которой вовсе не испытывала.

— Где ты, Каролина?

— Я на вокзале, уезжаю в Москву с классом.

— Что?! Куда ты уезжаешь? — Алла отказывалась верить своим ушам.

— Я уезжаю в Москву с классом. Не волнуйтесь, со мной всё будет в порядке.

— Но как? Отец запретил тебе уезжать.

— Я не знаю, почему он это сделал, но я обязательно должна поехать. И ещё: я взяла деньги на поездку у Артура, ты можешь зайти к ним и вернуть долг?

— Что же ты наделала?! Отец будет в ярости, — сказала Алла слабым голосом. Она никогда не умела кричать, а сейчас этот непредсказуемый поступок Каролины совершенно лишил её последних сил. Она понимала, что должна как-то удержать её. Наконец, собравшись с силами, она сухо скомандовала:

— Сейчас же иди домой!

— Мам, ты, что с ума сошла? Меня классная не отпустит. Она пребывает в полной уверенности, что вы меня отпустили. Ты что, хочешь скандал устроить? Оставьте меня в покое. Я уже взрослая.

— Отец убьёт тебя, когда узнает, что ты уехала без разрешения.

— Да что он может сделать?! — презрительно заметила Каролина. — Потрясёт кулаками, поорёт и выпьет чуть больше пива. Что он выгонит меня из дома?

— А если и выгонит?! Что ты будешь делать, соплячка такая? — рассердилась Алла, понимая, что ситуация в очередной раз вышла из-под контроля, как это всегда бывало с этой своенравной девчонкой.

— Да и, пожалуйста, — нагло заявила Каролина. — У меня, в отличие от вас, много друзей. Найдется, где переночевать, пока он не выпустит пар.

— Каролина, поезд отправляется, — дёрнул её за руку Артём.

Каролина поднялась на ступеньки тамбура и быстро сказала в трубку:

— Мам, всё. Приеду через неделю. Да, совсем забыла: у меня деньги заканчиваются на мобильном, так что я его выключаю. Всё будет в порядке. Пока. — Каролина нажала кнопку отбоя и бросила телефон в сумку.

— Ну и как она отреагировала? — спросил Артём, удивлённый тем тоном, которым Каролина разговаривала с матерью. Он бы так никогда не смог. Да он, наверно, и не уехал бы, если бы родители не разрешили, а потому с некоторым уважением смотрел на Каролину. Какая она всё-таки смелая, ничего не боится.

— Да, нормально, — пожал плечами Каролина. — Что она сможет сделать? Если бы я с отцом разговаривала, он бы орал, как сумасшедший. А мать... — девушка махнула рукой. — Всегда всем уступает. Если бы у меня был такой характер, я бы удавилась.

— Зачем ты так о своей матери?

— Ну, она мне не родная мать, я тебе говорила. Хотя, она меня и вырастила. Всё, хватит о них. У нас впереди чудесное путешествие в город моей мечты, и я собираюсь выбросить все мысли о предках до нашего приезда домой.

— Ребята, где вы? — в тамбур вышла классная дама. Одета в мешковатые джинсы вместо традиционного костюма, в котором её привыкли видеть ребята, она выглядела смешно.

— Мы идём, Лилия Владимировна, — послушно сказала Каролина и прошла в вагон, скорчив за её спиной уморительную мордашку.

Каролина сразу влюбилась в Москву, и если другие её одноклассники, в том числе и Артём обалдевали от шума машин и постоянной суеты, она чувствовала себя, словно всегда жила здесь. Она без конца просила её сфотографировать и не выпускала фотоаппарат из рук. Александровский сад показался ей очень знакомым.

— Артём, мне кажется, я здесь была, — шепнула она ему, глядя зубчатые красные стены кремля, совершенно не прислушиваясь к рассказу экскурсовода и испытывая одно единственное желание, чтобы её предоставили самой себе и позволили просто погулять в этом замечательном месте.

— Ты выдумываешь, — улыбнулся Артём, сжимая её руку.

— Нет, я тебе клянусь, — Каролина нахмурила брови. — Мне всё здесь кажется знакомым.

— Скорее всего, ты видела это по телевизору или на фотографиях, — не сдавался он, любуясь её стройной фигуркой в малиновой куртке с меховым воротником. В ней Каролина выглядела совсем взрослой, и никто не дал бы ей пятнадцати лет.

— Я тебе сейчас докажу. У меня возникла идея. — Она стала пробиваться ближе к экскурсоводу, расталкивая одноклассников. — Скажите, а вот этих будок, в которых стоят солдаты возле вечного огня, раньше здесь не было, правда?

— Правда, — согласилась экскурсовод, — их поставили всего несколько лет назад.

— И ещё, — возбуждённо продолжила Каролина, — вот этих уродливых скульптур с конями здесь тоже не было?

— Это творения нашего известного скульптора Церетели, — улыбнулась дама. — Хотя признаюсь, что тоже не являюсь его поклонницей. А скульптур здесь действительно раньше не было, а по Манежной площади ездили машины и ходили троллейбусы.

— Я помню, — отрешённо сказала Каролина, не обращая внимания, что Лилия Владимировна рассерженно делает ей знаки, чтобы она не мешала экскурсоводу, а ребята смотрят на неё с удивлением.

— Похоже, милая девушка, вы были когда-то в Москве, — заметила экскурсовод. Она давно обратила внимание на Каролину. В этой толпе подростков, одетых в чёрно-серую осеннюю гамму, в своей ярко-красной куртке, короткой юбке и сапогах на шпильке, она выглядела диковинной птичкой с ярким оперением. К тому же она казалась старше других, настоящая маленькая женщина, совершенно уверенная в своей неотразимости. Машинально читая лекцию, женщина несколько раз наблюдала за ней. От её цепкого взгляда не укрылось и то, что высокий мальчик, с которым она шепталась, смотрел на неё с нескрываемым обожанием, а вот классную даму она, похоже, раздражала. Да так и должно быть. Такие рано развившиеся красивые девушки часто испытывают предвзятое отношение со стороны учителей женского пола. Желая поддержать девушку, экскурсовод сказала:

— Очень хорошо, что вы обратили на это внимание. Пожалуй, будет уместно вспомнить, как изменилась Москва за прошедший десяток лет.

Весь день Каролина пребывала в смятении. Она была почти уверена, что когда-то жила здесь, но, сколько ни напрягала память, ничего не могла вспомнить. С кем она была на Красной площади и в Александровском саду? С мамой, о которой ей запрещено говорить или с отцом?

— Ты такая задумчивая, Каролина, — заметил Артём. — Похоже, этот город действует на тебя завораживающе. А мне он не нравится. Здесь суета, как у нас на вокзале. Все куда-то спешат, чуть зазеваешься, уже толкают. Я бы не хотел здесь жить.

— Ты ничего не понимаешь, это чудесный город, такой волнующий. Сколько красивых зданий, дорогих магазинов, огней. Я обязательно приеду сюда после школы. Теперь Саратов кажется мне деревней.

— Да перестань ты. У нас Волга, красота. Воздух. А здесь, я дышу через раз, и мне

кажется, что мои лёгкие полны выхлопных газов. Интересно, а им, что нравится в пробке стоять? Мне кажется быстрее на своих двоих добираться, чем всё время газовать. — Артём с удивлением смотрел на едва ли двигающиеся быстрее пешеходов автомобили.

— А я уже вижу, как еду в машине по этому чудесному городу. А ты заметил, как красиво одеты женщины? Некоторые выглядят так, словно сошли с обложки журнала мод. Хотела бы я иметь возможность одеваться в дорогих магазинах.

— Знаешь, — Артём окинул Каролину взглядом, — по-моему, ты выглядишь ничуть не хуже. Во всяком случае, мужики на тебя и здесь пялятся.

— Правда? — обрадовалась Каролина. Её всегда опьяняло впечатление, которое она производила. — А я ничего не замечаю, всё пытаюсь вспомнить, когда же я здесь была. И если я жила здесь, то где мой дом?

Обед с Жаком затянулся, и Зоя уже не знала, успеет ли она к назначенному времени, чтобы встретиться с Алексеем. А именно сейчас, глядя на Жака, она особенно хотела это сделать. Зоя украдкой посмотрела на часы и на почти нетронутую тарелку с горячим у Жака. Он явно никуда не торопился. Зоя сделала глоток белого вина и решила:

— Жак, у меня встреча в семь.

— С кем? — он поднял на неё насупленный взгляд.

— Мне кажется, я уже не обязана отчитываться перед тобой, — холодно сказала Зоя. — Я никогда не позволяла себе задавать лишних вопросов, с кем ты встречаешься.

Жак сник.

— Да, ты права. Но почему ты это скрываешь?

— Не уверена, что ты поймёшь.

— У тебя свидание?

— Не совсем. Вчера в Париж прилетел мой старый друг из Москвы, и я обещала с ним встретиться, — Зоя не рискнула признаться Жаку, что их дружбе чуть более десяти часов.

— Твой друг, конечно, мужчина?

— Его зовут Алексей. Мы вместе учились в институте, — зачем-то соврала Зоя.

— Не смею задерживать, — он подозвал официанта и расплатился. Ухватив Зою под локоть, они вышли вместе из ресторана.

— Поймать тебе такси? — спросил Жак, всё ещё пытаюсь казаться галантным.

— Думаю, что быстрее доберусь на метро, — Зоя посмотрела на него и улыбнулась. — Мне надо отвыкнуть от дурной привычки ездить на такси. Спасибо за обед. — Зоя протянула ему руку, которую он поцеловал, но по его лицу она видела, что он злится.

Когда Зоя, наконец, добралась до Лувра, она обнаружила, что опоздала на целых полчаса. Увидев её, Алексей пошёл ей навстречу. Он переделался в кожаную чёрную куртку и синие джинсы и сейчас выглядел моложе, чем в костюме.

— Я уже боялся, что вы не придёте.

— Извините, — Зоя улыбнулась, не решаясь признаться, что и она боялась, что он не дождётся её. — Иногда расставание занимает больше времени, чем нужно. У нас с Жаком был прощальный обед.

— Значит, вы не голодны? А я собирался пригласить вас на ужин, — Алексей выглядел немного расстроенным. Он почему-то почувствовал, что ревнует Зою к этому французу, с которым она обедала. Наверное, она была с ним в одном из тех шикарных ресторанов, к которым ему даже страшно приблизиться.

— Давайте немного пройдемся, а позже можно куда-нибудь зайти выпить кофе, — примирительно сказала Зоя, заметив его разочарование.

— Хорошо, — Алексей взял себя в руки, ругая себя за глупую ревность. Они знакомы-то всего один день, вернее ночь. — Куда мы пойдём?

— Здесь неподалёку есть знаменитый сад Тюильри. Вы ещё не были там?

— Нет, но я посетил Лувр.

— Лувр, — Зоя улыбнулась. — Я люблю бывать там, хотя плохо разбираюсь в живописи.

— Я тоже не знаток. Думаю, что мне вполне хватит одного раза, чтобы поставить галочку, что видел Джоконду.

— Ну, это уже большое дело. Я была страшно разочарована. Картина оказалась такой маленькой. Когда я жила с мамой у меня на стене висела её репродукция, и я часто смотрела на неё. Так что она мне, как родная.

— Вы так трогательно обо всём рассказываете, что я начинаю видеть всё в другом свете. У вас очень добрый взгляд, и вы так замечательно говорите о самых обычных вещах.

— Хорошо, тогда пойдёмте в сад Тюильри. Там есть знаменитая скульптура Родена «Поцелуй» и есть одно местечко, откуда получают замечательные фотографии. У вас же есть фотоаппарат?

— Да, есть. Но я бы хотел, если вы не возражаете, сфотографировать вас, потому что Париж на всю жизнь у меня будет ассоциироваться с вами, Зоя.

Зоя серьёзно посмотрела на него, но ничего не сказала. Ей бы не хотелось, чтобы Алексей начал за ней ухаживать. Она только рассталась с Жаком и совершенно не готова к новым отношениям. К счастью, Алексей это понимал и не пытался переступить через запретную черту. Он даже смотреть на неё старался пореже, чтобы не выдать себя. Они долго гуляли по саду, а потом сели на освободившиеся белые стулья, недалеко от фонтана.

— Вы на самом деле решили ехать в Москву? — задал мучивший его вопрос Алексей.

— Да, — Зоя счастливо улыбнулась. — Уже мечтаю, как пройду по знакомым местам. Конечно, в Москве не посидишь с книгой на скамейке, как в Париже. У нас все сидят с бутылками пива.

— Да, кстати, всё хотел спросить, а почему-то никто не пьёт пиво на улице?

— Ну, Алексей, это Париж. Здесь это считают настолько неприличным, что штрафуют, если увидят кого-нибудь за распитием спиртных напитков. Посмотрите, вон сидят пенсионеры с книжкой, а вот молодая девушка с учебником. Это же прекрасно, что можно прийти и вот так сидеть, читать что-нибудь и наблюдать за прохожими. Кстати, здесь никто не подойдёт с дурацким вопросом: «Скучаете, девушка?»

— Вам так это нравится, и вы уезжаете.

— Да, уезжаю. Наверно, мне хочется вновь вкусить беспокойства нашей страны. К тому же Жак, а точнее его отец, сделал мне хорошее предложение. — Зоя передала Алексею их разговор.

— Вам повезло, не каждой женщине удаётся остаться с бывшим возлюбленным друзьями.

— Дружба здесь не причём. Это деловое партнёрство. Жак собирается жениться и завести детей, и я от души желаю ему счастья, — Зоя сказала это мягко, но Алексей понял, что она больше не желает разговаривать на эту тему. Он поёрзал на белом стуле, который казался ему слишком жёстким и заговорил о том, о чём он думал целый день, о её пропавшей дочери.

Зоя напряглась, и он опять ощутил острое чувство жалости.

— Целый день эта история не выходит у меня из головы. Мне кажется, Катю плохо искали. Если бы вы дали мне хотя бы начальную информацию, я бы выдал распоряжения своим сотрудникам. Ко времени моего приезда я бы уже кое-что знал.

— Да, конечно. Я не рискнула сама заговорить об этом. Вы здесь на отдыхе.

— Это мне не помешает. — Он достал из куртки маленький ежедневник и ручку: —

Давайте начнём с самого простого. Имя, фамилия, отчество.

Зоя ответила на все его вопросы, Алексей исписал мелким почерком несколько листков. Когда они закончили, она взглянула на него с надеждой.

— А ведь вот знаете, я вдруг почувствовала, что вы найдёте её, и мы действительно не напрасно встретились. — Зоя непроизвольно взяла его за руку: — Вы верите, что она может оказаться жива, и я когда-нибудь привезу её в Париж? И мы тоже посидим в саду Тюильри. Я уверена: ей бы здесь понравилось.

— Я верю, — он сжал её руку в ответ. — Мы найдём её.

— И, пожалуйста, не стесняйтесь в расходах.

— Хорошо, — кивнул Алексей, и они поднялись.

— Я предлагаю закончить день прогулкой на кораблике по Сене. Как вы на это смотрите? — Зоя улыбнулась.

— Сначала всё-таки поужинаем. Не знаю, как вы, а я умираю с голоду, — признался Алексей. После долгих споров ему удалось затащить Зою в недорогое кафе, в котором, когда ему принесли меню, он сделал над собой усилие, чтобы ничего не сказать. Если это кафе считалось недорогим, то, какие же цены тогда в ресторане?

Воробьёвы горы не произвели особого впечатления на Каролину. Возможно, это место не было ей знакомым, а Москва отсюда казалась крошечным и не очень красивым городом.

— А вот и здание университета, — показала рукой Лилия Владимировна. — Некоторые из вас, те, кто хорошо учатся, — она бросила взгляд на Каролину, намекая, что она к этим избранным не относится, — могут через год попробовать свои силы. Поступить сюда трудно — очень большой конкурс, поэтому в течение года вы должны усерднее заниматься. — Каролина закатила глаза и отошла от учительницы подальше, повернувшись спиной к храму науки. Артём последовал за ней.

— Ну, завела свою любимую песню о том, как нам нужно учиться. Как будто мы в школе, а не на экскурсии, — раздражённо заметила Каролина. — Неужели кому-то сейчас нужно это прикладное образование? Лично меня десятилетка достала. И, вообще, все талантливые люди были неучами. Форд, например, с трудом школу закончил, а его автомобили по всему миру покупают.

— Ну, не все же талантливыми рождаются. Я вот, например, даже не знаю, чем буду заниматься. Тебе хорошо, ты уже решила.

— Да, как только получаю аттестат сразу в Москву к Зайцеву.

— Куда?

— Хочу работать у Зайцева. Он же у нас лучший модельер.

Артём с сомнением посмотрел на Каролину:

— И ты уверена, что он тебя возьмёт?

— Да, — Каролина вздёрнула упрямый подбородок. — Я уверена, что добьюсь этого, пусть даже не сразу. Я буду бороться. К тому же я уверена, что у меня талант.

Их позвали в автобус.

— Ну, не дают даже поговорить, — вздохнула Каролина. — Лилия достала уже своими достопримечательностями.

Менее чем через час их автобус остановился на Малой Бронной.

— Быстрее, быстрее, — торопила их Лилия Владимировна. — Нас ждёт очень интересная экскурсия. Действие романа «Мастер и Маргарита», который написал некогда запрещённый писатель Булгаков, начиналось в этом скверике.

Артём подал руку Каролине, выходящей из автобуса. Ребята прошли вслед за Лилией Владимировной к самому пруду. Неожиданно Каролина вздрогнула. Её посетило опять это «дежавю», ещё более сильное, чем возле кремля. Она знает это место. Это совершенно точно. Она оглядывала липы, аккуратно посаженные вокруг прямоугольного пруда и жёлтый павильон на противоположной стороне. Закрыла глаза, желая вызвать в памяти ту картину с катком, так хорошо сохранившуюся в памяти. Да, это здесь. Как бы выяснить, бывает ли здесь каток? Артём коснулся её руки:

— Каролина, ты не слышишь? Лилия предлагает пройти к тому месту, где Аннушка разлила масло.

— Да ну её — оттолкнула его руку Каролина. — А не пошла бы она со своим маслом? Я хочу остаться здесь. Не мешай мне. — Она закрыла глаза и погрузилась в воспоминания. Когда она их открыла, перед ней стояла Лилия Владимировна.

— Что с тобой, Каролина? Тебе плохо?

Неожиданно у девушки созрел план, она слегка покачнулась.

— Да, что-то нехорошо, Лилия Владимировна, — слабеньким голоском сказала она. —

Тошнит. Я лучше присяду на скамеечке. Наверно, меня укачало в автобусе.

— Но я не могу оставить тебя одну. А здесь экскурсовод и время идёт. Ох, вечно с тобой что-то происходит, — заметила она с раздражением. — Что же делать?

Она нерешительно посмотрела на Артёма.

— Вы идите с ребятами, а я останусь с ней, — быстро предложил он, понимая, что Каролина притворяется. — Мы немного посидим вон на той скамейке.

— Хорошо, — согласилась классная. — Только не оставляй её одну и не двигайтесь с места. Но как же это некстати.

Лилия Владимировна удалилась, а Каролина, показав ей вслед язык, повернулась к Артёму, блестя лукавыми глазами.

— Ловко, я её надула?! Какое счастье, что можно хотя бы ненадолго остаться одним.

— Ты хотела остаться со мной наедине?

— Дурак ты Тёмка, и все мысли у тебя об этом. Я уверена, что это то самое место. Но я должна убедиться.

— То самое место? То есть тот каток, о котором ты мне рассказывала.

— Ну да, — Каролина нетерпеливо вертела головой. — Здесь вполне мог быть зимой каток. Но это надо выяснить.

— И у кого ты собираешься это выяснять?

— Да вон, хотя бы у той бабульки с пуделем. Она кажется достаточно древней, чтобы помнить прошедшее десятилетие.

— А я думаю, что она должна помнить ещё революцию семнадцатого года, — пробормотал Артём, едва успевая за Каролиной.

— Извините, вы здесь живёте? — обратилась к старушке девушка.

— Да милая, уже полсотни лет живу здесь и горжусь этим. Это замечательный район, самый лучший в Москве. Вон в том доме моя квартира, — указала маленькая старушка в старомодной шляпке с выбивающимися из-под неё седыми кудряшками.

— Тогда вы должны знать одну вещь, — у Каролины загорелись глаза.

— Что тебя интересует?

— Был ли здесь каток десять лет назад?

— Не только десять лет назад, и двадцать, и тридцать лет назад здесь катались на коньках. И, надеюсь, что всегда будут. Жаль, что я так и не осмелилась встать на коньки, а сейчас уже поздно.

— Спасибо вам, — Каролина чуть не расцеловала старушку. — Вы мне так помогли. — Каролина уже хотела отойти, но бабуля оказалась словоохотливой.

— Знаете, что плохое произошло в прошлом году?

— Что?

— Вот в этом здании раньше была раздевалка для детишек, бесплатная, между прочим. А потом новые русские купили это помещение и сделали ресторан. Как жаль! Мы уже митинговали, митинговали, подписи собирали, но всё оказалось бесполезно. Ресторан всё равно открыли. А бедные детишки теперь на скамейках переодеваются, пальчики морозят, пока коньки завязывают. Представляете?

— Да, конечно, очень жаль, — машинально сказала Каролина. Под воздействием слов

пожилой москвички у неё в голове возникла картина, как она сидит на скамейке, а мама ей завязывает коньки. Потом она ждёт маму, которая зашнуровывает коньки себе, в раздевалке тепло, пахнет сладкими булками и кожей.

— Да, конечно, здесь была раздевалка. Как я могла это забыть. Спасибо вам. — Она повернулась к Артёму. — Идём скорее, я должна найти.

— Что найти? — удивился он, видя возбуждение на лице Каролины.

— Найти дом, в котором я жила.

— А как же Лилия?

— Ничего, подождёт. Скажем ей, что я пошла в туалет.

— Но здесь нет туалета. Это очень маленький скверик.

— Туалет есть вон там, — махнула рукой бабулька и направилась дальше, элегантно опираясь на палочку.

— Ты знала, что здесь есть туалет? Его же не видно с этого места.

— Ну, конечно. Я тебе говорю, что я нашла то самое место, где я жила.

— Лилия идёт, — вдруг воскликнул Артём. Она направляется прямо к нам.

— Вот чёрт. Но я должна здесь остаться. Слушай, скажи Лилии, что меня всё время рвёт, но не подпускай её близко ко мне, пока я буду изображать, что мне так плохо, и я никак не смогу сесть в автобус. Мы вернёмся в гостиницу на метро. Или я это никогда себе не прощу.

Каролина согнулась над ближайшей урной, изображая рвотные звуки. Лилия Владимировна, подошла к Артёму и поморщилась.

— Что это с ней?

— Не знаю, Лилия Владимировна. Её всё время рвёт. Она не может поехать на автобусе. Ей там будет совсем плохо.

— Ну, мы можем подождать. Хотя, — она взглянула на часы, у нас ещё экскурсия в Третьяковскую галерею.

— Вы поезжайте, а я останусь с ней. На свежем воздухе ей станет лучше. Мне кажется, это её укачало. А потом мы приедем в гостиницу. Каролина была раньше в Москве, она знает метро, — соврал он.

— А если вы заблудитесь?

— Исключено. К тому же у меня есть мобильный, и вы всегда можете позвонить нам. Мы взрослые, Лилия Владимировна, — протянул он, глядя на классную даму с высоты своего роста.

Лилия Владимировна смотрела, то на согнувшуюся над урной Каролину, то на автобус, не решаясь оставить их. Каролина «вытерла» рот платком и подошла к ним, покачиваясь.

— Боже мой, мне никогда не было так плохо, — слабым голосом пролепетала она и оперлась на Артёма. — Мне так стыдно, что я испортила вам экскурсию, но я совершенно не в состоянии сесть в автобус, — меня опять тошнит. Она издала рвотный звук, и классная непроизвольно отпрянула.

— Ладно, Артём, я рассчитываю на тебя. Ты — умный мальчик и сделаешь всё, как надо.

Лилия Владимировна, бросив брезгливый взгляд на Каролину, поспешила к автобусу.

Каролина ухватила за руку Артёма, её живые карие глаза искрились весельем.

— Ну, и как тебе спектакль?

— Тебе надо в театральные поступать, а не на модельера учиться. Ты так убедительно

всё проделала, что я почти поверил, что тебе плохо.

— Ну и хорошо, давай теперь дождёмся, пока они уедут, и пройдем по аллеям скверика. Я убеждена, что дом, в котором я жила, где-то здесь. Каролина недовольно посмотрела в сторону автобуса. — Пока они уедут, пройдет полгода, а я сгораю от нетерпения.

Они направились к скамейке, но, проходя мимо скульптур, изображающих басни Крылова, Каролина вскрикнула и присела.

Артём с удивлением смотрел, как Каролина гладит барашка, к которому волк протянул свою мохнатую лапу.

— Что ты делаешь?

Каролина подняла на него лицо, в её глазах стояли слёзы.

— Я знаю этого барашка, я ещё всё время боялась, что я как-нибудь приду, а волк всё-таки дотянется до него и съест. А мама говорила, что этого никогда не случится, потому что дядюшка Крылов охраняет своих зверюшек. Я помню, у меня была книжка с его баснями. Боже мой. Я жила в Москве. Я вспоминаю. Но почему же я не помню лицо мамы? Почему?

— Успокойся, Каролина, — Артём помог ей подняться и обнял за плечи. — Ты всё вспомнишь. Кстати, автобус уехал, мы можем идти искать твой дом.

— Я не знаю, в какую сторону идти, — жалобно сказала Каролина.

— Давай обойдем пруд, здесь не так уж много домов, из окна которого ты могла видеть каток. — Они прошли по ближайшей аллее и оказались перед красивым трёхэтажным особняком со львами.

— Нет, у нас был высокий дом, хотя этих львов я тоже помню.

— Хорошо, пойдём дальше.

Взявшись за руки, они шли по дорожкам, как вдруг Каролина остановилась напротив серого шестиэтажного дома с большим парадным входом. Дом выглядел представительно, видимо, бы построен ещё в то время, когда архитектуре придавали значение.

— Вот он! — тихо сказала она, не веря своим глазам.

— Ты уверена? — Артём почувствовал, что ему передалось волнение Каролины. Её рука нервно подрагивала в его руке, а щёки покраснелись от осеннего холода.

— Почти, но давай подойдём поближе. — Они пересекли улицу, и он прочитал вслух табличку.

— Эта улица называется Малой Бронной. Тебе ничего не говорит это название?

— Нет.

Они подошли к самому подъезду. Через стеклянную дверь была видна широкая мраморная лестница, ведущая наверх, и будка консьержа.

— Смотри, здесь даже консьерж есть, — сказал Артём. — В этом доме, наверняка, живут одни богатые. Ты, наверно, ошибаешься.

— Вовсе нет. Давай зайдём.

— А может не стоит? — он нерешительно посмотрел на Каролину. После его скромной саратовской пятиэтажки дом казался дворцом.

— Тогда я одна, — Каролина подошла к двери и уже собиралась позвонить, как дверь открылась и оттуда выпорхнула ухоженная дама в коричневой норковой шубе. Благоухая дорогим парфюмом, она решительно направилась к припаркованной сверкающей иномарке. Пока девушка, раскрыв рот, созерцала незнакомку, Артём придержал дверь.

— Ты по-прежнему хочешь войти? — спросил он Каролину.

Каролина шагнула в подъезд и остановилась. И снова дежавю. Она стояла и

прислушивалась к себе.

— Вы к кому, молодые люди? — вежливо спросил консьерж, седой мужчина, лет шестидесяти.

Каролина быстро посмотрела на переминавшегося Артёма, явно чувствующего себя не в своей тарелке, и готового выбежать прочь. Но она ещё не готова уходить, ей казалось, что она подобралась к самой тайне. Её быстрый ум работал, как компьютер. Она постарается очаровать этого деда и выведать у него какую-нибудь информацию. Она подошла к нему и облокотилась на стойку.

— Не могли бы вы мне помочь?

— Да, конечно, — пожилой мужчина по-доброму смотрел на неё из-под седых бровей своими выцветшими бледно-голубыми глазами.

— У меня, — Каролина сделала паузу. Он выжидательно поднял брови. — Вы не будете надо мной смеяться?

— Нет, — он улыбнулся.

— У меня странное ощущение, что я когда-то жила в этом доме.

Брови мужчины поползли ещё больше вверх.

— Вы думаете, что жили здесь? — переспросил он, немного наклоняясь к ней и внимательно глядя в её лицо.

— Да, — Каролина неловко теребила перчатки в руках, раздумывая, не сказать ли ему правду. Внезапно решила. Она расскажет ему всё, это её единственный шанс. — У вас есть минутка времени? — вежливо поинтересовалась она.

— О, времени у меня сколько угодно, — мужчина улыбнулся. — Моя смена заканчивается ещё через несколько часов.

— Понимаете, я живу в другом городе, — быстро затараторила Каролина, — и у меня есть подозрение, что мои родители что-то скрывают от меня. Я знаю, что моя мать не является моей родной матерью. И ещё мне кажется, что я жила в Москве, потому что мои родители запретили мне ехать сюда. Но я их не послушалась. Когда мы оказались здесь сегодня с экскурсией, я сразу узнала это место, эти скульптуры Крылова и этот пруд. Я помню, как каталась здесь на коньках зимой. Но я совсем не помню моей матери. Мои родители сказали мне, что она умерла.

— Как вас зовут, милая леди? — спросил мужчина, заинтересованный её рассказом. Это было странно, но что-то в её лице казалось ему знакомым, в то время как он был убеждён, что никогда не видел эту девушку. Он хорошо знал всех жильцов дома. Сейчас многие, конечно, уехали и сдали свои квартиры, но он всё равно помнил их.

— Меня зовут Каролина. А вас?

— Иван Фёдорович, — отрекомендовался консьерж и вышел из-за стойки, не сводя глаз с девушки.

— Я думаю, что вы всё-таки ошибаетесь, — медленно проговорил он. — Я бы запомнил такую девушку с таким необычным именем.

— Но ей было тогда пять лет, — вступил в разговор Артём, до сих пор молча стоящий у неё за спиной.

— Пять лет, — Иван Фёдорович посмотрел на Каролину. — А сколько, простите, вам сейчас?

— Пятнадцать, — ответила Каролина.

— Надо же, — удивился Иван Фёдорович, — а выглядите старше. Дайте-ка мне

подумать. Я работаю здесь уже пятнадцать лет.

— Тогда вы, наверно, знаете всех жильцов? — с надеждой спросила Каролина.

— Естественно. Но за все эти годы, здесь не было девочки с таким именем.

— Но, а если имя было другое? Может, родители поменяли ей имя? — начал фантазировать Артём.

— Хорошо, дайте подумать, это было давно. Лет десять назад. — Вдруг он вспомнил. Ну, конечно, у Зои с пятого этажа приблизительно в это время пропала дочка. Только как её звали? — Он потёр переносицу. Нет, он не помнил имени девочки, хотя помнил её внешне. Она была тёмненькая, с карими глазами и очень избалованная. Эта тоже тёмненькая и с карими глазами. На какой-то миг ему даже показалось, что это она, но он заставил себя не показывать виду, опасаясь внушить девочке ненужную надежду. Это было столько лет назад. Сейчас у неё семья, родители. Да он и Зою-то не видел с тех пор, как она уехала в Париж. В квартире её живут какие-то англичане. — Милые люди, давайте выйдём на улицу

— Вы мне не верите? — Каролина отчаянно схватила его за рукав.

— Я вам верю, — он мягко посмотрел девочке в глаза, — но, послушайте меня старика: иногда не стоит ворошить прошлое. У вас есть дом, родители. Кстати, откуда вы приехали?

— Из Саратова, — тихо сказала Каролина.

— Вот и возвращайтесь к родителям. Они любят вас, и если, как вы считаете, они что-то скрывают от вас, то это для вашей же пользы. Вы меня понимаете?

— Но я имею право знать, где я жила, — запальчиво сказала Каролина. — Я хочу знать, кто была моя родная мать и почему меня увезли из Москвы. Я люблю этот город. И ещё, хотите я вам докажу, что я жила здесь? Хотите?

Иван Фёдорович улыбнулся её ребячливости. Вот ведь молодёжь! Вообразят себе невесть что.

— Я не хочу, чтобы вы ничего мне доказывали. Повторяю вам — нет никакого смысла заниматься расследованиями, даже если вы здесь жили.

Каролина почувствовала, что сейчас расплечется. О, если бы она только могла подняться по этой широкой лестнице и найти квартиру, в которой она жила. Она была уверена, что найдёт её, хотя не помнила на каком она этаже.

— Третья ступенька сверху обломана, я помню, что один раз упала там, — тихо сказала девушка и, быстро повернувшись, вышла из подъезда, не желая, чтобы старик увидел её слёзы.

Каролина неслась по улице так быстро, что Артём едва успевал за ней. И только убедившись, что она далеко от этого места, которое причиняло ей такую боль, она остановилась и в изнеможении села на скамейку, спрятав лицо в ладонях. Артём молча гладил её по волосам, а она плакала, размазывая кулачками косметику по лицу. Она жила здесь. Она это точно знала, только теперь уже не была уверена, что правильно поступает, вороша прошлое. Старик вполне мог оказаться прав. Наверно, мать бросила её, а не умерла.

Выкурив сигарету, Иван Фёдорович вернулся на место. Он раскрыл журнал и попытался читать, но поймал себя на мысли, что эта девчушка в яркой куртке не выходит у него из головы. Совершенно неожиданно он вспомнил имя Зоиной дочери. Её звали Катей. Катерина, Каролина, в этом было что-то до странности похожее. Он стал вспоминать

историю с похищением девочки. Его вызывали по этому делу в милицию. Он давал показания. Всё это тогда показалось ему странным. Одним воскресным днём Катя и её отец просто исчезли. Не нашли ни их тел, ни их следов. Словно те двое сквозь землю провалились. А вдруг он украл её? Тогда история, которую рассказывала Каролина, вполне могла оказаться правдой. Вдруг он вспомнил про ступеньку и вышел из-за стойки. Ещё издалека он заметил, что девочка была права, ступенька обломана. Он почувствовал себя нехорошо. А вдруг он упустил что-то важное? Вдруг это и была та самая Катя. Ему надо было взять у неё телефон или адрес и передать её матери, когда она вернётся. Какой же он дурак. Он выглянул из подъезда, ища знакомую красную куртку. Он даже оставил свой пост и прошёл вокруг пруда, надеясь на то, что ребята сидят где-то на скамейке. Их нигде не было, и Иван Фёдорович вернулся на место, пытаясь успокоиться. Сейчас он был почти уверен, что допустил ошибку.

— Ты не представляешь, как я рада тебя видеть, — Зоя обнимала Диану Дмитриевну. Андрей Валерьевич, уже изрядно поседевший, но всё ещё стройный и подтянутый, дождался своей очереди, радуясь приезду Зои. Он знал, как Диана Дмитриевна скучала по дочери, неожиданно уехавшей за границу, и как переживала из-за пропавшей внучки.

Зоя вырвалась из объятий матери и поцеловала в чисто выбритую щёку Андрея Валерьевича.

— Здравствуйте. Я вам так благодарна за маму, что не передать словами. — Зоя окинула любовным взглядом элегантно одетую с уложенными волосами Диану Дмитриевну. — Мама прекрасно выглядит, даже лучше, чем когда я уезжала.

— Я слежу за этим, — сказал польщённый Андрей Валерьевич. — Настоял, чтобы она бросила работать в музыкальной школе. Моей военной пенсии вполне хватает. Зато эти чудные детки больше не треплют ей нервы.

На самом деле всё было иначе. После исчезновения Кати Диана Дмитриевна не смогла продолжать занятия с детьми. В каждой ученице она видела свою внучку и постоянно плакала. Тогда-то Андрей Валерьевич и уговорил её уволиться. — Так что теперь мы каждый день выгуливаемся в Кузьминском парке, — продолжил он.

— Ах, как я хочу в Кузьминский парк, — воскликнула Зоя. — Я так соскучилась по Москве.

— Чем хуже булонский лес? — удивилась Диана Дмитриевна. — Ты должна мне хорошенько объяснить, почему же ты уехала. У тебя там была такая обеспеченная жизнь с Жаком. А здесь что? Снова начинать работать продавщицей в магазине?

— Конечно, нет. Я буду открывать здесь магазин французской моды, в котором будут продаваться мои модели. А магазин в Париже остался, там по-прежнему будут мои платья. Так что я буду вам помогать.

— Нет, нам хватает денег, — сразу отказался Андрей Валерьевич. — Мы привыкли жить скромно.

— И даже не думайте отказываться, — не сдавалась Зоя. — Вам обязательно надо начать посещать театры и куда-нибудь поехать. Да и здесь, — Зоя посмотрела на прихожую, оклеенную ещё советскими обоями, — давно пора сделать ремонт.

— Ты лучше у себя сделай, — возразила Диана Дмитриевна. — Там жильцы, наверно, тебе такое устроили.

— Нет, я заходила к ним сегодня, там чисто. Но мне так тяжело в этой квартире, что я сниму себе другую, попроще. Зачем мне одной трёхкомнатная?

Все вздохнули, не решаясь поднять вопрос о Кате.

— Ну, давайте к столу, — прервал паузу Андрей Валерьевич. — У меня уже горячее в духовке готово.

Когда они пообедали, Диана Дмитриевна спросила:

— Всё-таки объясни нам, зачем ты рассталась с Жаком? У тебя появился кто-то лучший?

— Нет, мамуль. Я вдруг почувствовала, что неправильно живу. Жак — хороший мужчина, ему нужна семья, дети, а это всё не для меня. Да и не хочу я всю жизнь прожить за

границей, а Жак никогда не поедет в Москву. Россия его пугает.

— А почему ты решила, что семья и дети не для тебя? — спросила удивлённая Диана Дмитриевна. — Ты могла родить ему ребёнка ещё десять лет назад.

— Не могла, — Зоя покачала головой и в глазах у неё появились слёзы. — Я боюсь иметь детей, и ещё мне кажется, что Катя всё-таки вернётся, и я бы хотела, чтобы она знала о том, что я не пыталась её заменить.

— Но, Зоя, — воскликнула Диана Дмитриевна, — ты говоришь какие-то глупости. — Почему же не завести ещё ребёнка, пока тебе ещё можно рожать? Хотя, — она махнула рукой, — ты никогда не слушала моих советов.

В повисшей паузе спасительно раздаётся знакомая французская мелодия. Зоя поспешно вышла в коридор. За своей спиной услышала приглушённый голос Андрея Валерьевича.

— Дианочка, ты забываешь, что Зоя уже взрослая. Она прожила вдали от тебя десять лет. Неужели ты думаешь, она будет тебя слушаться?

Диана Дмитриевна снисходительно посмотрела на него и поджала губы. Возможно, он и прав, но со стороны её дочери было глупо оставить такого мужчину, как Жак. Она видела его всего два раза, когда они с Зоей приезжали в Москву, но он произвёл на неё благоприятное впечатление своей обходительностью и безукоризненными манерами. Француз и этим всё сказано.

Зоя сразу узнала голос Алексея. С тех пор, как они познакомились, не было ни дня, чтобы они не общались. Его звонки всегда поднимали Зое настроение. Она была тронута, как рьяно он взялся за поиски её дочери, но боялась надеяться.

— Зоя, дорогая, — его голос прерывался от волнения, — может, мне не стоило тебе звонить, но я не мог не поделиться новостью. — Мои ребята вчера раскопали кое-что касающейся твоей Кати.

Зоя прижала трубку сильнее к уху.

— И что это?

— Мы установили, что гражданская жена твоего мужа Алла незадолго до продажи квартиры и своего исчезновения, оформляла на себя генеральную доверенность на автомобиль.

— И что это значит? Я не вполне понимаю.

— Это может означать, что твой бывший муж мог действительно похитить Катю и увезти её на машине. Тогда вполне понятно, почему следователь не мог напасть на их след. Они проверяли поезда, рейсы самолётов, но не учли, что Катю могли увезти на машине. Автомобили не проверяют, и они вполне могли уехать в любой другой город и преспокойно остаться там жить.

Зоя почувствовала, как гулко бьётся сердце. Даже дышать стало трудно. Такая слабая надежда, а вдруг? Ведь это значит, что она может быть жива.

— И где сейчас эта машина?

— Пока выясняют. Её бывший владелец, я с ним встретился, подтвердил, что десять лет назад он продал свои старенькие Жигули молодой паре. Когда я показал ему фотографию твоего бывшего мужа, он подтвердил, что это он. Тогда ему показалось странным, что покупатели настаивали на оформлении именно генеральной доверенности и отказывались от того, чтобы оформить машину на себя, как положено. Сначала хозяин хотел отказаться, но они заплатили ему почти вдвое больше, и он согласился. Эта машина до сих пор числится

за ним, а где она сейчас находится он, конечно, не знает.

— Но, может, это можно выяснить в ГАИ. Ведь он проходил какой-нибудь осмотр.

— Конечно, мы будем это выяснять. Беда в том, что Руслан мог просто избавиться от этой машины.

— Но, Лёша, я всё равно не верю, что Руслан мог так поступить. Какой смысл ему в похищении Кати? Почему его новой жене не родить ему ребёнка?

— На этот вопрос у меня тоже есть ответ. Алла не могла иметь своих детей.

Зоя ахнула.

— А это ты откуда знаешь?

— Был в консультации по месту её жительства. Каким-то чудом её медицинскую карту не уничтожили. Алла долго наблюдалась в этой консультации. Там до сих пор работает её лечащий врач. Я переговорил с ней, и она вспомнила Аллу, потому что та всегда приходила к ней с подарками. Она и рассказала мне, что Алла очень мечтала о ребёнке и подумывала об усыновлении. Так что если учесть, какое влияние, как ты рассказывала, мог иметь на неё Руслан, он вполне мог её уговорить похитить Катю.

Зоя молчала, пытаясь осмыслить новости.

— Зоенька, ты слышишь меня? — голос Алексея был ласковым. — Мне нужно бежать, у меня дела. Я позвоню вечером. А ты подумай, может, что-нибудь ещё придёт тебе в голову. Я пока буду придерживаться этой версии. Три человека не могут исчезнуть бесследно. Понимаешь, три? Ну ладно, если бы Руслан и Катя не вернулись, а ведь ещё и Алла пропала после продажи квартиры. А ведь розыском Аллы никто не занимался. Её никто не искал. Похоже, что к расследованию отнеслись очень халатно. Проверяют далеко не все версии, а только то, что лежит на поверхности.

— Спасибо тебе, — Зоя повесила трубку и медленно подошла к окну, глядя в знакомый двор в котором уже выросли большие деревья.

В кухню вошла Диана Дмитриевна.

— С кем ты разговаривала?

— С Алексеем. Помнишь, я тебе о нём рассказывала?

— Да, помню, он какой-то сыщик.

— Мама, он директор достаточно крупного в Москве сысского агентства.

— Ну, хорошо, что ты променяла Жака, хотя бы на директора, а не на обычного Шерлока Холмса.

Зоя улыбнулась.

— Мама, ты не изменилась. Я ещё раз повторяю, что у нас с ним нет никаких личных взаимоотношений. Мы просто общаемся.

— Раньше ты называла это дружбой. Твой последний друг Юра стал твоим вторым мужем, помнишь?

— Всё помню, мам. — Зоя прижалась к маминому плечу, вдохнув хорошо знакомый запах её духов. — Кстати, где сейчас Юрка?

— Недавно его встретила в супермаркете. Он не изменился. Ты правильно сделала, что его выгнала. Кстати, он женился и у него родился сын, но он признался, что почти не бывает дома и сыном занимается жена.

— Охотно могу в это поверить. Детей он никогда не любил. Именно поэтому я и сделала тогда аборт.

Диана Дмитриевна вздрогнула и внимательно посмотрела на Зою.

— Ты сделала аборт? Ты мне ничего не говорила.

— Я тебе сейчас говорю. Потом, когда пропала Катюша, я пожалела об этом. Если бы у меня был второй ребёнок, мне было бы легче. Но Бог решил наказать меня за то, что я лишила маленькое существо жизни.

Диана Дмитриевна погладила Зою по голове.

— Конечно, не надо было делать аборт. Ведь ты была замужем.

— Я тогда ещё не была замужем. Юра сделал мне предложение во дворе больницы, где я оставила его ребёнка.

Диана Дмитриевна нахмурилась.

— Не была замужем?! Это меняет дело. Но если бы ты решила рожать, он бы, наверно, на тебе женился?! Хотя он оказался таким странным этот твой Юра, несмотря на то, что из хорошей семьи.

— Мама, пойми, это маленькое существо внутри меня никому не было нужно в тот момент. Я была по горло занята с Катей, а Юра своими делами. К тому же не было денег, и если бы я бросила работу... Зоя замолчала, проглотив ком в горле. — Поэтому я и решилась.

— Ну ладно, прошлое не воротишь, — Диана Дмитриевна посмотрела на расстроенное лицо дочери и решила её развеселить. — А ты знаешь, что твой Юрка до сих пор носит причёску с косичкой.

Зоя засмеялась.

— Этого не может быть. Я ему её отрезала.

— Зоя, она выросла за те десять лет, пока тебя не было, а его новая жена не осмеливается на такой отчаянный шаг.

— Чем он занимается?

— Сказал, что играет в каком-то ресторане.

— Значит, он достиг своей цели. Он мечтал посвятить свою жизнь музыке.

— Да разве можно назвать музыкой, — скривила губы Диана Дмитриевна, признающая только классические произведения, — исполнение «Мурки» в ресторане для пьяных посетителей?

Они вернулись к столу, Зоя после некоторых раздумий не стала передавать им то, что рассказал Алексей. Сначала надо всё хорошо проверить. Что, может быть, хуже ложной надежды?

К концу их путешествия Каролина совсем загрустила. Ей не хотелось возвращаться в Саратов и встречаться с родителями. И вовсе не потому, что она боялась взбучки, которую они ей, наверняка, устроят. Ей не хотелось уезжать из города, в котором, теперь она была уверена, жила раньше. Она злилась на правду, которую от неё скрывали. В последний день, убедив учительницу, что Каролине надо навестить свою старенькую тётю, им с Артёмом удалось вырваться на несколько часов. Конечно, Каролина потащила его на Патриаршие пруды. Снова и снова они обходили вокруг пруда и даже покормили уток печеньем.

— Может, ещё раз зайдём в подъезд? — предложил Артём.

Они проскользнули внутрь, придержав дверь после выхода одного из жильцов дома. Консьержа на их счастье не оказалось на месте, и ребята подошли к лестнице. На третьей ступеньке Артем остановился.

— Каролина, а ступенька сломана. Я думал: ты сказала это просто так.

— Нет, я жила здесь, и я должна вспомнить в какой квартире. Пойдём пешком, может быть, я узнаю дверь. Они медленно поднимались по лестнице вверх.

Артём загорелся идеей расследования.

— Может, это был второй этаж?

Каролина внимательно посмотрела на двери. Если бы там стояла старая дверь, она бы её, конечно, узнала, но это было маловероятно. С тех пор все в этом доме сделали ремонты, и двери сверкали новыми блестящими ручками и кожаной обивкой.

— Если я жила здесь, я, наверно, была богата? Посмотри, какие здесь дорогие двери, не то, что в наших саратовских пятиэтажках.

— Хватит оскорблять Саратов, — возмутился Артём. — Лучше вспоминай, на каком этаже ты жила. Здесь всего двенадцать квартир в доме. Это не первый этаж, да?

— Нет, это точно, — Каролина прошла через площадку второго этажа. — И даже не второй, потому что, когда я смотрела из окна, было высоко.

— Значит, осталось всего восемь квартир. Выбирай любую и позвоним.

— Зачем?

— Ну, ты же хочешь узнать что-то о своём прошлом? Поговорим с соседями.

— Я боюсь, — Каролина прижалась к стене спиной.

— Ты боишься? Я удивлён. Мне кажется, ты ничего никогда не боялась. Что с тобой вдруг случилось? Если ты не узнаешь это сейчас, другой возможности может и не быть.

— Ты прав, — Каролина поднялась ещё на один этаж и посмотрела в окно с лестничной площадки. — Знаешь, похоже.

— Что, похоже?

— Возможно моя квартира на этом этаже. Я помню, когда была маленькой, любила смотреть в окно. Так вот, люди выглядели так же. Давай-ка, на всякий случай поднимемся ещё выше. — На шестом этаже Каролина снова посмотрела вниз. — Нет, отсюда люди слишком маленькие.

— Значит, пятый? — спросил Артем.

— Да, наверно.

Они снова спустились.

— Какая квартира? — спросил Артём?

— Не помню. Каролина задумалась, глядя на новые двери.

— Давай вызовем лифт, — предложил Артём.

— Зачем?

— Покатаемся на лифте, потом снова поднимемся, и ты выйдешь из лифта и повернёшь к той квартире, в которой жила. Такие вещи обычно сохраняются в памяти. Только не думай. Просто поверь своим ногам.

— Ладно, давай.

Они прокатились на лифте, а потом приехали на пятый этаж. Каролина закрыла глаза, пытаясь представить себя маленькой девочкой. Наверно, она выходила из лифта первой, за ней шла мама. Двери лифта открылись, и Каролина всё ещё с закрытыми глазами вышла и уверенно повернула направо.

— Ну, вот ты и нашла её. — Артем довольно улыбался. — Теперь осталось лишь позвонить.

— И что я скажу?

— Что ты жила здесь раньше.

— На меня посмотрят, как на сумасшедшую.

— Ну и ладно. Если ты не позвонишь, то потом себе этого не простишь. Не бойся, я с тобой.

Каролина расправила плечи и пригладила волосы.

— Ладно, звони. Мне бы только попасть в квартиру, а дальше будь что будет.

Дверь открыл симпатичный молодой человек с растрёпанными волосами, в халате. Глаза у него были сонные, видимо он спал.

— Здравствуйте, — Каролина улыбнулась. — Не могли бы вы помочь мне?

— Хеллоу, — ответил он приветливо и посторонился. — Меня зовут Дэвид, — представился с лёгким английским акцентом и протянул Каролине руку.

— Каролина, — ответила девушка, удивлённая такому тёплому приёму. Так же приветливо Дэвид поздоровался и с Артёмом и только потом вопросительно посмотрел на них.

— Извините, можно от вас позвонить, — сказала Каролина, так и не придумав ничего лучшего.

— Да, конечно, проходите. Телефон в гостиной.

Не веря своему счастью, Каролина пошла за ним по коридору. Артём следовал за ней, не собираясь оставлять их вдвоём. Взгляд незнакомца на Каролину ему совершенно не понравился. Но его подруге впервые было не до того, чтобы обратить внимание какое впечатление она произвела на этого слишком дружелюбного иностранца. Она узнала планировку этой квартиры. Могла бы с закрытыми глазами сказать, какая будет следующая комната. Конечно, здесь сделали современный ремонт и поменяли мебель, но внутреннее чутьё подсказывало: это квартира, в которой она жила. Обрывки воспоминаний вертелись в голове, и она никак не могла разобраться с ними. О, если бы только можно было остаться здесь одной. Она вспомнила бы всё. В просторной комнате Дэвид остановился и снял трубку телефона с базы.

— Звоните, — он протянул телефон Каролине.

Каролина взяла трубку и стала наугад набирать цифры, лихорадочно соображая, что делать дальше. В трубке послышались длинные гудки. Девушка вздохнула.

— Спасибо. Видимо, моя подруга ещё не пришла. Очень жаль. Я здесь проездом, и мне очень бы хотелось увидеть её, — соврала Каролина.

— Откуда вы? — вежливо осведомился Дэвид.

— Из Саратова. А вы?

— Я из Лондона, здесь работаю.

— Понятно, — Каролина оглядела комнату и сказала: — у вас очень хорошая квартира.

— Мне тоже нравится, но это не моя квартира. Фирма, на которой я работаю, сняла её для меня. Я живу здесь уже девять лет.

— Скажите, — Каролина улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой. — А вы можете показать нам квартиру? Мне кажется, что с балкона видно пруд.

— Вы можете в этом сами убедиться, — Дэвид распахнул перед ребятами балконную дверь, и они втроём вышли на балкон. Каролина посмотрела вниз. Вот сейчас она могла поклясться, что всё это она уже видела. Окружённый рядами лип пруд, дорожки, посыпанные гравием и этот жёлтый павильон, в котором, как рассказала старушка, раньше была раздевалка. Каролина ухватилась за перила. Это её квартира, она уверена. Но что же стало с теми, кто когда-то жил здесь?

— Как вам вид на Патриаршие пруды? — спросил её Дэвид.

— Здесь очень красиво, — тихо ответила Каролина, продолжая обозревать окрестности.

— Давайте вернёмся, — поёжился Дэвид

Они снова вошли в гостиную.

— Может, хотите посмотреть детскую? — спросил он.

— Да, конечно, — Каролина скинула на диван куртку, оставшись в лёгкой обтягивающей кофточке и короткой юбке. — У вас так жарко, — сказала она.

— Здесь хорошо топят, — ответил Дэвид, не отрывая взгляд от её длинных ног. Он провёл их в следующую комнату, и Каролина едва не лишилась чувств. Это была её комната, комната, в которой она жила. Её кровать стояла на том же самом месте. А на маленьком столике у окна лежали детские книжки. Она узнала даже большого кенгуру, сидящего в кроватке. Это была её самая любимая игрушка.

— Господи! Этого не может быть, — застонала она и без сил опустилась на маленький стульчик.

Дэвид испуганно посмотрел на девушку.

— Что с вами? Вам плохо?

— Принесите воды, — быстро сказал Артём, наклоняясь к Каролине. — У неё это иногда бывает, не волнуйтесь.

Дэвид побежал в кухню за водой, а Каролина посмотрела на Артёма.

— Это мой кенгуру, — еле выговорила она. — И моя комната.

— Не может быть, — Артём смотрел в широко раскрытые глаза Каролины, в которых стояли слёзы.

— Мой любимый кенгуру, — бормотала она. — У него было имя. Как же я его звала. Как? Я не помню. Не помню. Ну почему же я ничего не помню? — она раскачивалась на стуле с закрытыми глазами, а по щекам текли слёзы.

Артём не на шутку испугался. Это было вовсе не похоже на Каролину. Каролина, которую он знал, всегда хорошо владела собой, и видеть её в таком состоянии было тяжело.

Он уже проклинал себя за то, что заставил её позвонить в эту квартиру. Консьерж был прав — не стоило ворошить прошлое.

На пороге появился Дэвид со стаканом.

— Вот вода. Может быть, принести какое-нибудь лекарство?

— Нет, спасибо, — Каролина взяла стакан. — Мне уже лучше. Это от усталости. — Она заставила себя подняться со стульчика и вышла из детской.

— Может быть, вам нужно отдохнуть? — любезно предложил Дэвид. — Присядьте.

— Пять минут, — Каролина опустилась на диван, продолжая думать. Где же её мама?

Что произошло между её родителями? Почему она оказалась в Саратове?

— Скажите, а вы знаете хозяйку этой квартиры? — спросила она у Дэвида.

— Я видел её один раз, когда она показывала квартиру, — ответил Дэвид. — По всем вопросам я общаюсь с представителем агентства.

— А как она выглядела? — продолжала расспрашивать Каролина.

— Красивая женщина, блондинка, фигура хорошая, — Дэвид пожал плечами. — Я не очень хорошо её запомнил. Она была очень грустной, и мой агент сказал, что у неё что-то случилось. Он потёр лоб. Не помню, что именно. Вроде бы ребёнок умер. Поэтому она и уезжала. Просто не могла здесь жить.

— Ребёнок умер? — подалась вперёд Каролина.

— Кажется да, но я не уверен. Это было так давно. Дело в том, что комната, в которой вы были, детская, она просила её не трогать. Наверно, она была дорога ей, как память о дочке или сыне. Не знаю. — Дэвид посмотрел на девушку, которая ещё больше побледнела и выглядела совершенно лишённой сил. — Я не понимаю, почему вам это так важно? У вас что-то связано с этой квартирой?

Каролина молча кивнула. У неё не было сил снова пересказывать эту историю. Да и вряд ли этот вежливый иностранец понял бы её правильно.

— Понятно. — Дэвид вздохнул и не стал задавать больше вопросов. — Я сварю вам кофе. Вы что-то плохо выглядите.

Он поднялся и ушёл на кухню.

— Ты слышал? — шёпотом произнесла Каролина. — Он говорил: у хозяйки что-то случилось с дочерью. Может, это моя мама? Может, меня украли?

— Ну что ты такое говоришь?! Кто тебя украл? Твой отец? Но это полная нелепость. Зачем?

— Не знаю. Но ты веришь мне, что это моя комната и мой кенгуру?

— Верю, но... — Артём выглядел растерянным.

— Подожди, я сейчас, — Каролина вскочила и бросилась в детскую. Оттуда она вернулась с маленьким кенгурёнком и быстро засунула его в сумку.

— Что ты сделала?

— Взяла свою игрушку.

— Ты сумасшедшая, — покачал головой Артём. — Зачем она тебе?

— Так у меня будет что-нибудь из моего детства. Ты не представляешь, что это значит, когда ты не знаешь правду о том, что с тобой было раньше. Как я оказалась в этом Саратове? Ведь я жила здесь! — Каролина стукнула кулаком по дивану.

— Успокойся! — Артём обнял её за плечи, но Каролина скинула его руку, внезапно возникшая слабость сменилась злостью на весь мир, поскольку она не знала, кого можно

обвинить в происходящем.

— Да как я могу успокоиться!? — возмутилась она, но поспешно замолчала, услышав шаги в коридоре.

Дэвид поставил перед ними поднос, и Каролина взяла маленькую фарфоровую чашечку в руки, обдумывая, как ей вытащить побольше информации.

— Вам лучше? — поинтересовался Дэвид после паузы, во время которой все трое потягивали ароматный кофе со сливками.

— Да, спасибо, — Каролина тряхнула волосами, и они небрежно рассыпались у неё по плечам. — Скажите, а вам известно, где сейчас хозяйка этой квартиры?

— Она давно живёт в Париже. Кажется, у неё там семья. Мой агент обычно связывается с ней сам. Единственное, что я знаю, так это то, что она уехала туда на три года, а потом неожиданно там осталась. — Дэвид улыбнулся. — Мне повезло, что она не спешит возвращаться, мне нравится эта квартира.

— Скажите, а как её зовут? — не переставала выпытывать Каролина.

— Я не знаю, — пожал плечами Дэвид. — Агентство, через которое я снял эту квартиру, не заинтересовано в том, чтобы арендатор и хозяин жилья поддерживали между собой отношения. Они могут лишиться своих комиссионных, если мы сойдёмся напрямую.

— Очень жаль, — Каролина выглядела расстроенной. Она никак не могла заставить себя встать. Ей хотелось остаться. В этой квартире она чувствовала себя больше дома, чем в саратовской, в которой прожила десять лет.

Артём посмотрел на часы:

— Нам пора ехать. Поезд домой не будет ждать.

— Да, конечно. — Девушка нехотя поднялась с дивана и медленно прошла в прихожую, стараясь запомнить каждую мелочь. Она искала каких-нибудь следов её пребывания здесь. В коридоре она протянула Дэвиду руку:

— Спасибо вам. Вы не представляете, как помогли мне.

— Рад был встретиться с вами, — он задержал пальцы Каролины в своей тёплой руке немного дольше, чем было положено.

Каролина и Артём вышли из подъезда. Она подняла голову вверх и нашла окна своей квартиры.

— Ну, вот и всё, — печально сказала она. — Я нашла ответ на один вопрос. Я жила здесь. Теперь остаётся лишь выяснить, почему я оказалась в Саратове, и я клянусь, что выясню это.

— Ох, Каролина, — озабоченно сказал Артём. — Я уже начал жалеть, что мы начали это расследование. Может случиться так, что, в конце концов, ты узнаешь такое, о чём бы тебе было лучше даже не догадываться. Ты слышала, что сказал этот Дэвид. Хозяйка квартиры живёт в Париже и не собирается возвращаться. Наверное, для этого есть вполне объективная причина. Может, тебе лучше остановиться, чтобы не пожалеть потом?

— Я не буду ни о чём жалеть. Я должна узнать правду, какой бы горькой она не была. Я не могу дольше жить в неведении.

— Тогда почему бы тебе не спросить у отца? — предложил Артём. — Попроси его рассказать тебе правду. Расскажи ему эту историю.

— Может быть, я так и сделаю. Только боюсь, это будет не скоро. Папашка будет в ярости, когда я вернусь из этой поездки.

— Я уверен, что он простит тебя. Ты же сама говорила, что он тебя очень любит.

Зоя прожила неделю в маминой квартире и окончательно убедилась, что отношения Андрея Васильевича и Дианы Дмитриевны остались прежними. Он относился к ней трогательно и заботливо, и Зоя нашла, что мама тоже изменилась в лучшую сторону. Она стала мягче, спокойнее, как и положено женщине, у которой есть любящий мужчина. «Вот ведь как получилось, — размышляла Зоя, наблюдая за ними, — несмотря на то, что мой первый брак закончился полным крахом, мама благодаря ему нашла своего единственного мужчину и выглядит вполне счастливой». Зоя вспомнила, как однажды, когда они пришли забирать Катю из сада, Катина подружка назвала их красивой парой. Они и сейчас были красивы той зрелой, мудрой красотой, которую не портят морщинки на лице и серебриющиеся инеем волосы. Природа оставила их фигуры стройными и лишь чуть-чуть изменила походку на более степенную, которая теперь казалась величавой.

После разлуки Зоя и Диана Дмитриевна понимали друг друга лучше, чем раньше. Горе их общей потери сгладило шероховатости и дало возможность по-новому взглянуть на их отношения и переоценить их. И всё же, несмотря на радушный приём, Зоя не собиралась жить с ними. Сначала она собиралась снять другую квартиру и оставить арендатора на Бронной, но отец Жака, Поль, который прилетел из Парижа проконтролировать, как идут дела с открытием магазина, заставил её вернуться в прежний дом.

— Девочка, моя, — сказал он ласково, — я понимаю, сколько у тебя связано плохого с этой квартирой, но прошло десять лет, и в этот раз ты сможешь привыкнуть. Поверь мне, я сам, как ты знаешь, потерял старшего сына. Тебе надо перестать убегать от самой себя и от жизни. Да, так случилось. Но ты должна принять это. К тому же нам важно для раскрутки рекламной компании, чтобы ты жила в приличном доме. Теперь ты не принадлежишь самой себе, за твоей жизнью будет наблюдать много людей.

— Но я всего лишь модельер?! Зачем всё это нужно? Зачем вы хотите показывать мою личную жизнь?

— Ты не только модельер, ты ещё и красивая женщина с прекрасной фигурой, поэтому мы собираемся поэксплуатировать твой облик. Твоё лицо должно улыбаться со всех обложек модных женских журналов, и место, где ты живёшь должно этому соответствовать. А Патриаршие пруды один из лучших районов Москвы.

— Неужели это так важно? Почему я не могу создавать красивую одежду, сидя в пятиэтажке? — возмущалась Зоя.

— Дело в том, что мы собираемся представить тебя, как единственную женщину на Московском олимпе моды, которая вернулась из Парижа, где была очень популярна, лишь для того, чтобы привезти французскую моду в столицу. Это тебе предстоит переделать все стандарты, чтобы москвички мечтали выглядеть так, как ты и одеваться лишь в твоём салоне.

— Может, проще нанять манекенщиц, чтобы они представляли мою одежду?

— Это тоже будет. Твоя последняя коллекция великолепна, и я уже подал заявку на твоё участие в конкурсе, который будет происходить в Москве. Мы используем всё возможное. Твоя задача только улыбаться и говорить в камеру, что в Европе сейчас никто не одевается

так безобразно, как в столице.

— Но Поль...

— Все эти китайские тряпки, в которые одеты ваши дамы, безобразны, а в магазинах продаются лишь подделки. Вчера я зашёл в один ваш бутик, чтобы примерить французский костюм. Но разве это Франция?! Это Китай и ещё раз Китай. Неровные строчки. Подкладке пришита плохо, а уж лекала и вовсе безобразные. Такая грубая подделка. А цены ужасные.

— Всё это так, — вздохнула Зоя. — Но нам же не переделать мир.

— Переделаем, девочка, — Поль похлопал Зою по плечу. — Но ты должна слушаться. Ты сама и не заметишь, как станешь законодательницей моды. У вас здесь благодатный рынок для этого, и ты была совершенно права, что вернулась. Ваша перестройка предоставила многим великолепные возможности.

— Зато некоторых опустила до самого дна и таких большинство. Я, например, после перестройки была вынуждена пойти продавщицей в магазин с высшим образованием.

— Но ты молодец. Нашла себя. Я убеждён: талантливые люди с сильной волей никогда не пропадут. Так что, девочка, вперёд на штурм олимпа моды. Кстати, ты знаешь, у меня к тебе будет ещё одна просьба. — Поль опустил глаза, ему было неудобно говорить. — Ты знаешь, Жак собирается жениться на дочери наших хороших знакомых.

— Да, знаю, — Зоя выдержала его взгляд.

— Пожалуйста, держись теперь от него подальше. Я знаю, что он очень любил тебя и знаю, что ты его не любила.

Зоя сделала протестующее движение, но Поль продолжил:

— Если бы ты его любила, ты бы вышла за него. Но раз уж ты отказалась по совершенно неизвестным мне причинам, постарайся больше не попадаться ему на глаза. Обращайся по всем вопросам ко мне. Он очень хотел прилететь вместо меня в Москву, но я его не отпустил. Ему давно пора устроить свою личную жизнь, а с тобой рядом он теряет голову, и я не хочу однажды услышать, что он не женился, потому что не может тебя забыть. Знаешь, как говорят с глаз долой из сердца вон. Ты не обижаешься на меня?

— Нет. Но как же магазин? — Зоя вспомнила подписанный контракт, по которому она должна поставлять туда свои новые коллекции раз в сезон.

— Я отстранил его от управления магазином. — Пол хитро сощурился. — Правда, он пока ещё этого не понял. Там будет другой управляющий, с ним ты и будешь иметь дело. Надеюсь, ты правильно меня поняла.

— Да, — Зоя опустила глаза, чтобы скрыть раздражение. Жаку уже сорок лет, а его отец по-прежнему вмешивается в его жизнь. Когда она жила в Париже, её утомляли все их совместные обязательные праздники с семьёй Жака. Они не могли ни остаться дома, ни пойти к знакомым. Иногда у Зои получалось уклониться от этого, и тогда она могла пойти погулять по Парижу. Она знала, что в семье Жака её считали не очень хорошей партией для их единственного и любимого Жака, и в этом она была полностью с ними согласна. Тогда почему же она так разозлилась на этого пожилого, но всё равно подтянутого и элегантного мужчину, одним из помыслов которого было, наконец, подержать внука на своих руках? Ведь ему уже шестьдесят, Жак был младшим сыном, родившимся уже после смерти своего брата, и от этого ещё более долгожданным. Его матери было почти сорок. Больше, чем сейчас Зое. Только вот она и не помышляет больше о детях. Она как-то состарилась душой, и ей нечего отдавать ни мужу, ни ребёнку. Работа, единственное, в чём она ещё видит смысл своей жизни. Злость прошла, и ей вдруг захотелось плакать. Она даже забыла про Поля, с

интересом наблюдавшим за изменившимся Зоиным лицом. Он подумал, что, наверно, Зоя всё-таки была привязана к Жаку. Иначе бы не расстроилась из-за того, что они больше не будут встречаться. Знал бы он, как были далеки мысли Зои в этот момент. Она снова думала о Кате. Увидятся ли они когда-нибудь, или она только узнает, что её дочка погибла в результате несчастного случая или так и доживёт свою жизнь в неведении, куда пропала её девочка?

Размышления Зоя прервал звонок мобильного телефона.

— Здравствуйте, Зоя. Вас беспокоит агентство «Ариадна», через которое вы сдаёте вашу квартиру, — услышала она бойкий женский голос. — Дело в том, что наш клиент Дэвид неожиданно получил новое назначение и вернулся к себе в Англию. Мы, конечно, найдём вам нового клиента, но срок нашего договора истекает через три месяца, а квартиру арендуют, как минимум, на год, поэтому нужно, чтобы вы подъехали к нам для продления договора. Когда вы собираетесь в Москву?

— Я уже в Москве, — ответила Зоя, удивляясь причудливости судьбы. Только что они с Полем говорили об этой квартире, и вот, пожалуйста, она свободна.

— О, в Москве, — в голосе агента послышалась притворная радость. — Так, когда вы подъедете к нам, чтобы продлить договор? — настаивала дама.

— Одну минуту, — Зоя положила телефон на стол и посмотрела на Поля. — Поль, моя квартира освободилась, я могу вернуться туда, хоть завтра.

— Это замечательно, мы поедем туда вместе. У меня есть ещё два дня. Если там всё выглядит прилично, наш фотограф сделает несколько твоих снимков в домашней обстановке.

Зоя вздохнула и взяла трубку.

— Вы меня слушаете?

— Да, — с готовностью ответил дама.

— Я не буду больше сдавать квартиру. Я собираюсь там жить.

— Но как же так?! — возмутилась дама. — Вы получали хорошие деньги. У нас есть много клиентов. Может, вы хотите получить больше денег? Я бы попыталась поднять цену, конечно, это будет нелегко, но, ради вас...

— Я не хочу поднять цену, я собираюсь жить в своём доме, — оборвала её Зоя. — Когда я могу подъехать, чтобы забрать ключи?

— В любое время, — обиделась дама и бросила трубку. Зачем оставаться вежливой, если клиентка передумала сдавать квартиру?

Каролина вернулась в Саратов другим человеком. Иногда ей казалось, что часть её осталась там, в том волнующем и шумном городе. Она с новой неприязнью оглядела пятиэтажку, в которой жила, и у неё возникла мысль, что этот дом невозможно сравнить с тем, в котором она жила на Патриарших прудах. Так же невозможно было сравнить Москву и Саратов. Теперь она, наконец, получила подтверждение — почему она так не любит этот город. Потому что он не её родной. Она прожила здесь десять лет, но так и не смогла привыкнуть. Даже гордость и краса Волга с её изумительным городским пляжем наводила тоску. Её единственным желанием было поскорее закончить ненавистную школу и уехать в Москву, но теперь она об этом молчала, не желая привлекать лишнего внимания. Она изменилась, стала грустной и задумчивой, словно тайна, к которой она прикоснулась, мешала ей радоваться жизни по-прежнему. Втайне она перерыла всю квартиру, пересмотрела все старые альбомы, но так ничего и не обнаружила. Кроме одного любопытного наблюдения, на которое её натолкнул Артём, который принимал во всех поисках самое деятельное участие, пользуясь моментом, чтобы остаться с девушкой наедине.

— Каролина, а тебе не кажется странным, что в твоём доме нет ни одной фотографии моложе пятилетнего возраста.

— Ты прав, — удивилась девушка. — Такое впечатление, что я родилась на свет в возрасте пяти лет.

— Вот именно. Эти фотографии или были тщательно уничтожены или где-то остались. Возможно, у твоей родной матери. Ведь не может быть, чтобы тебя раньше не фотографировали.

Каролина наморщила лоб.

— Да, это кажется ещё более странным оттого, что мой отец обожает меня фотографировать. Она посмотрела на Артёма: — Это говорит о том, что он со мной не жил.

— Ну, это вовсе необязательно. Я повторяю, он мог их уничтожить. Мне ещё понятно, что он мог разорвать фотографии своей бывшей жены, но зачем уничтожать фотографии собственного ребёнка? — продолжал размышлять Артём. — Твоя история покрыта тайной, но когда-нибудь ты её разгадаешь. Он обнял Каролину за плечи и привлёк себе. — И тогда ты найдёшь свои детские фотографии и узнаешь, почему ты оказалась в Саратове. Наверно, для того, чтобы мучить меня, — добавил он шутливо.

— Последнее время я только и общаюсь с тобой, — заметила Каролина. — Я даже перестала ходить на свидания.

— Это всё потому, что твоё расследование захватило тебя целиком, а я единственный человек, который может с тобой об этом поговорить. Но я рад, что у нас появилось общее дело.

Продолжить разговор они не успели, дверь квартиры кто-то открыл своим ключом. Каролина поспешно захлопнула альбом, словно боялась, что её поймут на месте преступления.

В комнату зашёл Руслан. Артём вежливо поздоровался. Каролина же смотрела на отца и вдруг в её голове возникла шальная мысль.

— Пап, я показываю Артёму мои детские фотографии, и он вдруг поинтересовался, где мои фотографии, когда я была совсем маленькой?

— Всё там, в альбомах, — небрежно ответил Руслан, но в его лице появилось напряжение.

— Но там нет фотографий, когда мне был год или два, — продолжала настаивать Каролина. — Мне хотелось узнать, как я тогда выглядела. Была ли я полненькой или худенькой.

У Руслана задёргался глаз, он внимательно посмотрел на Каролину, ожидая подвоха, но она опустила ресницы, перебирая рассыпанные по дивану фотографии.

— Я не знаю, надо спросить у твоей матери, — добавил он раздражённо. — Зачем тебе эти фотографии? Лучше скажи, как дела в школе? И куда мать подевалась?

— В школе всё нормально, — спокойно ответила девушка, делая вид, что не замечает волнения отца и его желания замять эту тему. — А куда мать подевалась, тебе лучше знать, — саркастически заметила она, вкладывая определённый смысл в свои слова.

— Что ты болтаешь?! — возмутился Руслан, пытаясь понять, что знает Каролина. Сказала ли она это нарочно или у неё возникли какие-то подозрения.

Каролина с достоинством встала с дивана.

— Мы пойдём во двор, нас ребята ждут.

— Да, идите, — обрадовался Руслан.

В дверях Каролина оглянулась:

— А фотографии всё-таки надо поискать. У нас в школе будут делать стенгазету, и классная просила принести фотографии, когда мы были совсем малюсенькими.

— Хорошо, поищем, — глухо ответил Руслан, отворачиваясь к окну.

Каролина захлопнула за собой дверь и шёпотом спросила у Артёма:

— Ты видел — какая у него была реакция? У него даже глаз задёргался. Этих фотографий дома нет. Он где-то их прячет.

— Зачем ты начала этот разговор? — удивился Артём. — Тебе как будто доставляет удовольствие злить его.

— А зачем он увёз меня из Москвы?

— А почему ты считаешь, что это он?

— А кто ещё? Алла моя приёмная мать. Мне снова надо в Москву, — вздохнула девушка. — И зачем я только оттуда уехала?!

Вдруг её внимание привлёк журнал в киоске, мимо которого они проходили.

— Ой, смотри мой любимый журнал мод. Новый выпуск. У тебя есть деньги, я выскочила без кошелька.

Артём покорно полез в карман за своими последними деньгами. С тех пор, как он стал встречаться с Каролиной, ему перестала хватать его недельного запаса, который ему выдавал отец. Ей всё время что-нибудь хотелось, то мороженое, то воды, то журнальчик. Артём уже стал подумывать о том, чтобы подыскать себе какую-нибудь работу, но боялся, что предоставленная самой себе Каролина снова начнёт встречаться с другими. Может, ему стоит попросить отца, чтобы он давал ему больше денег? Он, наконец, нашёл последнюю сотню и с сожалением протянул Каролине. Чёртов журнал стоил целых семьдесят рублей, и это означало, что завтра он останется в школе без обеда.

Но всё это мало заботило Каролину, она отдала ему сдачу и тут же на ходу стала перелистывать страницы.

— Смотри, в Москве открывается новый магазин французской моды. Какая-то Зоя Яковлева вернулась из Парижа. Вот везёт, в Париже побывала. Оказывается, она училась в парижской школе модельеров. Ну-ка посмотрим на Зою. А она ничего, симпатичная. Здесь целая статья про неё. Может, она тоже откроет свою школу в Москве. Тогда я пойду к ней учиться. — Артём слушал Каролину в пол-уха, а Каролина возбуждённо щебетала рядом с ним. — Ой, здесь фотографии её квартиры и дом. — Этого не может быть! — вскрикнула девушка, и журнал выпал из её рук, лишь чудом не попав в лужу.

— Что случилось? — спросил Артём, глядя на расширенные глаза Каролины.

— Это тот самый дом! — сказала она почему-то шёпотом.

— Какой дом? О чём ты? — Артём поднял журнал и стал перелистывать страницы, пытаясь найти то, что так поразило Каролину.

— Дай я покажу, — Каролина нетерпеливо вырвала журнал из его рук. — Вот он, смотри.

Артемом обратил внимание на фотографию.

— Да, вроде тот же. Ну и что? Она, эта Зоя Яковлева, разве не может жить в том же доме? К тому же, мало ли в Москве похожих домов. Может, это другой дом.

— Здесь написано, какой это номер дома, — тихо сказала Каролина. — Ты что не понимаешь?! Это же она!

— Кто она?

— Моя настоящая мать!

— Да ладно тебе. — Артём взял из рук обескураженной своим смелым заявлением Каролины журнал и начал быстро пробегать глазами статью.

— Так, Зоя Яковлева вернулась из Парижа, где долго жила, одевая французских женщин в платья собственного изготовления, — читал он. — Вернулась в Москву, чтобы научить соотечественниц со вкусом одеваться, совмещая парижский шик с русской роскошью. Открывает свой собственный салон-магазин на Тверской. Открытие состоится первое декабря.

— Это сегодня, — грустно сказала Каролина. — Моя мать открывает свой магазин на самой известной улице Москвы, а я здесь.

— Подожди, ну с чего ты взяла, что она и есть твоя мать?

— Посмотри, эта та же самая квартира. Вон, фотографии, — Каролина перевернула страницу. — Помнишь, там, в гостиной ещё висела эта картина, я её хорошо запомнила, горы, освещённые солнцем? Вот она здесь и получилась. — А вот и стол, за которым мы пили чай. Видишь, и диван тот же. Она вернулась. Дэвид говорил, что его хозяйка живёт в Париже.

— Пожалуй, ты права. Блондинка с грустными глазами и хорошей фигурой, — неожиданно он вспомнил. — Интересно, а, сколько ей лет? Выглядит, она здорово. — Он посмотрел на Каролину. — Но вы с ней не очень-то похожи. Она блондинка.

— Она, наверно, крашенная, дурачок. К тому же папа всегда хвастался, что я похожа на него.

— Это правда. Ты похожа на отца, — согласился Артём, вглядываясь в фотографию Зои. — Но у вас есть одно общее.

— И что это?

— Ваша страсть к моде. Она модельер, и ты собираешься стать модельером. Видишь, как забавно бывает. Ты её не знаешь, а мечтаешь быть такой же, как она.

— Слушай, а ведь, правда, — глаза Каролины загорелись. — Если бы мы жили вместе, а бы могла у неё учиться, или она бы меня отправила учиться в Париж. Но, — лицо девушки омрачилось, — она даже не знает обо мне или не хочет знать.

— А комната? — вдруг вспомнил Артём?

— Что комната?

— Комната, которую ты узнала, как свою. Ты говорила, что там была твоя детская.

— И что?

— Если бы она не хотела о тебе знать, она бы не сохранила твою в комнату в том же самом виде. Она бы избавилась от неё в первую очередь. А она её сохранила. Значит, она верит, что ты вернёшься. Она просто не знает где ты.

— Правда? — в распахнутых глазах Каролины недоверие сменилась надеждой, и её лицо стало нежным и мечтательным. — Наверно, она, правда, не знает где я? Представляешь, как это здорово, найти свою маму. Да ещё узнать, что она такая знаменитая. Вон, какую статью про неё накатали. А как бы я хотела посмотреть на её наряды. Я поеду в Москву.

— Каролина, подожди, — Артём взял её за руку. — Ты ещё не знаешь, что произошло. Всё это только наши предположения. Сейчас у тебя другие родители, и ты не можешь просто взять их и бросить.

— А что мне делать? — Каролина прижала к груди журнал. — Я хочу в Москву, и я хочу с ней встретиться. Зоя Яковлева. А у меня другая фамилия. Почему? На лбу Каролины залегла морщинка. — А может, она меня вовсе не ждёт? Вдруг она меня бросила, или её лишили родительских прав?

Артём растерянно смотрел на девушку. Последнее время они стали, как два следователя. Он даже заметил за собой, что стал гораздо наблюдательнее. Более того, ему нравилось сопоставлять факты, отслеживать события и видеть, как в свете новых обстоятельств картина изменяется, словно мозаика, в которую вставляешь недостающие фрагменты.

— Знаешь, что я решил, — вдруг выпалил он, — я буду следователем.

Каролина покрутила пальцем у виска и снова открыла журнал, но Артём не обиделся. Он был почти счастлив. Впервые в жизни у него появилось желание чем-то заняться. До сих пор он с тоской думал о будущем и не мог определиться, кем он будет. Все профессии вызывали у него равнодушие, но вот быть следователем казалось интересным.

— Я должна поговорить с отцом, — услышал он решительный голос Каролины. — Он единственный человек, который всё знает. Я покажу ему журнал и расскажу, что была в этой квартире. Больше ему не удастся отвертеться. Я узнаю правду о том, что произошло.

— Это правильное решение, — поддержал её Артём. — Хочешь, я буду рядом с тобой?

— Нет, это семейная тайна. Я расскажу тебе потом. Но он вынужден будет признаться во всём, что он от меня скрывает.

Руслан сидел на диване и думал. Почему ему стало казаться, что Каролина начала что-то подозревать? После поездки в Москву, она определённо изменилась. Но что она могла узнать в Москве? Ведь даже если предположить самое худшее, что она встретила Зою на улице, они вряд ли бы узнали друг друга. Что же его так беспокоит? И это её заявление о фотографиях? Где он возьмёт эти фотографии? Они, наверно, хранятся у Зои. Зоя! Он вздохнул. Сколько лет прошло, а он не может её забыть. Она снится ему по ночам. Недавно

снова снилась, они шли по лесу, и он держал её за руку и был так счастлив. Ему вспомнилось это ощущение счастья, которое он испытывал, когда видел её. Правда, это было так давно, ещё до той истории с его отцом. После этого он испытывал только боль и отчаяние. Он снова вздохнул. Они предали его, но он им отомстил. Он сам был судьёй и сам вынес им приговор. Он забрал у них самое дорогое. Уж он-то знал, как Зоя любила Катю. Он тоже её любит. Она только его девочка, его дочка, его радость. Он никогда не отдаст им Каролину. Он сделает всё, чтобы она никогда не узнала правду. И надо же, ведь даже Бог оказался на его стороне. Прошло десять лет, и их не нашли, значит, Бог с ним заодно. Ведь он должен видеть с неба, как он любит Каролину и как гордится ей. Ему удалось создать в Саратове новую семью. Конечно, он не любит Аллу, но так даже лучше. Он всё равно благодарен ей за то, что она пошла ради него на преступление, без неё ему было бы сложнее. В коридоре раздался звук поворачиваемого ключа и ещё по шагам он понял, что это не Каролина. Каролина всегда стучала каблучками, Алла же наоборот, ступала тихо, как мышка и обувь у неё была такая же неслышная, словно она боялась привлечь к себе внимание.

— О, ты уже дома! Наверно, голодный? — она предано заглянула ему в глаза.

— Конечно, голодный. Где ты была столько времени?

— Зашла в парикмахерскую по дороге из магазина. А там оказалась длинная очередь. Но зато теперь всё в порядке. Я покрасила волосы и постриглась. Как тебе?

— Что-то я не вижу никаких перемен, только зря деньги потратила, — проворчал Руслан.

Алла сразу сникла:

— Ну, милый, я же не могу всё делать сама. Я уже полгода не была в парикмахерской.

— Ладно, чего уж там, — смягчился Руслан. — Ты поесть купила?

— Да, сосиски вкусные и картошечку сейчас поджарю. Через десять минут всё будет.

Потерпишь? — Алла быстро облачилась в халат.

— Потерплю, что же делать?! Посмотрю пока новости. — Он щёлкнул пультом и включил первый канал.

«В Москве открылся новый салон — магазин Зои Яковлевой».

— Не может быть?! — вскрикнул Руслан.

— Что такое? — Алла уставилась в телевизор.

«Специально для вас наш корреспондент взял интервью у известного модельера, которая долго работала во Франции», — вещал диктор, а в это время на экране появилось немного напряжённое, но всё такое же милое лицо его бывшей жены. Руслану показалось, что сейчас он умрёт от разрыва сердца. Она, приветливо улыбаясь, смотрела на него с экрана, рассказывая о своих моделях и планах. Он слышал её такой родной голос, но не понимал ни слова из того, что она говорила. Видел только, что она стала ещё прекраснее, чем была. Её красота стала не девчоночьей, а зрелой и как шёл ей этот светлый цвет волос. Она была в обтягивающем чёрном костюме с большим вырезом и короткой до колен юбкой. Мелькали кадры. Зоя с бокалом шампанского на презентации магазина. Зоя со спонсором магазина Полем Беранже, который почтительно целует ей руку. Он испытал ревность. Наверняка, этот старый тип её любовник. Иначе откуда у неё деньги, чтобы открыть магазин на Тверской? Он заставил себя вслушаться и с завистью услышал, что она почти десять лет прожила в Париже, где её модели пользовались успехом. Зоя в Париже. У него перехватило дыхание от злости. Он хотел наказать её, хотел, чтобы она плакала. А вместо этого она

укатила во Францию, где окрутила, в этом он был точно уверен, какого-нибудь богатенького француза. Выходит, забрав у неё ребёнка, он развязал ей руки. Теперь она богата и знаменита, и она вернулась, чтобы мучить его с экранов телевизора своим счастливым видом.

— Руслан! — услышал он голос Аллы. — Что ты думаешь по этому поводу?

Руслан вскочил с дивана.

— Что я думаю? А что я должен думать? Она стерва и всегда была стервой, поэтому и добилась этого. Через постель, я уверен. — Его лицо покраснело, на шее вздулись жилы, кадык ходил ходуном. Он до сих пор не думал, что всё это будет причинять ему такую боль. — Я ненавижу её. Ненавижу!

Поражённая его выступлением, Алла выключила телевизор, который вещал о каком-то средстве, которое отмоеет весь дом, пока хозяева на работе.

— Руслан, я не об этом. Я боюсь, что теперь Каролина может догадаться обо всём.

— Каким образом?

— Я не знаю, но мне кажется, что она неспроста ездила в Москву. Она что-то вынюхивает. Я заметила, что когда нас нет, она роется в вещах. Она задаёт мне странные вопросы. Например, спрашивала меня, видела ли я её мать?

Руслан опустил на диван и закрыл лицо руками.

— Я не отдам ей Каролину. Она не может иметь всё сразу. Каролина — моя дочь.

— Каролина и её дочь тоже, — жёстко сказала Алла. — И не забывай о том, что ты её похитил. Теперь твоя бывшая жена богата, и кто знает, может, она снова захочет провести какое-нибудь расследование. Или любопытные журналисты что-нибудь раскопают?

— Что ты хочешь от меня? — обречённо спросил Руслан.

— Не так уж много. Хочу, чтобы ты придумал, что ты будешь рассказывать Каролине о её матери, если у неё вдруг возникнут подозрения.

— Я не знаю, — Руслан раскачивался на стуле, а Алле первый раз захотелось его ударить. Она из-за него рисковала жизнью, чтобы помочь ему украсть дочь, а этот тюфяк раскис, когда увидел свою бывшую жену по телевизору.

— Тогда слушай меня. Если вдруг Каролина придёт к тебе и начнёт спрашивать, ты не будешь отмалчиваться, как ты это обычно делаешь, давая ей повод к новым подозрениям, ты расскажешь ей правду.

— Правду?

— Да, правду. И про эту историю с вашими родителями, и как потом у вас испортились отношения, как Зоя тебя выгнала, а потом, — Алла подняла палец. — Потом она осталась одна с ребёнком, и он ей стал мешать развлекаться. Она нашла себе богатого любовника и укатила с ним во Францию, оставив дочь на тебя. С тех пор она не интересовалась ею. Каролина должна на неё разозлиться. Это исключит шанс, что она сможет связаться с ней. Ты должен повести разговор так, чтобы у неё навсегда осталась обида на мать и пропало желание её разыскивать.

— А ты оказывается умная баба, — сказал пораженный Руслан.

— Это твой первый комплимент за все двенадцать лет совместной жизни, — вздохнула Алла, слишком взволнованная, чтобы оценить его. Увидев Зою по телевизору, она вновь испытала страх, который с годами несколько притупился.

Зоя, перекинув тяжёлую сумку через плечо, поднималась по ступенькам своего дома к лифту. Позади неё: Алексей с двумя чемоданами. Она специально попросила его помочь, чтобы первый раз после десятилетнего отсутствия не оставаться один на один с этим местом, где ей было так плохо и одиноко после исчезновения Кати. Позже она как-нибудь найдёт в себе силы смириться с тем, что она будет жить здесь, снова и снова испытывать боль от того, что маленькие ножки её дочки не забегают к ней в комнату, пробуждая её от сладкого сна. Хотя о чём она думает? Катя уже, наверно, носит туфли на высоких каблуках, как носила она в школе.

Они остановились у лифта, и Зоя привычно нажала кнопку вызова.

— У тебя красивый дом, — заметил Алексей.

— Я знаю, но так сложилось: я никогда не любила эту квартиру. Наверно, потому что с ней у меня связано столько плохих воспоминаний.

— А ты постарайся сосредоточиться на позитиве. Ведь, наверно, хорошего здесь произошло гораздо больше?

— Наверно, — они вошли в лифт, и Зоя нажала на кнопку пятого этажа. — Ну, вот и моя квартира. Она открыла замок, и они вошли в просторный холл. В квартире было душно и жарко, как бывает, когда долго не проветривают. — Как же давно я здесь не была! — Зоя медленно обошла всю квартиру, а Алексей открыл окна, чтобы проветрить.

— Надо же, здесь полный порядок, — удивилась она. — Всё так же, как я уезжала. Видимо, этот Дэвид был аккуратным малым. — Зоя распахнула дверь в детскую и остановилась на пороге. Знакомые игрушки и маленькие вещи бросились ей в глаза, терзая душу. Она взяла кенгуру и прижала к себе.

— Любимая игрушка моей дочери, — Зоя отвернулась, чтобы скрыть слёзы. — Здесь был ещё маленький кенгурёнок, но что-то я его не вижу. Наверно, завалился куда-нибудь. Хорошо, что Дэвид выполнил мою просьбу и ничего не тронул здесь. Я хотела бы оставить эту комнату в таком же виде. Хотя и понимаю, что даже если случится чудо, и Катя вернётся, здесь придётся всё переделать. Эта комната не годится для взрослой девушки. Но мне бы так хотелось, чтобы она вошла сюда и сразу поняла, что я её жду и верю: она вернётся.

Алексей смотрел на светлые стены, увешенные картинками из мультфильмов, на маленький столик и стульчик, кроватку, застеленную детским весёлым покрывальцем с изображением мишек и зайчиков. Он почувствовал, что в горле у него стоит ком, и он тоже может расплакаться. Бедная Зоя. Сколько надо мужества, чтобы жить с этим горем и продолжать оставаться такой доброй и светлой, как она. Он найдёт Катю. Он сделает всё. Хотя последние поиски дали немного. Даже не было уверенности, что Катя и Руслан были в той машине, которую купила Алла. Их никто не видел. Слишком много прошло времени. След, только показавшись, снова растворился. Нужна новая ниточка и, находясь в комнате этой исчезнувшей девочки, он осознавал: искать надо здесь. Она ушла отсюда и здесь можно найти свидетелей, которые видели, как они садились в машину. Ведь по его предположению, если Руслан действительно похитил ребёнка, они вполне могут быть где угодно, в любом

другом городе. Но бесполезно искать в каком. У нас такая огромная страна. Нужна какая-то подсказка.

— Ну что, пойдём в гостиную, — предложила Зоя уже нормальным голосом. Ей удалось справиться со своим волнением.

— Да, конечно, — Алексей осторожно обнял её за плечи, когда они вышли из комнаты. Решительно закрыл дверь.

— Зоя, пообещай мне пока не заходить сюда, — попросил он. — Тебе нужно много сил, чтобы снова научиться здесь жить. Тебе было бы лучше поменять эту квартиру на другую. Как ты думаешь?

— Я не могу. Здесь прошло моё детство. Здесь жили мои бабушка с дедушкой и, кроме того, я привыкла к этому району. К тому же, если Катя вернётся, я хочу, чтобы она вернулась сюда, именно в этот дом, где прошло её детство. Ты совершенно прав, мне здесь больно, но я люблю эту боль, и я уже давно привыкла к ней. Пытаться позабыть бесполезно и неправильно. Даже, живя во Франции, я всё время вспоминала о Кате.

Алексей покачал головой и ничего не сказал. Помочь могло только одно — если он вернёт ей дочь.

Потом они пили вино и разговаривали. Они были знакомы уже почти полгода, а их отношения оставались дружескими. Алексей не делал попыток сблизиться с ней. «Наверно, у него кто-то есть», — решила Зоя, и это вполне устраивало её. Она не хотела, чтобы в её жизни вновь появился мужчина, с которым бы её связывали серьёзные отношения. Ещё сильны были в памяти упрёки Жака, что она никого не любит. Да, не любит и вряд ли сможет полюбить. Кто же виноват в том, что в её сердце не осталось места для мужчины? Отныне её жизнь посвящена работе.

Алексей же думал совсем иначе. Он любил Зою, любил так, как никогда не любил другую женщину. Только это была другая любовь, более одухотворённая и готовая на любые жертвы. Он видел её достаточно часто, и ему этого было достаточно. Пока достаточно. Он знал, что нужен ей, и она ему нужна. Просто не наступило ещё время для перехода их дружеских отношений в другие. После развода он и сам был не готов создавать семью. И была ещё одна вещь. Он свято верил в то, что найдёт её дочь. Рано или поздно. И тогда сойдёт с Зоиной души эта печаль, и она снова сможет любить и верить. Вот тогда он и сделает ей предложение.

Около одиннадцати, заметив, что Зоя устала, Алексей собрался уходить. Зоя проводила его до двери, и он пешком спустился по широким лестницам. На первом этаже, на месте консьержа, горел свет и сидел пожилой мужчина, увлечённый книгой. Внезапно в голове Алексея появилась мысль. Консьержи и консьержки — люди, которые всё знают и всё видят. В своих расследованиях он часто использовал их показания. Почему бы не воспользоваться этим и сейчас?

Он подошёл к стойке и остановился. Седой мужчина поднял голову и внимательно посмотрел на него.

— Здравствуйте. Не могли бы вы уделить мне несколько минут? Я провожу расследование, и мне нужна информация. Он протянул консьержу своё удостоверение, которое тот пристально изучил под светом лампы.

— У нас что-то случилось?

— Случилось, но очень давно. Прежде всего, скажите, как долго вы здесь работаете?

— Пятнадцать лет, — с гордостью ответил мужчина. — Жильцы дома стали мне родными. А многие выросли на моих глазах. У нас в доме немного народу, всего двенадцать квартир, соответственно двенадцать семей. Я знаю всех. Правда, последнее время многие начали сдавать. Квартира здесь приносит солидный доход.

Алексей почувствовал знакомый охотничий азарт, и кровь сильнее запульсировала в его жилах, а туман, вызванный вином, выветрился из головы. Как ему повезло. Пятнадцать лет. Он должен помнить Катю.

— Как вас зовут, простите? — хриплым от волнения голосом спросил Алексей.

— Иван Фёдорович.

— Меня Алексей. Иван Фёдорович, милый, как же здорово, что я вас нашёл. Вы должны тогда знать жильцов из девятой квартиры. Её зовут Зоя.

— Ну, конечно, — лицо старика прояснилось. — Я хорошо знаю Зою. Она живёт во Франции. Сдаёт квартиру.

— Зоя вернулась сегодня, — прервал его Алексей.

— Вернулась? — Старик недоверчиво посмотрел на него. — А почему я не знаю?

— Вас не было на месте, когда мы вошли. Было около шести часов.

— Да, верно, я отходил. Но всего на несколько минут, — серьёзно доложил он. — Я рад, что Зоя вернулась, а то ходили здесь какие-то англичане. Я знаете, не приветствую это засилье иностранного капитала. Эта перестройка наделала таких дел в нашей стране!

— Я вас понимаю, — нетерпеливо сказал Алексей. — Скажите, а вы помните Катю, её дочь, которая пропала?

Лицо Ивана Фёдоровича омрачилось.

— Да, конечно. Я помню это чудное создание. На редкость избалованный ребёнок. Устраивала скандалчики прямо в подъезде. Она пропала при неизвестных обстоятельствах. Вы расследуете это дело?

— Да, и прошу вас рассказать мне всё, что вы знаете об этом.

— Но прошло столько лет, — старик нахмурился. — А ведь до сих пор их так и не нашли, верно?

— Верно, — кивнул Алексей. — И я решил помочь Зое. Понимаете, она до сих пор переживает. Я намерен довести это дело до конца, — твёрдо сказал он, и старик одобрительно кивнул. — Расследование проводилось крайне плохо. Я поделюсь с вами своими соображениями. Но сначала скажите: не помните ли вы каких-нибудь особенностей в день исчезновения девочки? Может, вы видели, как они садились в машину или ещё что-нибудь?

Иван Фёдорович наморщил лоб. Он ничего не мог припомнить. Его уже допрашивали, но он не заметил ничего необычного. Катя с отцом просто вышли из подъезда и всё. И вдруг в его памяти всплыл тот случай с девушкой, которая приходила сюда и говорила, что жила здесь. Он поднял глаза на Алексея.

— В тот день, когда Катю увёл отец, я ничего не заметил необычного. Возможно, они и сели в какую-нибудь машину, но я этого не видел. Но с полгода назад произошёл странный случай. Он потёр лоб. — Даже не знаю, стоит ли рассказывать.

— Пожалуйста, — настаивал Алексей. — Любая мелочь может помочь. Даже то, что вы считаете несущественным.

— Я уже потом так ругал себя, что не взял у неё адрес. Но бывает так, сразу не сообразишь.

— Иван Федорович, расскажите всё сначала.

— Ну, хорошо, — решил консьерж. — А то знаете, как это, матери давать лишнюю надежду? — У Алексея от нетерпения на лбу выступил пот, он сердился на болтливость старика, но ничего не мог поделать. — Так вот, однажды я сидел здесь и в подъезд вошли двое — молодой человек и девушка. Девушка такая вся из себя, в короткой юбке, на каблуках, в красной куртке. Молодой человек высокий. Как одет, не помню. Так вот, эта девица напрямик ко мне и тоже стала спрашивать, давно ли я здесь работаю. Потом призналась, что ей кажется, что она когда-то жила здесь, а её родители что-то скрывают. Я тогда удивился и спросил, как её зовут.

— И как? — выкрикнул Алексей.

— Не помню, — старик потёр лоб. — Вот ведь надо же. У неё такое имя, редко встречается. Не Катерина, но что-то похожее. Нет, не вспомню, извините, — старик виновато посмотрел на следователя. Я тогда ей сказал, что здесь никогда не жила девушка с таким именем. Она расстроилась, но всё равно настаивала. Рассказала, что они приехали из другого города на экскурсию, и она узнала это место, хотя раньше считала, что никогда не была в Москве.

— А город, город, — нетерпеливо воскликнул Алексей. — Вы не помните город, из которого приехала эта девушка?

— Вот город помню. Чудесный город, я частенько бывал там. Саратов.

Алексей почувствовал, что у него гора упала с плеч. По крайней мере, теперь у него есть название города, с которого можно начать поиски. Скорее всего, это и есть та самая Катя. Тогда всё складывается. Отец похитил свою дочь и увёз в другой город. Вопрос в том, зачем он это сделал. У него, конечно, были причины для ненависти, но...

— Девушка ещё тогда сказала, что третья ступенька здесь обломана, и она ещё маленькой однажды здесь сильно упала.

Когда они ушли, я проверил. Это правда.

Не сказав ни слова, Алексей посмотрел на лестницу. С того места, где он стоял, этого увидеть невозможно. Об этом нужно было знать. Он сделал несколько шагов и подошёл к лестнице, третья ступенька действительно обломана. Он облегчённо вздохнул. Неужели это была Катя? Ему очень хотелось бы верить, что это так. Иначе, зачем девушке приходить в дом и рассказывать эти непонятные вещи консьержу? В данный момент он не видел в этом никакого смысла. Он снова вернулся к стойке.

Иван Федорович выглядел виноватым.

— Скажите, а это могла быть пропавшая Катя?

— Я, конечно, не могу утверждать с уверенностью. Но признаюсь вам, что это вполне возможно. Ей было пять лет, когда она последний раз была здесь, и, случайно попав на место, она вполне могла его узнать. Странно, что она не оставила никаких телефонов.

— Это я виноват, — признался старик. — Я тогда сказал: не стоит ворошить прошлое и лучше бы ей остаться в своём Саратове.

— Иван Федорович! Зачем же вы так сказали?

— Сам не знаю. Я потом пожалел, бросился за ними, но они уже ушли. А девушка

обиделась. Я даже заметил, как у неё в глазах блеснули слёзы. Но я тогда не сообразил, что это та самая Катя, — продолжал оправдываться старик. — Я решил, не стоит давать Зое ложную надежду. Она так убивалась тогда. Надеюсь, сейчас уже успокоилась.

— Неужели вы думаете, пережив такое, можно успокоиться?! — мягко сказал Алексей. — Тем более что тела-то не нашли, а это даёт надежду, что она вернётся.

— Так что же получается? Значит, Катю похитил родной отец? Не может быть?! Такой приличный мужчина. Милиционер к тому же. Я помню его в форме.

— Всё нужно проверить, — сказал Алексей. — А до тех пор прошу вас ничего рассказывать Зое. Не стоит давать ложную надежду.

— То, что я вам рассказал, может помочь расследованию?

— Даже очень, — Алексей улыбнулся. — Я завтра же начну всё проверять. — Он достал из кармана визитку и положил перед консьержем. — Если что-нибудь вспомните, позвоните мне.

Попрощавшись с консьержем, Алексей вышел на улицу. Ему было жарко, лицо горело. Интуиция подсказывала: он на верном пути. В скверике вокруг пруда горели фонари. Он пошёл туда. Ему хотелось побыть на свежем воздухе и подумать. Он долго ходил кругами, пока в его голове не сложился план действий. Нужно ехать в Саратов. Зое скажет: уезжает в командировку. Он нашёл Зоины окна. В одном окошке горел слабый свет настольной лампы. «Наверно, Зоя читает», — с нежностью подумал он.

Выбрав удачный момент, когда Алла ушла в магазин, а отец расположился перед телевизором, Каролина подошла к нему и остановилась напротив.

— Мне нужно с тобой поговорить, па, — заявила она, держа за спиной свёрнутый в трубочку журнал, в котором было то самое интервью с Зоей.

В голове у Руслана тревожно забил колокольчик. Он взглянул на серьёзное лицо дочери. «Она всё знает», — подумал он. Он шумно вздохнул и выключил телевизор.

— Давай поговорим. Ты, наверно, опять получила кучу двоек? — спросил он, пытаясь оттянуть неизбежное.

— Учёба здесь не причём, — отмахнулась Каролина. — Я хочу тебе сказать: я знаю, кто такая Зоя Яковлева. — В глазах дочери таился вызов. Руслан побледнел.

— Я тоже видел её по телевизору, она открывает какой-то магазин в Москве, — небрежно сказал он. — И что?

— Не притворяйся, пап, — жёстко сказала Каролина, глядя ему в глаза. — Пожалуй, мне придётся рассказать тебе, что я узнала, а ты ответишь мне на несколько вопросов. Или ты предпочтёшь, чтобы я спросила у неё?

Смутное лицо Руслана побледнело. Угол глаза задёргался. Похоже, дочка зря времени не теряет.

— Так как мы поступим? — Каролина нависала над ним, как судья над подсудимым. — Ты по-прежнему будешь скрывать правду или расскажешь мне всё, что произошло между тобой и моей матерью Зоей Яковлевой? И не вздумай это отрицать. Я была в её квартире на Малой Бронной и узнала свою комнату. Там до сих пор всё осталось так, как было.

— Ты была на Малой Бронной? — переспросил он.

— Да, была.

— И ты встречалась с ней? — еле слышно спросил он.

— Нет, её не было в Москве. Она сдавала квартиру какому-то англичанину, и он пустил меня туда. А вчера, — Каролина потрясла журналом, — я увидела фотографии этой квартиры и этого дома. Я жила там, я точно знаю. Раз уж смогла найти этот дом спустя десять лет. Ты знаешь, что у меня хорошая память.

Руслан молча протянул руку и взял из рук Каролины журнал и в каком-то оцепенении рассматривал фотографии своей бывшей жены и дома, в котором он когда-то жил и из которого его изгнали. Алла права, он расскажет ей всё. Он расскажет ей такую историю, что у Каролины исчезнет всё желание общаться со своей мамочкой. И пусть он сейчас её обманет, он не может потерять её. Каролина — смысл его жизни.

— Сядь, дочка. Что ты там стоишь? Я расскажу тебе всё, — его голос звучал устало и приглушённо. Каролина присела на краешек дивана, не сводя глаз с грустного лица отца. — Я не рассказывал тебе об этом, ради тебя. Да и мне неприятно вспоминать об этом.

— Но, папа, я должна знать. Я не хочу больше жить с этой тайной. Это же, правда, что Зоя Яковлева — моя мать?

— Правда, — подтвердил Руслан и почувствовал, как ухнуло сердце в груди. Главное признание сделано.

Некоторое время они молчали, Руслан собирался с силами, и Каролина не торопила его.

— Это длинная история, дочка, — начал Руслан. — Я начну сначала, чтобы ты лучше всё поняла. Каролина кивнула. — Мы с Зоей вместе учились в институте, и между нами было серьёзное чувство. Во всяком случае, мне тогда так казалось. Позже выяснилось, что это чувство было только с моей стороны, а Зоя лишь позволяла себя любить. Она, вообще, никогда никого не любила, — он усмехнулся. — Ни тебя, ни меня. — Каролина нахмурилась, но он похлопал её по руке. — Да, дочка. Это для меня ты — свет в оконце, а для неё всегда была обузой и помехой её развлечениям.

Руслан рассказал и о странных отношениях между его отцом и Зоиной матерью, и как после этого они выкинули его из дома, запретив встречаться с дочерью, и как через пять лет он, наконец, выбил себе это право. Он был мучеником в этой гордой семье, но он вытерпел бы всё ради дочери. Но Зоя хотела снова выйти замуж и выгнала его.

— После вашего развода она снова вышла замуж? — переспросила Зоя. — Это был тот француз?

— Нет, — горько заметил Руслан, — это был её бывший поклонник, с которым она не переставала встречаться, хотя у нас была семья. Она всегда хотела только развлечений. А потом ей пришла голову шальная идея: поехать в Париж учиться на модельера. Надо отдать ей должное, она всегда хорошо шила. Пожалуй, это была единственное, куда она вкладывала свою душу. Всё остальное, в том числе и маленькая дочка, были ей безразличны.

Каролина, почувствовав подступающие слёзы, закрыла лицо руками. Обидно узнать, что ты с самого детства не нужна своей матери. А какая ужасная история, что бабушка увела дедушку из семьи? Это же позор. В их- то возрасте.

Она почувствовала руку отца, гладящую её по голове. Он жалел её. Единственный человек, который её любит. Она справилась со слезами и подняла глаза:

— Продолжай, пап.

— Бедная девочка. Я так хотел, чтобы ты так никогда и не узнала об этом. Всё это слишком тяжело. Но осталось уже немного. Ты спрашивала о том, как ты оказалась здесь? Твоя мать, эта знаменитая теперь Зоя Яковлева, решила уехать в Париж учиться. Я не знаю, стала ли она любовницей этого богатого француза ещё в Москве или уже в Париже, не так важно, как другое. — Он с сожалением посмотрел на Каролину. — Она решила избавиться от тебя. Ей надо было уезжать, и ребёнок был обузой. Никто не хотел взять тебя: ни твоя бабушка, которая была поглощена своей новой любовью, ни твоя мать, которая была уже мысленно в Париже. Я был так шокирован, что сразу забрал тебя. Во всём этом была одна хорошая вещь — мне отдавали мою любимую дочь. Я благодарил Бога за такой подарок. К этому времени я жил с Аллой. Ведь Алла стала тебе хорошей матерью? — спросил он, приподнимая подбородок Каролины, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Да, — тихо сказала девушка, чувствуя, что сейчас опять расплачется.

— Она не обижала тебя и заботилась о тебе, правда?

— Правда, — подтвердила Каролина.

— Так что не та мать, которая родила, а та, которая воспитала, — назидательно произнёс Руслан.

— Так как вы оказались в Саратове?

— После того, что произошло, у меня остались болезненные воспоминания, связанные с

Москвой, и мы решили начать всё сначала на новом месте. Алла продала свою московскую квартиру, и мы переехали. Больше всего на свете, я хотел, чтобы ты не узнал, что я рассказал тебе. Я ни в чём не обвиняю твою мать, кроме того, что она бросила своего единственного ребёнка и ни разу за эти десять лет даже не поинтересовалась, как поживает её дочка.

— Может, она не знает, где я? Вы же уехали из Москвы, — с надеждой спросила Каролина.

— Нет, — уверенно сказал Руслан. — Когда я уезжал, оставил адрес твоей бабушке. Они знают, где тебя можно найти. Но у них есть более важные дела, чем интересоваться тобой, — жёстко закончил он.

Каролина всхлипнула и прижалась к отцу. До сих пор она была маленьким избалованным ребёнком, не знавшим ни в чём запрета. Была уверена, что все её любят, и мысль о том, что её родная мать и бабушка никогда не интересовались ей, терзала её не знавшее страданий сердце.

Долгое время они сидели обнявшись. У Каролины даже не было сил, чтобы выплакаться. Она никогда больше не пойдёт в ту квартиру, из которой её выгнали. Она поставит крест на том периоде своей жизни и постарается как можно скорее забыть о нём, поскольку быть ненужной собственной матери — это слишком неприятное и унижительное чувство. Но она вернётся в Москву и сделает всё возможное, чтобы стать знаменитой. И тогда она придёт к матери, чтобы она очень пожалела, что выбросила из своей жизни маленькую пятилетнюю девочку. Она отстранилась от отца.

— Извини, пап, что заставила тебя вновь вспомнить об этом. Если моя мать не хочет меня видеть, то и мне она не нужна. Главное, что у меня есть вы, и вы меня любите.

Руслан спокойно вздохнул и вытер вспотевший лоб. Как хорошо: ему удалось не вызвать у Каролины подозрений и заставить её поверить, что Зоя её бросила. Зная непримиримый характер дочери, теперь он мог быть уверен, что даже если Зоя найдёт её, у неё вряд получится убедить Каролину, что она не виновата.

Выехать в Саратов Алексею удалось только через месяц. Сначала он заболел гриппом, а потом на работе навалилось столько дел, что пришлось работать с утра до ночи. За это время он так и не обмолвился Зое о разговоре с консьержем. Через неделю после памятного разговора Иван Фёдорович позвонил ему, чтобы сообщить имя той девушки, которое неожиданно всплыло памяти. Алексей сразу обратил внимание, что имя Каролина созвучно имени Катерина. Что это могло означать? Её отец вполне мог изменить ей имя, так же как и фамилию. Яковлевой Каролины Руслановны в городе Саратове не значилось. Ему повезло, что имя было таким редким. По крайней мере, ему будет легче её найти. Оставалось только надеяться, что Иван Фёдорович ничего не перепутал. Насколько было бы легче, если бы он взял у неё телефон.

В поезде все мысли Алексея были о Зое. Она пришла провожать его на вокзал и махала рукой, пока он уезжал. Он любовался её стройной фигуркой в элегантной белой шубке и меховом берете. Сказал, что уезжает в командировку. Последнее время Зоя была очень занята подготовкой новой коллекции. Её магазин пользовался успехом у богатых дамочек, но Зою это мало радовало. «Эти избалованные покупательницы могут позволить себе всё, что угодно. Даже поехать за покупками в Париж, — жаловалась ему Зоя. — А я хотела бы одевать обычных женщин, которые вынуждены покупать одежду на рынках. Ведь именно их, одиноких и тратящих все свои силы на работу и воспитание детей, надо поддержать красивой одеждой, которая позволит им выглядеть уверенно». Но пока всё это оставалось лишь мечтой, магазин подобного класса не интересовал её спонсора. Он считал его открытие экономически невыгодным.

В Саратове Алексею сразу удалось снять одноместный номер в дешёвой гостинице. Он не знал, сколько времени ему придётся пробыть здесь, поэтому старался экономить. Он никогда не был в этом городе, поэтому с интересом рассматривал прохожих и незнакомые улицы. Первое, на что он сразу обратил внимание: огромное количество красивых девушек. Стройные, в обтягивающих джинсах и коротких куртках, несмотря на холодный ветер, они были везде. Их было даже больше, чем в Москве. Ну а второе, здесь, конечно, было спокойнее, уютнее и провинциальнее. Хотя в центре города тоже была пешеходная улица, похожая на московский Арбат со множеством кафе и ресторанов со вполне приемлемыми ценами. Алексей быстро перекусил и направился в городскую справочную. Он обрадовался, когда увидел в окошечке милостивое личико с курносым носиком и сильно накрашенными ресницами. «С молоденькими девушками легче договориться», — подумал он и начал беседу с дежурного комплимента. Они познакомились. Оксана, так звали девушку, даже пропустила его в свою кабинку. Когда у окошечка не стояло людей, которые желали получить справку, они вдвоём просматривали списки жителей Саратова. Для того чтобы узнать адрес, компьютер требовал фамилию имя и отчество, поэтому приходилось просматривать вручную. Они, конечно, ограничили поиски приблизительным годом рождения, но всё равно через два дня они были на том же месте. Дело ещё осложнялось тем, что к окошечку часто подходили люди. На третий день Алексей взмолился:

— Оксана, милая. Давайте останемся после работы. Я готов оплатить ваше потраченное время. — Она надула губки.

— А я-то думала, что вы пригласите меня куда-нибудь?

Алексей мягко улыбнулся и дотронулся до её руки.

— Зачем вам такой старый кавалер? Такие девушки должны встречаться с парнями вашего возраста. Ведь вам, наверно, нет и двадцати.

— Уже есть, — дулась девушка. — И вы вовсе не старый. Вам ещё и сорока-то нет. Давайте сходим куда-нибудь. Мне так с вами интересно. А парням моего возраста только одно и нужно. А с вами хоть поговорить можно.

— Милая девочка, когда-то мне тоже было нужно только это одно, — усмехнулся Алексей. — И, поверьте, я даже жалею, что сейчас это отошло на второй план.

— И вы совсем не испытываете желания? — искренне удивилась девушка.

Алексей вспомнил Зою и вздохнул. Иногда его обжигало огнём, когда он случайно прикасался к ней, или когда она брала его под руку на улице, только он был вынужден всё это скрывать, чтобы не испугать её. Он посмотрел на Оксану и улыбнулся. В ней всё было напоказ: обтягивающая кофточка, открывающая животик, брючки на талии, из-под которых высывались кружевные трусики. Он снова вздохнул. Эх, милые вы, девчонки. Ну, как объяснить вам, что мужчине нужно дать возможность фантазии. Чтобы он гадал, что скрывается под этими одеждами, а не сразу мог угадать какой у неё размер груди и какая окружность бёдер. Вот, Зоя выглядела иначе, на ней он ни разу не видел ничего в обтяжку. У неё природённое чувство вкуса и умение одеваться, вот и пользуется популярностью её одежда. Он как-то был на показе её коллекции. Даже угловатые манекенщицы в её платьях выглядели женственно и загадочно, несмотря на костлявые плечи, отсутствие бюста и угловатые колени.

— О чём вы думаете? Вы так на меня посмотрели? — Оксана прищурилась.

— Я расскажу вам историю, зачем мне нужна эта девушка, которую мы с вами ищем, — решил он. — Вы устали, и я свожу вас пообедать с одним условием, что вы дадите мне ключ и позволите провести ночь в вашей камере. Я должен найти Каролину. У меня осталось всего три дня.

— Вы поведёте меня обедать? — захлопала в ладоши Оксана. — А можем мы пойти в тот чудный ресторанчик рядом с цирком? Там так вкусно кормят. Только дорого, — она посмотрела на него из-под ресниц, вновь пытаясь кокетничать.

— Ничего, — он улыбнулся. — Я просто уверен, что вы заслужили самый дорогой обед. Без вас я бы пропал. Вы очаровательная девушка.

— Но я же вам не нравлюсь?

— Не в этом дело, — отмахнулся Алексей. — Я расскажу вам историю про любовь за обедом. Но вы позволите мне сюда вернуться?

— Да, конечно. Я больше здесь не могу сидеть, — она беспомощно посмотрела на Алексея, и её личико стало по-детски беззащитным. — Не знаю, как у вас, а у меня от компьютера уже глаза слезятся.

В пятом часу утра Алексей был вознаграждён. Просматривая список, он увидел долгожданное имя. От волнения он даже начал разговаривать сам с собой.

— Так, Крылова Каролина Рудольфовна. Проживает на улице Ленина, в доме

пятнадцать в квартире девять.

Он встал со стула и потянулся, чтобы расправить затёкшую спину. Продолжая повторять. Крылова Каролина Рудольфовна. Внезапно он понял, что его снова насторожило. Её отчество. Мужа Зои звали Русланом. Девочка была Катерина Руслановна, а эту девушку звали Каролина Рудольфовна. Здесь было что-то похожее. Словно кто-то пытался так изменить имена, чтобы они, оставаясь другими, всё же напоминали прежние. Он снова бросился к компьютеру и набрал Крылов Рудольф, компьютер, покопавшись в памяти, послушно вывел на экран: Крылов Рудольф Александрович и тот же адрес. Скорее всего, это муж Зои, Руслан. Неужели ему удалось найти их? Неужели он был прав, когда решил, что отец Зои просто выкрал свою дочь и уехал? Он снова задал вопрос компьютеру, и он послушно доложил, что в той же самой квартире ещё проживала Крылова Алевтина Дмитриевна. Он потёр ладони. Он нашёл их. Год, и месяц, когда они зарегистрировались в этой квартире, совпадал с месяцем исчезновения Зоиной дочери Кати. За это время он вполне мог успеть купить квартиру и прописаться. А в Саратов они приехали уже по поддельным документам. Алексей посмотрел на часы: пять утра. Он больше не мог находиться в тесной будке. Он выключил компьютер и вышел на улицу, с наслаждением вдыхая морозный воздух. Почувствовал, что голоден. Недалеко призывно светился круглосуточный магазинчик. Он зашёл туда и взял бутылку пива и чёрствый сэндвич с ветчиной. Уставший мозг требовал подкрепления. Он вышел на улицу, с наслаждением отпивая пиво. Наконец-то свершилось. Он напал на след. В этот момент он всегда чувствовал себя охотником, выследившим дичь. Передав ключ Оксане, он поедет на улицу Ленина и понаблюдает за выходящими из подъезда жильцами. Сегодня среда, Каролина должна пойти в школу, а Руслан на работу. Он был уверен, что узнает его, несмотря на то, что прошло двенадцать лет, и он видел его только на фотографии. Его натренированная память сразу запоминала все особенности лица, даже если человек пытался изменить внешность.

В семь утра Алексей занял наблюдательный пост недалеко от первого подъезда кирпичной пятиэтажки. Было холодно, он поглубже надвинул кепку и поднял воротник меховой куртки. По его расчётам Каролина должна появиться не раньше восьми часов, а вот Руслан мог пойти на работу, когда угодно. То же касалось и Аллы, его жены. Алексей вздохнул, размышляя о Руслане. За долгие годы работы он насмотрелся всякого, были и похищения детей, в основном, правда, с целью получения последующего выкупа. Это было дико, но понятно. Но что могло заставить Руслана украсть свою дочь? Здесь не было никакой выгоды. Наоборот, налагало обязанности по воспитанию и содержанию девочки. Другое дело, если бы это произошло сразу после развода, после того, как суд, как положено, отдал ребёнка на воспитание матери. Но Зоя рассказывала, что тогда Руслан вовсе отказался от них и проявил интерес только после злополучной встречи на Патриках через четыре года. Его личная жизнь не сложилась, и он решил восстановить справедливость, наказав Зою и её мать за причинённую обиду?

Алексей вспомнил свою историю. После развода он был так зол на бывшую жену за её неожиданную влюблённость, что мысль украсть Алёнку несколько раз приходила ему в голову. Да только он отбросил её. Нельзя лишать ребёнка матери, какой бы она ни была. Да и что это будет за жизнь в вечном страхе? Наверно, из-за того, что его положение, как отца было таким же бесправным и безвыходным, он сразу заподозрил Руслана.

Алексей топтался на месте, чувствуя, что замерзает. Он хотел зайти в подъезд погреться, как дверь открылась: на пороге появился мужчина. Алексей узнал его. Руслан, постаревший и потолстевший. Мужчина быстро завернул за угол.

Алексей потёр замёрзшие руки. И так, всё сошлось. Это был муж Зои, Руслан. Значит его версия, которую отвергала Зоя, подтвердилась. Алексей стал ходить взад вперёд, чтобы согреться. Потом он решил, что Каролина вряд ли выйдет из дома так рано, и сделал большой круг возле дома, чтобы не привлекать внимания дамы, гулявшей с таксой. Больше всего на свете ему хотелось позвонить Зое, но он остановил себя. Сначала нужно всё проверить и поговорить с Каролиной, то есть с Катей. Интересно, как она отнесётся к известию, что у неё нашлась мама? Обрадуется или заплачет? Должна обрадоваться. Но узнать, что тебя украл родной отец, будет больно. Он нетерпеливо посмотрел на часы. Было пять минут девятого. К подъезду подошёл высокий парнишка лет шестнадцати с сумкой. Он посмотрел на окна и встал напротив подъезда. «Это, наверно, и есть тот самый молодой человек, с которым она приходила на Малую Бронную», — подумал Алексей, с интересом рассматривая парня, нетерпеливо поглядывающего на часы. Наконец, из подъезда выплыла девушка. Алексей смотрел на неё во все глаза. Узнать он её не мог, он видел её фотографии, когда ей было пять лет. Но она была похожа на Руслана. Те же чёрные волосы, смуглая кожа. Выглядела девушка старше своих лет. На ней был короткий коричневый полушубок, чёрная юбка выше колен и сапожки на высоких каблуках. Алексей понял: родители не жалеют денег, чтобы одеть её. Пытаются заглушить чувство вины.

— Каролина, мы опоздаем. Сегодня контрольная.

— Никто не просил меня ждать, — девушка вздёрнула нос. — Я знаю, где находится школа. Ходишь за мной, как привязанный. — Она протянула сумку, и он послушно взгромоздил её себе на плечо.

— У меня, вообще, нет настроения идти в школу, — заявила девушка, рассеянно глядя по сторонам. Алексей поймал её взгляд. Взгляд взрослой женщины, уверенной, что она красива и желанна. Такой же взгляд был у Зои. Взгляд, который заставляет мужчин совершать отчаянные глупости. Вероятно, это и произошло с Русланом, когда, потеряв Зою, он захотел отомстить ей и украл у неё дочь. Алексей следовал за ними на безопасном расстоянии. Он решил, что не будет подходить сейчас. Дождётся, когда у них закончатся уроки и подкараулит Каролину из школы. А пока ему нужно было прогуляться в ближайшее отделение милиции, чтобы навести некоторые справки. Безумно хотелось позвонить Зое. Не для того, чтобы рассказывать новости — для этого надо переговорить с Катей — а просто услышать её голос.

Закутавшись в длинную шубу, Зоя шла по Кузьминскому парку. Она сама не знала, зачем она сюда приехала. Она даже не собиралась заходить к маме. С утра у неё было такое ужасное настроение, что всё валялось из рук. Она попробовала придумать новый фасон вечернего платья, но в голову ничего не приходило. А ведь надо работать. К Новому году она должна представить вечерние платья в два магазина, и надо было чем-то удивить этих богатых дамочек, чтобы они чувствовали себя особенными и желанными. Когда карандаш, которым она рисовала эскизы, сломался в третий раз, она решила проветриться. Наверно, она устала. Она вообще устала, устала жить. Эта тоска, казалось, никогда не оставит её. В таком удручённом настроении она села в свой новенький, синего цвета автомобиль, который ласково называла Синька, и приехала в Кузьминки.

Раздражённая на себя и весь мир, она вступила на снежную тропинку и медленно пошла к озеру, вдыхая морозный воздух. Заснеженные деревья и чистый белый снег, сверкающий на солнце сразу подняли настроение. И почему она не осталась жить в Кузьминках?! Здесь она была счастлива, не то, что на Малой Бронной, где среди скопища машин и привередливых соседей, она никогда не чувствовала себя спокойно. Эх, если бы можно было вернуть время назад и вновь ощутить себя пятнадцатилетней девчонкой, гуляющей за ручку с Юркой по лесу. Как они были молоды тогда и беззаботны и вся жизнь, чудесная жизнь, казалось, принадлежала им. А что сейчас? Одиночество и работа. Да глупые светские вечеринки, на которых приходится бывать. Ещё есть подруга Марьяна, которую она устроила директором в свой магазин и Алексей. Иногда они ходят куда-нибудь поужинать или в театр. Он всегда прощается у дверей, а она никогда не приглашает его остаться.

Ноги привели её на знакомое место. Зоя остановилась. Ну, надо же, та самая скамейка, на которой они тогда сидели с Юрой, и он признался ей, что едет в Афганистан. Им тогда было по девятнадцать лет. Интересно, где сейчас Юрка? Вспоминает ли её? Наверно, он был единственным мужчиной в её жизни, которого она любила. Им было хорошо вместе. Она присела на спинку скамейки и закрыла глаза, вспоминая своё удивительное ощущение счастья, когда они были вместе. Неожиданно услышала, как скрипит снег под чьими-то шагами, и раздражённо оглянулась. «Вот ведь несёт кого-то. Не дают побыть в одиночестве». Зоя скользнула взглядом по мужчине в тёмно-синем пуховике. Что-то в нём было знакомое. Он сделал ещё несколько шагов, и Зоя узнала Юру. Минуту они смотрели друг на друга, жадным взглядом лаская знакомые черты и с обидой замечая морщинки.

— Откуда ты здесь? — наконец спросил он.

— Я просто гуляла. А ты?

— Я часто прихожу сюда, — сказал Юра. Зоя заметила, что в его карих глазах больше нет тех искорок веселья, которые ей так нравились. Бывший муж выглядел поникшим и усталым. — Это же наша скамейка. Помнишь?

— Я узнала, — тихо ответила Зоя, обрадовавшись, что он приходит сюда.

— Ты не возражаешь, если я посижу с тобой?

— Конечно, нет. Расскажи, как ты живёшь? — спросила она, чтобы не молчать.

— Мне нечего рассказывать, кроме того... — Он посмотрел на неё, потом отвернулся и быстро сказал: — Ты не поверишь, но я всё ещё люблю тебя.

— Юра, Юра, — Зоя улыбнулась. — Ты всё время признаёшься мне в любви. Но ведь это же ты тогда ушёл. Это же ты не смог жить с нами. Дело было не во мне. У нас были разногласия, но я бы никогда не решилась на разрыв.

Он взял её руку в меховой перчатке и прижался к ней лицом. В его жесте было столько отчаяния, что Зоя невольно погладила его по волосам. Он был без шапки, в густых волосах с проседью запутались белые снежинки. Он был всё тот же родной мальчишка, с которым они не спали ночами, занимаясь любовью, только чуть-чуть постаревший.

Он смотрел в сторону, не отпуская её руку.

— Я совершил ошибку. Ты была единственной, кого я любил. Единственной женщиной на всём белом свете. Я понял это, когда начал встречаться с другими. Я не искал больше любви, но искал забвения. Когда в моей жизни не стало тебя, все мои занятия показались бессмысленными. Я всё-таки выбросил ту гитару, которая нас разлучила. Я не смог больше петь, у меня пропал голос.

— Но ты же играешь в ресторане? — Зоя вспомнила мамин рассказ.

— Разве это то, к чему я стремился?! Теперь я ненавижу музыку, потому что из-за неё потерял тебя.

— Это было не из-за музыки. Это было из-за того, что мы жили в разных мирах, и тебе не нужен был мой мир.

— А тебе мой, — грустно заметил Юра. — Но всё же ты пыталась. Ты ходила со мной на вечеринки, которые тебе не нравились, и слушала мои глупые песни. Ты даже поддерживала хорошие отношения с Майклом, которого терпеть не могла. Ты делала это ради меня. А я даже не пытался жить в твоём мире, не хотел попробовать стать другом для твоей дочери.

Зое стало грустно. Он всё понял, но что толку? Время безнадежно ушло, остаётся только сетовать и вспоминать.

— А что сейчас с Майклом? — спросила она после паузы.

Юрка усмехнулся и хорошо знакомым жестом взъерошил волосы.

— Ты опять оказалась права, он никогда не был мне другом. Он подставил меня при первой же возможности, и я с трудом выкрутился из гадкой ситуации.

— Мне жаль, что так получилось. Но у тебя есть семья, сын.

Он посмотрел на Зою, долгим тяжёлым взглядом.

— Я не люблю их. Наверно, ты была права, когда однажды назвала меня уродом. Я не люблю собственного сына. Он раздражает меня фактом своего существования. У него астма, он редко ходит в школу. В основном находится дома и рисует. Он любит рисовать. Иногда у него бывают приступы, и он задыхается. Всё это раздражает меня. У меня даже не мог родиться нормальный здоровый пацан. Такой сильный и здоровый, как твоя Катя.

При упоминании о Кате она тихо попросила:

— Не надо так говорить.

Юра обнял её за плечи и заглянул в глаза.

— Никаких известий?

— Нет, — Зоя отвернулась и заморгала.

— Знаешь, только когда у меня родился сын, я понял, что любил твою Катю. Она хоть и

не была моим ребёнком, но всё же была дочерью от любимой женщины. Просто у меня была такая странная любовь.

— Не надо, Юра. Не ври. Зачем сейчас ворошить прошлое? — Зоя чувствовала, что у неё по щекам текут слёзы, а в голове вертелась слова песня Аллегровой, которая ей когда-то нравилась. «Дураки, с тобой мы оба дураки. Растеряли всё, что было невзначай».

— Не плачь любимая. Не плачь. Я не достоин ни одной твоей слезинки. Ты прости меня. Я счастлив, что встретил тебя. Ты всё такая же красивая. Я слежу за твоими успехами издалека. Я даже заходил в твой магазин на Тверской. Твои платья такие красивые.

— Ты был в моём магазине? — Зоя улыбнулась сквозь слёзы.

— Да, только быстро ушёл. Продавщица очень странно на меня смотрела. Наверно, я не выгляжу, как мужчина, который может позволить себе купить дорогую одежду для женщины.

— Перестань. Ты хорошо выглядишь. Многие мужчины в нашем возрасте толстеют и лысеют, а у тебя такая же фигура, как и в юности и волосы такие же густые.

— Ну, в этом нет моей заслуги. Просто хорошие гены. Знаешь, мои родители жалеют, что мы расстались. Им не нравится моя жена, так же как и мне.

— Зачем же ты тогда женился?

— Думал, что забуду тебя с ней. Но ничего не вышло. Бог жестоко наказал меня за то, что я ушёл от тебя. Я даже не могу развестись: жена не работает, и им будет негде жить. Но я построил дачу. Помнишь, куда я привёз тебя в день нашей свадьбы?

— Помню.

— Это т рядом. Я ловлю рыбу, смотрю на воду и вспоминаю тебя. Всё же моя жизнь не совсем плохая, в ней была ты, и до сих пор есть моя любовь к тебе.

— Но это же глупо, Юрка, — не выдержала Зоя. — Вернись на землю. Налади отношения с женой, обрати внимания на сына. Отвези его за границу. Сейчас лечат от астмы. Ты нужен им. Всё, о чём ты говоришь, уже бессмысленно. Наша жизнь сложилась так, что мы врозь. Я любила тебя, но уже давно всё кончено. Я вырвала эту любовь из сердца и заставила себя жить дальше. Был единственный раз, когда я сломалась, это когда исчезла Катя. Но я и после этого нашла в себе силы, чтобы подняться, хотя был момент, когда я думала, что покончу с собой от отчаяния. Я уехала в Париж, чтобы попытаться стать модельером.

— У тебя это получилось.

— Но я работала над собой. Я заставляла себя заниматься и рисовать. Слёзы о моём пропавшем ребёнке текли на бумагу, размывая фасоны платьев, но я не сдавалась. Единственное, что я не смогла заставить себя сделать: придумывать детскую одежду. Прошло время, и не то, чтобы я забыла, но некоторые вещи стали вновь приятны для меня. Моя боль осталась внутри, но я научилась жить с ней. — Она взяла его за руку. — Юра, посмотри на меня. Мне очень приятно, что ты меня до сих пор любишь. Твои слова согрели мне душу, но тебе пора идти дальше.

Их лица были совсем рядом. Он закрыл глаза и поцеловал её.

— Сделай для меня одну вещь, — попросила Зоя.

— Какую?

— Купи цветы для жены и маленькую игрушку для твоего сына. Они это заслужили. Они так долго терпели твою нелюбовь. Тебе надо попросить у них прощения. Ты нужен им, они любят тебя.

— Но моя жена... — попытался возразить он, но Зоя закрыла ему рот ладонью. — Она замечательная, она родила тебе сына, и она всё ещё с тобой, несмотря на то, что ты не любишь её. Подари ей капельку тепла, и тебе самому станет легче.

— Я построил дачу. Дачу для них. Сыну нужен свежий воздух, но она даже не хочет туда ехать.

— Ты построил дачу в месте, где ты предаёшься мечтам о своей любви, и твоя жена чувствует это. Мы, женщины, всегда чувствуем такие вещи. Вовсе неудивительно, что она не хочет туда ехать. Попробуй продать эту дачу и купить в другом месте, где понравится твоей жене. И пусть она занимается проектом дома.

— Я не могу. Это моё убежище. Знаешь, у меня в спальне нет обоев. Все стены увешаны твоими фотографиями.

— Ты сумасшедший, — Зоя покачала головой. Ну почему она не может на него сердиться? Неужели ещё что-то осталось? Вот бы почувствовать всё ещё раз, так как было когда-то. Его крепкие руки на своих плечах.

— Знаешь, что пойдём, — она вскочила со скамейки и отряхнула снег с шубы. Заколка упала с волос, и они рассыпались по плечам, но она не дала Юрке её поднять.

— Куда ты так спешишь?

— Не спрашивай, — отмахнулась она. — Боюсь, что передумаю, если скажу. Это такое сумасшествие.

Найдя на стоянке свою машину, Зоя щёлкнула сигнализацией.

— Садись, — коротко сказала Зоя, открывая переднюю дверь.

— Какая у тебя красивая машина, — заметил он, и Зоя вспомнила, что у него всегда была эта страсть к красивым «тачкам». Тогда, в девяностые, он с завистью провожал взглядом каждую иномарку, которая проезжала мимо, когда они гуляли. Зоя злилась, она всегда считала машины грудой металла. Ей и сейчас совершенно всё равно на чём ездить. Наверно, поэтому у неё и есть эта машина. Она её купила только потому, что в Париже ездила на такой же. Нам всегда даётся то, что нам не очень-то и нужно.

— Я никогда не видел тебя за рулём.

— Мы поедем очень быстро, так что держись, — Зоя улыбнулась. Всё-таки это получилось. Она вновь чувствовала себя молодой и счастливой.

— И куда же мы всё-таки поедем? — его глаза стали бархатными, и она даже заметила искорки. Боль ушла, наверно он тоже почувствовал себя молодым.

— Я хочу увидеть эту комнату.

Он не сразу понял.

— Какую комнату?

— Комнату на твоей даче, которая увешана моими фотографиями.

Он смотрел на неё и не верил её словам. Она собирается поехать с ним на дачу.

— Зоя, это не комната. Эта спальня.

Она улыбнулась.

— Я помню об этом, — она нажала на газ. Машина рванулась с места, взвизгнув колёсами.

— Поставь музыку, — сказала она ему. Он достал из кармана куртки диск. Он сам не знал, почему положил его туда. Из приёмника полились знакомые слова: «Я хочу быть с тобой».

Зоя улыбнулась, прибавляя скорость и выруливая в крайний левый ряд. Сегодня она поедет, обгоняя всех. Плевать на то, что дорога скользкая. Дорога в молодость и должна быть слишком быстрой, иначе остановишься и собьёшься, а больше уже не хватит смелости, чтобы попробовать вернуться. На светофоре она остановилась и посмотрела на него.

— Я тоже хочу быть с тобой. Но это будет только сегодня. Только сегодня нам снова по двадцать. Завтра нам снова будет сорок. И завтра ты сделаешь всё то, о чём я тебя попросила в лесу.

— Хорошо. Я куплю цветы и игрушку сыну.

— Этого слишком мало. Завтра ты научишься жить без меня и наведёшь порядок в своей жизни. И ты мне это сейчас пообещаешь. Или я отвезу тебя домой.

Он грустно смотрел на неё.

— Научиться жить без тебя?! Я не смогу.

На светофоре зажёгся зелёный, но Зоя и не думала ехать. Машины яростно гудели, но её это не волновало.

— Почему ты не едешь? — спросил Юра, наблюдая, как машины, сигналив, объезжают их, занявших крайнюю левую полосу и мешающих движению на широком проспекте.

— Я не поеду, пока не услышу то, что просила.

Юра заёрзал в кресле.

— Зоя, надо ехать. Ты остановилась посередине дороги. Водители нервничают.

— Юра, дело не во мне, дело в тебе. У тебя есть время до следующего сигнала светофора. Я повторяю своё предложение. Сегодня нам по двадцать, и мы едем в наше прошлое, чтобы проститься с ним. Но завтра ты вернёшься домой и начнёшь новую жизнь, в которой не будет места для всего этого. С завтрашнего дня твоя жизнь посвящена твоей семье. Дети не должны страдать из-за ошибок родителей.

— Но я не люблю свою жену, я люблю тебя.

— Хорошо, сделай это для меня. Сделай это во имя любви ко мне. Неважно ради кого или чего ты это сделаешь. Пусть это будет наша маленькая тайна. Спаси свою семью и вылечи сына. И только тогда, слышишь Юрка, я поверю, что ты меня действительно любишь, и я буду тобой гордиться, потому что знаю: тебе это было непросто.

Светофор вновь сменился зелёным, и Зоя вопросительно посмотрела на него. Похоже, ей это удалось, в его глазах уже была твёрдая решимость.

— Хорошо, я обещаю, — глухо проговорил он.

— Вот и умница, — Зоя проехала злополучный светофор. — Поставь ещё раз эту песню «Я хочу быть с тобой».

Подобрав длинную шубу, Зоя выбралась из машины и остановилась у ворот, созерцая кирпичный двухэтажный домик с балконом. Вокруг него в безмолвии стояли заснеженные сосны и ели. К крылечку вела расчищенная тропинка. Юрка воплотил её мечты. Она всегда хотела иметь домик, куда можно приехать из суетливой Москвы, чтобы пожарить шашлыки и покататься на лыжах зимой.

— Прелестно, — наконец сказала она. — Ты сделал это сам?

— Мне помогал отец.

— Замечательно. Мужчина должен посадить дерево, построить дом, тебе осталось только вырастить сына. Дерево, ты я думаю, посадил? — Юрка кивнул. — Дом построил.

Осталось только одно.

Они зашли на уютную веранду. В доме было тепло. Зоя скинула шубу, оставшись в джинсах и свитере. Юра жадно оглядел её стройную фигурку.

— Ты совсем не изменилась, — он обнял её и зарылся лицом в пушистых волосах. — Ты стала блондинкой, но тебе это идёт.

— Я хочу увидеть ту комнату.

Он с трудом оторвался от неё и распахнул дверь.

В просторной спальне, где у окна стояла двуспальная кровать, а на полу лежала медвежья шкура, мебели больше не было. Все стены от пола до потолка были оклеены Зоиными фотографиями. Здесь были школьные снимки, фотографии, когда они были вместе, последние газетные и журнальные вырезки.

— Здесь вся моя жизнь, — Зоя подходила то к одной фотографии, то к другой. Юра следил за ней.

Внезапно в нём созрело решение. Он больше не сможет здесь жить. После того, как она была здесь с ним, это будет слишком больно. К тому же он дал ей обещание. Он действительно должен покончить с прошлым. Зоя права, во всём права. Если она смогла выстоять, ему стыдно жаловаться. Жизнь для других пойдёт ему на пользу, он слишком долго был эгоистом. Он подошёл к Зое.

— Тебе нравится этот дом?

— Здесь восхитительно, — глаза Зои горели.

Он нашёл её руку и положил в неё ключи.

— Это твой дом. Тот дом, который я должен был построить для тебя, когда собирался на тебе жениться. Но я всегда опаздываю.

— Нет, Юрка, я не смогу. Ты с ума сошёл. Тебе пригодятся деньги. Ты можешь его продать.

— Я никогда не смогу продать этот дом, также как и оторвать хотя бы одну фотографию со стены. Но поскольку ты взяла с меня слово, я не смогу здесь больше жить. Будет даже лучше, если мне некуда будет убегать от моей семьи.

Зоя задумчиво вертела в руках ключи, думая как поступить. Наконец, она вспомнила. У Жака был хороший друг, который жил в Швейцарии. Там есть и больница, в которую можно положить его сына. Они специализируются на таких заболеваниях. Она сможет договориться, чтобы отвезти туда мальчика. Юркиной жене необязательно знать, кто занимается этим вопросом.

— Хорошо, — Зоя положила ключи в карман. — Но с одним условием. Ты разрешишь мне положить твоего сына в одну хорошую клинику за границей. Жене скажешь, что продал свою любимую дачу, чтобы вылечить сына. Она поверит и оценит.

— Ты делаешь это, потому что чувствуешь свою вину перед кем-то?

— Помнишь, однажды я сделала аборт. После этого я потеряла Катю, а у тебя родился больной ребёнок.

— И ещё мы потеряли друг друга, — закончил он, беря её за руки.

— А сейчас, когда мы всё решили, мы можем вновь попробовать войти в ту же реку. И пусть злые языки говорят, что это невозможно. Надеюсь, у тебя здесь есть гитара?

— Конечно и бутылка красного вина. Я с тех пор пью только это вино, которое

нравилось тебе.

Зоя улыбнулась и обняла его. Как могли они расстаться?! Как они могли столько всего наворочать?! Она вспомнила свою бабушку, которая частенько напевала строку романса: «только раз бывают в жизни встречи». У них была эта встреча, но они всё потеряли. Есть только этот последний день прощания, последняя сумасшедшинка их молодости, последняя капелька их любви. И пусть подольше не наступает завтра, и пусть будут так же нежны объятия, как много лет назад. Они смогут второй раз войти в эту реку, потому что это будет единожды. Зоя посмотрела в его глаза, те самые глаза, которые так любила когда-то, и тихо сказала:

— Я хочу быть с тобой.

Алексей терпеливо ждал, когда закончатся уроки. Стоял у ворот, вспоминая свою Алёнку. Она сейчас была в восьмом классе. Он никогда не встречал её из школы, потому что всегда был занят. Приезжал по выходным, водил её в кафе пообедать, потом они шли в кино, и он всегда давал ей денег на карманные расходы. Конечно, она не рассказывала ему никаких тайн. Он даже толком не знал, как она учится. Бывшая жена жаловалась на её трудности с геометрией. У девочки не хватало пространственного воображения.

Зоя недавно призналась ему, что всегда плохо училась, потому что сама жизнь казалась ей интереснее школьных предметов. Он внимательно наблюдал за выходящими школьниками, чтобы не пропустить Катю. Хотя, её невозможно было не заметить, она слишком выделялась из толпы. Зоя удивится, увидев какой стала её дочь. У неё уже есть мальчик. Алексей задумался об Алёнке. Он не знал, есть у неё друг. Она никогда об этом не говорила, а он стеснялся спросить. Теряется нить между отцами и детьми после развода. И это неизбежно. Он подумал, что не так уж и осуждает Руслана. Кто виноват, что в нашей стране такие законы и кто виноват, что прежние отношения между мужчиной и женщиной отмирают, а дети, наоборот, продолжают расти и им до старости нужно, чтобы их папа и мама любили друг друга.

Он заметил Катю издалека. Она и её долговязый молодой человек выходили последними. Он открыто обнимал её за плечи, с гордостью демонстрируя всем, что она его девушка и что-то ей говорил. Они остановились, и Алексей с ужасом увидел, что девушка достала из кармана сигареты. «Не может быть, чтобы она курила?! Куда только смотрят родители!» — разозлился он, наблюдая, как девушка затягивается. У него было дикое желание вырвать у неё сигарету и отшлёпать. Зоя расстроится, когда узнает. Их догнали ещё какие-то ребята. Перебрасываясь жаргонными словечками, они шли к воротам. До Алексея донеслось предложение одного из школьников «попить пивка». Всё это его возмутило. Тогда, в восьмидесятые, они вообще почти не пили, а уж курили только мальчишки и тайком. Катя мимо, не обратив на Алексея никакого внимания.

Алексей последовал за ними. Молодёжь направилась в сторону коммерческого киоска. Они купили пива и остановились неподалёку от школы на скамейке, бросив портфели в снег. Почти все из них курили. Он наблюдал, как молодой человек открыл банку и протянул Кате. Она сделала глоток и снова закурила. Алексей расстроился. Он не ожидал, что Катя курит и пьёт пиво. Ведь ей всего пятнадцать. Да, в их времена девочки были другие. Этим всё нипочём, они расположились рядом со школы и им плевать, что учителя увидят их за этим занятием. Алексей терпеливо ждал, укрывшись за беседкой. Наконец, Катя и её молодой человек остались одни. Они сидели на качелях, качались и о чём-то беседовали.

Он пошёл прямо к ним, но увлечённые беседой, они не сразу его заметили.

— Здравствуй, Каролина, — спокойно произнёс Алексей. Девушка смутилась. В её руке была зажжённая сигарета, и она явно не хотела, чтобы это дошло до её родителей.

— Здравствуйте! — девушка встала с качелей, и Алексей обнаружил, что она высокая, во всяком случае, выше Зои. Вблизи он заметил, что ресницы у неё такие же длинные, как у

Зои, и вообще она хорошенькая. Вот только косметики слишком много.

— Меня зовут Алексей, — он достал своё удостоверение и показал ей.

— О, следовательно, — Каролина улыбнулась. — Чем обязана? Надеюсь, я ничего не натворила? — она опустила ресницы, опустив зажжённую сигарету вниз.

Алексей улыбнулся. Эта пигалица ещё пыталась с ним кокетничать. Он взял из её руки сигарету и, затушив, выбросил окурочек в урну.

— Тебе не идёт курить, — отрезал он. — Мне надо поговорить с тобой, — он недвусмысленно посмотрел на молодого человека, давая ему понять, что он лишний, но его это завело.

— Я никуда не отпущу Каролину. Кто вы такой? — Артём посмотрел на девушку. — Каролина, ты его знаешь? Что ему нужно?

— Именно это я и собираюсь объяснить, — спокойно ответил Алексей. — А поскольку это дело семейное, я хотел поговорить с Каролиной наедине, но если она не возражает...

— Если вас прислала моя мать, передайте ей, что я не желаю её видеть. Надо было раньше думать.

Мысль, что Каролина знает, что Зоя её мать никогда не приходила в голову Алексею. А он-то хотел её удивить, обрадовать. А она уже всё знает и ещё имеет наглость заявлять, что не хочет видеть Зою.

— Если вы всё знаете, тогда тем более нам нужно поговорить. Здесь неподалёку есть кафе, я могу угостить вас кофе.

— Я не пью кофе и нам не о чем разговаривать, — отрезала Каролина. — Я так долго считала, что моя мать умерла, что предпочитаю не слышать о ней до конца дней своих. Женщина, которая бросила своего ребёнка, не может считаться матерью.

— Да кто наговорил тебе такую чушь! — вырвалось у Алексея. — Ты можешь, по крайней мере, выслушать?!

— Нет! — отрезала Каролина и перекинула сумку через плечо. — Пошли, Артём.

— Подожди, — Алексей придержал девушку за руку, но она раздражённо освободилась.

— Оставьте меня в покое. Я не хочу ничего слышать.

Алексей взглянул на Артёма, который не двинулся с места. Он словно чувствовал, что для неё будет лучше остаться, но не решался ей противоречить.

— Наверно, это ты был с ней в том доме, где она жила в Москве?

Артём еле заметно кивнул.

— Я специально приехал из Москвы, чтобы найти её, — начал Алексей.

— Пошли, — Каролина дёрнула за руку Артёма. — Хватит слушать эти сказки. Я сыта тайнами нашей семьи по горло.

— Но, Каролина... — мягко начал Артём, но девушка, вздёрнув подбородок, пошла быстрыми шагами прочь.

— Нам надо её удержать, — быстро сказал Алексей. — То, что ей наговорил отец, сплошная ложь. Её мать ни в чём перед ней не виновата.

— Каролина, подожди, — Артём догнал её, и они начали о чём-то тихо разговаривать. Алексей прислонился к качелям. Видимо, отец хорошо поработал с девчонкой. Но он не может уехать, не поговорив с ней. Он должен её вернуть Зое. Зое, которая живёт только благодаря надежде на встречу с ней. Если бы только эта глупая девчонка знала, как любит её Зоя.

Он быстро подошёл к ним.

— Я понял: твой отец что-то рассказал тебе, но это не совсем так. У меня есть доказательства того, что твоя мать любила и любит тебя. Она искала тебя все эти годы. Твой отец похитил тебя. Твоя мама никогда не оставляла надежды, что найдёт тебя. Она даже сохранила твою комнату в том же самом виде. Она никогда не отказывалась от тебя. Она не знала, что ты живёшь в Саратове.

Каролина напряжённо думала. В его словах был здравый смысл. Она вспомнила, как отец боялся, что она поедет в Москву. А как она могла забыть про комнату? Если бы она была безразлична матери, то та бы, наоборот, всё переделала, чтобы не оставить никаких воспоминаний. После разговора с оцтом, она так разозлилась, что чуть не выбросила кенгурёнка. Так было больно от одной только мысли, что мать бросила её совсем ребёнком, и все эти годы даже не интересовалась, как она живёт. Но, если всё не так, если отец солгал... Каролина растерянно посмотрела на Алексея.

— Пойдём, — он ухватил девушку за локоть. — Я покажу тебе фотографии. Ты должна знать правду. Потом, когда ты меня выслушаешь, ты решишь, что тебе делать, и я обещаю: если ты по-прежнему не захочешь видеть свою мать, я уеду и больше не потревожу тебя.

— Идём, Каролина, — настаивал Артем. — Ты должна его выслушать.

— Хорошо, — глухо ответила Каролина. — Мы можем зайти в кафе. — Она пошла вперёд, распущенные длинные волосы развевались на ветру, и Алексей подумал о том, что Зое не понравилось бы, что её дочка ходит без шапки в мороз. Она бы сумела убедить её в том, что головной убор зимой необходим. Но, тем, кто воспитывал Каролину, было всё равно. Или они не могли с ней справиться, ощущая огромную вину перед этой девочкой, вырванной с корнем из привычного окружения и выросшей в паутине лжи, которую они соткали.

— Знаешь, у тебя сегодня глаза блестят, — заметила Марьяна, когда Зоя на следующий день появилась на работе.

— Знала бы ты, как я провела эту ночь, не спрашивала бы, — улыбнулась Зоя и зевнула.

— Нетрудно догадаться. И кто был этот счастливчик? Я его знаю?

— Конечно, да, — Зоя усмехнулась. — И даже очень хорошо.

— Неужели сыщик вернулся из командировки, и твоё жестокое сердце, наконец, дало слабину?

— Нет, с Алексеем мы просто друзья.

— Ах, Зоя, — отмахнулась Марьяна. — Ты уже давно не девочка, чтобы верить во все эти глупости на счёт дружбы с мужчиной и женщиной. Я давно заметила, как он смотрит на тебя, когда заходит. Я не понимаю, о чём ты думаешь. Конечно, он не так эффектен и богат, как твой Жак, но всё же очень даже ничего. Смотри, непусти его. Ты же знаешь, в наши годы приличные мужчины долго одни не бывают. Столько баб одиноких, просто ужас.

— Ты говоришь в точности, как моя мама, — Зоя потянулась. — Ей тоже нравился Жак.

— Наверно, милая, и тебе он когда-то нравился, если ты задержалась в Париже на десять лет.

Зоя вздохнула.

— Тогда я была так одинока, что мне просто был нужен кто-то рядом. А Жак был так мил и внимателен. Конечно, мне не надо было этого начинать. Я надеюсь: он женится и будет счастлив. Но с Алексеем я не повторю этой ошибки.

— Ну, ты же не сможешь остаться одной до конца своих дней.

— Почему? Последнее время я вполне комфортно чувствую себя в одиночестве.

— И ты называешь это одиночеством? — Марьяна возмущённо забарабанила длинными ногтями по полированной поверхности письменного стола, за которым работала. — Уж, не знаю почему, дорогая подружка, но мужики просто дуреют от тебя в прямом и переносном смысле. Взять, например, твоего второго муженька Юрку. Я его недавно встретила в магазине, он так расспрашивал о тебе, словно и не было этих лет, которые вы провели порознь. Я уверена: он до сих пор в тебя влюблён. Только не понимаю, какого чёрта он тогда ушёл?

— Я тоже уверена, что он меня любит.

Марьяна внимательно посмотрела на подругу.

— Ты с ним разговаривала? — Зоя улыбалась. — Ты с ним виделась? О, нет! — вдруг выкрикнула Марьяна. — Только не говори мне, что этой ночью...

Зоя кивнула.

— Ты сумасшедшая. Сумасшедшая, — заключила Марьяна. — Теперь, когда за тобой ухаживают такие приличные мужчины, которых бы не упустила ни одна умная баба, ты снова сходишься со своим ресторанным гитаристом, будь он не ладен.

— Успокойся, ладно?

Зоя встала со стула, и, расправив складки юбки, подошла к окну, глядя на спящие мимо машины по Тверской и, вспоминая тишину и белоснежный снег на Юркиной даче. Иногда Зою раздражала Москва с её суетой и неугомонностью.

Марьяна подошла к ней.

— Как я могу успокоиться, если моя подруга опять начинает старую песню.

— Ну, кто тебе сказал, что я начинаю?! Больше ничего не будет. Он обещал мне, что постарается наладить отношения с женой и ребёнком.

— Как он может наладить отношения с женой, если всё время живёт на даче?

— У него больше нет дачи. Он мне её подарил. Так что теперь ему придётся возвратиться к жене в их московскую квартиру.

— Подарил дачу?! — воскликнула Марьяна. — Ну, Зоя, как же тебе это удаётся? Твои мужики открывают для тебя магазины, в которых ты выставляешь одежду, бесплатно занимаются расследованием твоей пропавшей дочери и дарят маленькие загородные домики. Мне, например, за всю жизнь ни один идиот не подарил ничего дороже пучка роз и коробки конфет. А уж от Юрки — раздолбая я не ожидала этого. Может, он и не так плох, как я считала? Или разлука с тобой пошла ему на пользу?

— Всё не так, как ты думаешь. Почему ты всё сводишь к деньгам? От магазинов Поль и Жак получают неплохую прибыль, а Юрке я возьму стоимость его дачи. Неужели ты думаешь, я возьму что-то просто так? У его ребёнка астма, и я обещала, что отвезу его на лечение в Швейцарию.

— Ладно, хорошо, — не сдавалась Марьяна. — А что на счёт Алексея?

— Алексей?! — Зоя задумалась. — Не знаю. Но он категорически отказывается брать деньги.

— Он любит тебя и рассчитывает на большее. Господи, Зоя, как я тебе всю жизнь по-хорошему завидую. С самых школьных лет ты купаешься в мужском внимании.

— А я завидую тебе. Ты приходишь домой, и тебя встречает твой сын. Это самое главное на свете. Мужчины приходят и уходят, и я даже не знаю, когда я больше радуюсь.

Марьяна сочувственно посмотрела на Зою, всякий раз не зная, что сказать, когда речь заходила о Кате. Зазвонивший на столе телефон прервал их беседу, заставив обеих погрузиться в рутину обычного рабочего дня со своими хлопотами.

— Знаешь, у тебя сегодня глаза блестят, — заметила Марьяна, когда Зоя на следующий день появилась на работе.

— Знала бы ты, как я провела эту ночь, не спрашивала бы, — улыбнулась Зоя и зевнула.

— Нетрудно догадаться. И кто был этот счастливчик? Я его знаю?

— Конечно, да, — Зоя усмехнулась. — И даже очень хорошо.

— Неужели сыщик вернулся из командировки, и твоё жестокое сердце, наконец, дало слабину?

— Нет, с Алексеем мы просто друзья.

— Ах, Зоя, — отмахнулась Марьяна. — Ты уже давно не девочка, чтобы верить во все эти глупости на счёт дружбы с мужчиной и женщиной. Я давно заметила, как он смотрит на тебя, когда заходит. Я не понимаю, о чём ты думаешь. Конечно, он не так эффектен и богат, как твой Жак, но всё же очень даже ничего. Смотри, непусти его. Ты же знаешь, в наши годы приличные мужчины долго одни не бывают. Столько баб одиноких, просто ужас.

— Ты говоришь в точности, как моя мама, — Зоя потянулась. — Ей тоже нравился Жак.

— Наверно, милая, и тебе он когда-то нравился, если ты задержалась в Париже на десять лет.

Зоя вздохнула.

— Тогда я была так одинока, что мне просто был нужен кто-то рядом. А Жак был так мил и внимателен. Конечно, мне не надо было этого начинать. Я надеюсь: он женится и будет счастлив. Но с Алексеем я не повторю этой ошибки.

— Ну, ты же не сможешь остаться одной до конца своих дней.

— Почему? Последнее время я вполне комфортно чувствую себя в одиночестве.

— И ты называешь это одиночеством? — Марьяна возмущённо забарабанила длинными ногтями по полированной поверхности письменного стола, за которым работала. — Уж, не знаю почему, дорогая подружка, но мужики просто дуреют от тебя в прямом и переносном смысле. Взять, например, твоего второго муженька Юрку. Я его недавно встретила в магазине, он так расспрашивал о тебе, словно и не было этих лет, которые вы провели порознь. Я уверена: он до сих пор в тебя влюблён. Только не понимаю, какого чёрта он тогда ушёл?

— Я тоже уверена, что он меня любит.

Марьяна внимательно посмотрела на подругу.

— Ты с ним разговаривала? — Зоя улыбалась. — Ты с ним виделась? О, нет! — вдруг выкрикнула Марьяна. — Только не говори мне, что этой ночью...

Зоя кивнула.

— Ты сумасшедшая. Сумасшедшая, — заключила Марьяна. — Теперь, когда за тобой ухаживают такие приличные мужчины, которых бы не упустила ни одна умная баба, ты снова сходишься со своим ресторанным гитаристом, будь он не ладен.

— Успокойся, ладно?

Зоя встала со стула, и, расправив складки юбки, подошла к окну, глядя на спящие мимо машины по Тверской и, вспоминая тишину и белоснежный снег на Юркиной даче. Иногда Зою раздражала Москва с её суетой и неутомностью.

Марьяна подошла к ней.

— Как я могу успокоиться, если моя подруга опять начинает старую песню.

— Ну, кто тебе сказал, что я начинаю?! Больше ничего не будет. Он обещал мне, что постарается наладить отношения с женой и ребёнком.

— Как он может наладить отношения с женой, если всё время живёт на даче?

— У него больше нет дачи. Он мне её подарил. Так что теперь ему придётся возвратиться к жене в их московскую квартиру.

— Подарил дачу?! — воскликнула Марьяна. — Ну, Зоя, как же тебе это удаётся? Твои мужики открывают для тебя магазины, в которых ты выставляешь одежду, бесплатно занимаются расследованием твоей пропавшей дочери и дарят маленькие загородные домики. Мне, например, за всю жизнь ни один идиот не подарил ничего дороже пучка роз и коробки конфет. А уж от Юрки — раздолбая я не ожидала этого. Может, он и не так плох, как я считала? Или разлука с тобой пошла ему на пользу?

— Всё не так, как ты думаешь. Почему ты всё сводишь к деньгам? От магазинов Поль и Жак получают неплохую прибыль, а Юрке я возьму стоимость его дачи. Неужели ты думаешь, я возьму что-то просто так? У его ребёнка астма, и я обещала, что отвезу его на лечение в Швейцарию.

— Ладно, хорошо, — не сдавалась Марьяна. — А что на счёт Алексея?

— Алексей?! — Зоя задумалась. — Не знаю. Но он категорически отказывается брать деньги.

— Он любит тебя и рассчитывает на большее. Господи, Зоя, как я тебе всю жизнь похорошему завидую. С самых школьных лет ты купаешься в мужском внимании.

— А я завидую тебе. Ты приходишь домой, и тебя встречает твой сын. Это самое главное на свете. Мужчины приходят и уходят, и я даже не знаю, когда я больше радуюсь.

Марьяна сочувственно посмотрела на Зою, всякий раз не зная, что сказать, когда речь заходила о Кате. Зазвонивший на столе телефон прервал их беседу, заставив обеих погрузиться в рутину обычного рабочего дня со своими хлопотами.

На маленьком столике в кафе уже давно остыло в чашках кофе, которое никто из них троих не выпил. Алексей рассказывал, не сводя внимательных глаз с Каролины и лишь изредка переводя их на Артёма. Каролина взяла бумажную салфетку, и Алексей сделал паузу. Одного взгляда на парня хватило бы, чтобы понять: он искренне влюблён той отчаянной первой любовью, которую иногда хранишь в душе, как самое дорогое воспоминание. Что будет с ним, если Каролина вернётся в Москву?

Наверно, никакой разговор в жизни не был так труден для Алексея, как разговор с этой девочкой, которую во что бы то ни стало надо убедить в том, что те, которых она считала родителями, бессовестно лгали ей всю жизнь. Он должен это сделать. Ради Зои. Как он сможет вернуться и посмотреть ей в глаза, если оставит Каролину с мыслью, что Зоя её бросила. Ему некогда было подбирать слова, поэтому он говорил то, что думал и надеялся на понимание. Всё-таки Каролина была её дочкой, хотя, конечно жизнь в Саратове с этими людьми повлияла на неё нелучшим образом. Да, она была сыта и модно одета, но было видно, как она задыхается в их мирке. Отсюда и её бравада, и экстравагантные наряды. Конечно, с Зоей она была бы другой, более утончённой и не такой колючей.

— Но почему я должна поверить вам, а не своему отцу, который воспитывал меня все эти годы? — отвлекла его Каролина, отбросив в сторону салфетку. Рядом с ней уже скопилась целая гора этих салфеток. — Может, моя мать просто одумалась? Сейчас, когда она стала такой известной, ей захотелось иметь рядом дочь. Ведь я уже выросла и со мной не столько хлопот, как с пятилетним ребёнком.

Алексей думал. А почему она на самом деле должна поверить ему, а не своему отцу, который растил и баловал её все эти годы? Его история, как ни странно, была больше похожа на правду, чем его.

— Сколько она вам заплатила, чтобы вы приехали сюда и убедили меня? — не унималась Каролина. Она всё время переходила эту грань, то плакала, что отец был так жесток с ней и лишил её матери, то снова начинала верить, что мать отказалась от неё.

— Она мне не платила, — быстро сказал Алексей. — Я скажу тебе больше: твоя мать не знает, что я нашёл тебя. Поехать сюда было моей инициативой. Я клянусь тебе, что я не взял с твоей матери ни копейки денег.

— Тогда почему вы это делаете? — удивилась девушка.

— Я следователь и хочу восстановить справедливость. Мне обидно за моих коллег. — Каролина скорчила гримаску, и он решился: — Я люблю твою мать.

— Вы её любите? — брови Каролины поползли вверх. Наверно, она, как и все молодые, эгоистически считала, что любовь бывает только в их возрасте.

— Да, люблю. Зоя не знает об этом, поэтому, — он усмехнулся, — я уж попрошу тебя сохранить мой секрет.

— А почему вы ей не скажете? Вы женаты?

— Нет, я разведён и хорошо понимаю твоего отца. Я тоже отчаянно скучаю по Алёнке и признаюсь тебе, что меня посещали подобные мысли.

— Вы не осуждаете моего отца? — удивилась Каролина. — Мне кажется, если я узнаю, что всё это правда и она, — Каролина не рискнула назвать Зою мамой, — любит меня, я его

возненавижу.

— Не надо, — Алексей накрыл своей рукой ручку с хищными коготками Каролины. — Прости его. Я ни минуты не сомневаюсь, что он любит тебя. Ведь ты же не можешь пожаловаться на плохое отношение?

— Нет, они оба всегда баловали меня. Даже слишком, — честно призналась девушка.

— Вот именно поэтому я не хочу ничего начинать, не посоветовавшись с Зоей. Я хочу, чтобы сначала вы встретились.

Показалось странным, но после признания Алексея в любви к Зое Каролина стала менее ершистой.

— Она приедет сюда?

Алексей подумал.

— Зоя может приехать сюда, но было бы лучше, если бы ты поехала со мной. Если согласишься, мы сядем на поезд, который отходит вечером, и уже завтра утром будем в Москве.

— В Москве, — мечтательно произнесла девушка. — Мне так понравилось в Москве. Я чувствую: это мой город. Я никогда не любила Саратов. У меня даже есть с собой паспорт. Но что мы скажем отцу? — нерешительно спросила Каролина.

— Спасибо тебе за это «мы», — улыбнулся Алексей. — Предоставь это мне.

— Вы позвоните ему?

— Конечно, чтобы они не искали тебя. Я просто уверен, у твоего отца не возникнет возражений.

Каролина нерешительно посмотрела на Артёма, который потрясённый услышанным, не принимал участия в разговоре. Он лишь переводил взгляд с Каролины на Алексея и иногда гладил её по руке.

— Как ты думаешь, мне стоит поехать сегодня в Москву?

Артём вздохнул. Его сердце уже заранее сжималось от разлуки. Он чувствовал, что теряет Каролину. Если она уедет в Москву, они расстанутся навсегда. Но он знал, что ей нужно ехать. Он тоже, как и Алексей видел её мучения. Особенно после того, как отец разрушил её надежды, что мать любит её. Именно после этого она начала курить.

— Тебе надо ехать, — Артём обнял её за плечи. — Да ты и сама это знаешь. Твоё место изначально было там.

— Спасибо, — Каролина поцеловала его в щёку. — Ты всегда поддерживаешь меня.

— А как же иначе, — пожал плечами Артём и посмотрел на Алексея. — Надеюсь, вам можно доверять.

— Естественно, Артём, — ответила за него Каролина. — Он же влюблён в мою... — она запнулась, но потом смело закончила — он влюблён в мою маму. — Алексей улыбнулся.

— Надеюсь, ты помнишь, что это наш секрет и не выдашь меня?

— Нет, конечно, — тряхнула головой Каролина и её глаза стали на минутку озорными. — А всё-таки мне непонятно, почему вы не скажете ей правду?

— Боюсь, у меня нет никаких шансов, — засмеялся Алексей, понимая, что теперь, когда он нашёл Каролину, Зое и вовсе будет не до него.

— Это всё из-за этого старого француза, который помог ей открыть магазин, да? В газетах пишут, что у них роман?

Алексей погладил Каролину по голове.

— Ты слишком увлекалась чтением жёлтой прессы. Там нет ни слова правды. Когда Зоя жила в Париже, она была замужем за его сыном, — Алексей намеренно превратил гражданский брак в замужество. — Но как бы то ни было, сейчас она живёт одна и, как и прежде надеется, что ты вернёшься.

Ещё в поезде, когда вдоволь наговорившись, Каролина устроилась с плеером на верхней полке, он вышел в тамбур и набрал Зоин мобильный.

— Здравствуй, Алексей, — услышал он её обрадованный голос. — Ты совсем пропал, не звонишь?

— Я был в командировке, — он улыбнулся. — Ты могла бы со мной завтра пообедать?

— Давай лучше у меня, — предложила Зоя. — Я собираюсь целый день работать. Что-то последнее время у меня совершенно нет вдохновения. Кажется, уже всё придумано до меня, — пожаловалась она. — Какая-то хандра напала.

— Ничего, милая, скоро всё пройдёт. — Алексей решил ничего не говорить по телефону. Он просто приведёт к ней её дочь. И даже лучше, что они придут прямо к ней домой, а не в кафе, как он планировал.

— Тогда договорились. Ничего не готовь. Я привезу всё из кафе. Лучше занимайся своей коллекцией, — сказал он, подумав, что когда Зоя увидит Каролину, ей уже будет совершенно не до работы. Им столько всего надо рассказать друг другу.

С утра Зое так и не удалось, как следует поработать. Сначала беспрестанно звонил телефон, а потом она решила всё-таки сбежать в магазин за чем-нибудь вкусненьким. К двенадцати она уже накрыла стол на двоих и, переодевшись в джинсы и футболку, вновь села за рисунки.

А в это время, Каролина и Алексей подходили к пруду. Увидев каток и детей на коньках, Каролина остановилась.

— Ну вот, тот самый каток, на который меня водила мама. Я запомнила его. А когда мы приезжали осенью, здесь был пруд и утки, но я всё равно узнала это место. — Она посмотрела на Алексея, в её глазах стояли слёзы. Он видел, что Каролина волнуется перед встречей с матерью. Алексей и сам волновался. Он похлопал её по плечу.

— У тебя хорошая зрительная память.

— Не могу поверить. Мне кажется, это сон. Проснусь и снова буду дома. Как здесь красиво. Неужели я буду здесь жить?

— Конечно. Я в этом уверен. Как мама-то сейчас обрадуется.

— А я ей понравлюсь? — робко спросила Каролина.

— Глупая девочка. Да разве может маме не понравиться её дочь?

— А вдруг мы с ней не поладим? Или не найдём общего языка? Она, наверно, такая вся... — девушка запнулась, не зная как охарактеризовать Зою.

— Она замечательная, — бодро сказал Алексей. — Всё будет хорошо. Можешь мне поверить. За то время, которое они общались, он успел привыкнуть к Каролине и увидел, что под внешней бравадой и желанием казаться старше, скрывается ранимый маленький ребёнок, которому отчаянно не хватало любви и понимания. Ведь ей только пятнадцать. Если бы она жила с мамой, она была бы совершенно другим человеком.

— Мне кажется, я сейчас умру от волнения, — призналась Каролина, выходя из лифта и

сворачивая в сторону нужной ей квартиры.

Алексей нажал на кнопку звонка, через минуту или меньше дверь распахнулась и на пороге появилась Зоя.

— Я не один, — быстро сказал Алексей, подталкивая Каролину вперёд.

Мать и дочь впились глазами друг в друга.

— Ты не узнаёшь меня? — тихо спросила Каролина.

— Катя?! — всё ещё не веря своим глазам, воскликнула Зоя.

Каролина кивнула. Алексей рассказал ей, что её настоящее имя вовсе не Каролина, а Катерина и она ещё в поезде решила, что если останется с мамой в Москве, то возьмёт прежнее имя и начнёт новую жизнь. Никогда больше она не сможет жить с отцом и Аллой.

Зоя быстро посмотрела на Алексея. В её глазах был немой вопрос.

— Да, Зоя, — подтвердил он, чувствуя, что слёзы щиплют ему глаза. — Я привёз тебе твою дочь.

— Боже мой, Катенька, — Зоя обняла девушку, прижимая к себе. Они обе плакали. Потом Зоя отстранилась.

— Дай же я посмотрю на тебя. Какая же ты красивая и взрослая. Где ты была все эти годы? Я думала, что тебя уже нет в живых. Как ты жила без меня?

— Всё нормально, — Каролина вытерла глаза, размазав тушь. — Они неплохо заботились обо мне, но я скучала без тебя.

— Этого не может быть. Солнышко ты моё. — Зоя снова обняла Катю и только тут обратила внимание, что девушка ещё стоит одетая.

— Ой, да раздевайтесь же скорее и проходите. Что же я держу вас на пороге? — Девушка скинула полушубок и стала снимать сапоги. Зоя повернулась к Алексею.

— Лёша, — она первый раз назвала его уменьшёнными именами и обняла, поцеловав в небритую щеку. — Спасибо тебе. Не знаю, как благодарить тебя.

— Всё хорошо, — он достал из кармана платок. — Не надо больше слёз. Вы теперь вместе, и я надеюсь, что больше никто не разлучит вас.

Каролина молча, наблюдала за ними, и когда Зоя повернулась к ней тоже подошла к Алексею.

— Я совсем забыла поблагодарить вас, Алексей. Спасибо, что справились с моим упрямством.

Каролина первой прошла по хорошо знакомому коридору в гостиную. Беглым взглядом, окинув светлую гостиную, поняла, что с тех пор здесь почти ничего не изменилось, лишь в вазе стояли свежие розы, и на полу лежал другой ковёр. Она посмотрела на закрытую дверь своей комнаты и остановилась, вопросительно глядя на Зою.

— Смелее, — на глазах Зои были слёзы. — Она осталась такой же, какой и была в тот день, когда ты ушла.

Каролина решительно распахнула дверь и вновь попала в своё детство. Маленький столик и стульчик, плюшевые игрушки и куклы, терпеливо дожидаясь хозяйку, слишком взрослую, чтобы играть с ними. Каролина опустилась на маленький стульчик и закрыла глаза. Всё было, как в тот день, когда они были здесь с Артёмом. Нет, гораздо лучше, потому что в дверях стояла её настоящая мама, которая ждала её все эти годы.

Зоя взяла в руки кенгуру и отдала девушке.

— Ты помнишь, что это была твоя любимая игрушка? Ты никогда не ложились без неё спать. — Каролина прижала к себе кенгуру. — Только маленький кенгурёнок куда-то делся. Надо поискать, — озабоченно добавила Зоя.

— Он остался в Саратове, — быстро ответила Зоя.

— Но я не помню, чтобы ты... — удивилась Зоя, чётко помня, что маленький кенгурёнок оставался дома после похищения Кати.

— Я забрала его, — улыбнулась сквозь слёзы Каролина. — Я нашла свой дом ещё раньше, чем мы встретились. Ты была в Париже.

— Ты была здесь? — воскликнула удивлённая Зоя. — Но как ты сюда попала?

— Была в Москве на экскурсии и узнала дом, в котором жила. А потом мы с Артёмом — это мой друг — вычислили квартиру. Тут жил какой-то смешной иностранец. Он напоил нас кофе.

— И ты всё вспомнила? Ведь тебе было всего пять лет, когда тебя увезли?

— У твоей дочери феноменальная память, если она надумает стать следователем, я возьму её к себе на работу, — вмешался Алексей. — Она не только всё вспомнила, она провела собственное расследование и уже задолго до моего приезда знала, что ты её мать.

— Почему же ты мне не позвонила? — воскликнула Зоя, а Каролина опустила глаза. Ей было стыдно признаться.

Алексей, видя её замешательство, пришёл на помощь.

— Зоя, у неё была не совсем правильная информация. Я уверен: Катя, он впервые назвал её детским именем, — всё расскажет тебе потом. А сейчас я всё же предлагаю отметить вашу встречу. Мы по дороге зашли в ресторан купили вкусной еды и бутылочку хорошего вина. Надеюсь, ты не будешь возражать, если твоя дочь выпьет пару глотков?

— Конечно, нет, — сказала Зоя, выходя из комнаты.

— Думаю, не стоит расстраивать твою маму, говоря ей, что её маленькая девочка пьёт пиво и курит, — шепнул на ухо Каролине Алексей.

— Да, — девушка улыбнулась. — Пусть это останется ещё одним нашим секретом. Обещаю, что больше не буду.

— Вот и славно.

— Я так счастлива, — призналась Каролина. — Мне страшно подумать, что было бы, если бы вы меня не нашли. Ведь я бы сама никогда сюда не приехала.

— Вот видишь, значит, мы с твоей мамой не случайно встретились в далёком Париже.

Каролина улыбнулась.

— Знаете, а я понимаю ваше увлечение: моя мама в жизни ещё красивее, чем на фотографиях.

— Ты помнишь, что она ничего не должна знать об этом?! — быстро спросил Алексей, подумав, что за полгода, протёкшие с их встречи на французской земле, его увлечение уже давно переросло в самую настоящую любовь.

— Я буду молчать, — сказала Каролина. — Хотя и не понимаю почему.

После разговора с Алексеем Руслан понял: для него всё кончено. Какое-то время он сидел, тупо уставившись в одну точку. Как этот сыщик смог найти их? Прошло десять лет. Как ему теперь жить? Каролина была единственной отдушиной в его несложившейся жизни. Он специально баловал и портил её, стараясь чтобы у неё было счастливое детство, которого был лишён сам. Он так гордился ей, когда она выросла и превратилась в настоящую красавицу. Его любимая девочка, его родная кровинушка, похожая на него каждой чёрточкой своего милого личика. Он никого не любил так, как её. Ну, ещё любил Зою в далёкие студенческие годы. Зоя! Он сжал кулаки. Зачем ей его девочка? У неё всегда было всё, что она пожелает, начиная с самого детства. А теперь она ещё стала известной фигурой в мире моды, в то время как он сам не добился ничего. Ничего! И это так грустно. Почему так получилось? Он живёт с женщиной, которую не любит, он работает на рынке обычным продавцом. А ведь когда-то ещё в школе и позже в институте, подавал неплохие надежды. Ему предлагали аспирантуру. Но тогда его это не интересовало. Он хотел только одного: жениться на Зое и быть счастливым.

Как глупо рассыпались мечты. Он почувствовал самую настоящую злость. Зойка использовала его, выкинула из своей жизни. Приняла сторону матери, вместо того, чтобы навсегда разорвать связь с этой развратной женщиной и остаться с ним. Все эти годы он жил, удовлетворённый тем, что забрал у бывшей жены самое дорогое. Он прекрасно знал, как Зоя любила Катю. Она тряслась над каждым её шагом и сходила с ума, когда та заболела. Несложно представить, что она чувствовала, когда они с Каролиной не вернулись домой. Месть придавала ему сил и наполняла мрачной радостью. Никто не смог ударить сильнее, чем он. Руслан был уверен: после исчезновения дочери Зойка сломается. Покончит с собой или опустится до самого низа, но она оказалась достаточно сильной. Смогла подняться. Он недооценивал её. И сейчас она снова победила: Каролина уже на пути в Москву. Руслан сжал виски руками и застонал. Каролина никогда не вернётся, как бы там всё не сложилось. Во-первых, она не из тех, кто прощает, а во-вторых, она любит Москву, и Зоя, как известный модельер со своими связями, окажется более полезной, чем работающий на рынке отец. Почему Бог так не справедлив? Почему отнял у него самое дорогое? Разве он не мог оставить ему Каролину? Ну почему одним достаётся и богатство, и слава, а другим ничего, кроме унижений? В его жизни всегда были только унижения, начиная с его детства, когда отец не признал в нём родного сына, а в жизни Зои всегда была только любовь. Её все любили, начиная с её проклятого одноклассника, всегда стоявшего между ними и заканчивая этим богатым французом, который продвинул её на вершину моды. Руслан встал. Ладно, хватит думать о ней! Он ещё не сдался. Он поедет в Москву. Он будет бороться за свою дочь. Он не позволит Зое снова одержать верх. Но сначала он выпьет.

Каролина проснулась поздно: всю ночь они проговорили. Мама ответила на её вопросы, ничего не скрывая. В их прошлом было слишком много лжи. Что было, то было, и она с готовностью представила свои поступки на суд дочери. Но, к счастью, Каролина всё поняла правильно. Главное: мама всегда любила её. А эта история с бабушкой и дедушкой — милый роман, которому не стоило придавать значения. Анализируя поведение отца, у девушки зародилась мысль, что он не совсем здоров: нормальный человек никогда бы не отнял дочь у матери. Конечно, живя в Саратове, Каролине не на что было пожаловаться. Она делала что хотела, а стоило ей что-нибудь пожелать, отец сразу покупал это. Но их семья была странной, и Каролина чувствовала это. К родителям не приходили гости, в их доме редко звучал смех. Нет, она никогда не вернётся туда. Пусть отец с Аллой делают что хотят, но она не сможет их простить. Она уже договорилась с мамой, что закончит десятый класс в Москве. Каролина улыбнулась. Она сразу влюбилась в этот город. Да и как можно не любить то место, где родилась? Теперь она сможет гулять по бульварам и ходить в театр. Она посмотрит все спектакли. Мама сказала, что рядом с их домом есть хорошая школа, но ей надо много заниматься, чтобы выйти на их уровень. Ну и что? Её это вовсе не пугает. Это там, в Саратове, она не хотела учиться, а в Москве она готова делать что угодно. Каролина босиком подбежала к окну. На катке уже катались дети. Каролина почувствовала себя счастливой. Наконец-то всё в её жизни встало на место. Она сможет кататься на коньках. Мама обязательно купит ей коньки. А как прекрасно будет назначать свидания в этом милом скверике. А какие головокружительные романы она заведёт в новой школе! Она услышала тихие шаги в гостиной и, оторвавшись от своих мечтаний, выбежала в гостиную. Мама в длинном халате убирала со стола остатки вчерашнего пиршества.

— Доброе утро, — Каролина прижалась к ней щекой.

— Доброе утро, Катенька, — Зоя посмотрела на дочь, такую взрослую в её длинной ночной рубашке.

— Ты не против, что я называю тебя твоим старым именем? — спросила она, убирая со лба её длинную чёлку.

— Вовсе нет. Новая жизнь и новое имя.

— Оно не очень новое, тебя крестили с этим именем.

— Так я крещёная? — Удивилась девушка. — Никогда не знала об этом.

— Зато знаешь теперь. Как-нибудь я покажу тебе эту церковь. Она очень красивая. Ну а сейчас давай завтракать. — Зоя растерянно улыбнулась. — Я даже не знаю, что моя дочь ест на завтрак?

— Бутерброды с колбасой и сыром или жареную картошку с мясом, если она остаётся от ужина.

— Вот это да! — рассмеялась Зоя. — Боюсь, тебе придётся привыкать к другой пище. Такие завтраки очень не полезны. Но сегодня, в виде исключения, конечно, можно поесть бутерброды.

— А что ешь ты?

— Мюсли с молоком или творог с фруктами. Иногда овсянку.

— И это всё?! Ну ладно. Я тоже буду привыкать, — с готовностью согласилась

Каролина. Сегодня она была так счастлива, что согласилась бы даже на морковку, которую терпеть не могла.

— Хорошо, пойдём на кухню. Ты мне поможешь. Да ещё, хотела тебя спросить. Куда бы ты хотела сегодня пойти?

— Сначала в твой магазин на Тверской. Он сегодня работает?

— Конечно, но даже если бы не работал, я бы открыла его для тебя.

— Мне не терпится посмотреть твои вечерние платья. А можно я буду тебе помогать?

Зоя погладила Каролину по щеке и улыбнулась, вновь удивляясь, что её увлечение шитьём передалось дочери.

— Конечно, можно. Но, — она подняла палец, — даже не мечтай, что ты будешь пропадать там вместо школы.

— Ну ладно, после школы.

— И после того, как ты приготовишь уроки.

Заметив печальный взгляд дочери, она добавила.

— Я понимаю, как ты не любишь делать уроки, и какой ерундой тебе всё это кажется. Я сама была точно такой же. Но ради твоего будущего тебе надо закончить школу. Ведь ты, наверно, захочешь поехать учиться в Париж?

— Я? В Париж? — Каролина хватала ртом воздух. — Ты отправишь меня учиться в Париж?

— А почему бы и нет?! Там хорошая школа модельеров. К тому же я часто там бываю по делам.

— О, мама! — Каролина обняла её. — Всё это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но, честно говоря, пока я не хочу уезжать от тебя.

— Это не обязательно делать в этом году. Пока тебе есть чему поучиться здесь. Это я говорю о твоём будущем, чтобы тебе не было грустно учить уроки.

— Мне не будет грустно, если я буду знать, что всю жизнь буду заниматься любимым делом.

Руслан пил уже неделю. Алла привыкла, что он всегда был любителем выпить, но никогда не думала, что он уйдёт в запой. Много раз она пыталась поговорить с ним, но её слова проносились мимо. Отсутствующий взгляд Руслана говорил, что его мысли далеки от её просьб и увещаний. Он был полностью погружён в себя. Алле оставалось лишь убирать пустые бутылки и надеяться, что когда-нибудь это закончится. «Хотя как это могло закончиться?» — в который раз спрашивала она себя и с содроганием смотрела на входную дверь. Она боялась, что Зоя подаст на них в суд и её посадят в тюрьму, как соучастницу. «Что будет с ней в тюрьме? — грустно думала Алла, сокрушаясь о своей бесполезной жизни. Нельзя было соглашаться на похищение Каролины. Что хорошего принесла эта избалованная девчонка в их жизнь? Несмотря на то, что Алла мечтала о ребёнке, она так и не смогла полюбить Каролину. Парадокс. Она, конечно, всё делала для неё, готовила, убирала, помогала с уроками, но искренне привязаться к ней так и не смогла. Каролина была слишком капризна, слишком энергична и с самого детства умело играла на чужих слабостях. У неё, Аллы, никогда бы не родился ребёнок подобного склада. Если бы у неё была девочка, она была бы тихой и безропотной, такой же, как она. Но Каролина! С её истериками и постоянными требованиями, с её друзьями и прогулками до ночи. Если бы не Руслан, она бы радовалась, что мать забрала её. Пусть сама возится с ней. Её интерес к парням не доведёт до добра. А эти её короткие юбки. Алла вздохнула. Стыд и срам. Она бы никогда не позволила родной дочери так одеваться. Она терпела Каролину и угождала ей только из-за Руслана. Он был светом в её жизни. Только ради него она могла вытерпеть всё, что угодно. Она и терпела. Но не её вина, что всё так закончилось. Конечно, девчонке будет лучше в Москве с родной матерью, тем более такой знаменитой.

Алла заглянула в комнату, Руслан махнул на неё рукой, чтобы она не мешала ему. Хорошо, хоть не бросил бутылкой, как вчера, когда она попросила его перестать пить. Алла зашла в комнату Каролины. «Наверно, она никогда не вернётся сюда», — подумала она, глядя на слишком хорошо знакомый беспорядок. Если бы можно было выбросить все её вещи и жить с Русланом вдвоём! Она бы сделала здесь спальню, а их комнату превратила бы в гостиную. Она бы заботилась о нём. Даже пошла бы на работу. Ей надоело сидеть дома и варить обеды. Она бы могла устроиться продавщицей в магазине или киоскёром. За годы в Саратове она истосковалась по общению. Руслан не разрешал никого приводить домой и даже разговаривать с соседями. Алле всегда было странно, что этот запрет не распространялся на Каролину. Ей было можно всё: приглашать в дом друзей, покупать безумно дорогие вещи. А для неё, Аллы, у него никогда не было ни денег, ни времени. Они никуда не ходили, ему неинтересен театр и кино, а уж о том, чтобы погулять по набережной Волги не могло быть и речи. После работы Руслан обычно заваливался на диван с пивом и требовал ужин. За ужином они обменивались какими-нибудь новостями. Алле нечего было рассказывать: она сидела дома, и каждый её день был похож на предыдущий.

«Куда уходит жизнь?» — вздохнула Алла, поймав своё отражение в зеркале встроенного шкафа, перед которым обычно прихорашивалась Каролина. Она ещё не успела переодеться

после магазина. Женщина с тоской оглядела свои дешёвые мешковатые джинсы и свитер с рисунком в полоску, который её полнил. Откуда у неё этот свитер? Ах, да, она забрала его у Каролины, когда та собиралась его выбросить. С тех пор, как они переехали сюда, и она стала домашней хозяйкой, у неё никогда не было модной красивой одежды. Руслан говорил, что ни к чему тратить на неё деньги. Вот она и ходила в обносках. Конечно, нужно было бы обновить гардероб, сесть на диету, возможно, записаться в фитнес центр или уж хотя бы заниматься дома. Но на всё это не было сил и желания. Руслан вряд ли заметит перемены, а делать что-то для себя она не привыкла. Если Руслан её бросит, она никогда не сможет начать всё сначала с другим мужчиной, она чувствует себя измотанной и выдохшейся.

Куда ушла её жизнь? Как она могла так глупо распорядиться этим сокровищем, дающимся лишь раз в жизни? Алла села за письменный стол Каролины и, ссутулившись, подпёрла щёку рукой. Машинально открыла верхний ящик и увидела журнал. Вытащила его и стала перелистывать. Очередной журнал мод. Каролина так любила красиво одеваться и делать всё своими руками. Она перевернула страницу и замерла, увидев фотографию Зои Яковлевой. Красиво уложенные волосы, улыбка, строгий деловой костюм. Ей никак нельзя дать и тридцати пяти. А ведь они ровесницы — ей тоже около сорока. Только Алла кажется старой, а Зоя молодой. Неудивительно, что Руслан так и не забыл её. Она всё ещё красива, её соперница. Да дело даже не в красоте. У этой женщины есть характер, она смогла пережить даже потерю родной дочери, в то время как она, Алла, всегда боялась чего-то, останавливала себя. Она закрыла журнал и снова подошла к зеркалу. Что же ей делать теперь? Острая боль разочарования и зависти сидела в ней занозой. Если бы она могла тоже делать что-нибудь полезное, добиться чего-нибудь! Если бы её кто-нибудь любил. Она мечтала о семье, пошла ради этого на преступление, надеясь на то, что когда-нибудь станет для Руслана если не любимой, то хотя бы необходимой. Она снова заглянула в комнату.

Руслан лежал на диване, глядя в потолок. Она примостилась на краешке дивана и с мольбой посмотрела на него.

— Чего тебе надо? — глухо прозвучал его голос.

— Руслан, скажи — я тебе хотя бы немножко нужна?

Он раздражённо повернул голову.

— Ты совсем дура, что ли?

— Руслан, неужели ты никогда не можешь сказать мне что-нибудь ласковое? Ведь даже собаку иногда гладят. Невозможно жить без любви.

— Невозможно?! — закричал он. — А продолжать любить её одну, мечтать о ней и ненавидеть одновременно возможно?

Алла поняла: он говорил о Зое. Она сама для него была лишь тенью, удобной бесплатной прислугой, которую иногда можно использовать, как женщину, ни мало не заботясь о её удовлетворении

— Неужели ты до сих пор любишь её?

— Не знаю, — Руслан сел на диване. — Думал, уехав из Москвы, я забуду её и начну новую жизнь здесь, но не вышло. А теперь она снова появилась и отняла мою дочь. Я жил только ради Каролины, но она уехала и даже не позвонила. Моя маленькая девочка.

— Но мы же можем жить и без неё. Ей будет хорошо в Москве. Она любит шить и Зоя...

— Не упоминай при мне это имя. Я ненавижу её! Она отняла у меня всё. Она разрушила мою жизнь. Я убью её и верну назад Каролину.

Алла была слишком расстроена, чтобы принимать его слова всерьёз. Он часто кричал «убью», если злился. Разочарование окутало её густым туманом. Она не нужна ему, несмотря на прожитые вместе годы. Только Зоя и их дочь имеют значение для него, а она пустое место. Впрочем, она всегда была пустым местом, тихой незаметной девочкой в школе, которая боялась выходить к доске, потому что весь класс смотрел на неё. Она предпочитала сказать, что не знает урока, только бы не стоять под взглядами одноклассников. У неё не хватало даже смелости попробовать поступить в институт. Знакомая уговорила закончить курсы секретарей, и Аллу взяли на работу в милицию. Там она встретила Руслана, и мир замкнулся на нём. Других мужчин в своей жизни она не представляла. Да и кому она нужна? Ведь ей уже сорок, и она выглядит отнюдь не так молодо, как другие женщины её возраста. Алла собрала остатки еды с журнального столика и пустую бутылку из-под водки и вышла из комнаты.

Руслан этого даже не заметил. Он сказал вслух страшные слова, которые до сих пор вертелись в голове. А ведь он на самом деле дошёл до такого состояния, что способен на убийство. Зоя заслужила смерть. Сколько боли и обид причинили ему она и её матушка. Особенно теперь, когда она снова украла Каролину. Более того, он воспитывал её гораздо дольше, чем она. Они прожили вместе десять лет, и он уже надеялся, что Зоя никогда не встанет на его пути. Ну что ж, она сама виновата. Опять грубо разрушила всё, что он создавал годами. Он ведь был хорошим отцом для Каролины, он заботился о ней, покупал ей всё самое лучшее. Почему только в нашей стране детей отдают матери? Зачем же тогда нужны отцы? Нет, он собирается исправить эту несправедливость. Он докажет всему миру, что отцы тоже имеют право на детей. Нельзя лишить нормального отца его собственного ребёнка, позволив этим женщинам творить всё, что они хотят. Руслан вспотел. На лбу выступили капельки пота. Он принял решение. Он убьёт Зою. Он не сможет спокойно жить, если будет знать, что она снова получила всё, оставив его в дураках. Он не отдаст ей их девочку. Он вспомнил о том, что в ящике у него до сих пор лежит пистолет, оставшийся после работы в милиции. Ему удалось скрыть это от начальства. Он поднялся и достал его. Пистолет легко скользнул в руку, охладив горячую ладонь. Он прицелился и прошептал: «Я отомщу тебе за всё». Странно, но теперь, когда он принял решение, ему стало гораздо легче. Алкогольный туман рассеялся. Надо побриться и собрать вещи. Он едет в Москву. Уже завтра всё будет кончено. Он убьёт её, он давно должен был это сделать, ещё тогда, когда она задумала расстаться с ним.

— Куда ты собрался? — в дверях ванной появилась Алла.

— В Москву, — отрезал Руслан.

— Ты не должен туда ехать! — вскрикнула Алла. — Не оставляй меня одну. У меня предчувствие, что всё кончится плохо.

— Молчи, дура! — он оттолкнул её. — Ты не должна вмешиваться. Твоё место на кухне.

Руслан запер за собой дверь, и Алла, понуро опустив плечи, побрела по коридору. В голове билась одна мысль: он уезжает, он бросает её. Её взгляд упал на сумку, с которой Руслан собирался ехать. Она привычно открыла её, чтобы проверить взял ли он с собой всё, что могло ему понадобиться. Её рука нащупала револьвер, и сердце похолодело. Он решил убить Зою. Он сумасшедший. Руслан вошёл в комнату и увидел Аллу у раскрытой сумки. Он наотмашь ударил её по лицу.

— Кто разрешил копаться в моих вещах?!

Алла покачнулась и оперлась на кровать. От ужаса она почти не чувствовала боли.

— Зачем тебе пистолет?

Он приблизил к ней своё лицо с выпученными глазами.

— Молчи, слышишь?! Если ты кому-нибудь скажешь, я вернусь и пристрелю тебя, как самую последнюю суку.

— Неужели ты сможешь это сделать? — прошептала Алла разбитыми губами.

— Можешь не сомневаться, — дико хохотнул он и бережно упаковал пистолет в сумку.

Алла повалилась на кровать. И так, всё кончено. Только сейчас она, наконец, поняла, что должна была понять давно. Руслан никогда не любил её, и она не должна была выпрашивать эту любовь.

Звук захлопнувшейся двери прозвучал приговором. Она встала и подошла к окну. Проследив, как Руслан завернул за угол, Алла вернулась в комнату. Она поняла, что ей нужно что-то делать. Если он убьёт Зою, его посадят, и милиция выйдет на неё. А она не вынесет тюрьмы. Она не хочет больше жить. Ей незачем бороться. В сорок лет измениться невозможно. К тому же у неё нет времени. Не сегодня, так завтра за ней придёт милиция. Обман будет вскрыт, её посадят за участие в похищении ребёнка. Она не выживет в тюрьме, да ей не для кого больше жить. Единственный человек, которого она любила и для которого пожертвовала всем, этого не оценил. Ему наплевать на неё, а уж ей самой всегда было наплевать на себя. И это было большой ошибкой. Надо было научиться жить и радоваться. Надо было любить себя самой, несмотря на одиночество и прошлые ошибки. Нельзя было позволять другим топтать себя ногами. Теперь слишком поздно. Алла прошла по квартире, равнодушно глядя на вещи: в основном всё было новым, купленным без её участия. Каролине можно было высказать своё мнение, её просто игнорировали, поэтому она перестала ходить с ними по магазинам. Да и какая разница — какой цвет обивки у дивана или марка у телевизора?

Хотя нет, всё имеет значение, всё значительно глубже, чем кажется. В основе лежит наплевательское отношение к себе, которое лишь усугубилось с годами. Алла подошла к окну и посмотрела во двор. Снег почти растаял, скоро наступит весна. Здесь в Саратове климат гораздо лучше, чем в Москве. Но она всё же не смогла полюбить этот город, а сейчас он казался ей особенно ненавистным. Здесь рассыпались её последние мечты создать настоящую семью. Что ей осталось? Ничего. Чем была её жизнь? Цепочкой бесконечных унижений. Да был ли хоть один человек в её жизни, который её любил? Мама. Да, наверно, мама. Она тоже была такой же забитой и не способной на любовь, как и сама Алла. Вот ведь парадокс — она всю жизнь искала любви и обычного женского счастья и всё готова была терпеть ради этого. Но чем больше она терпела, тем больше её втоптывали в грязь, каждый раз самоутверждаясь на её слабости и неспособности дать отпор.

Что же ей делать? Она снова прошлась по квартире. Наверно, уже скоро сюда нагрянет милиция. Уж лучше не дожидаться этого. Можно, конечно, собрать свои вещи и попытаться исчезнуть, но у неё уже не хватит сил вынести это второй раз. Тогда она пряталась, делая это для Руслана и вместе с Русланом. Одна она этого не вынесет. Она всю жизнь боялась одиночества. Алла залезла в аптечку. Глупо и банально, зато не так больно. Она такая трусиха, что не сможет выброситься из окна или перерезать себе вены. Уж лучше уснуть и никогда не проснуться. Она нашла пузырёк с таблетками. Вот это, наверно, подойдёт.

Главное, не выпить слишком много. Когда Руслан вернётся, он найдёт лишь её труп. Она не оставит ему записки. Достаточно того, что она знает, зачем она это сделала.

Алла высыпала таблетки на стол и налила в стакан воды. Зачем-то посмотрела на часы. Руслан уже, наверно, на вокзале. Только сейчас до неё дошло, что она может его остановить. Какой теперь смысл бояться его угроз, если она всё равно больше его не увидит? Надо попытаться спасти Зою. Конечно, она отняла от неё Руслана, но какая уж теперь разница? Она взяла телефон и набрала мобильный Каролины, молясь про себя, чтобы та сняла трубку. Длинные-длинные гудки. Конечно, она же видит, что звонят из дома. Определитель, который ставят на мобильные, не даёт возможности остаться неизвестным. Противная девчонка знает, что это она, отец всегда набирал ей со своего телефона. Лишь у неё не было мобильного, Руслан даже не разрешал ей использовать старый телефон Каролины, который та забросила. Говорил, что не хочет, чтобы она тратила лишние деньги. Алла всхлипнула от жалости к себе. Смешно, но почему-то именно этот незначительный факт показался ей сейчас ужасно обидным. Неожиданно трубку сняли. Только это была не Каролина, а какая-то женщина. Возможно, Зоя.

— Мне нужна Каролина, — хрипло попросила Алла.

— Кто её спрашивает?

Алла представилась.

— Каролина не будет разговаривать с вами, — холодно ответила Зоя. — Как вы ещё осмеливаетесь звонить моей дочери?

Руслан поехал в Москву с пистолетом, чтобы тебя убить. Будь осторожна, — Алла нажала на отбой раньше, чем Зоя могла ответить. Потом выдернула вилку из розетки и с чувством исполненного долга откинулась на спинку стула. Никто не должен мне помешать уйти из жизни. Пусть разбираются сами, мне уже нет до этого дела.

Руслан уже целый час следовал за Каролиной и Зоей. Выбирал подходящий момент. На улице было слишком многолюдно, а ему хотелось театрально появиться перед бывшей и выстрелить в сердце. В то самое безжалостное сердце, которое никогда не любило его. Ведь если бы Зоя любила его, она бы терпела и никогда не прогнала его. Но сегодня она получит сполна. Он приехал свести старые счёты и забрать свою дочь. Мысль, что его могут арестовать, не пугала его. Он сможет объяснить на суде, что действовал в состоянии аффекта: был в шоке оттого, что у него забрали Каролину. Никто не останется равнодушным к истории, которую он расскажет. Все знакомые и соседи в Саратове подтвердят, что он был хорошим отцом. Каролина простит его. У неё не будет другого выхода, она останется одна.

Наконец, Зоя и Каролина зашли в кафе. Руслан вздохнул с облегчением: повезло. Нет ничего лучше, чем внезапно появиться перед её столиком, бросить в лицо обвиняющую речь, увидеть её испуганные глаза перед дулом пистолета. Он потёр замёрзшие руки. Как же холодно! Он успел отвыкнуть от этого сумасшедшего города, который никогда не понимал. Зоя и Каролина выбрали столик у окна. Им подали меню. Руслан отошёл, чтобы собраться.

Зоя рассеянно просматривала меню. Вчерашний звонок Аллы не давал покоя. Что это было? Желание припугнуть? А если нет? Вдруг Руслан и на самом деле приедет в Москву, чтобы убить её или отнять Каролину? Она с любовью взглянула на дочь, которая отстукивала очередную смску Артёму. Второй разлуки не будет, она не отдаст Катю. Зоя вновь попыталась вникнуть в меню. Руслан вряд ли сможет пойти на убийство. Хотя... Мысль о том, что уже ни один раз она ошибалась в бывшем муже, заставила её беспокойно оглянуться.

— Мама, ты что? — спросила Каролина.

— Ничего, ищу официанта, — нашлась она.

— Ты уже выбрала, что заказать?

— Мне бы хотелось с ним посоветоваться, — Зоя бросила беглый взгляд в окно. Она, наверно, сейчас может и не узнать Руслана. Надо взять себя в руки. Ей удалось спокойно поговорить с официантом. Тревожное чувство не проходило. Зоя рассеянно поддерживала разговор. К счастью, Каролина, поглощённая едой, не задавала много вопросов. Зазвонил телефон.

— Здравствуй, Зоя, — услышала она голос Алексея и обрадовалась.

— Как хорошо, что ты позвонил. Мы сейчас обедаем с Каролиной в кафе недалеко от дома. Ты сможешь к нам подъехать? Мне надо поговорить с тобой. — Зоя всё же решилась ему рассказать о звонке Аллы.

— Конечно, буду через полчаса.

Пока Зоя убирала мобильный в сумку, не заметила, как к столику подошёл Руслан. Приготовленные слова вылетели из головы. Он смотрел на ту, которая сломала ему жизнь.

— Папа?! Зачем ты здесь? — вскрикнула Каролина. Он опустил руку на её плечо.

— Почему ты бросила меня?

Каролина отодвинулась, и его рука упала.

— Как ты мог так поступить?! Ты лишил меня родной матери, а когда я нашла её, заставил меня поверить, что она бросила меня.

Глаза Руслана сверкнули. Он сел на соседний стул.

— Я вижу над тобой основательно поработали, — Руслан уставился на Зою. — Почему ты не могла оставить мне дочь? Это было единственное в моей никчёмной жизни, что ещё было мне дорого. Всё остальное ты отняла.

В маленьком кафе, кроме них и занятых друг другом влюблённых, никого не было. Даже официант куда-то делся. Зое стало страшно. Она вспомнила о предостережении Аллы. Он сумасшедший. Господи, скорее бы приехал Алексей. Она заставила себя выпрямиться.

— Наши отношения выяснены давным-давно. На всякий случай напомним — только ты один виноват в том, что не смог спокойно принять роман наших родителей.

— Ах, роман наших родителей, — Руслан захохотал. — Забыл спросить, как они? По-прежнему живут вместе, или мой родитель уже нашёл кого-нибудь помоложе? Он всегда бегал за юбками.

— Они любят друг друга и до сих пор вместе, — спокойно заметила Зоя.

— Ах, любят друг друга! — глаза Руслана налились кровью. Зоя увидела страх в глазах дочери. — А я вот до сих пор люблю тебя. Понимаешь? И ни одна баба не смогла мне помочь тебя забыть! Чёрт бы тебя побрал, Зоя. Я ненавижу тебя. Зачем ты сделала это? У нас была бы хорошая семья: ты, я, Каролина. — Он снова положил ей руку на плечо. — Зачем ты выгнала меня?

— Всё это произошло десять лет назад. К чему ворошить прошлое? — попыталась успокоить его Зоя. — Ты причинил мне столько горя, отобрав у меня дочь, но я готова тебя простить, если ты исчезнешь из нашей жизни.

Она не успела договорить. Внутри у Руслана что-то заклокотало, он вскочил со стула и вытащил из кармана пистолет. Да как у неё хватило наглости снова предложить исчезнуть? Зоя поняла: Алла права. Руслан приехал убить её. Зоя вскочила. Его пистолет был нацелен ей в грудь. Надо остановить его. Всё это так глупо. Она перевела взгляд на Катю: девочка словно оцепенела. На побледневшем от страха лице жили только глаза, и в них был ужас.

— Не надо, Руслан. Остановись. Уверена, что мы можем найти компромисс.

— Никаких компромиссов. Ты сама во всём виновата. Ты разрушила мою жизнь. Ты заслужила смерть. Я должен был убить тебя ещё тогда, — его лицо скривилось, — когда ты выгнала меня. — Краем глаза Зоя заметила, что в кафе вошёл Алексей, она вскрикнула. Раздался выстрел.

Руслан услышал отчаянный крик Каролины и увидел, как вокруг них собирались люди, а какой-то мужчина, подоспевший сзади, заломил его руку. Пистолет упал на пол. Он смотрел, как на белой блузке Зои выступила кровь. У него получилось — он отомстил. Эта женщина никогда больше не причинит ему зла. Он крикнул:

— Каролина, — но девушка с ненавистью взглянула на него.

— Ненавижу тебя! Ненавижу! — Её лицо заливали слёзы. Она нагнулась над Зоей.

— Не трогай её, Катя, — крикнул Алексей, передавая Руслана подоспевшему милиционеру и устремляясь к Зое.

— Мамочка, не умирай, — рыдала рядом с Зоей Каролина, с ужасом наблюдая, как на белой блузке красное пятно становится всё больше и больше.

Алексей вызвал скорую и взял Зоину руку — пульс был слабым, но она жива. Её рана

казалась смертельной. Пуля, наверно, пробила сердце. Он почувствовал страшную усталость. Свернул свой пиджак и подсунул ей под голову. Казалось, скорая никогда не придет.

Врач поднялся после осмотра и посмотрел на Алексея.

— Вы её муж? — Алексей кивнул неожиданно для самого себя.

— Нужна немедленная операция. Скорее всего, пуля повредила важные органы.

— У неё есть шанс?

Их глаза встретились.

— Шанс есть всегда, — врач повернулся к санитарам.

Зою погрузили на носилки.

Алексей услышал сдавленное рыдание Каролины и подошёл к ней.

— Всё будет хорошо, — твёрдо сказал он. — Мы должны верить. Если не мы, то кто же?! — он обнял девочку за плечи.

В дверях Каролина оглянулась. На столе по-прежнему стояли тарелки с их недоеденным обедом.

Каролина и Алексей сидели в приёмной. С тех пор, как Зою привезли в больницу, прошло уже три часа, а врач всё ещё не выходил из операционной. Алексей посмотрел на девушку: та сидела, прислонившись к стене, глядя перед собой. Как бы ни было тяжело ему, ей гораздо тяжелее. Каково это, найти мать и тут же потерять? Хотя, о чём он? Нельзя так думать. Зоя должна выжить, она столько лет ждала встречи с дочерью. А ему нужно было это предвидеть и не оставлять Руслана на свободе. Или организовать Зое охрану. Ну что теперь об этом? Алексей вздохнул. Зоя слишком доверчивая, чтобы думать о людях плохо. Ведь она до последнего отказывалась верить, что это её муж организовал похищение дочери. Он снова посмотрел на Каролину. «Как долго», — прошептала она и вновь устремила взгляд на белую дверь, из которой должен появиться врач. Человек, который решит их судьбу. Алексей всегда относился с уважением к таким хирургам, которые вырывают людей из лап смерти. А действительно ли он хороший хирург? У них не было времени для выбора. Возможно, другой врач сделал бы что-нибудь большее для Зои. Алексей встал и вытащил из кармана пачку сигарет. Каролина посмотрела на него:

— Можно мне одну? Я знаю, вам не нравится, когда я курю. Я не буду, даю слово, если мама поправится, — в её карих глазах появились слёзы. Сейчас, когда косметика стёрлась, она выглядела на свои пятнадцать лет и по иронии судьбы казалась точной копией Руслана. Алексей кивнул, и они вышли.

— Может, выпьешь кофе? — спросил Алексей, когда они заметили киоск.

— Только сигарету. Не могу поверить, что отец это сделал. Он всегда так баловал меня.

— Я думаю, у него очередной нервный срыв, — Алексею хотелось утешить девушку.

— Мама рассказала эту историю про любовь моей бабушки и дедушки. Вы же знаете об этом? — Алексей кивнул. — Тогда всё и началось. А мне это кажется забавным, — губы Каролины дрогнули в улыбке. — Ну, конечно, чудно в их возрасте.

— «Любви все возрасты покорны».

— Мама сказала, что это было трогательно.

— Твоя мама — удивительная женщина, таких мало. У неё доброе отношение ко всему на свете, несмотря на то, что её жизнь никогда не была лёгкой.

— Я знаю, мама говорила, что ей никогда в жизни не встречался мужчина, на которого она бы могла положиться. Она всё время одна.

— Вряд ли так можно сказать.

— Знаете, Алексей, а мне кажется, вы зря молчите. — Каролина порывисто схватила его за руку. — Пообещайте мне сейчас, если... мама поправится, — её голос прервался, — вы скажете ей, что вы её любите и женитесь на ней.

Алексей погладил Каролину по голове. Он и сам сейчас жалел, что не решался даже обмолвиться об этом. Всё думал, что не время. А вот теперь, может, уже и поздно. Он снова остановил себя. Нет, он не должен так думать.

— Пожалуйста, — взгляд устремлённых на него глаз был таким умоляющим, словно его обещание могло спасти Зою. — Я не буду против, если мы будем жить вместе. Я так хочу, чтобы мама, наконец, была счастлива.

Алексей пожал её ледяную руку и кивнул. Слова застряли в горле.

Неожиданно в Зоинной сумке, которую Каролину взяла с собой, зазвонил телефон. Она посмотрела на экран.

— Боже мой. Это её мама. То есть моя бабушка. Что мне делать? Я не могу ей сказать, что мама... Телефон продолжал звонить.

— Не снимай трубку. Пусть Диана Дмитриевна думает, что Зоя занята или не слышит. Мы позвоним ей позже.

— Да, конечно, — Каролина бросила телефон в сумку. — Так будет лучше. Она уже старенькая. Вы же знаете, что мой прадедушка умер от сердечного приступа, когда я пропала? Господи, неужели мой отец мог такое сделать? Я не верю. Он же чудовище. Странно, что он всегда был так добр ко мне. Но я никогда, никогда не смогу его простить. Скажите, Алексей, а что с ним будет теперь? Его будут судить?

— Конечно.

— А что будет с Аллой? — С тех самых пор, как она узнала правду, Каролина перестала называть её матерью. Язык не поворачивался.

— Как соучастницу её тоже привлекут к ответственности. Сложно понять, зачем она пошла на это.

— Она полностью зависела от отца. Он издевался над ней, как хотел, и издевался бы ещё больше, если бы я за неё не заступалась. Она была такой жалкой, такой покорной. Такую женщину нельзя уважать. И всё же мне жаль её. Алла и тюрьма — вещи несовместимые.

— Ну, она знала, что шла на преступление.

— Всё ради отца. И что она в нём нашла? Он ноги вытирал об неё.

Алексей не знал, что ответить. Он вообще не представлял, что будет с Каролиной, если Зои не станет. Она ещё несовершеннолетняя. Отца посадят в тюрьму. Бабушка уже старенькая. Он затушил окурок. Нет, он не должен об этом думать. Зоя будет жить. Один шанс из тысячи, но он будет её.

Не успели они усесться на свои места, как дверь операционной распахнулась. Хирург выглядел усталым. На халате капли крови. Он уверенно подошёл к ним.

— Операция прошла успешно. Состояние остаётся тяжёлым, но я надеюсь, что всё закончится благополучно. — Он снял очки и вытер вспотевший лоб. — Хочу сказать вам, что это было чудо. Сердце останавливалось два раза. Но она возвращалась. Когда я уже собирался начать операцию, — она вдруг открыла глаза и сказала: «Я буду жить. Я хочу жить». Знаете, по опыту скажу, такие больные всегда выздоравливают. У неё сильный организм и железная воля. — Он улыбнулся Каролине и шутливо добавил: — Надеюсь, у тебя будет мамин характер.

Ободрённые словами врача, Алексей и Каролина вышли из больницы. Он отвёз девушку домой, и Каролина уговорила его остаться. Он и сам не хотел оставлять девочку одну. Представлял, как ей будет одиноко без матери в ещё чужой для неё квартире.

Они вместе соорудили лёгкий ужин из продуктов, найдённых в холодильнике. Потом Алексей решил позвонить Алле. Он и сам не знал, зачем он это делает. Телефон молчал. Он звонил до двенадцати и только потом решился спросить у Каролины, возможно ли чтобы

Алла куда-нибудь ушла в гости или уехала.

Каролина нахмурилась.

— У неё никогда не было друзей, и ей некуда идти. Разве что, — она замолчала, — она не поехала вслед за отцом в Москву.

— Ты думаешь, она могла это сделать? — задумчиво спросил он.

— Она не представляет своей жизни без него.

— Понятно, — ответил Алексей, анализируя ситуацию. Что-то здесь не сходилось. Если бы она решилась ехать за ним, она не стала бы предупреждать Зою. Может, они поссорились перед отъездом Руслана? Он сидел, барабанил пальцами по столу, выстраивая в голове то небольшое, что он знал о характере Аллы. Как всегда он пытался влезть в чужую шкуру. Что она почувствовала, когда узнала, что её любимый собирается убить соперницу?

— Катя, скажи, если бы ты внезапно выяснила, что твой любимый человек способен на убийство, чтобы ты сделала?

Каролина удивлённо посмотрела на него.

— Я бы рассталась с ним.

— Ну, хорошо, допустим. А что бы ты стала делать потом?

— Не знаю, — пожала плечами Каролина. — Нашла бы другого.

Алексей улыбнулся.

— Кого я спрашиваю?! У тебя совершенно другой характер. Скажи, а что ты думаешь, сейчас делает Алла?

— Не знаю, может, поехала за ним, как собачонка.

— Почему-то мне кажется, что это не так. Когда она звонила Зое, ей уже было нечего терять. — Алексей спохватился, ругнув себя, что пугает девушку. — Он посмотрел на часы. — Тебе надо выспаться. Да и я бы прилёг.

Каролина послушно поднялась.

— Я постелю вам в гостиной. Вы же никуда не уйдёте?

— Нет, не волнуйся. Я буду охранять твой сон, а утром вместе поедem в больницу. Надеюсь, что нам позволят увидеть твою маму.

Внезапно появившееся у Алексея подозрение требовало проверки, и он бы не хотел, чтобы Каролина слышала его разговор с саратовским отделением милиции. Он дождался, пока Каролина уйдёт в ванную и набрал номер. Впрочем, они уже всё знали. Ордер на арест Аллы уже лежал у них на столе. Они собирались заняться этим завтра. Алексей попросил проверить квартиру сегодня. Обеспокоенные тем, что они могут упустить её, они сразу отправились на квартиру. Алексей положил телефон на стол и потянулся за сигаретами. Странно, но сейчас он уже почти был уверен. Если только правильно её просчитал. Он мерил комнату шагами туда и обратно слишком взволнованный, чтобы думать о чём-нибудь ещё. Даже мысли о Зое отступили на задний план. Прозвеневший звонок подтвердил его подозрения. Крылова Алевтина Дмитриевна, она же Кольцова Алла Ивановна покончила с собой, приняв большую дозу снотворного. Смерть наступила более чем сутки назад.

Алексей повесил трубку и обессилено опустился в кресло. Итак, его расчёты подтвердились. После того, как Алла узнала, что Руслан собирается убить Зою, она решила оставить эту жизнь. Каролина была права: Руслан был единственным светом в её жизни. После того, как он уехал, она поняла, что всё кончено. Ну и ещё, наверно, не последнюю

мысль сыграл страх перед неизбежным обвинением. Зная свой характер, Алла должна была понимать, что в тюрьме не выживет. Алексей закрыл глаза, чувствуя страшную усталость. Неожиданно появившаяся перед ним фигура Каролины в халате заставила его вздрогнуть. Он так задумался, что не слышал её шагов.

— Вам кто-то звонил? Это не из больницы? С мамой...

— Нет, это не из больницы.

— Что-то ещё случилось? Скажите мне. Я не переношу, когда от меня что-то скрывают.

Пожалуйста.

— Сядь, — он кивнул ей на стоящее напротив кресло. Каролина в длинном Зоинном халате уселась, поджав под себя ноги.

— Каролина, я не знаю, как тебе сказать. Это касается Аллы.

— Что ней?

— Она покончила с собой.

Каролина закрыла лицо руками, и по вздрагивающим плечам Алексей понял, что она плачет. Наверно, это было последней каплей, до этой минуты она держалась молодцом. Он пересел на ручку кресла и обнял её.

— Не надо, не надо плакать. Ну что же делать теперь?! Наверно, так было лучше для неё. Ты же понимаешь, что она не выдержала бы тюрьмы.

— Да, понимаю, — Каролина повернулась к нему. — Но это так ужасно. Мой отец довёл всех нас. Он — убийца, убийца. Он хотел убить мою маму, он убил Аллу. Она так любила его, а он никогда не делал ей ничего хорошего. Я ненавижу его! Ну что за наказание иметь такого отца? Мне теперь всю жизнь будет стыдно за него.

— Перестань, — Алексей видел, что у неё начинается истерика. Слишком много всего случилось в этот день. Взрослому было бы тяжело, а она ещё ребёнок. Он пошёл на кухню, чтобы найти успокоительное, но нашёл только коньяк. Видимо, Зоя не принимала лекарств. Он вспомнил, что она говорила ему, что лечится от всех болезней коньяком. Он налил две рюмки и отнёс в комнату. Каролина уже не плакала. Её лицо было серьёзным и грустным. Он поставил перед ней рюмку.

— Надеюсь, твоя мама не рассердится на меня за это.

Девушка послушно выпила рюмку маленькими глотками. Потом встала.

— Простите меня за истерику. Я пойду спать.

Алексей вышел на балкон в одном свитере. Мороз обжег кожу. Он посмотрел вниз на желтые пятна фонарей в скверике. Вспомнил, как ждал Зою у памятника Крылову.

Каролина отперла дверь квартиры. Первый раз она осталась здесь одна. Скинув шубку и сапожки, прошлёпала к окну. «Катание на коньках с мамой придётся отложить», — подумала она и тут же утешила себя, что у них будет ещё много времени. В комнате зазвонил телефон, и Каролина поспешила к нему.

— Катя, — неуверенно произнесла Диана Дмитриевна.

— Да, это я, — отозвалась девушка. Она совершенно забыла о существовании бабушки и не позвонила, за что тут получила упрёк. Катя рассказала о походе в больницу.

— Не встаю с постели, а мне тоже надо было бы поехать, — посетовала Диана Дмитриевна.

— Вы лучше выздоравливайте, — Каролина подумала, что бабушку хватит инфаркт, когда она увидит свою дочь, опутанную трубочками и лежащую без движения.

— Почему ты называешь меня на «вы»? — удивилась Диана Дмитриевна. — Ведь ты же моя внучка.

— Я никак не привыкну. У меня никогда не было бабушки.

— О, не называй меня бабушкой, — в голосе Дианы Дмитриевны появились страдальческие нотки. — Когда ты была маленькая, ты называла меня бабусей.

Каролина еле удержалась от хихиканья. «Бабуся». Вспомнилась детская песенка — «Жили у бабуси два весёлых гуся».

— Хорошо, как скажете, — мягко сказала она. — Может мне стоит навестить вас? — вежливо предложила она. — Привезти продукты, например? Вы же не встаёте с постели.

— Нет, милая, спасибо, у меня всё есть. Андрей заботится обо мне. А мне бы не хотелось предстать перед тобой такой развалиной, какой я сейчас являюсь. Давай отложим нашу встречу, хотя бы неделю. Мы ведь можем пообщаться по телефону. Скажи, а твоего ненормального отца точно посадили? Он не сможет оттуда сбежать?

— Да, его посадили. Он ждёт суда, — сухо сказала Каролина, вспомнив какую боль причинил им всем её отец и всё равно почувствовала раздражение от слов Дианы Дмитриевны. Она вспомнила, как в выходные, когда она была маленькой, отец водил её в парк и катал на всех каруселях. «Он любил меня и любил маму», — вдруг подумала она.

— Как он с тобой обращался, пока ты жила с ним? — требовательно спросила Диана Дмитриевна.

— Мне не на что пожаловаться. Я бы никогда не подумала, что... — Каролина запнулась, такие слова, как покушение на убийство не шли с её языка применительно к отцу.

— Вот и Зоя моя доверчивая тоже так не думала. Впрочем, она всегда была слишком беспечной. Одна я знала, на что он способен. Ведь говорила же Зое, чтобы она не выходила за него замуж.

— Это дело прошлое, — примирительно сказала Каролина.

— Прошлое иногда возвращается, — философски сказала Диана Дмитриевна.

— Как там Андрей Валерьевич? — перевела разговор на другую тему Каролина. Она не могла назвать его дедушкой, но понимала его лучше, чем кто бы то ни был. Для него эта ситуация должна быть ещё более невыносима, чем для неё. Ведь это он и положил начало этому разладу, которому нет конца до сих пор.

— Конечно, переживает, — ответила Диана Дмитриевна. — Но что тут поделать? Да ещё и неизвестно сын ли он ему или нет.

Каролина вздохнула. Если Андрей Валерьевич и может себя тешить теперь надеждой, что Руслан не его родной сын, то с ней всё понятно. Она дитя несостоявшегося убийцы.

— Ты хочешь поговорить с ним? — спросила Диана Дмитриевна.

— Нет, пока нет, — испугалась Каролина. — Я не знаю, что ему сказать. Может быть, позже, когда мы все встретимся.

Каролина попросилась. Разговор с вновь обретённой бабушкой не принёс покоя. Она долго сидела, не вставая с дивана. Вспоминала отца, Аллу и свою жизнь в Саратове. Её родители всегда казались ей немного странными. В их доме никогда не было уюта и тепла, как и не могло быть в семье, построенной на обмане. Она даже не знала, что больше причиняло ей страдание: то, что он выкрал её ребёнком, или то, что он пытался застрелить её маму. Да что же он за человек?! И она его дочь. Она никогда не сможет этого ни забыть, ни простить. Она села на диван и расплакалась. Папа, ну как же ты мог так поступить со мной?!

Зоя поправлялась быстро. Несмотря на то, что Каролина навещала её каждый день, ей не терпелось выписаться домой. Хотелось быть рядом с дочерью. К тому же её ждало много работы. Нужно придумать летнюю коллекцию. Её радовало, что Катя с энтузиазмом отнеслась к её предложению нарисовать несколько эскизов летних платьев. Она нашла их вполне удачными. Несмотря на произошедшее несчастье, Зоя чувствовала себя почти счастливой. У неё была отдельная палата, телевизор, книги и возможность рисовать. Единственный, кто её огорчал, это Алексей. Он пребывал в каком-то подавленном состоянии, ссылаясь то на усталость, то на головную боль, но она чувствовала, что это отговорки. Она была благодарна, что он приглядывает за Катей, но не могла понять причины его внезапного охлаждения к ней. Наверно, у него кто-то есть, — решила она, в конце концов. Каролина несколько раз пробовала уговорить Алексея признаться маме, но он придумывал разные предлоги. И всё же она верила, что когда мама поправится, они будут вместе.

Была ещё одна вещь, о которой Зоя не переставала думать. Руслан находился под следствием, и дело отложили до Зоиноного выздоровления, с тем, чтобы она давала показания в суде. А что, если его оправдают или дадут условно? Маловероятно, конечно. Но даже если его посадят: из тюрьмы выходят, а Руслан — теперь она уже это точно знала — не прощает ни малейшего оскорбления.

Юра больше не приходил, хотя и справлялся о её здоровье через Катю. Зоя была рада этому. Единственный раз позволила себе вернуться в прошлое, но теперь всё кончено. Жак женился и укатил на медовый месяц на Гавайские острова, о чём не преминул сообщить его отец, навестивший её в больнице во время своего приезда в Москву.

— Он всё-таки сумел тебя забыть, — заметил довольный Поль, снисходительно глядя на Зою, устроившись на стуле, как на троне.

— Вы совершенно правы, — улыбнулась Зоя, вспоминая взволнованного Жака у своей постели, предлагающего ей в который раз свою руку и сердце. Как хорошо, что родители не знают всей правды о своих детях. Приезд Жака в Москву очень расстроил бы Поля. А, как он

бы переживал, если бы она действительно вышла замуж, да ещё и переехала к нему со своей взрослой дочерью? Нет, всё правильно. Жак не для неё. А кто же тогда для неё? Наверно, её удел всё-таки жить одной. От мужчин сплошные неприятности, а теперь вот ещё и проблемы со здоровьем. Но к счастью, у неё снова есть дочь. А мужчины? Их было так много, и они все по-своему любили её, да только ничья любовь не принесла ей душевного комфорта. Придётся научиться обходиться без них. Ведь теперь, ей есть, для кого жить.

В палату заглянул врач. Осмотрев Зою и справившись о состоянии её здоровья, он назначил очередные анализы.

— Ну когда же вы меня отпустите? Я уже совсем хорошо себя чувствую. Дома столько дел.

— Если анализы будут хорошими, к концу недели будете дома, — пообещал он.

После его ухода, вдохновлённая новостью Зоя, позвонила Каролине.

— Ой, я так рада. Мне одиноко без тебя, — в её живом голосе почувствовались нотки грусти. — Я сейчас же позвоню Алексею.

— Зачем?

— Он обрадуется. Мы вместе приедем забирать тебя.

— Не уверена, что надо ему звонить.

— Это ещё почему?

Зоя кашлянула. Ей казалось не очень удобным обсуждать эту тему.

— Мне кажется, он как-то переменялся.

— Мам, — в голосе Каролины слышался смех. — Ну ты, как маленькая. Он просто ревнует. Ты нравишься слишком многим мужчинам. А Жак — скажу тебе по секрету — совершенно выбил его из колеи своим парижским шиком. Если бы ты видела этот спектакль, когда все трое твоих мужчин одновременно появились в больнице?!

— Не думала об этом, — Зоя удивилась проницательности Каролины. Некоторые поступки Алексея можно объяснить ревностью. — Мне казалось, у него кто-то появился.

— Да кто у него может появиться?! Я ни разу не слышала, чтобы он разговаривал с женщиной по телефону. — Говорю тебе — это всё ревность. Так что, мужчин не знаешь?

— Похоже, ты лучше преуспела в этом вопросе, — засмеялась Зоя.

— Ой, мам, по второй линии Алексей звонит. Я поговорю и тебе перезвоню. Ладно?

Зоя нажала отбой и задумалась. Ревность? А что, Катя вполне может оказаться права. Она почувствовала, что ей стало легче. Она сама себе не признавалась, что холодность Алексея ранила её. Она привыкла к его звонкам и встречам, которые вдруг прекратились. Как же здорово иметь взрослую проницательную дочь. Она улыбнулась и взяла в руки карандаш и альбом. Ей вдруг пришла в голову идея нового фасона для платья.

Настал день суда. Зоя проснулась рано и долго лежала с открытыми глазами, думая, что ей предстоит ещё раз увидеть того, с кем в далёкие студенческие годы она собиралась построить счастливую семью. Это было её единственной мечтой, и по странному стечению обстоятельств именно это у неё и не получилось. Зато она смогла найти себя в мире моды и сделать удачную карьеру. Зоя улыбнулась. Как бы удивилась бабушка, если бы увидела её магазин на Тверской. Конечно, она понимала: если бы не помощь Жака, ей бы никогда бы не подняться на такой уровень. Ведь это на его деньги она открыла магазин в Париже, и он привёл к ней своих знакомых. Обратной стороны известности было, что вся история её отношений с Русланом опубликована в газетах. Неугомонные журналисты пытались взять интервью у её мамы и Андрея Васильевича, но, получив отказ, сфотографировали их гуляющих в парке.

Зоя надеялась, что мама не читает газет. Единственный, кто обрадовался всей этой шумихе, был Поль. Он сказал, что история с похищением дочери и покушением на её жизнь, принесут ту самую скандальную известность, которая увеличит продажи в магазине.

Зоя поняла, что уснуть уже не получится. Вчера легла поздно, сегодня проснулась чуть свет, так что выглядеть на суде она будет, как настоящая потерпевшая. Часы показывали семь утра. Она надела халат и вышла на кухню выпить кофе. Скользнув взглядом по полкам в поисках сахара, она увидела маленького слоника. Когда-то она подарила эту статуэтку Руслану на счастье. Интересно, как сложилась бы жизнь, если бы в их отношения не вмешалась история любви родителей? Жили бы они до сих пор вместе или расстались бы по другому поводу?

Из своей комнаты вышла заспанная Катя в пижаме и остановилась в дверях:

— Уже пора собираться?

Зоя подошла к ней, поцеловала в тёплую со сна щеку.

— Ты можешь ещё поспать.

— Нет, я побуду с тобой, — она откинула назад длинные волосы и опустилась на кухонный диванчик. — Налей мне тоже кофе.

К девяти за ними заехал Алексей. В деловом костюме и рубашке с галстуком он казался собранным и серьёзным. До здания суда дошли пешком. Дождавшись Диану Дмитриевну и Андрея Валерьевича, маленькой процессией вошли в зал и заняли свободные места на третьем ряду. Ввели Руслана. Он был чисто выбрит, одет в чёрную водолазку и синие брюки. Опустившись на жёсткую скамейку, он посмотрел в зал и сразу нашёл взглядом Зою, ощутив знакомое чувство ненависти. Бывшей жене снова удалось его переиграть. Рядом с ней сидит его дочь, а он опять одинок и всеми предан. У неё впереди блестящее будущее: свадьба Каролины и внуки, а у него — тюрьма и тяжёлый труд. Краем глаза он видел своего отца с опущенной головой и сидевшую рядом с ним Диану Дмитриевну со строгим выражением лица и безупречной причёской. Он собирался отомстить им за то, что они сделали с его жизнью, но ничего не вышло. Ну что ж, у него будет время, чтобы поведать свою историю.

— Встать! Суд идёт!

Руслан, наконец, поймал взгляд Каролины. Она смотрела на него, словно спрашивая: как такое могло произойти? Руслан сам не выдержал, опустил взгляд, а позже принялся наблюдать за женщиной, сидевшим рядом с Зоей? Кто он такой? Очередной любовник или нанятый детектив? Скоро понял: кто бы он ни был, он безнадежно в неё влюблён. Руслан перехватил несколько взглядов, которые тот кидал на Зою, и заметил, как тот коснулся её руки.

Руслан разозлился. Всю жизнь его бывшая меняла мужчин, как перчатки. И успеха-то добилась благодаря любовной связи со старым французом. А вот он так и не смог полюбить. В тюрьме ему сообщили о самоубийстве Аллы. Он ничего не испытал, даже жалости. Она ему была безразлична. Сначала он жил с ней, потому что ему было удобно, а потом ему была нужна женщина, воспитывающая его дочь и ведущая хозяйство.

так увлёкся воспоминаниями, что скорее увидел, чем услышал, как вызвали Каролину. Ну, конечно, её вызвали как Екатерину Яковлеву, а он за эти годы привык считать её Крыловой Каролиной, поэтому и не сразу отреагировал на её старую фамилию. Как сквозь пелену он видел свою дочь, которая неуверенно стояла на свидетельском месте, избегая смотреть на него. Руслан почувствовал, как от звука её родного голоса задрожали руки и вспотел лоб. После того, как её отпустили, девушка выбежала в коридор. В зале послышался шум, все обсуждали происшедшее, а Руслан впервые засомневался в своей правоте и спрятал лицо в ладонях, но сразу же поднял его, когда на свидетельское место призвали Зою Яковлеву.

Он смотрел, как его бывшая шла по проходу. Впитывал каждую деталь: туфли на высоких каблуках, строгий чёрный костюм и непривычно собранные в тугую пучок светлые волосы. Заметил темные круги под глазами, которые не могла скрыть никакая косметика. Наверно, впервые Зоя выглядела на свой возраст. Она шла очень прямо, высоко держа голову.

Иногда Руслан думал, что сошёл с ума. Во всём мире разводятся миллионы людей, вынужденных поддерживать отношения ради детей. Во всём мире детей оставляют матерям, делая предпочтение перед отцами и в этом их неоспоримое и, пожалуй, единственное преимущество. Любая женщина может подать на развод, уверенная, что её дитя останется при ней. Мужчины смирились с этим и держат фотографии своих чад в портмоне, соглашаясь на унижительные встречи по выходным. Почему же он не смог начать жить собственной жизнью? Почему всё время с тех пор, как они расстались, он воспринимает бывшую жену, как самого злейшего противника? Может быть, он всё ещё не может смириться с тем, что когда был счастлив, его отец вновь вмешался в его жизнь? Возможно, дело здесь было не только в Зое, а в этом проклятом четырёхугольнике.

Он посмотрел в зал и увидел их. Двоих уже пожилых людей, пришедших сюда, чтобы судить его, вместо того, чтобы быть судимыми им. Как несправедлива жизнь. Их ждут приятные прогулки по лесу, а его тюремная жизнь. Руслан наблюдал, как Зоя возвращается на своё место, и только тут осознал, что не слышал ни слова из того, что она говорила. Да ему это и не надо. Ему были важны только слова дочери. Мелькали вспышки фотоаппаратов, а Зоя спокойно шла по проходу, словно её вовсе не касалось то, что её жизнь вывернули

наизнанку. Как он ненавидит её за эту гордость! Если бы она хотя бы раз испугалась и попросила его. Но нет, она не из тех, кто унижается. Он заставил себя отвлечься и сосредоточиться на своей речи. Неважно, что говорят они, он поведает им свою правду. И пусть весь мир судит Зою Яковлеву. Он заметил, что в зал вернулась Каролина. То, что он собирался сказать, предназначалось в первую очередь для неё.

— Слово предоставляется...

Руслан встал, услышав свою фамилию, на ходу откинул со лба волосы, оглядел присутствующих. В зале воцарилась тишина.

— Вы все собрались здесь, чтобы вынести мне приговор, но я не боюсь этого, — его губы искривились в горькой усмешке. — Больше, чем я наказан, меня наказать невозможно. — Да, я пытался убить свою бывшую жену. Но я любил её. Я любил её со всей страстью, как только можно любить женщину. Я надеялся прожить с ней всю жизнь, воспитывая наших детей. Но судьба распорядилась иначе. Мой отец разрушил нашу семью ради интрижки с моей тёщей.

Руслан заметил, что на некоторых лицах равнодушие сменяется интересом, а мужчина со второго ряда смотрел на него с сочувствием.

— Поймите же, я всего лишь жертва, пытающаяся восстановить справедливость. После того, как я высказал тёще, что она разрушает нашу семью, моя супруга указала мне на дверь. Они выбросили меня из дома, как ненужную собачонку, несмотря на то, что я обожал свою дочь. Никто из них, включая мою жену, не подумал о ребёнке. — Он посмотрел на Зою и спокойно спросил: — Разве я не вставал к ребёнку ночью и не менял пелёнок, чтобы ты могла выспаться? Разве я не отдавал тебе все деньги до копейки или ты когда-нибудь видела, чтобы я посмотрел на другую женщину?

Зоя опустила глаза, чувствуя, что может расплакаться. Он говорил правду, в то же самое время искажая её до неузнаваемости. Ведь она рассталась с ним только после того, как на протяжении полутора лет он изводил её скандалами. Руслан повернулся к судье.

— Ей нечего сказать, потому что я всегда был хорошим отцом, что подтвердила моя дочь. Скажите, разве не доказывает то, что мужчина может не хуже матери воспитать собственного ребёнка? Тогда почему государство решает этот вопрос в пользу женщин? — Он вытащил из кармана платок и вытер вспотевший лоб. — Здесь, в этом зале, наверняка найдутся разведённые мужчины. Спросите их, они видят своих детей? Я могу ответить за них. Они видят своих детей только лишь тогда, когда это удобно их бывшим жёнам.

Алексей вдруг вспомнил о своей дочери Алёнке, мечтавшей жить с ним. Ну, что он мог сделать? Украсть её и оказаться на месте Руслана?

— Ближе к делу, — напомнил ему судья.

— По закону у меня не было никаких прав, и я решился увезти дочь, — продолжил Руслан. — Моя бывшая жена была к этому времени замужем, и я решил, что пора восстановить справедливость. Почему у неё должно быть всё, а у меня ничего? И я решил забрать то, что принадлежало мне по праву, — своего ребёнка. Я поклялся: моя дочь никогда не узнает лишения и будет счастлива рядом с любящим отцом. После развода я стал моральным калекой и не смог больше полюбить ни одну женщину. Я никому не доверял, потому что однажды моя жена предала меня. Я сосредоточился на дочери. Ради неё я работал на ненавистной работе, чтобы она чувствовала себя не хуже других. Да, что там

говорить, я жил ради неё. Я смотрел, как она растёт, превращаясь в красивую девушку, и гордился ей. Когда я понял, что у меня снова отняли единственное, ради чего я жил, ненависть и боль перепутались в моей голове, что я решился убить ту, которая снова появилась через десять лет, чтобы унижить меня. Я приехал в Москву и выследил её. Если вы спросите меня — жалею ли я о том, что пытался сделать, я скажу, что жалею только, что промахнулся. — Он посмотрел на Зою. — Тебе повезло, ты опять выиграла. Но из тюрьмы выходят, и мы сразимся ещё раз. — Он злорадно заметил, что Зоя побледнела.

Домой возвращались втроём. У Дианы Дмитриевны после суда поднялось давление. Вызвали такси, и они уехали. Катя была слишком подавлена случившимся, чтобы разговаривать. Зоя тоже молчала, Алексей не выдержал первым.

— Зоя, поверь, это была пустая угроза. Всё может измениться.

Она взяла его под руку.

— А я всё равно боюсь. Кажется, на этот раз ему удалось меня испугать. Мы с Катей так беззащитны. — Теперь она уже почти жалела, что не приняла предложения Жака и не уехала в Париж. Там до них было бы труднее добраться.

Алексей вдруг решился.

— Зоя, я понимаю, не самый удобный момент, но если я не скажу сейчас, я могу не сказать никогда. Выходи за меня замуж, и я клянусь, что вы всегда будете в безопасности. — Катя затаила дыхание и боялась поднять глаза. Вот он решающий момент.

Зоя удивлённо остановилась.

— Ты хочешь, чтобы я вышла за тебя замуж?

— Если ты готова терпеть меня рядом. Кроме того, — он посмотрел на Катю и подмигнул ей, — твоя дочь уже давно согласилась, чтобы я жил с вами.

— Соглашайся, мам, — сказала Катя. — Он давно любит тебя.

— Но ты мне этого никогда не говорил, — удивилась Зоя.

— Я полюбил тебя в тот момент, когда мы встретились в Париже. Тогда и решил, что ты станешь моей женой.

— Ну почему же я ничего об этом не знала? Я была уверена: мы просто друзья.

— Не хотел быть одним из многих. Вокруг тебя столько мужчин, которые более достойны тебя, чем я. И ты всегда казалась такой сильной и независимой. Я боялся показаться смешным.

— Тогда что случилось сегодня?

Алексей довольно улыбнулся.

— Сегодня я впервые вижу тебя испуганной. К тому же у меня есть неоспоримое преимущество перед другими претендентами на твою руку и сердце.

— Какое же? — спросила Зоя.

Он хлопнул себя по поясу, где у него всегда висел пистолет и просто сказал:

— Боюсь, что я единственный, кто может защитить тебя.

— Тогда сдаюсь, — Зоя шутливо подняла руки.

— Ты выйдешь за меня замуж только поэтому?

— Нет, я давно хотела сказать... — Зоя посмотрела на Катю, которая раскрыв рот, наблюдала за ними. Поймав взгляд матери, быстро сказала:

— Мне нужно прогуляться. Где-то здесь был магазин, в который я давно собиралась зайти, — она упорхнула прежде, чем они успели её остановить.

— Всё-таки она прелесть, — улыбнулся Алексей. — Понимает всё с полуслова. Иногда я удивляюсь, что ей всего пятнадцать.

Зоя грустно улыбнулась.

— Уже пятнадцать. Как мне жаль этих потерянных десяти лет, которые мы провели в разлуке. Я никак не могу привыкнуть к тому, что она такая взрослая. У неё уже есть мальчик, он ей каждый день звонит и собирается приехать на каникулы.

— Кстати, очень положительный молодой человек. Это именно он уговорил её выслушать меня. Впрочем, у Кати никогда не будет проблемы с поклонниками. — Он взял Зою за руку и посмотрел ей в глаза. — Так же, как и у её мамы.

— Всё это уже в прошлом, — отмахнулась Зоя. — Счастье не в этом. Я совершила слишком много ошибок.

— Я тоже, но сейчас у нас есть шанс начать с начала, словно ничего раньше не было.

— Да уж, — усмехнулась Зоя. — Какие наши годы?! Моей маме было пятьдесят, когда она встретила Андрея Васильевича.

— У тебя очень красивая мама. Они прекрасно смотрятся вместе.

Зоя благодарно улыбнулась, но даже признание Алексея не смогло полностью отвлечь её от грустных мыслей. Только сегодня она узнала своего бывшего мужа по-настоящему. Больше она не строила иллюзий, что, выйдя из тюрьмы, Руслан оставит её в покое. Но у них впереди есть время, и она попробует забыть о прошлом. Она посмотрела на Алексея и, остановившись, хотела поцеловать его в щёку, но он перехватил поцелуй. Остановились они только когда услышали деликатное покашливание проходившей мимо пожилой женщины с пуделем на поводке.

— В нашем возрасте неприлично целоваться на улице, — заметила смущённая Зоя.

— Хорошо, — Алексей выглядел счастливым. — У нас ещё будет время для этого. А сейчас предлагаю отметить нашу помолвку в каком-нибудь уютном местечке.

— Мне нравится твоё предложение, — Зоя взяла Алексея под руку, думая, что, возможно, у неё есть ещё шанс быть счастливой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net